

Мы работаем:
с 9.00 до 17.00 без перерывов и
выходных

Наш адрес:
346813 Ростовская область,
Мясниковский район, х. Недвиговка
тел.: (86349)2-02-48
t-meal: museum_tanais@mail.ru

Мы в соц. сетях:
http://www.museum_tanais.ru
<vk.com/tanaismuseum>

**Объекты экспозиционного показа
и экскурсии по музею-заповеднику:**

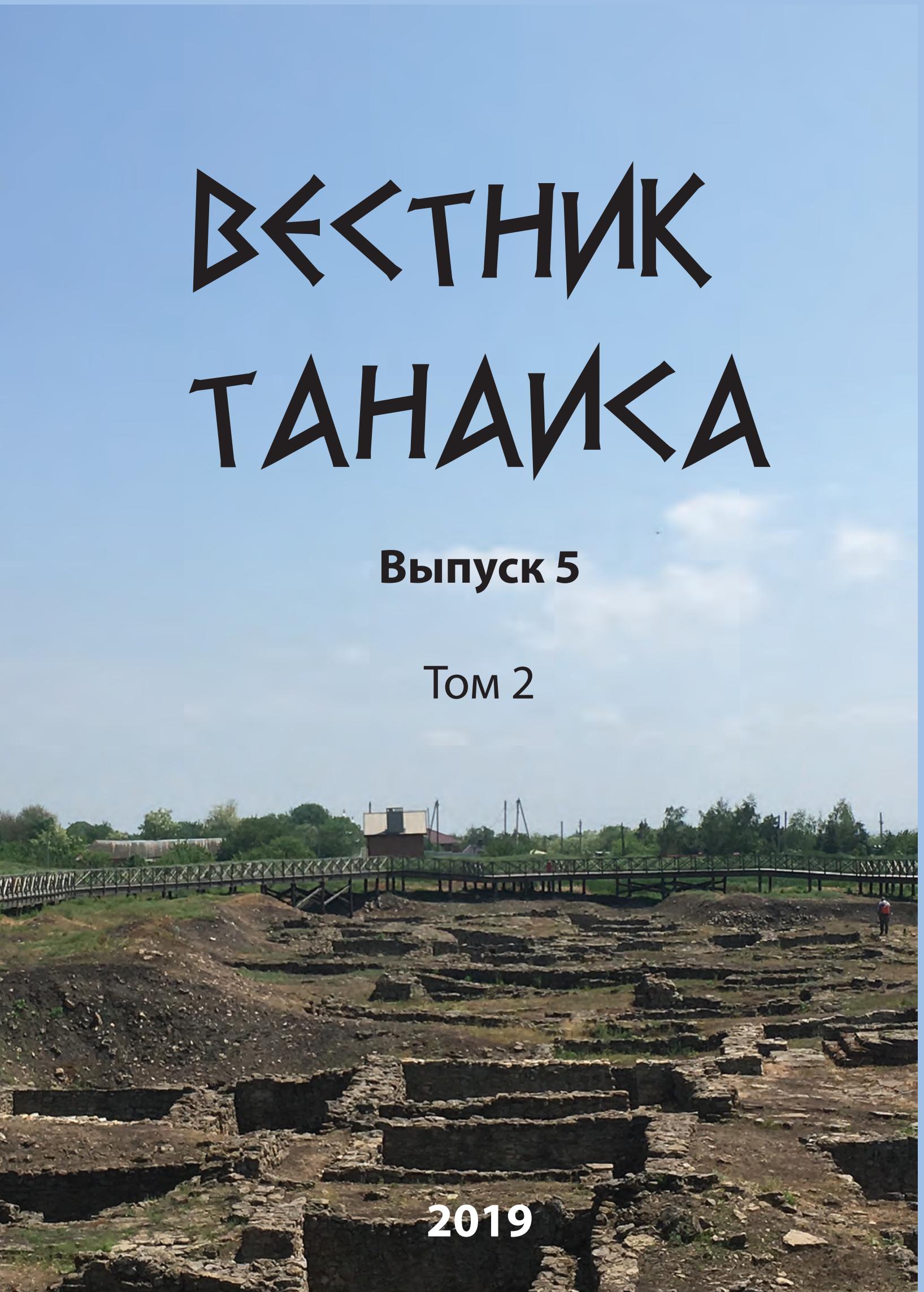
- Музей истории Танаиса
- Выставочный комплекс
- Городище Танаис-экспозиция под
открытым небом
- Музей исторического костюма
- Амфорный зал

**Исторические практикумы по
древним ремеслам:**
-”Глиняная азбука”
-”Войлок у древних кочевников”
“Город из песка”
и др.

Выпуск 5

**ВЕСТИК
ТАНАИСА**

2

ВЕСТНИК ТАНАИСА

Том 2

Альтаир
Ростов-на-Дону
2019

УДК 93 314.9, 502, 902, 908, 929, 930.2

ББК 28.588, 60.6, 63.3(2...), 63.4(2), 79

B38

Международная научная конференция «Археология античного Боспора и Причерноморья», посвященная 100-летию со дня рождения Дмитрия Борисовича Шелова, проводится при поддержке РФФИ, проект 19-09-20060.

Редакционная коллегия:

Ильяшенко Сергей Михайлович – ответственный редактор, зам. директора по научной работе ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», доцент кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, к.и.н.,

Масленников Александр Александрович – заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН, д.и.н.

Молев Евгений Александрович – профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, д.и.н.

Кияшко Алексей Владимирович – профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, д.и.н.

Вдовченков Евгений Викторович – заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, к.и.н.

Егорова Татьяна Валерьевна – научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, к.и.н.

Циркунова Инна Владимировна – главный хранитель ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Науменко Светлана Андреевна – старший научный сотрудник ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Базилевич Людмила Олеговна – заведующий сектором учета ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Герасимова Виктория Валерьевна – научный сотрудник ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Галушкино Елена Васильевна – научный сотрудник ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис».

Рецензенты:

Подосинов Александр Васильевич – заведующий кафедрой древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор, д.и.н.

Канторович Анатолий Робертович – заведующий кафедрой археологии исторического факультета Московского Государственного университета имени М.В.Ломоносова, доцент, д.и.н.

В сборник включены статьи участников Международной научной конференции «Археология античного Боспора и Причерноморья», посвященной 100-летию со дня рождения Дмитрия Борисовича Шелова (28-31 октября 2019 г.). Тематика сборника обусловлена широтой научных интересов Д.Б.Шелова: античная археология Боспора и Причерноморья; античная история Боспора и Причерноморья; античная нумизматика и эпиграфика.

B38 Вестник Танаиса №5. Том 2. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – 240 с.

ISBN 978-5-91951-568-5

ISBN 978-5-91951-570-8 (Том 2)

ББК 28.588, 60.6, 63.3(2...), 63.4(2), 79

© ООО «Альтаир», 2019

© Археологический музей-заповедник «Танаис», 2019

ФОРТИФИКАЦИЯ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

А.А. Малышев

Институт археологии РАН (г. Москва)

E-mail: maab64@mail.ru

Резюме: Раевское городище расположено на плоской пологой наклонённой в юго-западном направлении поверхности мыса, образованного впадением небольшого оврага в р. Маскага. Целенаправленное исследование его фортификационных сооружений было начато в 1998 году. В результате работ 2005–2013 гг. в его северо-восточном углу можно говорить о двухуровневой системе оборонительных сооружений крепости с центром (цитаделью) в северо-восточной части.

Ключевые слова: фортификация, Боспорское государство, башенное сооружение, антропогенный ландшафт, городище

Крепостное сооружение расположено в центральной части Анапской долины, вытянутой в широтном направлении. В устье долины расположена античная Горгиппия.

Достоинства городища, известного в XIX в. как Ногай-Кале (ногайская крепость), были убедительно показаны одним из первых исследователей этих мест В.И. Сизовым. По его словам, крепость буквально «царит» над мест-

ностью, и удобно расположена относительно речной и сухопутной коммуникаций в масштабах не только Анапской долины, но и всего полуострова Абрау (Сизов, 1889. С. 112). План, опубликованный В.И. Сизовым, свидетельствует о сложной системе фортификации города. На плане, опубликованном исследователем, крепость имеет очертания, типичные для фортификации нового времени – многоугольник валообразной насыпи с восемью выступающими наружу башнеобразными выступами-bastionами (Сизов, 1889. Табл. XXV). Вместе с тем раскопки в северо-восточном углу Раевского городища открыли руины, по мнению В.И. Сизова, «казармы раннеримской (?) эпохи», поэтому он датировал памятник античным временем и связал с «Синдской крепостью» Птолемея или «Аборакой» Страбона (Сизов В.И., 1889. С. 113–117, 132). Несмотря на многолетние раскопки на городище, целенаправленное исследование фортификационных сооружений начато только в 1998 г. работами в юго-восточной части города.

Стратегию ведения комплексных археологических раскопок фортификаци-

онных сооружений и культурных слоев Раевского городища, возобновленных в 1998 году, определяли результаты дистанционного зондирования природного ландшафта и вписанных в него объектов памятника на основе аэрофотосъемки (середины и третьей четверти XX в., а также космосъемка 2018 г.) и инструментальной съемки городища в пределах валообразной насыпи (Рис. 1). Дистанционный анализ ландшафта, в который была «вписана» крепость, позволил расширить вышеуказанные наблюдения В.И. Сизова. Городище расположено на плоской полого наклонённой в юго-западном направлении поверхности мыса, образованного впадением небольшого оврага в р. Маскага. Благодаря значительной площади водосбора оврага, прилегающие к городищу с юга пространства, скорее всего, были заболоченными. Беспрепятственный доступ к крепости в связи с этим был возможен с восточной стороны, по высокому берегу Маскаги. По античной традиции вдоль дороги, ведущей в город, простирался некрополь, на котором в 1998 году был исследован античный склеп (Александровский А.Л., Гольева А.А., Вязкова О.Е., Малышев А.А., Сmekalova T.N., 1999. С. 15-16, Рис. 8,9).

С запада, юга и частично с востока границы крепости очерчивает валообразная насыпь, северный и северо-восточный контуры образует высокий берег Маскаги. В плане городище имеет форму неправильного четырехугольника, превышение самых высоких участков городища над долиной р. Маскага (восточная и северо-восточная часть)

достигает 25-30 м, склон к реке крутой (45° , местами до $60-70^{\circ}$). Таким образом, с одной стороны, крайне сложный рельеф, вне всякого сомнения, стал основой фортификации крепости, с другой, он доставил много проблем строителям оборонительных сооружений. Абсолютные отметки территории городища находятся в пределах 50-61 м, поэтому укрепления приходилось возводить на высоту пять и выше метров.

В результате работ в северо-восточном углу в 2005-2013 гг. выявленный к югу от здания еще В.И. Сизовым участок стены, шириной около двух метров, был интерпретирован как оборонительная стена цитадели. Кладка, уложенная на культурный слой эллинистического времени, местами глубоко просела в хозяйствственные ямы (Рис. 2, 4). Таким образом, можно говорить о двухуровневой системе оборонительных сооружений крепости с центром (цитаделью) в северо-восточной части. Площадь цитадели – 0,12 га.

Стена, возведенная вдоль склона берега Маскаги, оказался несколько уже (ок. 1,2 м), основание стены впущено в материковую скалу. Исследованы фундаментные ряды, для которых характерна двухслойная лицевая кладка. Крупные блоки, как правило, уложены постелисто, тем не менее, встречаются и уложенные ложком. Каменный завал с внешней, северной стороны позволяет реконструировать стену на высоту до полутора метров.

Следы внутренней галереи вдоль этих стен не прослежены, что позволяет предположить их использование в каче-

стве сырцово-каменной изгороди трехчетырехметровой высоты. В контур оборонительных стен цитадели была включена расположенная на северо-восточном мысу башня (рис. 2, 3). Однокамерное, квадратное в плане здание (7×7 м) было сооружено на скальном основании. С западной стороны был устроен дверной проем, к которому вели ступени, сложенные из разноформатных блоков. Археологический материал позволяет предположить ее возведение в эпоху эллинизма.

С башни хорошо просматривалась значительная часть Анапской долины. Кроме того, она могла контролировать доступ к расположенному западнее цитадели проездному сооружению: на топосъемке и аэросъемке 1940-х гг. зафиксирован подъем на городище по гребню мыса (рис. 1, 2, 3). Относительно небольшой уклон позволяет использовать его не только для конно-пешеходного сообщения, но и для колесного транспорта. Доступ на цитадель, внутрь двора перед открытым еще В.И. Сизовым монументальным сооружением, которое занимало почти половину площади цитадели, осуществлялся, по-видимому, с восточной стороны. Он находился также под контролем сторожевой башни.

Кладки трех полуподвальных помещений с мощными (до 1,2 м) наружными стенами, а также целый ряд конструктивных решений сближает его с башнеобразными многоуровневыми сооружениями полуострова Абрау раннеримского времени. В частности, устойчивость двух или трехэтажного со-

оружения от продольной деформации¹, как и у здания у хут. Рассвет, обеспечивалась не только общей массивностью фундаментной части, но и возведенными с запада и юго-запада от внешних стен контрфорсами из установленных вертикально под наклоном в сторону здания массивных блоков (размером ок. $0,6 \times 1,4$ м) (рис. 2, 2).

О военном разгроме свидетельствуют и гибель сооружений цитадели в огне пожара, и многочисленные находки на разных уровнях развалин здания, а также на прилегающей площадке останков обитателей крепости разных возрастных категорий. Наиболее поздние нумизматические материалы этого периода – монеты Митридата III (38-45 гг. н.э.) – позволяют датировать эти события серединой I в. н.э.

Судя по всему, аналогичная фортификация – возведенные на материковой скале стены толщиной ок. 1,2 м – характерна для всего периметра высокого берега: западнее и южнее цитадели.

Как отмечалось выше, самым ответственным для крепости было восточное направление, вдоль высокого берега р. Маскаги. Строителям пришлось возвести фортификационные сооружения значительной протяженности (ок. 80 м) поперек склона оврага, имеющий перепад высот около 6 метров. Причем так, чтобы не просматривалась и не находилось в области поражения внутреннее пространство городища. В связи с этим, в основе фортификации – высокая, до пяти метров валообразная насыпь, сложенная, согласно раскопкам, из про-

¹ В широтном направлении зафиксирован метровый перепад высот на длину здания – ок. 19 м.

дуктов разрушения местных скальных пород. Не менее высоким оказался участок насыпи на юго-востоке крепости. Данные C14-датировки погребенной почвы, полученной при раскопках в юго-восточной части Раевского городища¹, а также некоторые стратиграфические наблюдения при исследовании крепостной стены у юго-восточной башни позволяют говорить, что интенсивные земляные работы по возведению оборонительного вала были начаты уже в эпоху эллинизма.

Прясла опираются на три наиболее значительные по размерам башенных сооружения: Восточное, Юго-восточное и Южное (1). Они сохранились до наших дней под насыпью пятиметровой высоты (Рис. 1, 3).

Их исследование было начато в 1998 году, когда была исследована юго-восточная башня, а также отрезки прилегающих оборонительных стен (Рис. 3) с помощью магниторазведки (д.и.н. Т.Н. Смекалова, СПбГУ). Она показала, что сооружение состояло из двух внутренних прямоугольных помещений (размер: 5,5×6 м и 5×6 м), сообщающихся между собой. Засвидетельствованная мощная положительная аномалия вызвана, по-видимому, тем, что внутренняя часть помещений намагнистилась в условиях сильного пожара. На поверхности обнаружены куски ошлакованной глиняной обмазки, происходящей

из разvala внутренней части башни и ее перекрытия.

Раскопки сооружения, которые продолжались до 2011 г., выявили однокамерную прямоугольную постройку из камня, размером 9,5×10,5 м. Сохранившаяся высота стен сооружения достигала четырех метров. Постройка оказалась на почтительном расстоянии от угла (около восьми метров), образованного восточным и южным участками валообразной насыпи. Сообщение с башней осуществлялось по длинному, не менее восьми метров, коридору галереи-потерны, шириной ок. 5,5 м.

На основании результатов магниторазведки (2009 г.) холма, расположенного в самой возвышенной, восточной части городища, было высказано предположение, что под насыпью находится башенное сооружение, вписанное в угол внешнего вала. Раскопками были открыты кладки стен (высота – до 1,9 м)² однокамерного в плане, многоуровневого сооружение, по-видимому, квадратного в плане³, размером 6×6 м. Южнее от здания расчищен участок оборонительной стены: каменное основание, укрепленное с внутренней стороны контрфорсами. Каменный цоколь перекрывала оплавившая кладка сырцовой стены, причем часть кирпичей в результате обжига в огне пожарища сохранили свою форму.

В 2013 г. начаты исследования сооружения Южной (1) башни (Рис. 1, 3). Рас-

¹ Погребенная почва под насыпью вала была датирована концом IV в. до н.э. (CAL BC 758 (403) 372 CAL BP 2708 (2352) 2322).

² Каменный завал с внешней стороны южной стены позволяет предположить высоту каменной кладки не менее трех метров.

³ По аналогии с Северо-восточной и Южной (1): к сожалению, северная часть сооружения оказалась разобрана на камень в новейшее время, поэтому общие размеры здания установить невозможно.

копками выявлено каменное основание однокамерного, квадратного в плане сооружения, высотой стен до трех метров и длиной 10,5 м. Как и Юго-восточная, она была вынесена за пределы крепости и сообщалась с ней через менее протяженную галерею-потерну.

В сложившейся фортификационной системе прослежена закономерность резкого снижения высоты валообразной насыпи и размеров башенных холмов с востока на запад. Зафиксировано также и резкое возрастание плотности башенного фронта (Рис. 1, 3), практически в два раза (до 40-50 м).

Заметный интервал (80 м) имеет юго-западный участок насыпи, расположенный на пути поверхностных и грунтовых вод. Поэтому он являлся своеобразной дамбой. Таким образом, переориентировка внешних контуров крепости в меридиональном по оси СЮ направлении объясняется стремлением обезопасить подступы не только к сооружениям цитадели, но и к источнику воды, важного для обеспечения автономности поселения в случае осады (Рис. 1, 3).

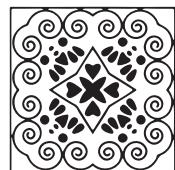
Стационарные раскопки показали, что башни представляли собой многоуровневые сооружения квадратной в плане формы, их высота, учитывая нуждающиеся практически в ежегодном уходе сырцовые кладки верхних этажей, вряд ли превышала, как и в остальных регио-

нах Северного Причерноморья, десятиметровый предел (Колтухов, 1999. С. 64). Каменные цоколи башен сохранились на высоту до четырех метров, прилегающие к ним оборонительные стены до полутора метров. Для обеспечения устойчивости стен фортификационных сооружений использованы крупные блоки из песчаника (особенно в фундаментных рядах), ступенеобразное расширение кладок к основанию и контрфорсы.

Археологические материалы из исследованных башенных сооружений свидетельствуют об их синхронности монументальному зданию, раскопанному Н.А. Онайко в северо-западной части крепости. Вместе с тем, по ее наблюдениям, валообразная насыпь и возведенная на ней стена, перекрыла руины эллинистического здания (Онайко, 1965. С. 129). В последние десятилетия археологические исследования велись и в юго-западной и западной частях валообразной насыпи крепости. К сожалению, не удалось пока выявить ни значительных строительных остатков, ни регулярных отложений, – все оказалось уничтожено в результате добычи строительного камня в новейшее время. Таким образом, хронологию эволюции юго-западной и западной частей фортификационных сооружений крепости еще предстоит определить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский А.Л., Гольева А.А., Вязкова О.Е., Малышев А.А., Смекалова Т.Н. Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) // Древности Боспора. 1999. № 2. С. 7-18.
2. Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: Сонат, 1999. 224 с.
3. Онайко Н.А. О раскопках Раевского городища // КСИА. 1965. 103. С. 125-130.
4. Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1889. II. 183 с.

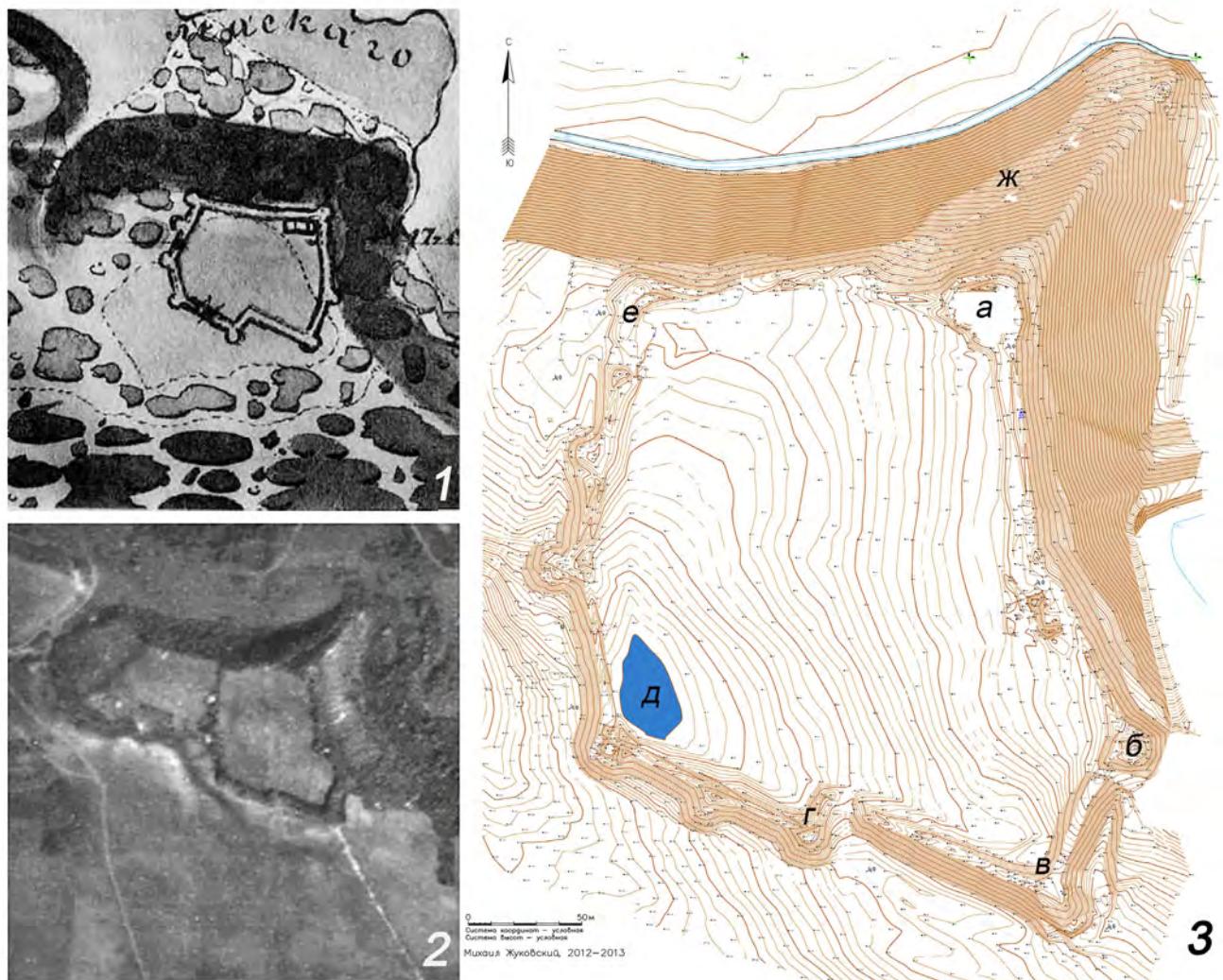

Рис. 1. План городища: 1 – план Раевского городища (Сизов, 1989. Фототипия XXV, 2);
2 – аэрофото городища и его окрестностей (съемка 03.10.1943 г.); 3 – топоплан городища
(вып. М.О. Жуковским): а – цитадель; б – Восточная башня; в – Юго-Восточная башня;
г – Южная (1) башня; д – предполагаемый водоем; е – монументальное здание эпохи эллинизма
(открыто Н.А. Онайко), ж – дорога на городище с северо-востока.

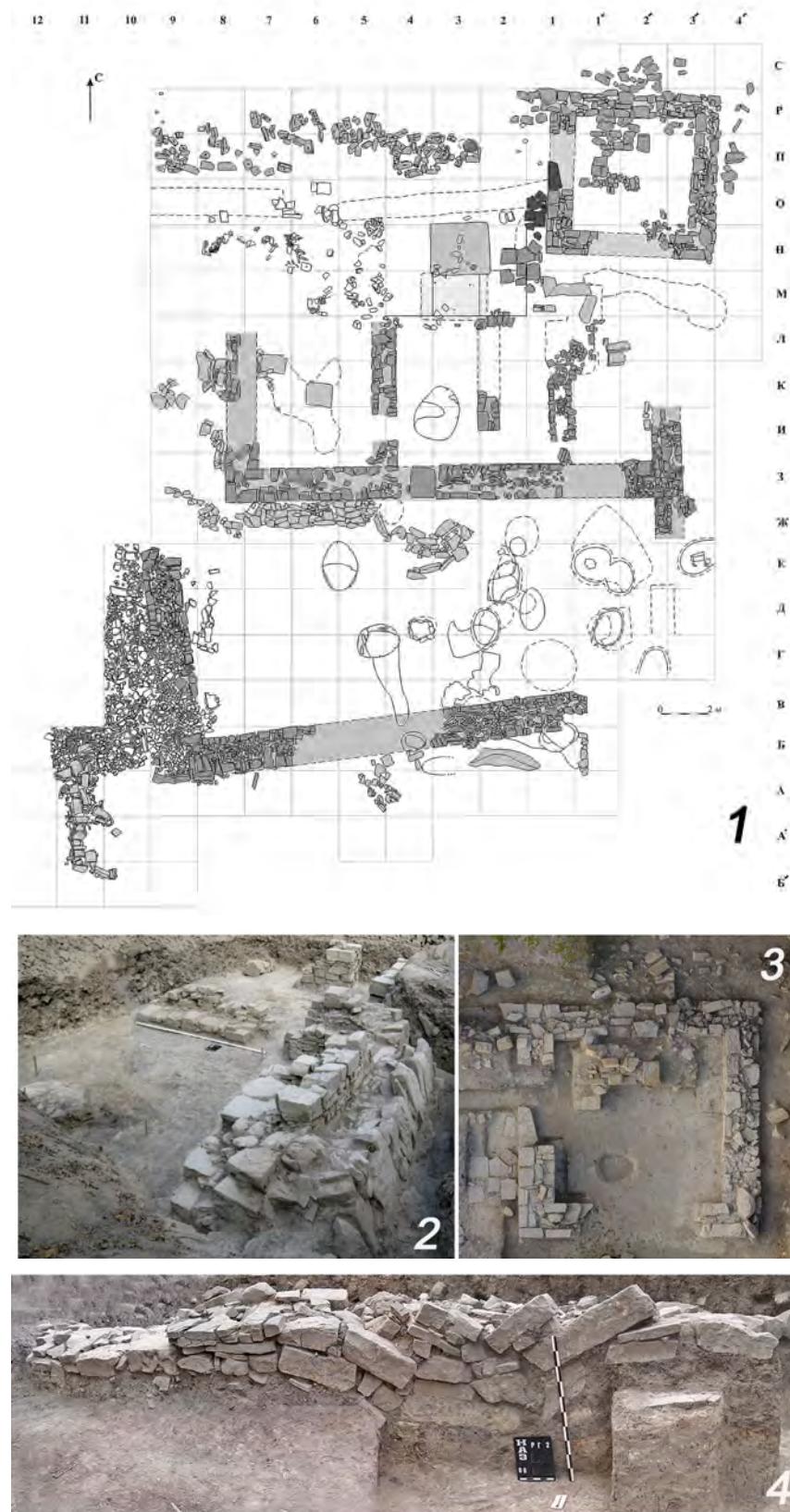

Рис. 2. Цитадель Раевского городища: 1 – план выявленных строительных остатков;
2 – система контрфорсов каменного цоколя монументального здания; 3 – башенное сооружение;
4 – просевшая в хозяйственную яму кладка оборонительной стены.

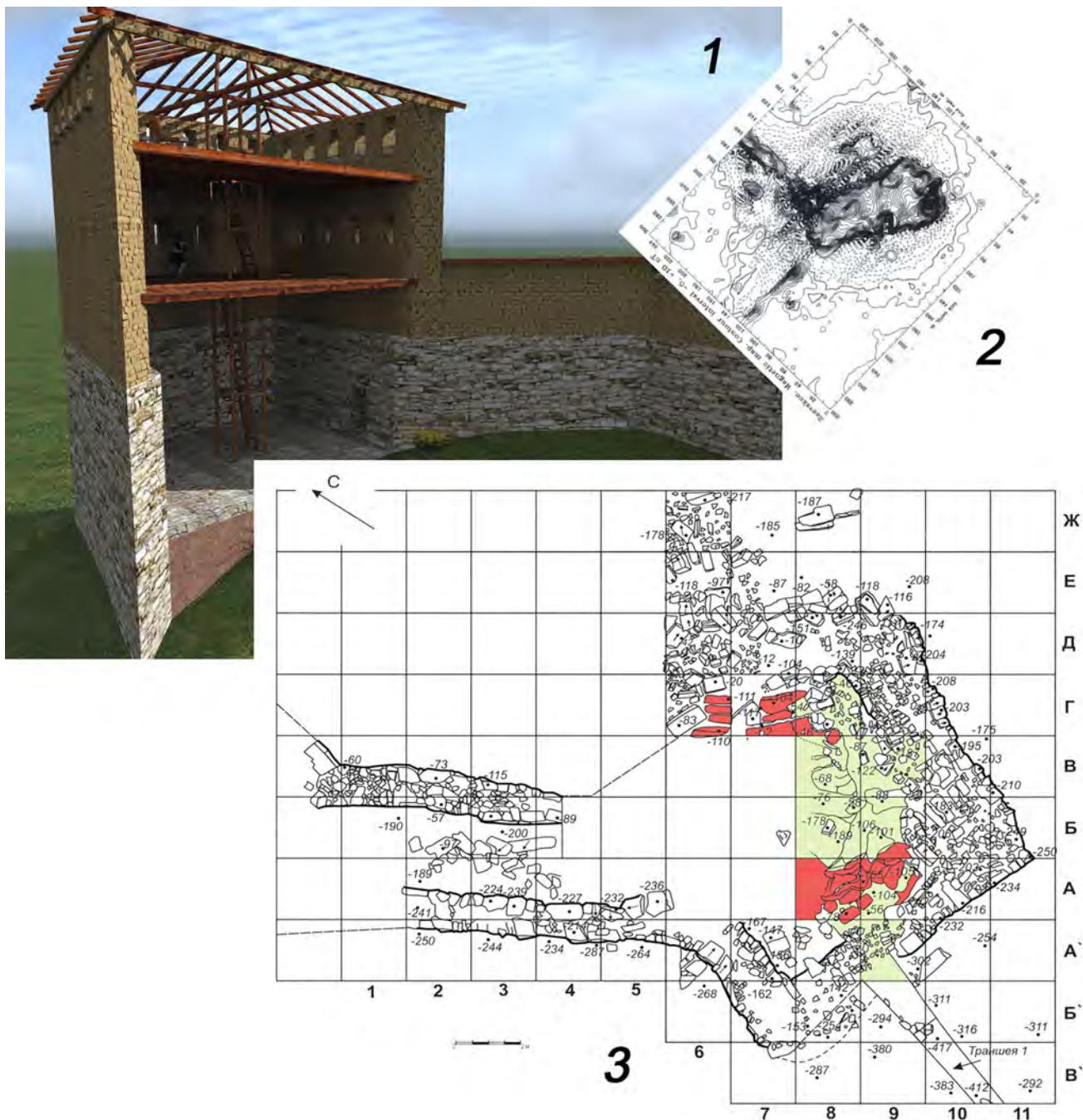

Рис. 3. Юго-Восточная башня: 1-3d-реконструкция сооружения (вып. В.В. Моор);
2 – результаты магниторазведки (вып. д.и.н. Т.Н. Смекаловой); 3 – план исследованных
строительных остатков.

ФОРТИФИКАЦИЯ ЗАПАДНОГО РАЙОНА ТАНАИСА¹

Матера М.

Институт археологии Варшавского университета (г. Варшава)
E-mail: marcinmatera1979@gmail.com

Исследования укреплений Танаиса привлекали внимание ученых практически с самого начала систематических раскопок на территории его городища. Однако система фортификаций западной части города являлась сравнительно слабо изученной, в сравнении с основным четырехугольником цитадели. До недавнего времени считалось, что она довольно простая, хотя раскопки, проводимые российско-польским отрядом экспедиции музея-заповедника в районе западных ворот, показали немного другую картину. Продолжение изучения западной оборонительной линии и ряд новых данных, полученных в ходе параллельных исследований С.А. Науменко на раскопе VI, позволили прийти к выводу о том, что западный городской район Танаиса обладал достаточно сложной и хорошо продуманной системой обороны.

Ключевые слова: Танаис, западный городской район, фортификации,

укрепления, оборона, эллинистический период

Танаис – античный город расположен на краю греческой ойкумены – занимал особое место на перекрестке античной цивилизации и степного мира варварских кочевых племен (Naumenko, Scholl, 2014, p. 187). Являлся он наиболее выдвинутым на северо-восток центром античной цивилизации². Отдаленность Танаиса от других центров Боспора вызывала своего рода изолированность города. Это, в свою очередь, обозначало то, что в случае угрозы жители Танаиса должны расчитывать на собственные силы и самостоятельно вести оборону (Naumenko, Scholl, 2014, p. 187). Результаты археологических исследований, проводимых на территории города, и раскрытие мощных фортификационных сооружений, как эллинистического, так и римского времени свидетельствуют, что вопрос обороноспособности являл-

¹ Статья написана в рамках проекта «Эллинистическая застройка Танаиса – фортификации и прилегающая городская территория. Продолжение исследований» финансированного Национальным Центром Науки (National Science Centre, Poland). Номер проекта: 2016/21/B/HS3/03423.

² Подробнее о локализации Танаиса: Книпович, 1949. С. 24; Шелов, 1970. С. 82; Arsenieva, Kozakova, Naumienko, Tolochko, 1998, Р. 53; Arsenyeva, 2003, р. 1050; Зубарев, 2005. С. 298–300; Scholl 2014, Р. 192–193

ся очень существенным для его населения.

Укрепления Танаиса привлекали внимание исследователей с самого начала истории изучения города. Уже И.А. Стемповский, которому принадлежит заслуга локализации местоположения Танаиса, описывая его территорию в письме И.П. Бларамбергу, отмечал: «Тут, на возвышенном и крутом берегу реки, нашел я следы, акрополя или цитадели, весьма сходной с Ольвийскою, но немного поменьше; укрепление это окружено глубоким рвом, и в некоторых местах, на валу, кучами земли и камней, показывающими основания башен» (Стемповский, 1824. С. 255; письмо периздано в 1854 г: Стемповский, 1854. С. 388). Фортификации города исследовались также во время первых археологических раскопок, проведенных в Танаисе П.М. Леонтьевым (Леонтьев, 1854. С. 409; смотри также: Ильяшенко, 2013. С. 159 и сл.; Ильяшенко, 2016. С. 201 и сл.). Изучение оборонительных сооружений продолжалось также с первых лет существования Нижне-Донской археологической экспедиции, проводившей систематические исследования Танаиса и его некрополя с 1955 г. (Арсеньева, Науменко, 2004. С. 29). Многолетние работы на разных участках городища принесли ряд интересных наблюдений, связанных с полным кругом вопросов, касающихся фортификационной системы Танаиса эллинистического и римского времени. Однако большинство из них относилось к восточной части городища, где исследовались западная и южная линии обороны (Коровина, Шелов, 1965. С. 18-23;

Шелов, 1970. С. 114–118; Арсеньева, Шелов, 1974. С. 126–130; Науменко, 2002. С. 163–170; Арсеньева, Науменко, 2004. С. 29–73; Арсеньева, Науменко, 2006. С. 18–61; Науменко, 2007. С. 40–65; Naumenko, Scholl, 2014, Р. 188 sq.; Ильяшенко, 2013. С. 163–176; Scholl, 2014. S. 208–210; Ильяшенко, 2016. С. 203–204), а также к северо-восточному участку крепостной стены (Шелов 1965. С. 113–115; Scholl, 2014, S. 208).

Не много по-другому представляется история изучения укреплений западной части Танаиса. Первые наблюдения, связанные с фортификацией этого участка городища, принадлежат Т.Н. Книпович, осматривавшей Танаис в 1928 г. Исследовательница пришла к выводу, что он был защищен внешней оградой в виде простого земляного вала (Книпович, 1949. С. 27). Похожее описание приведено М.А. Миллером, сообщающим следующее: «К юго-западному наружному валу городища снаружи примыкает еще какое-то дополнительное небольшое укрепление, которое состояло из вала и рва (...) Вал плохой сохранности, занят и частично разрушен современными постройками, сохранился на протяжении 192 м Снаружи вала в некоторых местах можно заметить остатки рва». Однако Миллер ошибочно считал, что «укрепление это ни в какой конструктивной связи с укреплениями Танаиса не состоит» и относится к позднейшим сооружениям (Миллер, 1958. С. 52).

Новые данные по фортификации этой части городища принесли исследования, проведенные в раскопах IX и XIII. Здесь были раскрыты остатки

северной и западной куртин. Это были двухпанцирные крепостные стены шириной от 2,75 м до 3,20 м с внутренним пространством, забитым бутовым камнем на глине. Фундаменты этих стен сооружены из крупных, плоских, грубо обколотых камней. Кладка стен, являющихся панцирями, нерегулярная, постелистая. Промежутки между большими камнями заложены более мелкими. Ширина панцирей колебалась в пределах 0,40–0,60 м (Болтунова, 1969. С. 105–107 и с. 121–123). Наличие оборонительного рва не засвидетельствовано. Д.Б. Шелов считал, что его: «безусловно, не было перед исследованной стеной (...)» (Шелов, 1970. С. 131). Однако в раскопе IX отмечен наклон поверхности материала с внешней стороны крепостной стены. В связи с этим А.И. Болтунова считала, что стена была построена по краю проходившей с внешней стороны ложбины (Болтунова, 1969. С. 107). Оборонительные стены западного участка города не имели башен (Шелов 1970, С. 130–131). Таким образом, укрепления этой части Танаиса являлись довольно простыми, по сравнению с укреплениями восточной части городища, где была открыта достаточно сложная система обороны. Эти сведения по укреплениям западной части Танаиса являлись единственными до конца прошлого века.

Совершенно новые данные и другую, более сложную, картину оборонительной системы западного района Танаиса принесли исследования, проводимые

российскo-польским отрядом археологической экспедиции музея-заповедника “Танаис” на раскопе XXV (Рис. 1). Участок расположен на западной линии фортификации западного района Танаиса, в 28 м к западу от раскопа VI (западный) и в 43 м к юго-западу от раскопа IX. Северная граница раскопа XXV упирается в раскоп XIII (раскопки 1962 г. Е.Г. Кастанаян), северо-восточная – соседствует с раскопом VII (раскопки 1957 г. Т.М. Арсеньевой) (Арсеньева, 1969. С. 98–103; Болтунова, 1969. С. 121–123; Болтунова, Каменецкий, Деопик, 1969. С. 7–8). На его территории были раскрыты остатки фортификационных сооружений, состоящих из оборонительного рва и двух куртин крепостных стен, защищавших городские ворота, а также ведущего к ним моста¹.

До недавнего времени считалось, что оборонительный ров, открытый на раскопе XXV и защищавший линию западной крепостной стены и городские ворота, имел довольно простую конструкцию. Он был вырыт в материевой глине. Его западный склон (контрэскарп) был пологий, а восточный (эскарп) - крутой, завершен каменной крепостной стеной. Ширина рва по верху достигала до 12 м, глубина доходила до 2,50 м (Scholl, 2005a. Р. 143; Scholl, 2005b. Р. 254; Шолль, 2008b. С. 180; Шолль, 2012. С. 12; Шолль, Матера, 2012. С. 483; Scholl, 2014. Р. 212–213). Однако работы последних лет показали, что оригинальная форма рва существенно отличалась. Ров в разрезе был,

¹ О системе укреплений, раскрытой на раскопе XXV, смотри: Scholl, 2005a, Р. 137–145; Scholl, 2005b. Р. 247–259; Шолль, 2008a. С. 308–309; Шолль, 2008b. С. 177–189; Scholl, 2009. Р. 167–173; Scholl, 2011a. Р. 58–60; Scholl, 2011b. Р. 299–303; Шолль, 2012. С. 11–16; Шолль, Матера, 2012. С. 482–488; Scholl, 2013. Р. 319–321; Scholl, 2014. Р. 212–216.

вероятно, трапециевидный. Нынешний его вид, зафиксированный во время археологических исследований, в большой степени является результатом долговременного воздействия сил эрозии. Длительное влияние сточных вод, разрушающих склоны рва, приводило к постоянному затеканию глины и грунта в центральную его часть (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 177, сн. 29).

В 2018 г. К. Мисевичем были проведены геофизические исследования с использованием метода измерений электросопротивления грунта. Тогда исследовался участок, прилегающий с юга к уже вскрытой раскопками территории раскопа XXV. Картина, полученная во время исследований, заставляет думать, что ров, вероятно, был глубже чем считалось до сих пор, а его придонная часть была вырублена в скале (Рис. 2). Эту версию подтвердили и результаты полевых работ 2019 г. В центральной части рва были зафиксированы затекшие прослойки материковой глины, перекрывающие культурные напластования (Рис. 3). Наблюдения за стратиграфией подтвердились также во время исследований перекопа, связанного, скорее всего, с попыткой очистки рва (Рис. 4). Его заполнением являлся зеленоватый глинистый слой с артефактами, предварительно датированными началом II в. до н.э. В заполнении перекопа находились беспорядочно лежащие горизонтально большие фрагменты скалы (Рис. 5). Их расположение свидетельствует о том, что они перемещены силами эрозии в углубление, созданное во время зачистки рва.

Иначе представлялись также оригинальные склоны рва. В статье, опубликованной в 2015 г., С.М. Ильяшенко, Т.М. Арсеньева и С.А. Науменко предполагали, что склоны рва были укреплены подпорными стенами, от которых сохранились подпрямоугольные канавы (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 184). На раскопе XXV две из них (канавы № 2 и № 3) были зафиксированы лишь на восточном склоне (эскарпе) и одна (канава № 1) на дне рва (Scholl, 2005a. Р. 143; Scholl, 2005b. Р. 254 и Р. 258; смотри также: Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 177–178). Однако на раскопе VI такие канавы были зафиксированы как на эскарпе, так и на контэрскарпе рва (Naumenko, Scholl, 2014. Р. 200; Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 181). По мнению исследователей, они являлись котлованами под подпорные стены, укреплявшие и предохраняющие склоны и крепостные стены от оползания (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 184). Работы последних лет, проведенные на раскопе XXV подтвердили эти предположения.

Оказалось, что западный склон рва (контэрскарп) был укреплен частично сохранившейся подпорной стеной (стена 26). Она была обнаружена в сезоне 2016 г. в западной части квадрата 27. В 2017 году в квадрате 31 открыт новый участок этой стены (Рис. 6–7). Стена № 26 ориентирована по линии СЗС-ЮВЮ. Кладка участка стены, раскрытоого в 2016 г., трехслойная, двулицевая, постелистая, состояла из средних камней, положенных на глинистом растворе с забутовкой более мелкими камнями.

В северной части кладки сохранился лишь один ряд камней, составляющий первоначально ее западный фас. Длина сохранившегося участка стены – 3,90 м, ширина – 0,80 м, максимальная сохранившаяся высота – 0,55 м. Участок стены № 26, открытый в сезоне 2017 г., плохой сохранности (Рис. 8–9). Стена, вероятно, также двулицевая, конструкция сложена на глинистом растворе, но сооружена из поставленных «на ребро» плоских плит известняка. Пространства между большими камнями были заполнены более мелкими. Длина сохранившегося участка стены – 1,70 м, ширина – 0,40 м, максимальная сохранившаяся высота – 0,45 м. Стена 26 расположена в линии, продолжающей ряд поставленных на ребро камней в квадрате 23, который был открыт в 2010 г. Этот факт позволяет предполагать, что это отрезки одной конструкции, укрепляющей контрэскарп оборонительного рва.

Похоже укреплен был также и восточный склон рва (эскэрп), где в 2017 г. были обнаружены остатки стены № 27 (Рис. 10). Она сложена поверх материка и ориентирована по линии С-Ю. Кладка однослочная, постелистая, состоит из крупных и средних камней, сложенных на глинистом растворе. Максимально сохранились три ряда кладки. В 2017 г. был расчищен в плане участок стены, длиной в 5,15 м, находящийся вдоль куртины I. Ширина стены – около 0,60 м, максимальная сохранившаяся высота – 0,65 м. (Matera, *in print*; Ильяшенко, Матера, Лех, Адамяк, Иващчук, Срочыньска, в печати).

Кроме подпорной стены (подпорных стен? – смотри ниже) эскарп рва был добавочно укреплен слоем мергеля, утрамбованного с материковой глиной. Сохраненная толщина этого слоя достигает 0,60 м. Составлял он горизонтальную платформу (берму) между западным фасом крепостной стены и подпорной стеной 27. Возможно, изначально он тянулся дальше на запад, а ширина бермы достигала 7,50 м. В поверхность этой платформы на несколько сантиметров впущены камни западного фаса крепостной стены (стены 8). Камни восточного фаса куртины – стены 6 впущены в материки. Забутовка оборонительной стены лежит непосредственно на уровне древнего гумуса (Рис. 11–12) (Matera, *in print*; Ильяшенко, Матера, Лех, Адамяк, Иващчук, Срочыньска, в печати). Такое конструкционное решение противодействовало оползанию крепостной стены в сторону оборонительного рва¹.

Благодаря работам последних лет удалось также доказать, что оборонительный ров был сооружен на месте естественной балки. О существовании балки свидетельствуют следы добычи глины, зафиксированные на её восточном склоне (Рис. 13–14). Как показывает стратиграфия этого участка, существовавшее здесь небольшое глинище использовалось до прокопки оборонительного рва и сооружения подпорной стены, укреплявшей его восточный склон, а также куртины крепостной стены. Доказательством этого является характер слоя заполнения глинища. Это практически стерильный слой, об-

¹ Об использовании подобной практики смотри: Блаватский, 1954. С. 94–95

разовавшийся в результате естественно-го затекания затекания древнего гумуса и бортов глинища (Рис. 14–15) (Matera, in print; Ильяшенко, Матера, Лех, Адамяк, Ивашчук, Срочыньска, в печати).

Каменно-деревянный мост, проходивший через ров имел своеобразную конструкцию. С северной стороны его опоры составляли две отдельные каменные стены (Рис. 1). Западная стена имела длину 7,50 м и ширину - 1,05 м. Восточная сена была длиной 3,40 м и шириной 1,00 м. Западная опора моста тянется перпендикулярно линии оборонительного рва, а также куртине I, фланкирующей с юга городские ворота. Восточная опора отклонена от прямой линии на север и почти перпендикулярна куртине II, защищавшей ворота с севера. Таким образом, ось моста имела в плане форму буквы V, открытой на север. С южной стороны моста его опоры составляли деревянные сваи, о чем свидетельствует присутствие ям для их установки. Удалось проследить две из них: яму № 18, расположенную на западном склоне оборонительного рва и яму № 19, локализованную на его восточном склоне. Они находились на расстоянии 2 м от северных опор моста. Обе ямы имели диаметр около 0,40 м. Прослеженная глубина ям - до 0,35 м. Оригинальная глубина обеих ям, судя по степени эрозии склона оборонительного рва, могла однако достигать 0,80 м. К сожалению, сильная эрозия разрушила остальные ямы пред-

назначенные для деревянных свай моста (Шолль, 2008а. С. 309; Шолль, 2008б. С. 180; Scholl, 2009. Р. 169–170; Scholl, 2011а. Р. 59; Шолль, Матера, 2012. С. 483–484; Scholl, 2014. Р. 213).

С запада основой подмостки являлась поперечная в отношении северной опоры моста стена № 3, длиной 2,20 м и шириной 0,40 м. Она перекрывала яму № 17, на дне которой был найден сложенный на каменной вымостке костяк собаки. Животное лежало на правом боку по линии В–З, с запрокинутой назад головой (Рис. 16). Вблизи лап собаки находился рог козы, а выше головы – 10 костей птицы (Арсеньева, Шолль, 2003. С. 93; Шолль, 2008а. С. 309; Шолль, 2008б. С. 182–183; Scholl, 2009. Р. 170–171; Scholl, 2011а. Р. 60; Шолль, Матера, 2012. С. 485; Scholl, 2014. Р. 213). Обнаруженное в яме № 17 захоронение собаки является примером типичного жертвоприношения, свойственного древнегреческой культовой практике¹ использованной при строительстве значительных общественных сооружений, в том числе фортификационных². Таким образом вполне допустимой является интерпретация комплекса ямы № 17 как строительной жертвы, где собака является символической стражницей и защитницей городских ворот (Scholl, 2005а. Р. 144; Scholl, 2009. Р. 170; Scholl, 2011а. Р. 60; Шолль, Матера, 2012. С. 485; Scholl, 2014. Р. 213; о интерпретации некоторых из так называемых «собачьих» захоронений как строительных

¹ Другие точки зрения придерживаются И.А. Емец и А.А. Масленников, которые обряд захоронения животных считают нехарактерным для греческой культовой практики и возводят его к практикам и традициям лесостепных земледельческих культур скифского времени (Емец, Масленников, 1992. С. 36–37).

² О жертвоприношениях собак в фортификационных сооружениях смотри: Молева, 2002. С. 121–123

жертв смотри: Вахтина, 2007. С. 141 и сл.; Звойкин, 2007. С. 42 и сл.)¹.

С системой обороны городских ворот и моста несомненно связаны остатки костра, раскрытые с севера вблизи от его восточной каменной опоры. Костер освещал мост ночью (Шолль, 2008b. С. 180), однако нельзя исключить еще одной его функции. Наличие костра в этом месте позволяло быстро поджечь деревянную часть конструкции моста во время неожиданного набега (Шолль, Матера, 2012. С. 485).

Следующим элементом, составлявшим систему обороны западной части Танаиса, являются куртины оборонительных стен и городские ворота. Ворота, шириной около 1,70 м, фланкированы с юга ориентированой по линии С-Ю куртиной I и с севера куртиной II, направленной по линии СЗС-ЮВЮ. Данные о конструкции самих ворот очень скучные. Вероятно, они были деревянными и скреплялись с помощью бронзовых оковок (рис. 17), одна из которых была найдена непосредственно в районе воротного проема (Арсеньева, Шолль, 2012. С. 12). Детали технических особенностей конструкции ворот, однако, археологически не прослеживались (Арсеньева, Шолль, 2012. С. 12; Шолль, Матера, 2012. С. 486).

Обе куртины крепостных стен - двухпанцирные конструкции с забутовкой, состоявшей из среднего и мелкого ломаного камня, утрамбованного вперемеш-

ку с глиной и мергелем. Панцири стен также сложены из крупных ломанных камней. Промежутки между большими камнями забутованы более мелкими. Ширина обеих куртин достигает 2,90-3,00 м (Scholl, 2014. Р. 214-215; Шолль, Матера, 2012. С. 485-486).

Куртина I к настоящему времени раскрыта на протяженности 20,5 м (Рис. 1). Она состоит из стены № 8 (внешний фас), стены № 6 (внутренний фас) и стены № 5 (торцева стена) (Арсеньева, Шолль, Матера, Науменко, Ровиньска, 2011. С. 90). Куртина I построена вдоль линии восточного края естественной балки, которую использовали для сооружения оборонительного рва. Во время постройки фортификации этот склон был укреплен подпорной стеной (стена 27) и, возможно, еще одной не сохранившейся стеной. О её присутствии свидетельствует канава, которая обнаружена к северу от конструкции моста на максимальной высоте восточного склона рва (эскарпа). Она находилась в 0,8 м к западу от канавы № 3, которая приблизительно совпадала с линией стены № 27. С.М. Ильяшенко, Т.М. Арсеньева и С.А. Науменко считают, что вырытая у основания эскарпа канава № 1 также являлась котлованом подпорной стены, исполнявшей одновременно функцию протейхизмы. Расстояние между куртиной и протейхизмой могло бы тогда достигать 7,50 м (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 184-185). В этом случае у осно-

¹ Об интерпретации жертвоприношений и связанных с ними действиях смотри: Тульпе, 2007. С. 193 и сл. Интересные наблюдения о захоронениях собак из поселения Голубицкая 2 представлены Д.В. Журавлевым, М.В. Саблинным и А.А. Строковым (Журавлев, Саблин, Строков, 2016. С. 34-37). Авторы приводят примеры сбрасывания в мусорные ямы умерших животных. Такие же ситуации были известны и на раскопе XXV, но комплекс ямы № 17 с полной уверенностью к ним не относится.

вания протейхизмы и на дне оборонительного рва создавался бы довольно большой мертвый угол т.е. сектор необстреливаемый из куртины крепостной стены. Вполне понятно, что греческие архитекторы, работая с фортификационными сооружениями пытались избежать таких конструкционных решений (Schramm, 2017. Р. 285–286). Однако существование протейхизмы является очень правдоподобным, хотя на нынешнем этапе исследований остается открытым вопрос - которые из зафиксированных археологически следов являются ее остатками.

Куртина II сохранилась значительно хуже куртины I. Направление и размеры куртины II восстанавливаются лишь благодаря остаткам кладки западного фаса стены 7 и нескольким камням кладки восточного фаса – стены 7а. Торец куртины II не сохранился. Зафиксировано только несколько перемещенных камней, которые, возможно, принадлежали торцевой стене куртины II (Арсеньева, Шолль, Матера, Науменко, Ровиньска, 2011. С. 88–89).

Вдоль обеих куртин крепостной стены проходила пристенная улица (улица «б»), шириной 1,50 м. Стратегическое значение улица «б» несомненно. Она позволяла быстро перемещать войска вдоль линии западной оборонительной стены (Шолль, Матера, 2012. С. 485–486).

Все выше приведенные данные свидетельствуют о существовании в западном районе Танаиса хорошо продуманной системы фортификаций, состоявшей из нескольких компонентов исполняю-

щих определенные роли в обороне этой части города.

Глубокий оборонительный ров, нижняя часть которого была вырублена в скале, во-первых, удерживал осадные орудия, а также пехоту противника на безопасном расстоянии, находящемся, однако, в зоне обстрела с обеих куртин, фланкирующих район въезда (Колтухов, 1999. С. 58), во-вторых, противодействовал подкопам, в соответствии с рекомендациями Энея Тактика (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 184).

Использование особой каменно-деревянной конструкция моста позволяло сжечь его деревянную часть и значительно усложнить атакующим подступ к городским воротам. В том случае, когда не удалось бы сжечь деревянную части моста, ворота от прямого удара разогнанным тараном обеспечивала ломаная ось самого моста (Шолль, Матера, 2012. С. 484; Scholl, 2014. Р. 213). Использование такой конструкции моста препятствовало также неожиданному набегу конных воинов, пытающихся ворваться на большой скорости в городские ворота. Кроме того, благодаря использованию ломаной оси моста, открывалось добавочное поле обстрела для защитников, стоящих на куртине I. Штурмующий ворота противник поворачивал налево откывая тем самым правую, не охраняемую щитом, сторону тела. Поражение противника с правой стороны обеспечивало расположение западных городских ворот, которые находились в нескольких метрах от пово-

рота на запад линии оборонительной стены (Шолль, Матера, 2012. С. 484).

Исследования последних лет принесли также ряд новых данных, позволяющих провести ревизию заключений о хронологии существования описанной выше системы укреплений. По мнению Т. Шолля ее постройка относилась к времени царствования на Боспоре Митридата VI Евпатора и была связана с грандиозной перестройкой фортификации западного Танаиса. К более раннему времени, т.е. II в. до н.э., относились лишь канавы на восточном склоне оборонительного рва, которые исследователь интерпретировал, как котлованы под фундаменты ранних оборонительных стен (Шолль, 2012. С. 11–13; Шолль, Ровиньска, 2012. С. 52; Scholl, 2013. Р. 320–321; Scholl, 2014. Р. 212 и сл.). Иную точку зрения высказали С.М. Ильяшенко, Т.М. Арсеньева и С.А. Науменко, по мнению которых вся система укреплений, открытая на раскопе XXV, была создана единовременно в начале – первой половине II в. до н.э. (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015. С. 179)

В 2017 г. был сделан стратиграфический разрез куртины I и улицы «б» (Рис. 14–15). Его изучение показало, что система укреплений западного Танаиса была создана единовременно уже в начале заселения этой части города. Как упоминалось выше, камни восточного фасада куртины впущены в материк, а её забутовка лежала непосредственно на уровне древнего гумуса. Западный фасад куртины I перекрывал небольшое глинище, которое находилось на склоне естественной балки, существовавшей на этом месте

еще до сооружения оборонительного рва. Слой заполнения глинища возник естественным образом, в процессе затекания древнего гумуса и его бортов. Кроме того, вымостка пристенной улицы «б» была сложена на небольшой мощности слое, залегающем непосредственно на материке. Однако из-за отсутствия в этом слое датирующих материалов, определение более точных дат является на данном этапе исследований очень сложным. Тем не менее, нет сомнений, что слой относится к эллинистическому времени. Среди обнаруженных в нем материалов преобладали фрагменты родосских амфор, среди которых встречались и вторично использованные. Они составляли 62,0% от общего числа находок. Кроме них встречались также фрагменты синопских амфор (8,7%) и амфор неустановленных центров производства (3,3%). На долю лепной керамики приходилось 26,1% материала.

Косвенным аргументом на довольно раннюю датировку сооружения укреплений западной части Танаиса является находка клейма родосского фабриканта Павсания II (Рис. 18), деятельность которого отнесена к концу I и к II хронологической группе (Nicolaou, 2005. Р. 202, nos. 528–530). Известны связи этого фабриканта с эпонимами Аристеидом I (Börker, 1998. Р. 22, nos. 89 и Р. 51, no. 501; Jöhrens, 1999. Р. 44, за no. 104) и Павсанием I (Wallace Matheson, Wallace, 1982. Р. 318, сн. 44), исполнявшим свою должность между 234 и 220 гг. до н.э. Клеймо найдено в одной из ям существующих на западном склоне оборонительного рва (Finkielisztejn, 2001. Р. 191, Tab. 18).

Резюмируя итоги совместных российско-польских исследований, проведенных до настоящего времени на территории западного района античного Танаиса, надо подчеркнуть, что их результаты не только значительно пополнили наши знания о фортификационной системе

этой части города, но, прежде всего, позволили зафиксировать наличие сложной, хорошо продуманной, спланированной и построенной системы фортификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньева Т.М. Исследование вала на западном участке городища Танаиса (1957 г.) // Античные древности Подонья-Приазовья. – М.: Наука, 1969. С. 98–103.
2. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Новые данные о фортификации Танаиса // Древности Боспора, 2004. Т. 7. С. 29–73.
3. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003–2004 гг.) // Древности Боспора, 2006. Т. 10. С. 18–61.
4. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. Москва: Наука, 1974. С. 123–211.
5. Арсеньева Т., Шолль Т. Отчет о совместных исследованиях, проведенных в Танаисе в сезон 2003 года Беатой Балюкович, Людмилой Казаковой, Светланой Науменко и Мариушем Вольским // *Światowit*. Т. V (XLVI). fasc. A, 2003. С. 91–98.
6. Арсеньева Т.М., Шолль Т., Матера М., Науменко С.А., Ровиньска А. Исследования в Западном городском районе Танаиса в 2009 г. (раскоп XXV) // *Światowit*. – Т. VIII (XLIX). fasc. A., 2011. С. 87–106.
7. Арсеньева Т., Шолль Т. при участии Матера М., Науменко С.А. Исследования в Западном городском районе Танаиса в 2010 г. (раскоп XXV). *Novensia*, 2012. № 23. С. 7–94.
8. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья – М.: Издательство Академии Наук СССР. 1954. 161 С. Илл.
9. Болтунова А.И. Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958–1963 гг.) // Античные древности Подонья-Приазовья. М.: Наука. 1969. С. 104–135.
10. Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деопик Д.В. Раскопки западного района Танаиса (1957–1960 гг.) // Античные древности Подонья-Приазовья. М.: Наука. 1969. С. 6–97.
11. Вахтина М.Ю. Еще раз о погребениях собак на Боспоре // Боспорский Феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок – Ч. 1. – Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа. 2007. С. 141–144.
12. Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // РА № 4. 1992. С. 32–42.
13. Журавлев Д.В., Саблин М.В., Строков А.А. Захоронения собак на поселении Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7–8 июня 2016 г. – М.: Государственный исторический музей. 2016. С. 34–37.
14. Завойкин А.А. О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества. Вып. 9–10. 2007. С. 42–54.
15. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. – М.: Языки славянской культуры. 2005. 502 С.
16. Ильяшенко С.М. Южные ворота Танаиса // Археологические записки, 8. 2013. С. 159–177.

17. Ильяшенко С.М. Северные и южные ворота Танаиса из раскопок П.М. Леонтьева // Боспорские чтения XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования – Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Бернадского, ЦАИ БФ «Деметра». 2016. С. 201–206.
18. Ильяшенко С.М., Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Оборонительные рвы Танаиса во II–I вв. до н.э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 174–188.
19. Ильяшенко С.М., Матера М., Лех П., Адамяк М., Иващук У., Срочиньска Э. Исследования в Западном городском районе Танаиса в 2015–2017 гг. (раскоп XXV) // Novensia. в печати.
20. Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1949. 176 С. илл.
21. Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии – Симферополь: Сонат, 1999. 223 с. илл.
22. Коровина А.К., Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956–1957 гг.) // Древности Нижнего Дона. М.: Наука. 1965. С. 18–55.
23. Леонтьев П.М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. Кн. IV. 1854. С. 397–524.
24. Миллер М.А. Дон и Приазовье в древности. Часть II. Древняя история (греко-скифо-сарматский период) // Институт по изучению истории СССР. Исследования и материалы Серия II (ротаторные издания). № 67. Мюнхен. 1958.
25. Молева Н.В. Жертвоприношения собак в фортификационных сооружениях античного Китая // Очерки сакральной жизни Боспора (избранные статьи) – Нижний Новгород: Типография Нижегородского госуниверситета, 2002. С. 121–123.
26. Науменко С.А. К вопросу о фортификации Танаиса (по материалам раскопок 2001 г.) // ИАИАНД. Вып. 18. 2002. С. 163–170.
27. Науменко С.А. Исследование центральной части западной оборонительной линии основного четырехугольника городища (по материалам раскопок 2005 года) // Вестник Танаиса. – Вып. 2, 2007. С. 40–65.
28. Стемпковский И.А. О местоположении древнего города Танаиса. (Отрывок из письма к Г. Ст. Сов. Ивану Павловичу Бларамбергу // Вестник Европы. № 4. 1824. С. 251–259.
29. Стемпковский И.А. Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. Кн. IV. 1854. С. 387–396.
30. Тульпе И.А. Жертвоприношение (археолого-религиоведческий этюд) // Из истории античного общества. – Вып. 9–10. 2007. С. 193–206.
31. Шелов Д.Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955–1957 гг.) // Древности Нижнего Дона. М.: Наука. 1965. С. 56–129.
32. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в I – III вв. до н.э. М.: Наука. 1970. 252. С. илл.
33. Шолль Т. Десять лет раскопок Варшавского Университета в Танаис // Novensia. – № 18–19. 2008а. С. 307–338.
34. Шолль Т. Западная часть эллинистического Танаиса. По итогам раскопок Варшавского Университета // Pontika 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Proceedings of the International Conference, Kraków, 18th March, 2006. Kraków: Jagiellonian University. 2008b. С. 177–189.
35. Шолль Т. Деятельность Митридата VI Евпатора в Танаисе в свете результатов польских исследований в Западном городском районе (раскоп XXV) // Археология, древний мир и средние века. Вып. V. 2012. С. 11–16.

36. Шопль Т., Матера М. Система обороны въезда в западный городской район Танаиса по результатам польско-российских исследований // Боспорские чтения XIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь: НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Бернадского, ЦАИ БФ «Деметра». 2012. С. 482–488.
37. Шопль Т., Ровиньска А. Пятнадцать лет раскопок Варшавского Университета в Танаисе // Вестник Танаиса. Вып. 3. 2012. С. 48–62.
38. Arsenieva T., Kozakova L., Naumienko S., Tolochko I. Tanais. North-Eastern Outpost of Ancient World // Novensia. № 10. 1998. P. 53–63.
39. Arsenyeva T.M. Tanais // Ancient Greek Colonies in the Black Sea – Vol. II. Thessaloniki: Archaeological Institute of Northern Greece. 2003. P. 1047–1102.
40. Börker Ch. Der Pergamon-Komplex // Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Pergamenische Forschungen. Vol. 11. Berlin: W. de Gruyter. 1998. P. 3–69.
41. Finkelsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan // BAR IS 990.– Oxford: Archaeopress. 2001. 260 p. ill.
42. Jöhrens G. Amphorenstempel im National Museum von Athen. Zu den H.G. Lolling aufgenommenen „unedierten Henkelinschriften“. Mit einem Anhang: Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des Deutschen Archäologischen Instituts – Mainz am Rhein: von Zabern. 1999. 334 P. ill.
43. Matera M. New data about the western part of Tanais – the fortifications and their vicinity. in print.
44. Naumenko S., Scholl T. New data on the fortifications of Tanais from the last five years of excavations // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw: The National Museum in Warsaw. 2014. P. 187–201.
45. Nicolaou I. The Stamped Amphora Handles from the House of Dionysos. Paphos Vol. 5. Nicosia: Imprinta Ltd. 2005. 483 p. ill.
46. Scholl T. Polish excavations in Hellenistic Tanais // EurAnt. № 11. 2005a. P. 137–145.
47. Scholl T. The fortifications of Tanais in the light of Warsaw University Excavations // EtTrav. № XX. 2005b. P. 247–259.
48. Scholl T. Most hellenistyczny w Tanais // Blisko i daleko. Księga Jubileuszowa Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa: Instytut Archeologii UW. 2009. P. 167–173.
49. Scholl T. The Hellenistic Bridge at Tanais // Archäologie der Brücken. Vorgeschichte, Antike, Mittelalter, Neuzeit. Regensburg: Bayerische Gesellschaft für Unterwasserarchäologie – Regensburg: Verlag Friedrich Pustet. 2011a. P. 58–60.
50. Scholl T. Western Tanais in the Light of the latest Research of the University of Warsaw // Pontika 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Proceedings of the International Conference, 21st–26th April 2008, Kraków // BAR IS. 2240. Oxford: Archaeopress. 2011b. P. 299–303.
51. Scholl T. The fortifications of the entrance gate in the western defense wall of Western Tanais // SAAC. 17. 2013. P. 319–321.
52. Scholl T. Miasta bospońskie od VI po połowę I wieku p.n.e. – Warszawa: Instytut Archeologii UW, 2014. 428 p. ill.
53. Schramm E. Poliorketyka // Kromayer J., Veith G., Historia wojskowości Greków i Rzymian. Część I: Grecy – per. Goraj M. – Oświęcim: Napoleon V. 2017. P. 251–310.
54. Wallace Matheson P.M., Wallace M.B. Some Rhodian Amphora Capacities // Hesperia. Vol. 51, 1982. P. 293–320.

Список сокращений

ДБ – Древности Боспора

ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

РА – Российская Археология

BAR IS – British Archaeological Reports International Series

EtTrav – Études et Travaux

EurAnt – Eurasia Antiqua

SAAC – Studies in Ancient Art and Civilization

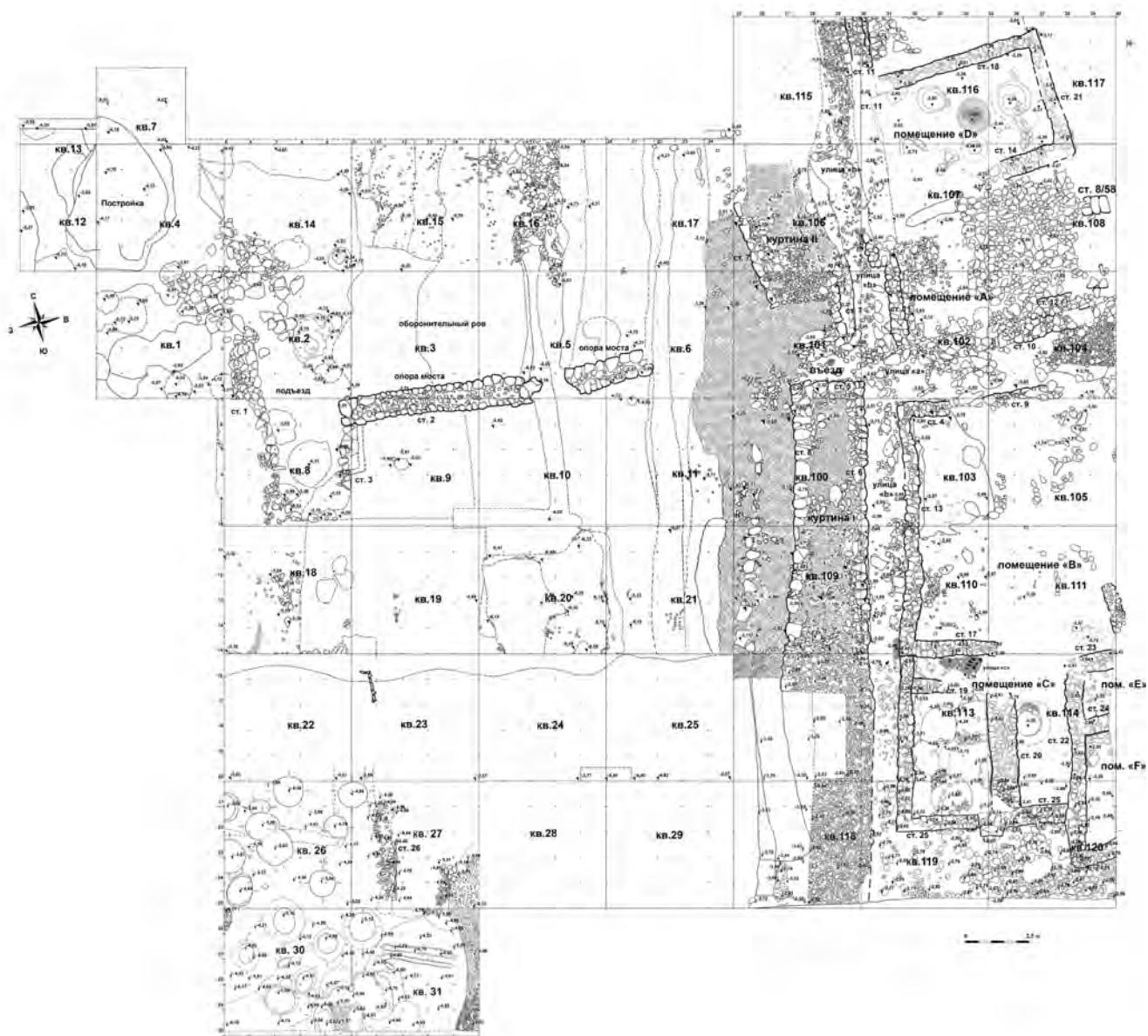

Рис. 1. Раскоп XXV – план архитектурных объектов.

Рис. 10. Подпорная стена № 27 на восточном склоне (эскарпе) оборонительного рва, фото: М. Матера.

Рис. 11. Разрез куртины I. Вид с севера, фото: М. Матера.

Рис. 12. Забутовка крепостной стены в южном профиле разреза. Вид с севера, фото: М. Матера.

Рис. 13. Древнее глинище на склоне естественной балки. Вид с запада, фото: М. Матера.

Рис. 14. Древнее глинище на склоне естественной балки. Вид сверху, фото: М. Матера.

Рис. 15. Южный профиль разреза в кв. 109 на запад от куртины крепостной стены с затекшим

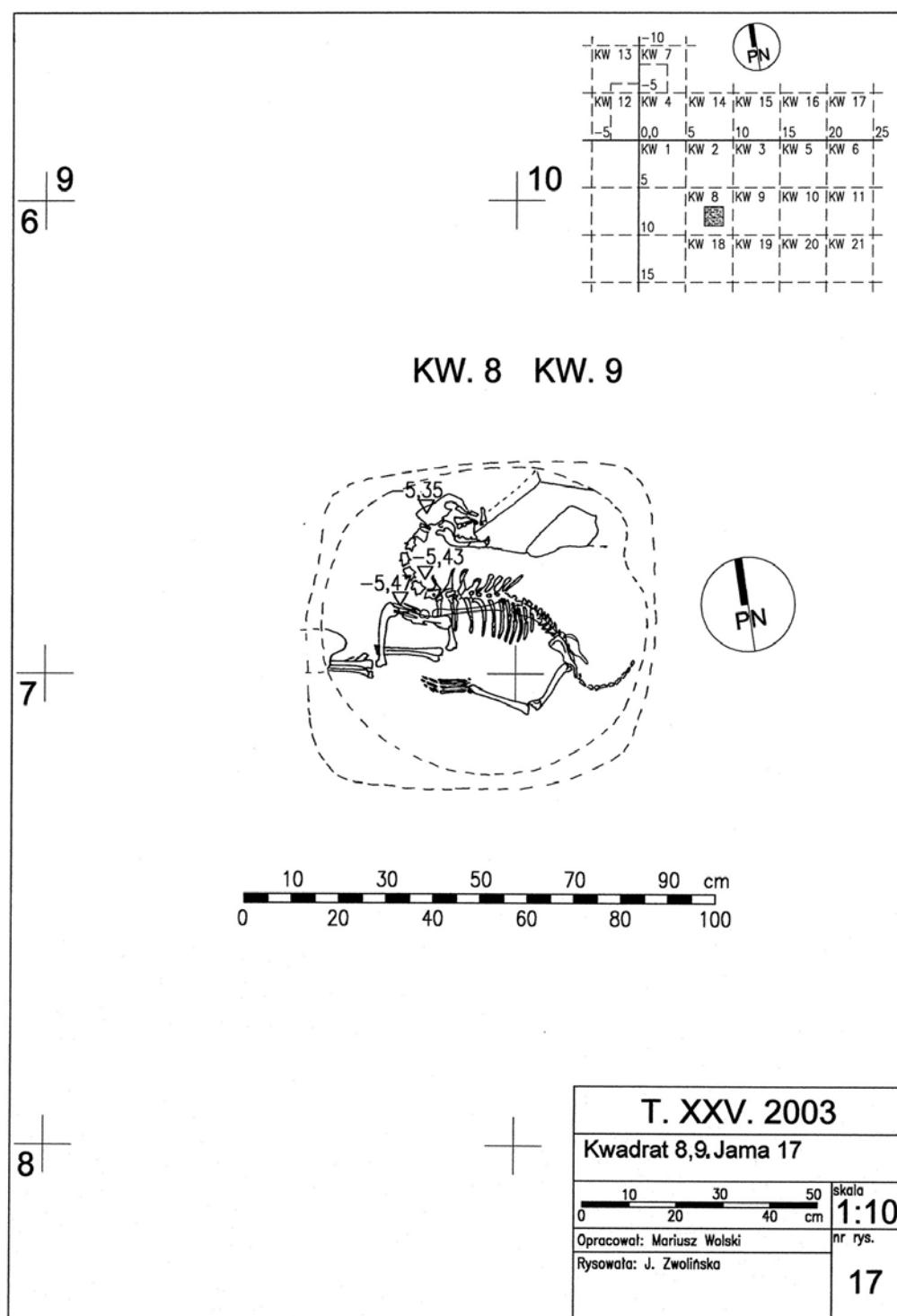

Рис. 16. Погребение собаки в яме № 17, рисунок: Й. Зволиньска.

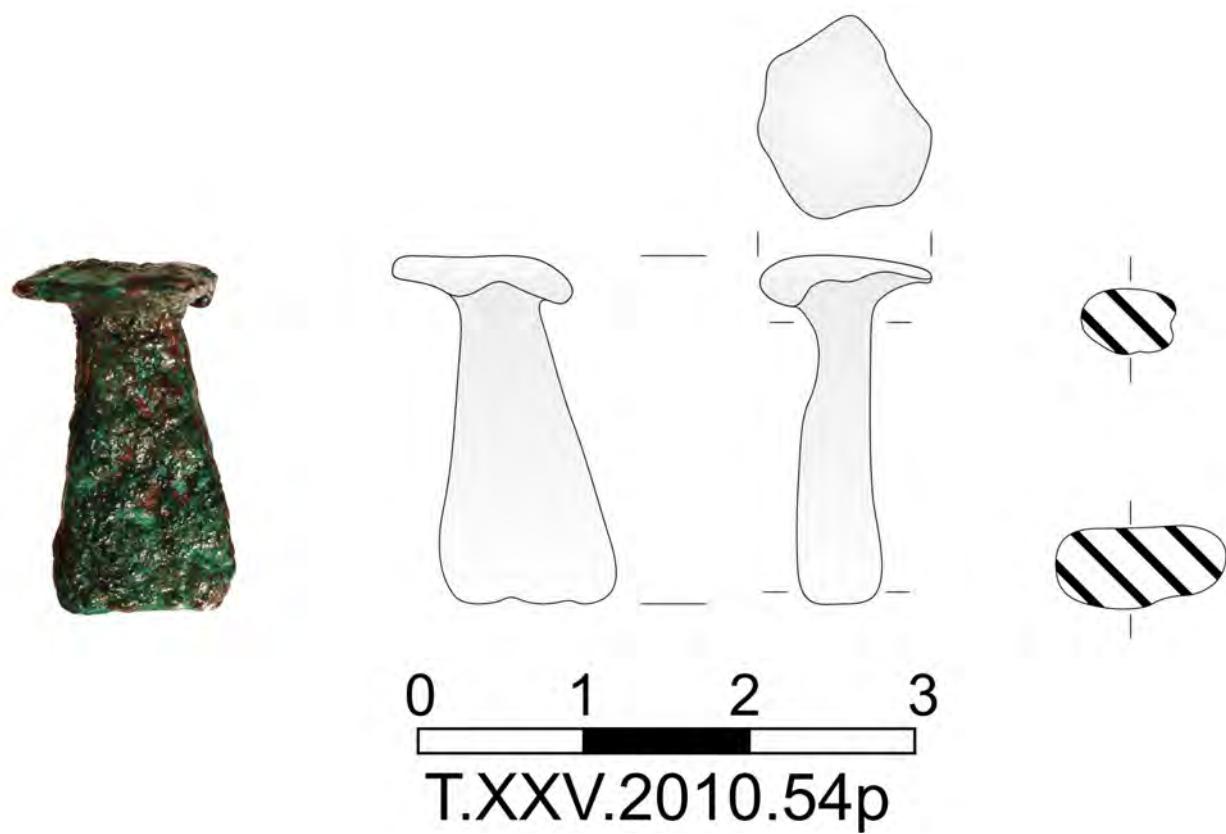

Рис. 17. Бронзовая оковка, № Т.XXV.10.54, фото: Т. Шолль, рисунок: М. Мацкевич.

«МИТРИДАТИКА» В ТРУДАХ Д.Б. ШЕЛОВА

Е.А. Молев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г.Нижний Новгород).

E-mail: molev.eugeny@yandex.ru.

Статья посвящена исследованиям Д.Б. Шелова по истории античных городов и государств Причерноморья в период правления Понтом царя Митридата VI Евпатора. Автор подробно рассматривает источники по истории этих событий, отдавая предпочтение памятникам нумизматики. В итоге его исследований проводится мысль, что объединение всего Причерноморья в рамках державы Митридата было естественным процессом, подготовленным экономическим и политическим развитием античных городов в течение IV-II вв. до н.э.

Ключевые слова: Д.Б. Шелов, Понт, Боспор, Митридат, нумизматика, побережье Черного моря.

Дмитрий Борисович Шелов – был, и остается по сей день, одним из наиболее выдающихся исследователей в области античной истории и археологии Северного Причерноморья. Его перу принадлежат многочисленные исследования по истории и археологии Танаиса, истории и археологии античных государств и многочисленных варварских племен Северного Причерноморья. Наиболее

важным источником большинства его работ на протяжении всей его творческой жизни были памятники античной нумизматики. Не случайно именно он после смерти А. Н. Зографа возглавил когорту отечественных исследователей в этой области (Арсеньева, 1994. С. 243).

Наряду со многими другими направлениями исторической мысли Дмитрия Борисовича Шелова всегда интересовал позднеантичный период истории причерноморских государств, точнее, тот самый период, когда почти все они были объединены в составе Понтийского государства, возглавляемое Митридатом Евпатором. Впервые к этой теме он обратился в рецензии на книгу Д.П. Каллистова «Причерноморье в античную эпоху» (Шелов, 1953. С. 98-105). В ней он обратил внимание на то, что стремление понтийского владыки опереться в борьбе с Римом на местные племена, вовсе не означало, что политика Митридата отражала интересы широких слоев местного населения и что попытки представить Митридата в виде какого-то во�дя народных масс племенного «варварского» мира против рабовладельческого Римского государства и рабовладельче-

ских городов Боспора ничем не оправдываются (Шелов, 1953. С. 102).

Вероятно, работа над рецензией на эту книгу Д.П. Каллистова, имевшую немало погрешностей в оформлении и содержании, побудила Д.Б. Шелова обратиться к теме обобщения истории античного мира Северного Причерноморья в ближайшие последующие годы. Уже в 1956 г. выходят две его книги. Одна из них была прямо посвящена истории городов и племен Северного Причерноморья (Шелов, 1956.), другая характеризовала монетное дело Боспора (Шелов, 1956а). Первая из них была предназначена для широкого круга читателей и впервые в отечественной историографии давала общий обзор истории античных городов и племен Северного Причерноморья на протяжении всего периода античной истории. В исследовании были учтены не только все известные к тому времени сведения античных авторов, но и все новейшие достижения отечественной археологии, эпиграфики и нумизматики, что делало монографию обязательной для любого научного исследования по истории Северного Причерноморья и незаменимым учебным пособием для студентов-историков. Позднее, идеи, заложенные Д.Б. Шеловым в этой книге были развиты, дополнены и уточнены в его аналогичном издании 1975 года (Шелов, 1975).

В обеих этих книгах Д.Б. Шелов дал краткую характеристику деятельности Митридата, его отношений с античными городами и варварскими племенами, впервые оценил выступление Савмака на Боспоре как более широкое соци-

ально движение, чем просто восстание рабов, представленное в исследовании С.А. Жебелева и его последователей (Шелов, 1975. С. 86). Моя собственная первая оценка этого события в значительной степени основывалась именно на этой идее Д.Б. Шелова (Молев 1974. С. 60-72). Более того, обе эти книги побудили меня спустя много лет после их выхода обратиться к теме научно-популярного обобщения новейших достижений отечественной и зарубежной науки в области истории северного Причерноморья и не случайно эта моя книга была посвящена светлой памяти Дмитрия Борисовича Шелова (Молев, 2003).

Книга Д.Б. Шелова, посвященная монетному делу Боспора, представляет собой классическое исследование, посвященное нумизматике доспартокидовского и спартокидовского периодов истории этого государства. Ее высокие научные качества были по достоинству оценены не один раз и именно по этой причине она была переиздана на английском языке в одном из ведущих британских археологических изданий «British Archaeological Reports» (Shelov, 1978). Большинство ее положений не утратили своей научной актуальности и на сегодняшний день. Это касается и монет причерноморских государств, времени правления Митридата Евпатора. Д.Б. Шелов не только подробно рассмотрел сами эти монеты, но и впервые оценил особенности денежного обращения Боспора при Митридате Евпаторе. Согласно его исследованиям монеты с типами «голова бородатого сатира в плющевом венке влево – рогом изоби-

лия между шапками Диоскуров и легендой ПАНТИ» и «безбородый сатир вправо – шапки Диоскуров» (Шелов, 1956а. С. 189. Табл. VIII, 100-101) копируют типы понтийских монет и были выпущены за 10-12 лет до подчинения Боспора Митридату Евпатору. Эта датировка представляется наиболее вероятной, что и было отмечено целым рядом авторов (Анохин 1986. С. 143. № 175-176; Нестренко, 1987ю С. 81; Молев, 1994. С. 77-78; Мельников, 2010. С. 147). Выпуск монет этих типов и их многочисленность в находках на обеих сторонах Боспора Киммерийского (Молев, 1994. С. 91. Табл. 1. № 39-40), по мнению Д.Б. Шелова, является свидетельством пропонтийской ориентации определенной части пантикопейской аристократии (Шелов, 1956а. С. 203), включая, надо думать, и последнего Перисада, поскольку определенный контроль за монетной чеканкой Пантикопея и других центров Боспора Спартокидами, несомненно, осуществлялся (Шелов, 1956а. С. 90б 142-144; Анохин, 1986. С. 45). Эта гипотеза была принята практически всеми исследователями истории Боспора и остается общепринятой и в настоящее время.

Помимо истории монетного дела Боспора Д.Б. Шелов одним из первых подготовил материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI-I вв. до н.э. (Шелов, 1965. С. 31-50). В данной

статье он выделил типы митридатовского времени и отметил тенденцию к унификации типов монет при Митридате Евпаторе (Шелов, 1965. С. 44-48). Его выводы получили подтверждение спустя 30 лет при новых статистических данных появившихся в результате раскопок за это время (Молев, 1994. С. 83-85).

В последующих работах Д.Б. Шелов обращается к теме непосредственных взаимоотношений царя Понта с причерноморскими полисами и племенами. Одной из первых таких работ стала статья, посвященная взаимоотношениям Митридата и города Тира (Шелов, 1962. С. 95-102). Ее появление в определенной степени было связано с тем, что к тому времени уже вышел каталог монет этого города (Зограф, 1957), что позволяло сделать достаточно объективные выводы, вытекающие из этого типа источников. Учитывая указания Страбона о Неоптолемовой башне (Strabo, VII, 3,16) и Плутарха о войне с бастарнами (Plut., De fort. Rom. 11 = Mar., II, 324), Д.Б. Шелов пришел к выводу, что Тира, под влиянием угрозы со стороны бастарнов могла добровольно перейти под протекторат Понта (Шелов, 1962. С. 97). Эта версия хода событий в регионе была принята большинством исследователей (McGing, 1986. P.55; Молев, 1985. С. 287; Сапрыкин, 1996. С. 149)¹.

¹ По мнению М.В. Агбунова сведения Страбона о Неоптолемовой башне восходят к более ранним источникам и не имеют отношения к полководцу Митридата Евпатора. См. Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского. М., 1985. С. 67. Но это не отрицает возможности угрозы со стороны бастарнов для Тиры, поскольку они все же проживали в ее округе (Vulpe R. Le problèmes des Bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. Bucarest, 1955. Р. 2-5; Щукин М.Б.. Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур. // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Петербургский археологический вестник. / М.Б. Щукин (ред.). СПб, 1993. № 6. С.91) и факт войны полководцев Митридата с ними засвидетельствован Плутархом.

Вероятность, если не протектората, то, во всяком случае, дружественного отношения Тиры к царю Понта Д.Б. Шелов подтверждает и данными ее нумизматики. По его мнению монеты с изображением орла, сидящего на молнии (Зограф, 1957. Табл. III, 17) «явно скопированы с понтийской и пафлагонской городской меди 111-105 гг. до н.э.» (Шелов, 1983. С. 52). Это мнение было поддержано и в последующих исследованиях монет Тиры (Туровский, Колесниченко, 2014. С. 263). Следы влияния Понта Д.Б. Шелов прослеживает и на монетах с изображением головы юного Диониса и его атрибутов, а также на монетах с изображением головы бородатого божества, имеющего на висках клешни рака (Зограф, 1957. Табл. III, 8, 9). Последний образ, по мнению А.Н. Зографа, с которым совершенно согласен и Д.Б. Шелов «представляет собой персонификацию Понта Эвксинского и его появление должно рассматриваться как отражение тех общепонтийских и объединительных тенденций, которые столь настойчиво проводил в жизнь Митридат Евпатор» (Шелов, 1962. С. 100). Эту точку зрения на монеты Тиры Д.Б. Шелов повторил и во всех последующих работах, касающихся отношений Митридата Евпатора с припонтийскими городами (Шелов, 1983. С. 52; Shelov, 1984. Р. 250; Шелов, 1986. С. 42) и возражений она не встретила (Карышковский, Клейман, 1985. С. 78-80; Сапрыкин, 2018. С. 449-450).

Вторым регионом, к которому обратился Д.Б. Шелов в связи с изучением истории связей припонтийских госу-

дарств, стала Колхида. Этой теме первоначально был посвящен доклад на международной конференции (Шелов, 1975), материалы которого легли в основу двух статей в Вестнике Древней истории (Шелов, 1978; Шелов, 1980). Первая была посвящена роли сына Митридата VI Махара, исполнявшего в 80-70-е гг. I в. до н.э. обязанности наместника северных владений царя Понта. Д.Б. Шелов отмечает, что у боспорских городов в конце 80-х годов I в. до н.э. не было никаких оснований для антимитридатовских выступлений (Шелов, 1978. С. 56-58), что будучи наместником Митридата Махар не имел царского титула (Шелов, 1978. С. 58-59), что лишение боспорских городов права автономной чеканки явилось следствием изменения общего отношения к правам греческих городов понтийского царя, который к этому времени перестал разыгрывать роль покровителя эллинских свобод и не стремился больше демонстрировать свое благорасположение греческим городам (Шелов, 1978. С. 53), что выпуск анонимных оболов был прерогативой Махара (Шелов, 1978. С. 63-65), и наконец, что Махар по решению Митридата получил в управление Колхиду и управлял ей с начала 70-х до начала 60-х годов I в. до н.э. (Шелов, 1978. С. 59-60). Все эти положения, в значительной степени гипотетические, что отмечает и сам автор, были дополнены новыми аргументами в последующей статье, посвященной положению Колхиды в рамках державы Митридата (Шелов, 1980. С. 28-43).

Что касается антимитридатовского выступления на Боспоре, то некоторое

недовольство властью Митридата, вызванное его поражениями в войне с Римом и сокращением притока понтийской монеты, что, совершенно очевидно, стало следствием сокращения внутрипонтийской торговли (Сапрыкин, 1996. С. 175) все же было. Но важнее то, что города на Боспоре уже со времен Спартокидов не играли самостоятельной роли, что отмечал позднее и сам Д.Б. Шелов (Шелов, 1983. С. 54). И антипонтийское выступление на Боспоре, скорее, было спровоцировано не городами, а сторонниками восстановления его независимости как царства, может быть теми самыми сторонниками «скифской партии», которая в свое время привела к власти Савмака (Молев, 2013. С. 11; Виноградов, 2017. С. 263-266). Таковые на Боспоре вполне могли быть, как показывает выступление Асандра. Впрочем, это тоже только предположение.

Сложнее вопрос о вероятности царского титула у Махара. Выражение Аппиана «καὶ βασιλέα αὐτοῖς τῶν θεών ἔνα ἀπεδείκνυ Μαχάρην» (и назначил одного из своих сыновей Махара в качестве царя). С учетом того, что Боспор вошел в состав понтийской державы Митридата в качестве отдельной области, как бывшее царство, а сам Митридат именовал себя после подчинения Таврики «царем царей» (Ballesteros Pastor, 1995. Р. 111-117; Молев, 1999. С. 85-91) термин «βασιλέα» (Acc. Sing. от βασιλεύς) в данном случае вполне можно понимать и как «царь», т.е. в основном значении этого слова. Другое дело, что полномочия этого царя (также как и его брата Митридата младшего в Колхиде) были

достаточно ограничены. В частности это выражалось и в совершенно справедливо отмеченном Д.Б. Шеловым факте чеканки анонимных оболов, на которых нет обозначения имени царя. И тем более справедливо его мнение, что лишение боспорских городов права автономной чеканки явилось следствием изменения общего отношения к правам греческих городов понтийского царя. Однако, появившиеся в последующие годы новые многочисленные находки анонимных оболов с новыми монограммами, привели к заключению, что их чеканка на Боспоре осуществлялась от имени царя Понта его монетными чиновниками (Фролова, Масленников, 1994. С. 186; Сапрыкин, 1996. С. 179; Мельников, 2010а. С. 299-300).

Что касается Колхиды, то, как отмечает Д.Б. Шелов, подчинению Понту предшествует значительное возрастание экономических связей этого района с другими областями Причерноморья и прежде всего с южнопонтийскими центрами, входившими в Понтийское государство, (Шелов, 1980. С. 28). В вопросе о времени присоединения Колхиды к Понту, вызвавшем разногласия у современных авторов, Д.Б. Шелов присоединился к версии, что «Колхида стала одним из первых объектов экспансионистской политика Митридата VI» (Шелов, 1980. С. 29; Shelov, 1982. Р. 247-248; Шелов 1985. С. 555), добавив к аргументам своих предшественников оценку информации об этом факте у Страбона (Strabo., XII, 3, 1; XII, 3, 28).

Версию более позднего присоединения Колхиды, уже после подчинения

Херсонеса и Боспора, предложил и наиболее полно обосновал С.Ю. Сапрыкин (Сапрыкин, 1996. С. 165-166; Сапрыкин, 2018. С. 619). Однако эта версия маловероятна. Автор прав, когда говорит о родственных связях царей Малой Армении и Понта. Но это их родство ничуть не означает, что передача власти Антипатром Митридату должна была произойти только после подчинения Евпатором Каппадокии. Указание Страбона на то, что Митридат стал владыкой Колхиды после того, как его власть значительно усилилась, вполне могло относиться к тому времени, когда Митридат вернулся из изгнания и стал реальным правителем.

Передатировка же монет Диоскурии рядом нумизматов (Голенко, 1977. С. 64; Дундуа, 1987. С. 107; Цецхладзе, 1989. С. 92), на которую ссылается С.Ю. Сапрыкин, как основание для переноса времени подчинения Колхиды Понту весьма слабый аргумент, что в свое время отмечал Д.Б. Шелов в дискуссии по поводу датировки этих монет на III Всесоюзном симпозиуме по Древней истории Причерноморья (Шелов, 1985. С. 651). Мы можем быть уверены только в том, что эти монеты были выпущены после подчинения города Митридату, поскольку до этого город не имел своей чеканки. Район же основного распространения этих монет – это прежде всего города Северного Причерноморья, куда они были завезены, по мнению ряда исследователей (Гилевич, 1968. С. 47; Дундуа, 1987. С. 108), воинами понтийской армии. Особенно важно, что эти монеты преобладают в Херсонесе, куда перво-

начально прибыла армия Понта. И это вполне может служить доказательством того, что подчинение Колхиды произошло до появления понтийцев в Таврике (Молев, 1989. С. 212-213).

Кстати и предназначение монет Диоскурии, которое предположил К.В. Голенко и с которым согласился Д.Б. Шелов, – они были выпущены для обслуживания рынков северной части государства Митридата в качестве мелкого разменного номинала (Голенко, 1977. С. 63; Шелов, 1980. С. 43), представляется вполне справедливым и подтверждается находками их не только в крупных центрах, но и малых городах Боспора – Нимфеи, Мирмекии, Тиритаке, Патре, Кепах (Голенко, 1977. С. 62) и в Китее (Молев, 2018. С. 130). И этот факт, на мой взгляд, также подтверждает вероятность выпуска их сразу после подчинения Колхиды, еще до скифских походов Диофанта.

Оценки Д.Б. Шеловым роли Колхиды в составе царства Митридата, состояния ее экономики в тот период времени, степени преданности колхов Митридату практически не вызвали серьезных возражений у последующих исследователей истории Колхиды как и общий вывод статьи, что «Колхиды составляла весьма существенное звено в экономической и военно-политической системе Понтийской державы на протяжении всего царствования Митридата Евпатора, одну из основных опорных баз в его борьбе за всепонтийское господство (Шелов, 1980. С. 43).

В серии работ Д.Б. Шелова, вышедших в 80-е годы и посвященных античным государствам Северного Причерномо-

рья и собственно понтийскому царству многие из высказанных идей и предложений в рассмотренных статьях повторяются и получают дополнительное обоснование. Кроме этого, Д.Б. Шелов обращает внимание на предисторию создания державы Митридата Евпатора и считает ее создание закономерным следствием процесса исторического развития причерноморских греческих государств (Shelov, 1982. Р. 244; Шелов, 1986. 42; Шелов, 1985. С. 552-554; Шелов, 1986. С. 36). Они же, по его мнению, были и цементирующей силой всепонтийской державы царя Понта (Shelov, 1982. Р. 265; Шелов, 1985. С. 570).

Характеризуя монетные выпуски причерноморских полисов и Боспора Д.Б. Шелов отмечает их квазиавтономность и тенденцию к унификации (Shelov, 1982. Р. 254-256; Шелов, 1983. С. 47; Шелов, 1985. С. 563.), т.е. подготовке к созданию единой денежной системы в регионе, что должно было существенно укрепить межпонтийские экономические связи и поднять уровень благосостояния, как отдельных полисов, так и всей его державы в целом. Значимость этого мероприятия Митридата общепризнана и никем из нумизматов или историков не пересматривалась (Виноградов, 2017. С. 265). И хотя датировки отдельных типов монет разными нумизматами и причины введения новых типов не всегда совпадали (см. например, Сапрыкин, 2016. С. 249-265) важно отметить, что выводы Д.Б. Шелова в большинстве своем оказались наиболее близкими к современным оценкам

(Callataÿ, 1997. Р. 304-305; Callataÿ, 2007. Р. 271-308).

Стоит, правда, отметить, что вопреки мнению Д.Б. Шелова о чеканке монет Боспора до 80-х гг. I в. до н.э. на пантикопейском монетном дворе времени Митридата недавно появилось мнение о чеканке ряда типов боспорских монет митридатовского времени на монетном дворе Понта (Мельников, 2010а. С. 296-301). Однако аргументы автора недостаточно убедительны. Во-первых, монеты из желтой понтийской меди чеканились на Боспоре уже с середины II в. до н.э., что отметил еще П.О.Карышковский (Карышковский, 1953. С. 108), т.е. еще при Спартокидах, когда о переносе их чекана в Понт не могло быть и речи. Во-вторых, ряд монет одного типа чеканился и из красной и из желтой меди (например, Анохин, 1986. № 175), что также не позволяет с уверенностью утверждать закрытие монетного двора Пантикопея. Не случайно, рассматривая этот факт Н.Д. Нестеренко счел невозможным считать цвет металла определяющим признаком для определения места их выпуска (Нестеренко, 1987. С. 77-80). И наконец, в третьих, легенды на монетах (ΠΑΝΤΙΑΠΑΙΤΩΝ, ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ) не дают решительно никаких оснований для переноса их чеканки в Понт. Иное дело анонимные оболы времени Махара. Тут с мнением О.Н. Мельникова гораздо ближе к истине.

Завершая рассмотрение тематики исследований Д.Б. Шелова, связанных с историей Причерноморья митридатовского времени нельзя не отметить и его анализ основных литературных

источников этой эпохи – это труды Помпея Сидония, Цицерона (Шелов, 1977. С. 197-201) и Аппиана (Шелов, 1986а. С. 113-117). Характеризуя то, что нам известно о первом из них Д.Б. Шелов отвергает мнение Рейнака о небольшой ценности его произведения (Reinach Th. 1890) и вслед за Мари Лафранк (Laffranque, 1964. Р. 116-117), не исключает вероятности у него специального сочинения по истории митридатовых войн (Шелов, 1977. С. 200). Сведения Цицерона о третьей митридатовой войне Д.Б. Шелов оценивает как уникальное свидетельство интересов и целей римской политики на Востоке, отмечая в то же время, что описания конкретных событий войн в речах Цицерона мало и многие из них политически ангажированы (Шелов, 1977. С. 199-200).

В отличие от предыдущих автором Аппиан составил подробное описание войн Митридата. И Д.Б. Шелов отмечает в качестве достоинств его труда систематичность и полноту изложения событий, строго фактологический подход к изложению материала и стремление к объективному освещению событий (Шелов, 1986. С. 113). В итоге сведения других авторов по истории войн Митридата (Плутарх, Дион Кассий, Орозий и др.) лишь незначительно дополняют рассказ Аппиана, а когда эти сведения расходятся с информацией Аппиана, его версия представляется Д.Б. Шелову (с чем нельзя не согласиться) более предпочтительной.

Хотелось бы отметить, еще одну особенность работ Д.Б. Шелова О Митридате и его времени – высказывая свое мнение, он всегда обращает внимание на иные мнения, высказанные коллегами и при этом приводит дополнительные аргументы, которые не были учтены последними при решении того или иного вопроса. И делается это в мягкой и доброжелательной форме, что стимулирует авторов на дальнейшие поиски в своей научной работе. Приведу личный пример.

Говоря о времени присоединения к державе Митридата западнопонтийских городов Аполлонии и Мессембии, Д.Б. Шелов обращает мое внимание на недостаточное использование материалов о Фракии и понтийско-фракийских связях, т.е. указывает на еще одно направление научного поиска, на которое я не обратил должного внимания (Shelov, 1982. Р. 250; Шелов, 1985. С.558). Это определило направление моих дальнейших поисков в этом вопросе и в результате новых исследований в значительной степени сблизило наши точки зрения (Молев, 1985. С.286-292; Молев, 1991. С. 26-27; Молев, 1994. С. 84).

В заключение нельзя еще раз не отметить тот огромный научный потенциал, которым обладал Д.Б. Шелов и которым щедро делился со своими коллегами, способствуя, тем самым, совершенствованию форм и методов научного исследования и развитию научной мысли в области античной истории, археологии, нумизматики и эпиграфики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, Накова Думка, 1986. 182 с.
2. Арсеньева Т.М. Памяти Дмитрия Борисовича Шелова (1919-1993) // РА. 1994. № 2. С. 243-246.
3. Виноградов Ю.А. Элита Боспора в митридатовское и постмитридатовское время // Боспорские исследования, XXXIV. Керчь, 2017. 261-287.
4. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // Нумизматика и сфрагистика. 1968. № 3. С. 3-61.
5. Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады // НС. Тбилиси, 1977. С. 57-64.
6. Голенко К.В. Несколько серебряных монет Пантикея II в. до н.э. со следами перечеканки // НЭ. 1968. VII. С. 37-42.
7. Дундуа Г.Ф. Нумизматика античной Грузии. Тбилиси, 1987. 216 с.
8. Зограф А.Н. Монеты Тиры. М., АН СССР, 1957. 132 с.
9. Карышковский П.О. Еще раз о книге А.Н. Зографа «Античные монеты» // ВДИ. 1953. 1. С. 105-111.
10. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, Наукова Думка, 1985. 160 с.
11. Мельников О.Н. К нумизматике Боспора Киммерийского этапа среднего эллинизма (ок. 215 – 108 гг. до н.э.) // Сугдейский сборник. Киев – Судак. 2010. IV. С. 137-165.
12. Мельников О.Н. Понтийское производство монет Боспора // БЧ XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы. Керчь. 2010а. С. 295-305.
13. Молев Е.А. Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата VI // Terra antiqua Balcanica. Serdicae-Nirnovi. II. 1985. С. 286-292.
14. Молев Е.А. Рец. на: Сапрыкин С.Ю. «Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье». Москва: Наука, 1996. 348 с. // ВДИ. 1989. 4. С. 207-214.
15. Молев Е.А. Фракия в войнах Митридата Евпатора // Болгаристика в системе общественных наук. ТД. Харьков . 1991. С. 26-27.
16. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Н. Новгород, 1994. 140 с.
17. Молев Е.А. Властитель Понта. Н. Новгород, 1995. 145 с.
18. Молев Е.А. О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее // Античный мир. Белгород, 1999. С. 85-91.
19. Молев Е.А. Савмак – кто же все-таки он? // Крым в сарматскую эпоху. Вып. I. Бахчисарай, изд-во «Доля». 2013. С. 8-13.
20. Молев Е.А. Монеты из раскопок Китея как источник информации о боспорском социуме в период античности // Stratum Plus. 2018. № 6. С. 125-134.
21. Нестеренко Н.Д. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти IIв. до н.э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 74-84.
22. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., Наука, 1996. 350 с.
23. Сапрыкин С.Ю. Монеты типа «Артемида/олень» боспорского чекана митридатовского времени // ПИФК. 2016. № 4. С. 249-265.
24. Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. Труды исторического факультета МГУ. Серия II. Исторические исследования. Москва-Санкт-Петербург, 2018. 744 с.
25. Туровский, Е.А. Колесниченко. Хронология монет независимой (автономной) Тиры // Stratum plus. 2014. № 3. С. 255-268.

26. Фролова Н.А., Масленников А.А. Монеты из клада боспорских монет начала-середины I в. до н.э. из поселения «Полянка» как исторический источник // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии: Тезисы докладов. СПб., 1994. Т. II.
27. Цецхладзе Г.Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1989. № 4. С. 91-96.
28. Шелов Д.Б. Рец. на: Каллистов Д.П. «Причерноморье в античную эпоху». М., Учпедгиз, 1952, 186 стр., тираж 15000 экз. // ВДИ. 1953. № 1. С. 98-105.
29. Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. 195с.
30. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., Изд-во АН СССР, 1956а. 220 с. + таблицы.
31. Шелов Д.Б. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. 1962. № 2. С. 95-102.
32. Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI-I вв. до н. э. // НЭ. 1965. Т. V. С. 31-50.
33. Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., Наука, 1975. 185с.
34. Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата VI и Колхида // Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья» Тезисы доклада. Тбилиси, 1975.
35. Шелов Д.Б. Из античной литературной традиции о Митридатовых войнах (Посидоний и Цицерон) // История и культура античного мира. М., 1977. С. 197-201.
36. Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55-72.
37. Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 1980. № 3. С. 28-43.
38. Шелов Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 40-57.
39. Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата Евпатора // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тезисы. Тбилиси, 1982. С. 102-105.
40. Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 551-572.
41. Шелов Д.Б. Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36-42.
42. Шелов Д.Б. Аппиан – историк Митридатовых войн // Проблемы античной культуры. М., 1986а. С. 113-117.
43. Шелов Д.Б. Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, Мецниереба, 1985. Дискуссия. С. 651-652.
44. Щукин М.Б. Проблема бастарнов и этнического определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур. // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Петербургский археологический вестник. / М.Б. Щукин (ред.). СПб, 1993. № 6. С.89-95.
45. Ballesteros Pastor L. Notas sobre una inscription de Nimfeo en honor de Mithridates Eupator, reu del Ponto // DHA. 1995. T.21,1. P.111-117.
46. Callataj F. de. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies, Numismatica Lovaniensia 18, Louvain-la-Neuve, 1997, XIII + 481 p. et 54 pl.
47. Callataj, F. de. La revision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses consequences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien // A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), Une koinè pontique. Cité grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a. C. – IIIe s.p. C.). Bordeaux, 2007. 271-308.
48. Laffranque M. Poseidonios d'Apamée. Essai de mise au point. (Publications de la Faculté des Lettres et Sciences humaines de Paris, série Recherches, t. XIII), Paris. Les Presses Universitaires de France, 1964, vol. 1. P. 45-97.

49. *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, king of Pontos. Leiden: Brill, 1986. Brill, 1986. Pp. ix + 204.
50. *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890.
51. *Shelov, D. B.* Coinage of the Bosporus, VI-II Centuries B.C. Trans. by H. Bartlett Wells. BAR International Series (Supplementary) no. 46. Oxford: British Archaeological Reports, 1978. 227 pp., 6 pppl.
52. *Shelov D.B.* Le Royaume Pontique de Mithridate Eupator // Youmal des Savants. Juil. – déc. Paris, 1982. P. 243-266.
53. *Vulpe R.* Le problèmes des Bastarnes à la lumier des découvertes archeologiques en Moldavie. Bucarest, 1955. P. 103-119.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВАЯНИЯ ТАНАИСА ИЗ РАСКОПОК Д.Б.ШЕЛОВА

Н.В. Молева

*Независимый исследователь (г. Нижний Новгород).
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru.*

Статья посвящена изучению антропоморфных изваяний из Танаиса, обнаруженных при раскопках Д.Б. Шелова. Выделены две группы этих памятников: одна – памятники дающие основания для их датировок; вторая – изваяния характерные только для Танаиса с их особенностями. Прослежен вклад Д.Б. Шелова в разработку темы «Антропоморфные изваяния Боспора» в погребальном обряде.

Ключевые слова: Д.Б. Шелов, антропоморфные изваяния, Боспор, Танаис, Нижний Дон, археологические исследования.

В течение десятилетия с 1955 по 1965 гг. Нижнедонская археологическая экспедиция, возглавляемая Д.Б. Шеловым, открыла ряд выдающихся памятников, которые были опубликованы и интерпретированы Д.Б. Шеловым в 60-е гг. XX века. Для представленной темы особое значение имеют раскопки некрополя Танаиса, в процессе которых было обнаружено 25 антропоморфных изваяний; еще одно было найдено на городище в его западном районе (VI раскоп). Главной особенностью этих памятников было то, что 12 из них давали

более или менее четкие датировки таких изваяний в то время, когда на территории европейского и азиатского Боспора подобные случаи в 50-х-60-х годах были единичными. Это обстоятельство позволило впоследствии в значительной степени определить даты для разных типов боспорских антропоморфных изваяний и выявить особенности их использования. Кроме того, Д.Б. Шелов опубликовал 10 изваяний в своих монографиях о Танаисе (Шелов, 1961; Шелов, 1970). Еще одно изваяние, найденное на городище, было представлено в статье А.И. Болтуновой, И.С. Каменецкого и Д.В. Деопика «Раскопки западного района Танаиса (1957-1960 гг.) (Болтунова, Каменецкий, Деопик, 1969. С. 8-101). Впоследствии еще три таких памятника из раскопок Д.Б. Шелова были опубликованы в монографии Т.М. Арсеньевой (Арсеньева, 1977). Восемь изваяний были включены в монографию Н.В. Молевой «Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве» (Н.Новгород, 2012).

Необходимо также отметить большой вклад в раскопки Танаиса и, особенно,

его некрополя в те годы А.И. Болтуно-вой, руководившей работами на III раскопе, где были найдены почти все антропоморфные изваяния. Таким образом, уже в 60-е годы XX века, когда большинство боспорских исследователей почти не обращали внимания на эти важные, но невзрачные памятники, Д.Б. Шелов не только проявил к ним интерес, включив их в свои монографии, но впервые дал обоснования для их датировок, заметив, что они использовались жителями Танаиса уже в ранний период существования города, с III в. до н.э. (Шелов, 1970. С. 139-140). Я безмерно благодарна Д.Б. Шелову за его консультации и разрешение пользоваться отчетами о раскопках в процессе работы над моей диссертацией, посвященной этим памятникам. Ведущим оппонентом на ее защите также стал Д.Б. Шелов.

Хочу также выразить большую признательность сотрудникам Танаисского археологического музея и его тогдашнему директору В.Ф. Чесноку за помошь в обработке и подготовке к новому изданию данных памятников Танаиса.

В представленной работе уделю внимание двум группам антропоморфных изваяний из раскопок Д.Б. Шелова: первая – это памятники, дающие основания для их датировок, и вторая – изваяния «необычных» очертаний, до сих пор встреченные только в Танаисе. Первая группа включает в себя 12 памятников. Шесть из них дают основания для широких хронологических рамок – III-Ivv. До н.э. (Табл., 1-4). Еще шесть позволяют выяснить более точное время их использования. Так, четыре изваяния

были найдены в свалке погребального инвентаря эллинистического времени, выброшенного из могил на III раскопе некрополя (Табл., 1-3). Одно – в насыпи участка, содержащего могилы того же времени (Шелов, 1961. С. 15; Шелов, 1963. С. 12; Шелов, 1970. С. 138); еще одно – в свалке инвентаря эллинистического времени в кургане 1 (Шелов, 1970. С. 139,5). Отмечу еще одну находку антропоморфного изваяния в могиле 187 I в. н.э. (Табл., 4). Оно входило в состав плит покрытия и его повторное использование в таком качестве совершенно очевидно. Оно, безусловно, относится к более раннему времени (Шелов, 1970. С. 139, 3,7; Арсеньева, 1977. С. 147. Табл., XLVIII, 2). Все эти находки могут свидетельствовать о существовании их в III-I vv. до н.э. Для 60-х гг. XX века вывод о принадлежности таких памятников греческому городскому населению эллинистического периода был весьма прогрессивным. Ведь большинство исследователей того времени считали эти изваяния следствием влияния варварской культуры на греческое в своей основе население причерноморских городов в первых вв. н.э. (Иванова, 1950. С. 244, 246-248; Иванова, 1953. С. 87-88; Кобылина, 1956. С. 63-64; Книпович, 1955. С. 284; Gajdukevič, 1971. S. 261).

Еще шесть антропоморфных памятников из Танаиса и его некрополя позволяют уточнить эти даты. Это, прежде всего, два изваяния, несомненно, относящиеся к III в. до н.э., по крайней мере, к его второй половине (Табл., 5-6). Одно (Табл., 5), высотой около 80 см, было обнаружено в 1965 году над бо-

гатым женским погребением (кремация) № 13, содержащем золотые вещи, бронзовое зеркало и чернолаковую пеплику второй половины III в. до н.э. (Шелов, 1970. Табл. XXXI, 1; там же С. 136). Дмитрий Борисович уверенно связывал данное изваяние с этим погребением (Шелов, 1970. С. 140). Это хорошо обработанный памятник, склеенный из трех частей, в виде довольно высокой гермы. Памятники таких очертаний характерны для греческой культуры еще с микенского времени (Rutkowski, 1973. С. 169. Рис. 76).

Второй антропоморф (Табл., 6) был найден в западном районе городища Танаис в составе вымостки переулка между наружными стенами домов (кладки 11 и 20). Время создания этой вымостки – II в. до н.э. (Болтунова, Каменецкий, Деопик, 1969. С. 34-35. Рис. 22.). Это изваяние с прямоугольной головой и сглаженными гранями попало в вымостку, будучи использованным повторно и его изначальная датировка тяготеет еще к III в. до н.э., может быть к его второй половине. Памятники таких очертаний и пропорций по классификации Н.В. Молевой относятся к III в. до н.э. (Молева, 2002. С. 48. 5 тип). К этим изваяниям примыкает и антропоморф, найденный в кургане 1. Он находился в заполнении ямы погребения 10, датированного инвентарем III-II вв. до н.э. (Шелов, 1970. С. 139. Рис. 6).

Еще три изваяния были использованы весьма своеобразно и такой обряд также был впервые зафиксирован для Боспора раскопками Д.Б. Шелова и А.И. Болтуновой. Эти маленькие антропоморфы,

высотой 27-28 см, находились внутри могильных ям, будучи поставленными за головами умерших (mogилы 188,189). Остатки инвентаря, сохранившиеся в могиле 189 не давали основания для датировок. Но эти могилы находились на участке, содержащем погребения II – в. до н.э. (Арсеньева, 1977. С. 147; Табл. XLVIII, 1,3). По своим очертаниям, пропорциям, форме головы – они принадлежат ко II в. до н.э. согласно нашей классификации, разработанной на основе датированных аналогий (Молева, 2002. С. 54-55. Тип 12).

Таким образом, вывод Д.Б. Шелова о том, что антропоморфные изваяния стали использовать в Танаисе со временем его основания, а также во II-I вв. до н.э. был правильным и позволил пересмотреть даты десятков «бесхозных» боспорских памятников такого рода. Кроме того, именно из раскопок Д.Б. Шелова и А.И. Болтуновой стало очевидно, что эти памятники использовались не только как надгробия, но и помещались в покрытия могил и внутрь последних как апотропеи в загробном мире.

Вторая группа антропоморфных изваяний из Танаиса представлена памятниками особого рода, подобных которым на Боспоре до сих пор не найдено. Для них характерны плечи, более широкие, чем туловище, и как бы нависающие над ним. (Табл., 7-8). Дмитрий Борисович описал одно из таких надгробий (Табл., 7) как изваяние «более развитой формы: у него на плечиках имеются выступы, как бы намечающие руки человеческой фигуры»(Шелов, 1970. С. 140). На некоторых памятниках такой признак выра-

жен довольно четко, на других – едва намечен. Всего таких изваяний, найденных в 1956-65 гг. мне известно четыре. Два из них обнаружены в погребениях эллинистического времени в кургане 1. Одно стояло в юго-западном углу могильной ямы (погребение 2); второе находилось в заполнении могильной ямы в погребении 10 (Шелов, 1966. С. 67, 74, 76; Шелов, 1970. С. 138). Более конкретных дат для захоронений нет.

Еще два изваяния были найдены стоящими в могилах 188 и 189 за головой погребенных (Арсеньева, 1977. С. 147. Табл. XLVIII, 1,3). Инвентаря в погребении 188 не было, но зато удалось установить ориентацию скелета покойного головой на юг – юго-запад. То же самое характерно для погребения 189, остатки инвентаря которого «не дают оснований для датировки» (Арсеньева, 1977. С. 25, 28). В двух случаях (изваяния из кургана 1) эти памятники имеют близкие к стандартам размеры: их высота превышает 40 см, ширина плеч около 15-19 см. Толщина плиты – 5 см. Вероятно, они специально изготавливались для помещения их в состав инвентаря внутри могил, где выполняли функции апотропея.

Хочется обратить внимание на ориентацию погребенных с этими изваяниями – юг или юго-запад, что отличает их от традиционных боспорских захоронений. В связи с этим напрашиваются ассоциации о сравнении подобных памятников с надгробиями из Карфагена, Алауи и Алерии. Исследователи отмечают в них связь антропоморфной формы со знаком богини Танит, игравшей ведущую роль в культе мертвых в Финикии и Карфагене (Picard, 1954. Р. 4-6. Табл. II). Может быть, какие-то уже переработанные традиции воспроизведения этого знака на некоторых танаисских погребальных памятниках в сочетании с нетрадиционной для боспорских городов ориентацией погребенных указывают на группу населения, имевшую семитские корни.

Примитивной разновидностью подобных изваяний могут считаться «стрелковидные» памятники (Табл. 9), в которых также прослеживаются «нависающие» плечики (Шелов, 1970. С. 141, 1-4). Ими могли отмечаться детские захоронения, так как обычая устанавливать полноценные надгробия малым детям на Боспоре не существовало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977. 152 с.
2. Болтунова А.И., Каменецкий И.С., Деопик Д.В. Раскопки западного района Танаиса (1957-1960 гг.) // Античные Древности Подонья – Приазовья. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 154) / Д.Б. Шелов (отв. ред.). М., 1969. С. 8-101.
3. Иванова А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. № 13. С. 244-248.
4. Иванова А.П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
5. Книпович Т.Н. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955. С. 280-288.
6. Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 63-71.

7. Молева Н.В. Классификация и датировка боспорских антропоморфных изваяний // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 37-69.
8. Молева Н.В. Античные антропоморфные изваяния: Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Н. Новгород, 2012. 178 с.
9. Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (Раскопки 1955-1958 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук СССР. Ин-т археологии; № 98. 1961. – 95 с., 25 л. ил..
10. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 251 с..
11. Шелов Д.Б. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1965 году // Архив ИА РАН, 1966. Р. 170/90.
12. Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Amsterdam-Berlin. 1970. 604 с.
13. Picard C. G. Catalogue du Musée Alaoui, nouvelle série (Collections puniques), Tome I. Tunis. 1954. Tabl. II.
14. Rutkowski B. Sztuka Egeiska. Warszawa. 1973. 280 s.

Таблица: Антропоморфные изваяния Танаиса. Раскопки Д.Б. Шелова.

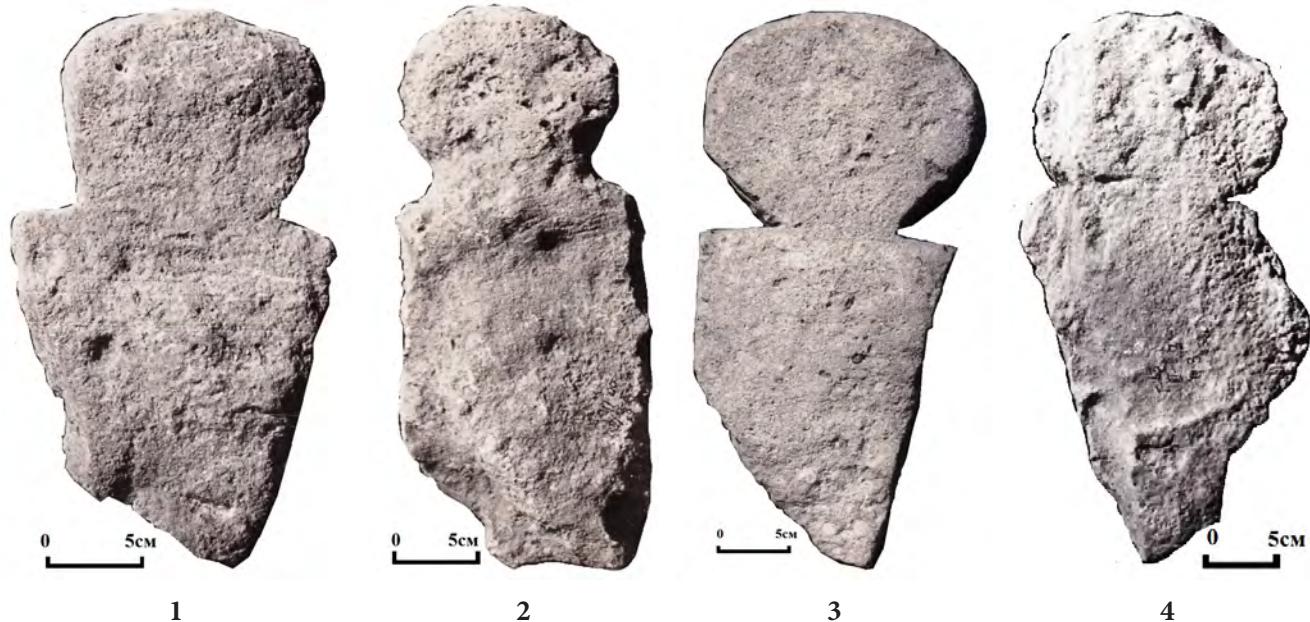

Рис. 1-4 – Изваяния из насыпи некрополя III-I вв. до н.э. и покрытия могилы I в. н.э.

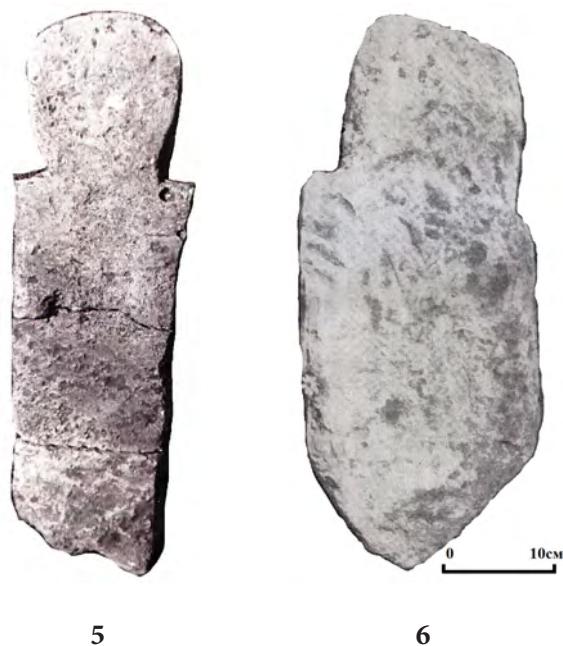
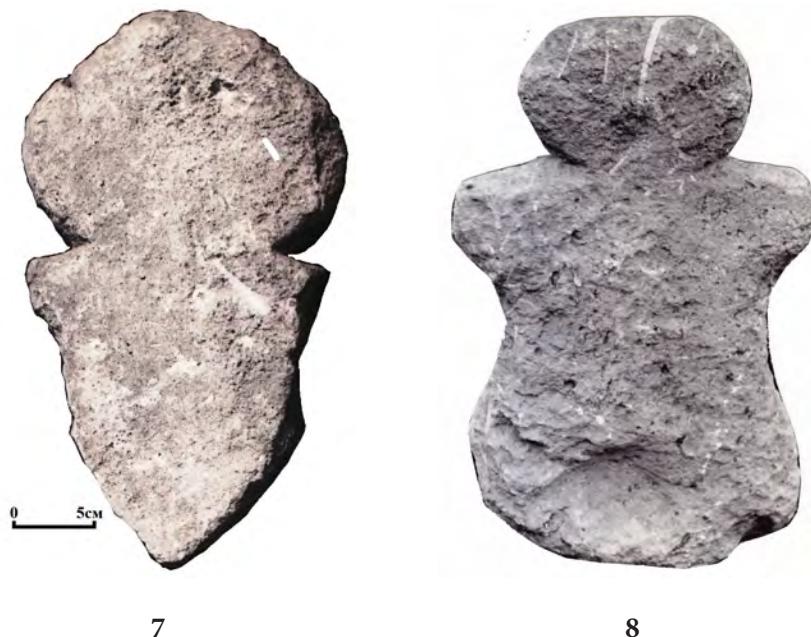

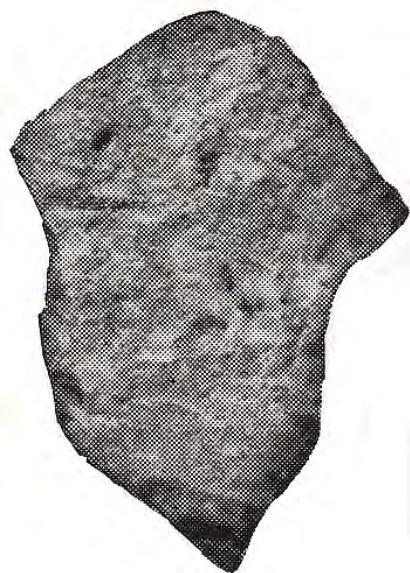
Рис 5-6. Изваяния III в. до н.э. (некрополь и городище).

7

8

Рис. 7-8. Изваяния с «нависающими» плечиками.

9

Рис. 9. Стрелковидное надгробие.

КОМПЛЕКС АМФОР 1948–1949 ГГ. НА ХОЛМЕ «Г» В ФАНАГОРИИ: ПОЛНЫЙ КОНТЕКСТ¹

С.Ю. Монахов

Саратовский госуниверситет (г. Саратов)
e-mail: monachsj@mail.ru

В статье анализируется комплекс из 18 амфор разных центров середины V века до н.э. из раскопок 1948–1949 годов в Фанагории. Удалось установить полный контекст комплекса, продатировать все входящие в его состав сосуды по аналогиям из других причерноморских комплексов и установить узкую его дату.

Ключевые слова: амфоры, керамические комплексы, хронология

Скопление из 18 поставленных вертикально амфор было обнаружено на холме «Г» в 1948 году в небольшом раскопе площадью 60 кв. м. на глубине 6,1 м. Конструкция уходила в борт раскопа. На следующий год было выявлено продолжение этого комплекса – еще 17 сосудов. Выяснилось, что 25 амфор ножками вверх были наполовину вкопаны в траншею в материке. Этот нижний ряд амфор был засыпан песком и в этот слой песка были воткнуты ножками вниз амфоры второго ряда. Нижняя партия амфор состояла из целых сосудов, вторая – в основном из раздавленных.

Автор раскопок первоначально считала, что это остатки склада (Кобылина, 1951. С. 232 сл.). Позднее она, ссылаясь на аналогичную конструкцию в несколько тысяч амфор в Карфагене, предположила, что данное скопление было инженерным сооружением, препятствующим образованию оползня на склоне (Кобылина, 1956. С. 21; Schulten, 1907. S. 164. Abb. 1). Нечто похожее было открыто недавно и в Пантике (Толстиков, Ломтадзе, 2016. С 467 сл.). Следует отметить, что фанагорийская выкладка амфор не была исследована полностью, конструкция уходила в восточный борт раскопа 1949 года (Кобылина, 1949. Л. 3). Работы на этом участке городища более не проводились.

Комплекс хорошо известен, но полностью никогда не публиковался. Определенное представление о нем можно было получить по статьям М.М. Кобылиной с кратким описанием стратиграфической ситуации и фотографиями двух амфор (Кобылина, 1951. С. 232 сл.; 1956. С. 20 сл.), а также по схематичным

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

чертежам в книге И.Б. Зеест (1960. С. 73, 76, 81. Табл. II – 7, IV – 11 г, VI – 166). В 1950-е годы замеры емкости и описание морфологии амфор были сделаны Б.Н. Граковым, сведения которого (параметры, емкости) по его рукописи приведены в последней книге И.Б. Брашинского (1984. С. 132).

При подготовке в конце 1990-х годов книги по комплексам керамической тары я вынужден был оперировать только опубликованными данными (Монахов, 1999. С. 121-124), поскольку поработать с самими материалами в ГМИИ не удавалось. Дело в том, что большая часть амфор этого музеиного собрания была помещена внутри гипсовой копии портика с карнатидами Эрехтейона в «греческом дворике», куда отдельного входа не было. Именно поэтому после И.Б. Зеест ни И.Б. Брашинский, ни другие исследователи не имели доступа к этим материалам. Наконец в 2002 году, благодаря любезной помощи Е.А. Савостиной, я смог зачертить часть амфор из комплекса, некоторые из которых вошли в книгу 2003 года (Монахов, 2003. Табл. 5-4, 6-5, 7-1, 28-2, 40-2). Сразу следует отметить, что ни в 1999, ни в 2003 годах, не располагая отчетами М.М. Кобылиной, я практически не сомневался, что это был амфорный склад, тем более, что именно так считал и И.Б. Брашинский. Как позднее выяснилось, это было ошибкой.

Следующий этап работы с материалами фанагорийского комплекса связан с А.А. Завойкиным. Для своей книги 2004 года он запланировал одно из приложений специально посвятить ему, для чего поднял отчетные материалы

М.М. Кобылиной, а чертежи амфор получил от меня. А.А. Завойкин детально разобрался в стратиграфии участка на холме «Г», убедительно доказал, что комплекс не является амфорным складом а, скорее всего, представляет собой инженерную конструкцию, а также предложил для всех известных ему амфор хронологические определения (Завойкин, 2004. С 140–147. Табл. LXXVIII–LXXXIV). Недавно автор опять вернулся к этому материалу и детально проанализировал фанагорийский комплекс в широчайшем контексте находок хиосских амфор VI–V вв. до н.э. за многие десятилетия раскопок в Фанагории (Завойкин, 2013. С. 132-152).

Итак, по описанию М.М. Кобылиной было найдено целых хиосских амфор 24 в нижнем ряду + 2 целые в верхнем ряду, 1 раздавленная сероглинянная лесбосская в нижнем ряду и 8 фасосских амфор, в том числе 1 целая в верхнем ряду. Сколько амфор М.М. Кобылина сдала на хранение в ГМИИ – неизвестно, но инвентарные номера амфор как из этого комплекса, так и вообще все сосуды из раскопок Фанагории, имеют первую букву «Ф», где после дефиса идет порядковая цифра. Важно, что А.А. Завойкин опубликовал в книге 2004 года фотографии амфор в конструкции *in situ*, а также включил в свою книгу фотографии 12 хиосских амфор, сделанных в поле М.М. Кобылиной (Завойкин, 2004. С. 239-241). Это позволяет достаточно надежно идентифицировать практически все сосуды из раскопа на холме «Г» и дает возможность издать этот комплекс полностью.

В апреле 2019 года мне и моим сотрудникам была предоставлена возможность работы над амфорной коллекцией ГМИИ в рамках гранта РНФ «Греческие амфоры VII–II вв. до н.э. с северных берегов Понта: создание музейных каталогов и электронной базы данных (APE)». В ходе тотальной проверки коллекции было выявлено еще несколько сосудов из комплекса, которые не были учтены мною в 2002 году и, соответственно, не были известны А.А. Завойкину. Кроме того, выяснилось, что в инвентарных номерах амфор имеет место путаница. Так, номер **Ф-472** стоит на единственной lesbосской амфоре (рис. 2-2) и одновременно на одной хиосской (рис. 3-12), номер **Ф-436** стоит на двух хиосских (рис. 1-1, 2-6), точно также номер **Ф-440** фигурирует на двух других хиосских (рис. 1-3, 2-7). Казалось бы, безвыходная ситуация, однако ее удалось разрешить. Дело в том, что на всех амфорах из фанагорийского комплекса на холме «Г», в отличии от других сосудов из раскопок в Фанагории, присутствует специфический налет и окраска. В нижней части тулова обычно имеется черная окраска, которая перемежается пятнами белого цвета. Причины этого не очень понятны, но скорее всего это следствие особенностей грунта, в котором амфоры находились.

В конечном счете удалось исключить из комплекса ряд сосудов с близкими инвентарными номерами. Так, одна из хиосских амфор с номером **Ф-436** (рис. 1-1) склеена из множества фрагментов, что совершенно не характерно для прочих сосудов из комплекса на холме «Г», а,

кроме того, на ней нет специфических следов налета от грунта. Наконец, она очевидно значительно более ранняя, чем другие хиосские амфоры – у нее окрашен красным лаком венец, на ней тем же лаком нанесены горизонтальные полосы по плечам и тулову и узкие вертикальные полосы лаком по ручкам до средней части туловы. В конце концов выяснилось, что она происходит не из Фанагории, а из раскопок Пантикея 1972 года, шифр же **Ф-436** на ней проставлен ошибочно. Вторая же амфора под тем же номером **Ф-436** (рис. 2-6) точно происходит из фанагорийского комплекса.

Точно также следует исключить из состава комплекса абсолютно целую хиосскую амфору **Ф-432** (рис. 1-2), которая не имеет специфической окраски и к тому же также явно более ранняя, чем сосуды из комплекса на холме «Г». Эта амфора ошибочно была в свое время включена в этот комплекс и мною, и А.А. Завойкиным (Монахов, 2003. Табл. 5-4; Завойкин, 2004. Табл. LXXX – 1).

Как отмечалось, № **Ф-440** также фигурирует на двух хиосских амфорах. Одна из них, без нижней части туловы и ножки, несомненно происходит из фанагорийского комплекса (рис. 2-7). А вот в отношении другого хиосского сосуда под таким номером имеются серьезные сомнения в том, что он происходит из раскопа на холме «Г» (рис. 1-3). Эта амфора не имеет следов окраски внешней поверхности в виде черного налета и белых пятен, кроме того, у нее возле нижних прилепов ручек стоят дипинти бурым лаком в виде буквы «Θ», что яв-

ляется характерным признаком для датировки ее началом второй четверти V века.

Еще одна амфора (**Ф-474**) *неустановленного средиземноморского центра* (рис. 2-4) по инвентарному номеру вроде бы должна относиться к фанагорийскому комплексу. Однако в книге И.Б. Зеест эта амфора, атрибутируемая как продукция фанагорийских мастерских, хоть и фигурирует под другим номером (№660), но отмечена как находка 1955 года (Зеест, 1960. С. 97. Табл. XX – 366). Таким образом она не входила в состав комплекса 1948–1949 гг.

Наконец, под шифром **Ф-49/331** в фондах ГМИИ хранится горло амфоры производства *Айноса* (до недавнего времени они обозначались как амфоры «с раздутым горлом», см.: Зеест, 1960. Табл. XIII – 27). Никаких следов окраски на этой амфоре не имеется, цифра 331 в инвентарном номере далеко отстоит от номеров основной массы амфор. Оснований для включения этого горла (рис. 1-5) в состав комплекса не имеется.

И последнее уточнение, *хиосская амфора* из фанагорийского комплекса, которая числилась под номеров Ф-474 (Завойкин, 2004. Табл. LXXX – 5), на самом деле имеет инвентарный номер **Ф-471**.

Таким образом, в настоящее время более или менее надежно идентифицируются 18 сосудов из фанагорийского комплекса 1948–1949 годов, что значительно больше того, что было учтено мною в 2002 году. По возрастающему порядку цифр инвентарных номеров они представлены в таблице 1, где также приведены параметры сосудов.

табл. 1.
Состав комплекса амфор
из конструкции на холме «Г»
с параметрами

центр	Инв. №	H	H ₀	H ₁	D	d
Хиос	Ф-430	–	–	275	286	76
Хиос	Ф-431	720	665	265	304	88
Хиос	Ф-433	750	684	260	290	68
Хиос	Ф-434	–	–	275	304	74
Хиос	Ф-435	720	652	260	300	72
Хиос	Ф-436	690	640	270	290	75
Хиос	Ф-437	706	645	310	302	74
Хиос	Ф-438	–	–	300	322	80
Хиос	Ф-439	698	648	270	300	90
Хиос	Ф-440	–	–	280	310	83
Хиос	Ф-441	744	698	260	290	88
Хиос	Ф-469	770	703	300	304	78
Хиос	Ф-470	712	662	260	292	90
Хиос	Ф-471	758	717	265	300	90
Хиос	Ф-472	795	728	285	286	83
Хиос	Ф-1948, №1188	–	–	260	298	77
Лесбос	Ф-472	~740	~720	~310	330	85
Фасос	Ф-473	610	552	210	295	76

Попробуем рассмотреть все группы амфор из комплекса поочередно. Начнем с *фасосских*. Их обнаружено 8 экз., но реально известна одна под №**Ф-473** (рис. 2 – 1). Она единственная попала на хранение в ГМИИ, остальные были сильно фрагментированы и потому не взяты. Еще И.Б. Зеест такие сосуды относила к категории «фасосских неклейменых» (Кобылина, 1951. Рис. 77 – справа; Зеест, 1960. С. 80 сл. Табл. VI – 16 б – чертеж не точен). И.Б. Брашинский выделил их в особый тип «фанагорийский холм Г» (1984. С. 179. Табл. 6 – № 9; обмеры Б.Н. Гракова). В настоящее время их относят к «протобиконической» серии «фанагорийского» варианта и датируют

чаще всего третьей четвертью V века (Монахов, 2003. С. 65 сл. Табл. 40, 41; Завойкин, 2004. С. 145. Табл. LXXXI – 1).

Полные аналогии фасосской амфоре из фанагорийского комплекса встречены в курганах № 17 и 45 Елизаветовского могильника (Брашинский, 1980. С. 109, 110; Монахов, 2003. Табл. 40 – 3, 41-1-4), к сожалению, без надежного хронологического контекста. Относительно недавно такие амфоры были найдены и на самом Фасосе в комплексе у ворот Силена (Grandjean, 1992. Р. 564. № 72). Уточняют хронологию этой серии два сосуда из погребения № 6 (1967 года) Пичвнарского могильника, где вместе с ними был найден электровый кизикский статер 460–440 годов до н.э. (Кахидзе, 1975. С. 95. Рис. 31-2, 3. Табл. XXVII – 1, 2). Есть и другие хорошо стратифицированные находки. В частности, несколько таких амфор встречено в нимфейском складе 1978 года, который датируется до середины третьей четверти V века (Монахов, 1999. С. 125 сл. Табл. 40; 2003. Табл. 40 – 4; Монахов и др., 2019. С. 40, 121, Th.3). Причем создается впечатление, что более стройные амфоры из нимфейского склада 1978 года, точно также, как и сосуды из ольвийского ботроса (1979 года) и никонийского склада №3 (1960 года) (Монахов, 1999. С. 131-153), несколько более поздние, чем сосуды из фанагорийского комплекса. Таким образом место фасосской амфоры из раскопа на холме «Г» видится в самом начале типологического ряда «фанагорийского» варианта тары. Не исключено, что она должна датироваться еще концом второй четверти V века.

Единственная лесбосская сероглинная амфора Φ-472 из фанагорийского комплекса (Зеест, 1960. С. 73. Табл. 2-7), к сожалению, к настоящему времени утратила часть плеч и мы имеем ныне лишь горло и большую часть туловы (Монахов, 2003. Табл. 28-2; Завойкин, 2004. С. 146. Табл. LXXXI – 2). Она относится к варианту II-А «надлиманского» типа, у нее отогнутый наружу валикообразный венец с площадкой сверху и уступом под ним. Горло слегка припухлое в средней части, на переходе к плечам также уступ. Туло овоидное, близкое к коническому, ножка коническая с небольшим коническим углублением на подошве (рис. 2-2).

Самые близкие аналогии этому сосуду происходят из комплексов ольвийской землянки 1985 года (450–440-х годов), кургана №3 у с. Стеблев (440-х годов) и чуть более поздних никонийского склада №3 и ольвийского склада №2 (440–420-х годов) (Монахов, 1999. С. 118–121, 131 сл., 140 сл. Табл. 37, 38, 43, 48; 2003. С. 46 сл. Табл. 28). Близкий сосуд был поднят из моря в Керченском проливе в 1970 гг. (Монахов и др. 2016. С. 80. LG.2). Известны такие сосуды и в материалах из афинских раскопок (Clinkenbeard, 1982. Pl. 71. № 5, 6). Фрагментированные горла этих амфор встречены в Истрии, где они по аналогиям датируются в пределах 450–410-х годов (Bîrzescu, 2012. S. 239. Tafl. 8, № 93-99). Довольно много их и в музеиных собраниях Турции, где они широко синхронизируются в пределах второй половины V столетия (Sezgin, 2012. Р. 231, Gles5.04).

Учитывая морфологические особенности лесбосской амфоры из фанагорийского склада, можно предполагать, что она занимает в типологическом ряду промежуточное место между амфорами из стеблевского кургана №3 и третьего никонийского склада 1960 года, т.е. должна датироваться в пределах самого начала третьей четверти V века.

Основной массив амфор из фанагорийского комплекса представлен хиосской тарой так называемого «пухлогорлого» типа. Однако эти амфоры относятся, как минимум, к двум разным вариантам. Пять из них (Ф-437, Ф-439, Ф-438, Ф-436, Ф-440: рис. 2 – 3-7) принадлежат «развитому» варианту без перехвата или с едва намеченным перехватом на горле и неокрашенным венцом (Брашинский, 1984. № 57-62; Монахов, 2003. С. 17 сл. Табл. 5, 6). Причем часть из них полностандартные, а часть – фракционные. Такие сосуды известны во множестве, в том числе в комплексах великоизнаменского кургана №13 (Монахов, 1999. С. 106 сл. Табл. 34, 35; 2003. Табл. 6 – 6-8; Полин, 2014. С. 195. Рис. 109) и елизаветовских курганов №15 и 40 (Брашинский, 1980. С. 107. Табл. I – 2, 3; Монахов, 2003. Табл. 6 – 2, 4), которые датируются концом второй четверти – серединой V века. Судя по всему, амфоры из фанагорийского комплекса представляют наиболее позднюю серию этого варианта и относятся к тому времени, когда на смену ему пришел и какое-то время существовал с ним следующий вариант хиосских амфор с перехватом в нижней части горла.

Большая же часть амфор из комплекса принадлежат именно к послед-

нему «позднепухлогорловому» варианту хиосской тары. Это 11 сосудов под №№ Ф – Ф-430, Ф-431, Ф-433, Ф-434, Ф-435, Ф-441, Ф-469, Ф-470, Ф-471, Ф-472 и Ф-1948 (рис. 3). Среди этих судов есть как полностандартные, так и фракционные образцы, и для всех них характерны плавный изгиб плеч и относительно невысокое горло, которое заканчивается резким перехватом (Монахов, 2003. Табл. 7-1-2; Завойкин, 2004. С. 144. Табл. LXXX). Еще одна деталь останавливает внимание – характер углубления на подошве ножки. Только в одном случае (Ф-433) это углубление имеет грибовидный профиль, характерный для более ранних амфор «развитого» варианта, во всех остальных случаях это углубление более или менее конической формы. На многих сосудах красной краской нанесены крупные дипинти в виде букв «А» и «Л».

Хиосские амфоры «позднепухлогорлого» варианта бытовали достаточно долгое время. Экземпляры из фанагорийского комплекса относятся к наиболее ранней серии (примерно конец 450-х – 440-е годы), для которой характерными признаками являются плавный изгиб плеч и относительно невысокое горло. Такие амфоры, в частности, зафиксированы в комплексе тризны кургана №4 группы «Дедовой Могилы», где «позднепухлогорловая» амфора найдена в контексте с хиосской «прямогорлой», что позволяет датировать их в пределах третьей четверти V века (Полин, 2014. С. 218. Рис. 136). Еще одна «позднепухлогорловая» амфора зафиксирована в таком

чуть более позднем комплексе, как ольвийский склад №1 (1971 года) (Монахов, 1999. С. 49 сл. Табл. 49). Достаточно много таких сосудов хранится в Керченском музее (Монахов и др., 2016. С. 66–67).

Примерно в тех же хронологических рамках предлагает датировать эту серию «позднепухлогорлого» варианта А.А. Завойкин (Завойкин, 2013. С. 139). В целом можно отметить, что если сначала такие амфоры существуют с «раннепухло-

горлыми» (450-е годы), то позднее (440–430-е годы) выпускаются также наряду с амфорами «с прямым горлом», и доживают до начала 420-х годов.

Возможности перекрестной датировки по трем группам тары из фанагорийского комплекса позволяют согласиться с высказанной еще И.Б. Брашинским точкой зрения об отнесении его к самому началу третьей четверти столетия, скорее всего к 440-м годам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: «Наука», 1980. – 268 с.
2. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л.: «Наука», 1984. – 248 с.
3. Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. М.; Тула: «Гриф и К», 2004. – 244 с.
4. Завойкин А.А. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // Древности Боспора. Вып. 17. М.: ИА РАН / А.А. Масленников (ред.). М., 2013. С. 132–152.
5. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М.: «Наука», 1960. – 180 с.
6. Кахидзе А.Ю. Античные памятники Восточного Причерноморья: греческий могильник Пичвнари. Батуми: «Сабчота Аджара», 1975. – 102 с., илл. 15 л. (на груз. языке, рус. резюме).
7. Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. XXXVII. М., 1951. С. 232–237.
8. Кобылина М.М. Фанагория // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 57. М., 1956. С. 5–101.
9. Кобылина М.М. Раскопки в Фанагории в 1949 году. Отчет. Рукопись. 1949. // Архив ГМИИ.
10. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: изд-во Саратовского ун-та. 1999. – 679 с.
11. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: изд-во «Киммерида», изд-во Саратовского ун-та. 2003. – 352 с.
12. Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Федосеев Н.Ф., Чурекова Н.Б. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов: типография «Новый проект», 2016. – 222 с.
13. Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Чистов Д.Е., Чурекова Н.Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э.: Каталог. – Саратов: Типография «Новый проект», 2019. – 352 с.: илл.
14. Полин С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV в. до н.э. на Херсонщине. Киев: издатель Олег Филиюк, 2014. – 776 с.
15. Толстиков В.П., Ломтадзе Г.А. Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопок центральной части Пантикея (предварительная публикация) // Древности Боспора. Вып. 20 / А.А. Масленников (ред.). М., 2016. С. 467–481.

16. Clinkenbeard B.G. Lesbian Wine and Storage Amphoras. A Progress Report on Identification // *Hesperia*. 1982. Vol. 51. P. 249-267.
17. Schulten A. Nordafrika // *Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts*. 1907. Vol. XXII. S. 162-176. Abb. 1.
18. Birzescu I. Die archaischen und frühklassischen transport amphoren / *Histria*. Vol. XV. Bucureşti, 2012. – 355 S., 120 tafl.
19. Grandjean Y. Contribution a l'établissement d'une typologie des amphores thusiennes. Le matériel amphorique du quartier de la porte du Silene // *BCH*. Vol. 116-2. Paris, 1992. P. 541-584.
20. Sezgin Y. Arkaik Dönem Ionia Uretimi Tigari Amphoralar. Ege Yayınları, 2012. – 344 p.

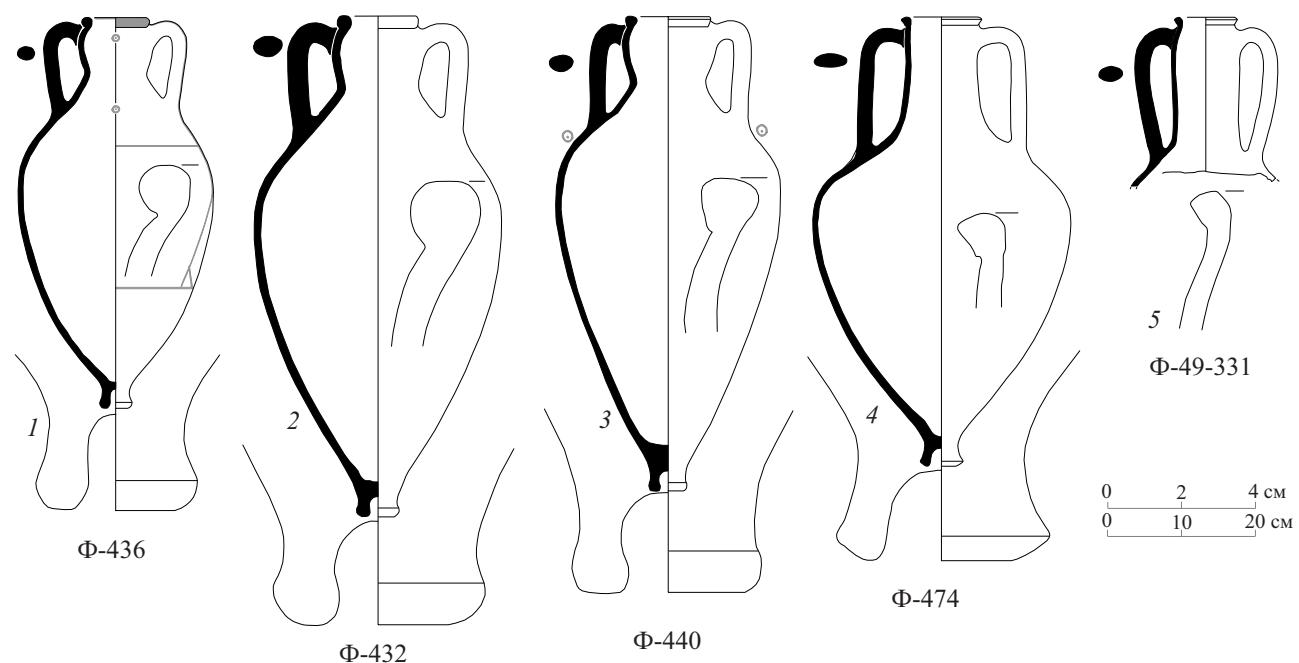

Рис. 1. Амфоры, не имеющие отношения к фанагорийскому комплексу на холме «Г».

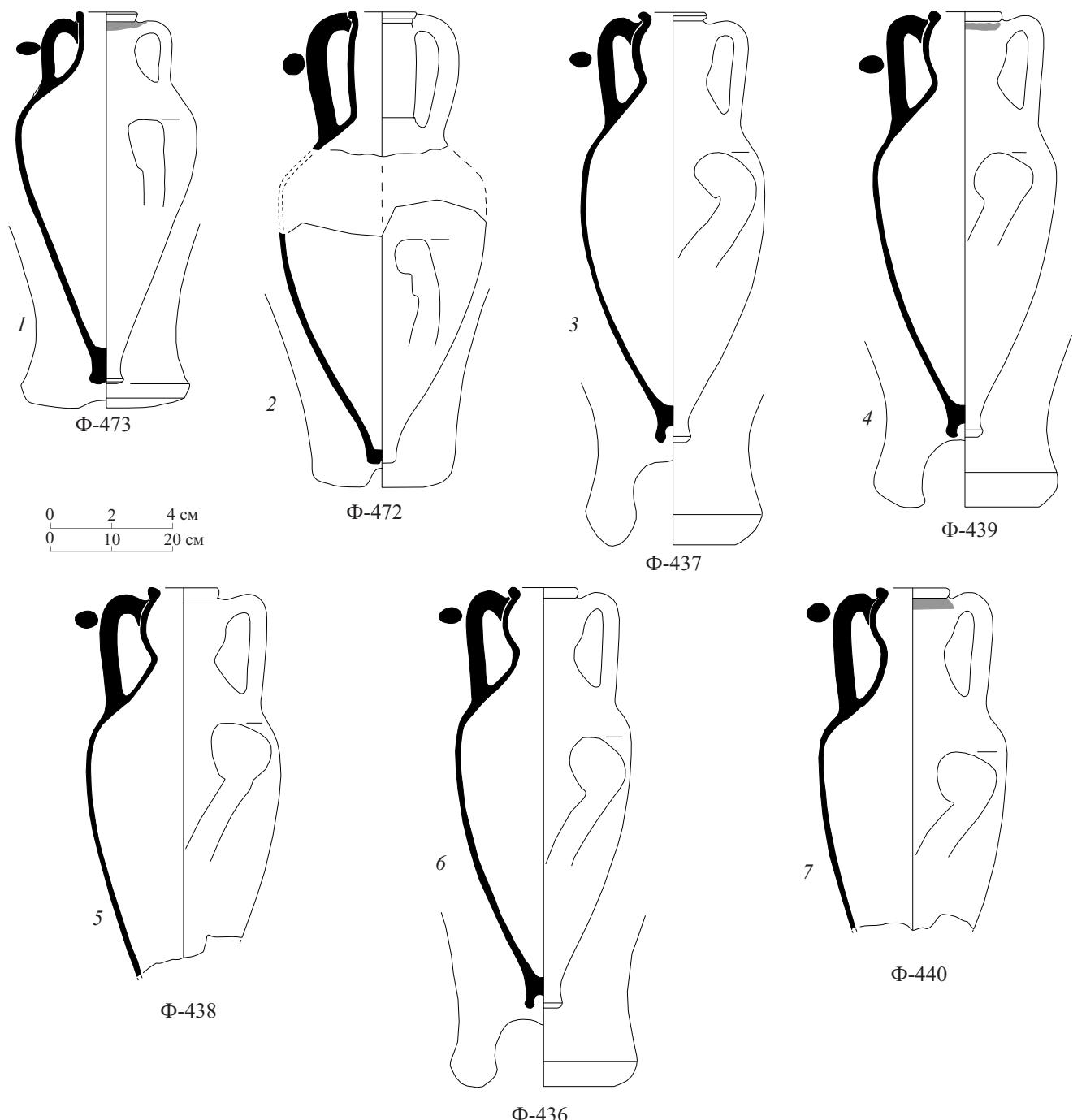

Рис. 2. Рис. 2. Амфоры из фанагорийского комплекса на холме «Г»: 1 – Фасос; 2 – Лесбос; 3-7 – Хиос.

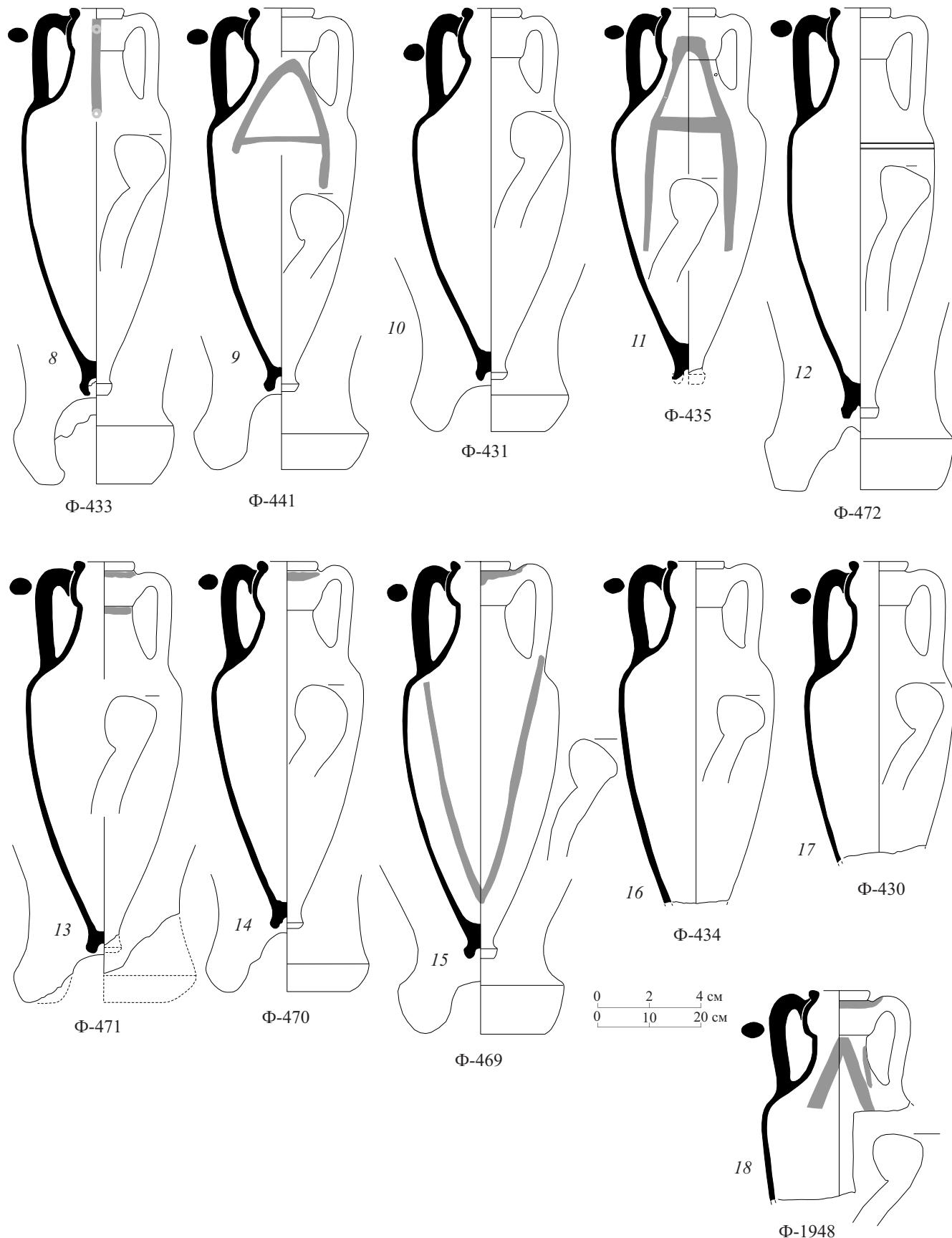

Рис. 3. Рис. 3. Хиосские амфоры (№8–18) из фанагорийского комплекса на холме «Г».

«ВАРВАРСКИЕ КУЛЬТУРЫ» СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ И МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ ИХ ИЗУЧЕНИИ

В.И. Мордвинцева¹

НИУ «Высшая школа экономики»
Институт всеобщей истории РАН, (г. Москва)
e-mail: vmordvintseva@hse.ru

В статье критически анализируются методы изучения, которые до настоящего времени применялись в исследовании археологических культур сарматской эпохи. Выбранные методы исследования применялись непоследовательно, их логика была нарушена. Необходимо радикальное переосмысливание существующей научной традиции (в онтологическом, гносеологическом и методологически-логическом отношении), что требует изменения способа и стиля научного мышления, поиска иных основ для разработки метода. Наиболее перспективно в качестве методологической основы конкретных подходов использовать сетевую модель археологической культуры.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, археологическая культура, сарматская эпоха, методы исследования, сетевой подход.

Материалы раскопок памятников Северного Причерноморья были включены в общие исследования по античной истории этого региона в конце XIX – начале XX в. еще до выделения конкретных археологических культур (Толстой, Кондаков, 1889–1899; Ростовцев, 1918; 1925). Термин «культура» по отношению к различным совокупностям археологического материала употреблялся уже в XIX в., в основном обозначая группы относительно одновременных комплексов («хронологическая версия» понятия «археологическая культура») (Каменецкий, 1970. С. 18; Клейн, 1970. С. 37-38). Но в значении «группы археологических памятников, объединенных единством территории и сходством признаков, образующих внутренне связанную систему», он стал использоваться только в начале XX в. Густав Коссина первым установил возможность совпадения

¹ Статья подготовлена автором в рамках выполнения проекта РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ». ORCID 0000-0003-2940-0545.

ареалов разных категорий археологического материала (Kossina, 1936. С. 15), и сформулировал «территориальную версию» определения понятия «археологическая культура» (Каменецкий, 1970. С. 18; Клейн, 1970. С. 38). «Комплексную дефиницию» (Клейн, 1970. С. 41) предложил Вир Гордон Чайлд: «Мы находим определенные типы останков – ямы, орудия, украшения, погребальные обряды, формы домов – постоянно встречающиеся вместе. Такой комплекс регулярно соединяющихся останков мы называем «культурной группой» или просто «культурой»» (Childe, 1929. Р. v-vi). В данном случае выделения принята «внутренняя связь элементов культуры», имеющих определенные границы во времени и в пространстве (Клейн, 1970. С. 40). В Советском Союзе выделение археологических культур началось в период 1920-х – 1930-х гг., в результате первичной классификации и систематизации археологических памятников.

Осмысление онтологического содержания и гносеологической перспективы археологии началось в Советском Союзе вскоре после Второй мировой войны (Потемкин, 1945. С. 8; Ганжа, 1991. С. 60) и продолжалось до начала 1990-х. Одна из последних обширных дискуссий состоялась в рамках методологического семинара ЛОИА АН СССР «Археологические культуры и культурная трансформация» (Массон, Боряз, Аникович, 1991). С тех пор общие теоретические вопросы археологии организованно более не рассматривались. В рамках дискуссий, в которых участвовали в основном доисторики (специализирующие-

ся на «бесписьменных» эпохах камня и бронзы) и философы, помимо вопросов относительно предмета и объекта археологии, ее статуса в системе гуманитарного знания, специфики археологических источников, обсуждалось содержание понятия «археологическая культура». Она была признана основным инструментом в исследованиях культурно-исторических процессов на археологическом материале (Каменецкий, 1970; Клейн, 1970; Массон, Боряз, Аникович, 1991). При этом предлагались различные варианты решения ряда методологических проблем, связанных с этим понятием.

В качестве одного из ключевых вопросов рассматривалась объективность существования «археологической культуры». Согласно одной точке зрения, она представлялась как результат субъективной систематизации и организации материала (Лебедев, 1975. С. 57; Клейн, 1970. С. 42, 49; Массон, 1991. С. 6), специфическая когнитивная категория, которая вне процесса познания не имеет значения (Захарук, 1981. С. 18). Другие исследователи полагали, что она является реально существующей устойчивой совокупностью объектов материальной культуры (А. П. Смирнов, 1964. С. 3; Бочкарев, 1975; Пряхин, 1991; Брайчевский, 1991), которая «в практическом применении не конструируется, а познается» (Каменецкий, 1970. С. 22, 35; Брайчевский 1991: 56). Позиция по этому вопросу влияла на изучение исторической реальности, стоящей за феноменом археологической культуры. От нее зависела интерпретация отдельных признаков

археологической культуры: территориальные и хронологические границы и их таксономия (А. П. Смирнов, 1964. С. 9; Монгайт, 1967. С. 55; Каменецкий, 1970. С. 22-23; Массон, 1991. С. 6; Аникович, 1991. С. 45; Ковалевская, 1991. С. 51; Ганжа, 1991. С. 64); контактные зоны и переходные периоды (Дергачев, 1991; Манзура, 1991); природа культурных трансформаций и соотношение традиций и инноваций (Массон, 1991. С. 7; Матюхин, 1991. С. 21; Аникович, 1991. С. 42-43); связь с конкретным этносом/обществом, хозяйствственно-культурным типом (Захарук, 1964; 1970; 1991. С. 72; Генинг, 1983. С. 177; 1991. С. 65; Массон, 1991. С. 7; Боряз, 1991. С. 11; Матюхин, 1991. С. 22; Ковалевская, 1991. С. 49; Брайчевский, 1991. С. 57-59; Ганжа, 1991. С. 62-64). Меньшее внимание в теоретических дискуссиях уделялось обсуждению конкретных исследовательских процедур и их гносеологического потенциала.

В основе практически всех конкретных исследований культурно-исторических процессов в северочерноморском барбарикуме сарматской эпохи лежала концепция, согласно которой археологические культуры существуют объективно, и являются прямым отражением реальных обществ древности. Основной круг дискутировавшихся вопросов включал в себя уточнение хронологических рамок и территориальных границ археологических культур, выявление в них признаков традиций и инноваций (среди которых особое внимание уделялось новым формам погребальных сооружений, артефактов и изображений на них), выяснение причин и следствий

изменения/смены культур, выделение локальных вариантов.

Границы археологической культуры, по представлениям большинства учёных того времени, совпадали с ареалом обитания племени или союза племён, и даже с территорией распространения конкретных языковых общностей (Смирнов, 1964. С. 8; Захарук, 1964. С. 42). Их границы могли быть чёткими или расплывчатыми, меняться со временем в связи с переселением носителей культуры в другое место (Каменецкий, 1970. С. 23). Универсальным средством определения этих границ признавалось картографирование культурообразующих элементов (Смирнов, 1964. С. 3-4; Каменецкий, 1970. С. 23). Под ними разные исследователи понимали «этнические или этнографические черты» (Каменецкий, 1970. С. 24), как правило, «имеющие узкий ареал распространения»: сходные формы керамики и ее орнаментацию, формы орудий и технологию их изготовления, обряд погребения (Смирнов, 1964. С. 4-7). Большие надежды в выделении характерных черт культуры возлагались на методы математической статистики (Смирнов, 1964. С. 7-8). В частности, вычисление процентного содержания признака признавалось достаточным для определения его как «ведущего», т.е. культурообразующего (Каменецкий, 1970. С. 26). При этом предполагалось, что археологические культуры «являются объективной реальностью, они существуют в действительности» (Каменецкий, 1970. С. 19, 22). Задача исследователя состоит только в том, чтобы правильно понять эту реальность, и вы-

брать верные признаки для ее характеристики. Лишь немногие считали археологическую культуру инструментом познания, субъективной реконструкцией исследователя, а как феномен объективной реальности интерпретировали сами археологические остатки (Смирнов, 1964. С. 3; Шер, 1966. С. 264).

Помимо дискуссии о содержании термина «археологическая культура», впервые был поднят вопрос о необходимости разработки «горизонтальной систематизации» археологических комплексов и выработки их таксономии. Одни синхронные памятники, сходные по ряду признаков, признанных «культурообразующими», покрывали значительное пространство, другие, отмеченные специфическими признаками, занимали внутри этого пространства небольшие ареалы. Для объяснения этого феномена была предложена иерархия терминов: локальный вариант => культура => культурная общность (Смирнов, 1964. С. 8), или более подробно: отдельный памятник => группа памятников => локальный вариант => культура => культурная общность (Каменецкий, 1970. С. 19-20). Эти понятия включались и до сих пор включаются в исторические построения для отображения иерархии социальных общностей: например, если под культурой понимали совокупность родственных племён, то локальный вариант представлялся как отдельное племя (Каменецкий, 2011. С. 202-209).

Обсуждались также подходы к «вертикальной систематизации». Актуальной проблемой было обоснование «этнического родства» расположенных

на одной территории, но относящихся к разным хронологическим периодам археологических памятников. Если сменяющие друг друга группы относительно гомогенных комплексов обладали некоторыми чертами сходства, то считалось, что их преемственность или «генетическое родство» установлены. Такие хронологические группы именовались, как правило, этапами или стадиями. Критерии, по которым можно было отличать «культуру» от «этапа», специально не дискутировались. В целом, можно отметить тенденцию выделения долговременных культур: «никакие различия в материальной культуре, вызванные её развитием, и тем более изменения социального порядка не могут служить основанием для выделения двух самостоятельных культур» (Каменецкий, 1970. С. 24).

Вопрос о причинах изменений культур решался исходя из их декларируемой «этнической» сущности и некоторых её предполагаемых свойств: этнос не может измениться сам, он меняется под внешним воздействием. «Хорошей гранью» между этапами отдельной культуры «является приход иноземцев, внедрение посторонних племен» (Смирнов, 1964. С. 9). Одновременно с таким вполне «миграционистским» объяснением провозглашался эволюционный характер культурных изменений: новые признаки «не сваливаются с неба, а появляются в зачаточном виде в предшествующей культуре. В новой культуре они становятся господствующими» (Смирнов, 1964. С. 10).

Несмотря на многочисленные теоретические дискуссии и высокие требова-

ния к проведению кабинетных исследований, в большинстве опубликованных работ, написанных на базе археологического материала сарматской эпохи, отсутствуют эксплицитная постановка цели¹ и задач исследования; обоснование выбора исследовательской базы для решения именно этих задач и оценка ее репрезентативности; описание конкретных путей решения проблемы, в том числе последовательности аналитических действий, которые должны привести к решению поставленных задач; критика полученных результатов, являющихся необходимым условием научного труда (Ковальченко, 2003. С. 220).

Позитивным примером соблюдения научно-исследовательской процедуры является серия монографий, посвященных статистической обработке погребальных памятников «Азиатской Сарматии», выполненной в рамках российско-итальянского проекта (Genito, Moškova, 1995; Мошкова, 1994а; 1997; 2002; 2009). Целью проекта было изучение по материалам погребений социальной структуры (итальянская часть проекта) и погребального обряда (российская часть проекта) кочевых обществ степной Евразии между Уралом и Доном в хронологических рамках второй половины I тыс. до н.э. – 1 пол. I тыс. н.э. Базу данных составили 3740 погребальных комплексов: 512 – савроматского периода VI–IV вв. до н.э., 465 – раннесарматского периода IV–III вв. до н.э., 979 – раннесарматского периода III–I вв. до н.э., 973 – среднесарматского периода I–I

пол. II в.н.э., и 811 – позднесарматского периода 2 пол. II – IV вв.н.э.

Для изучения социальной структуры кочевых обществ Азиатской Сарматии (итальянская часть проекта) был проведен социально-статистический анализ комплекса признаков погребального инвентаря 464 погребений из 114 могильников савроматского времени (VI–IV вв. до н.э.) (Biscione, 1995; Bernabei, Bondioli, Guidi, 1995). В числе применявшимся методов были: кластерный анализ, correspondence analysis / reciprocal averaging, изучение связи возраста и пола погребенных с классами предметов и материалов, различные методы группового анализа (single-link method, complete-link method, unweighted pair-group method, weighted pair-group method, shared near-neighbour clustering) (Bernabei, Bondioli, Guidi, 1995. Р. 162). Совокупность материала изучалась раздельно для мужских, женских и детских погребений. В результате выявились различия по набору погребального инвентаря между уральской и волго-донской группами памятников (Bernabei, Bondioli, Guidi, 1995. Р. 171, 182). Для каждой из этих групп установлен «стандартный набор» признаков мужских, женских и детских погребений. Ученые пришли к выводу, что широко распространенное мнение о гинейкоцратии («женоуправляемости») савроматских племен не подтверждается археологическими материалами. Они выдвинули гипотезу о преобладании у изучаемых nomadov agnaticeskoy sistemy rodstva, analogichnoy sovremenennym kochevym ob-

¹ Можно полагать, что цель исследования, хотя и не во всех случаях, отражена в заголовке работы.

ществам (Bernabei, Bondioli, Guidi, 1995. С. 173–174). Богатство отдельных женских погребений они объясняли высоким значением репродуктивной роли женщин и системы брачных союзов (Bernabei, Bondioli, Guidi 1995. Р. 183). Очевидный дисбаланс соотношения полов в пользу мужчин они объяснили как отражение существования в анализируемых регионах не полностью кочевой социальной организации (Bernabei, Bondioli, Guidi, 1995. Р. 182). К сожалению, итальянская группа исследователей по неизвестным причинам прекратила участие в проекте, и соответствующие анализы не были сделаны на материале памятников сарматской эпохи (III в. до н.э. – III в.н.э.).

Российские ученые выделили следующие основные задачи савромато-сарматской археологии, которые предполагалось решить в рамках проекта:

«1) дать полную, всестороннюю характеристику погребального обряда кочевников обоих регионов;

2) провести сравнительный анализ обряда обоих массивов на предмет определения степени различия и сходства между ними;

3) определить степень близости между различными могильниками и постараться интерпретировать эти результаты» (Мошкова, 1994b. С. 10).

Сравнительное изучение погребального обряда проводилось после предварительной статистической обработки материала погребений. Исходная исследовательская база представлена в виде «прямоугольной матрицы», где каждому погребению соответствовал набор при-

знаков погребального обряда и инвентаря (Бородкин, Гарскова, 1994. С. 87). Система иерархически организованных признаков была разработана в самом начале работы (Лазарев, Барбарунова, 1994. С. 39–52), и затем не менялась.

Матрица признаков послужила основой для дальнейших анализов. Для каждого признака была посчитана частота его встречаемости в %. В результате выявились признаки, видимо, характеризующие «погребальный стандарт» (например, «кости животных в погребении», «нож в погребении»). Сравнение региональных групп позволило отметить «довольно резкое отличие района Кубани и Ставрополья» (Скрипкин, 1997. С. 186) по большинству признаков, в результате чего эти материалы были исключены из дальнейших анализов, и было предложено выделить их в отдельную археологическую культуру (Скрипкин, 1997. С. 210). При этом признаки не были предварительно сгруппированы в соответствии с полом и возрастом погребенных, как это было сделано итальянской группой специалистов. Результат оказался «усредненным», поэтому большая часть информации осталась невыявленной уже на этой стадии изучения. Тем не менее, произведенные вычисления представляют информационную ценность и могут быть использованы при дальнейшем изучении этого массива памятников.

Дальнейшее изучение базы данных проводилось путем измерения статистического соотношения (корреляции) признаков, кластерного анализа, fuzzy-анализа и метода главных компонент

(факторного анализа). По их итогам, заявленные в начале этой обширной работы задачи нельзя признать до конца выполненными.

Так, характеристику погребально-го обряда кочевников обоих регионов нельзя назвать полной. Из-за того, что все признаки рассматривались в общей массе, без предварительной оценки ре-презентативности материалов каждого могильника, разделение массы погребе-ний внутри каждого могильника по по-ловозрастным характеристикам и пр., большая часть информации осталась за рамками исследования.

Сравнительный анализ погребаль-ных обрядов всех археологических куль-тур Азиатской Сарматии не был прове-ден, как было заявлено в начале проекта. Анализ различных локальных вариан-тов в хронологических рамках каждой культуры на предмет определения сте-пени различия и сходства между ними хотя и дал интересные результаты, но его также нельзя назвать достаточным. При объяснении результатов анализов, ис-следователи исходили из уже имевших-ся у них представлений о природе обна-руженных сходств и различий, отдавая предпочтение этнической интерпрета-ционной модели. Схожие результаты сравне-ния в некоторых случаях приво-дили ученых к противоположным выво-дам. Так, в итоге fuzzy-анализа материа-лов савроматской, раннесарматской IV–III вв. до н.э. и раннесарматской III–I вв. до н.э. культур выявилось довольно чет-кое различие погребальных традиций между регионами Нижнего Поволжья, Заволжья и Южного Приуралья. Однако

в случае с савроматской культурой эти различия интерпретировались как меж-культурные (Железчиков, 1994. С. 151), в то время как для памятников IV–III вв. до н.э. и III–I вв. до н.э. утверждалось «существование единой археологиче-ской культуры от Южного Приуралья до Нижнего Дона» (Железчиков, 1997. С. 127; Скрипкин, 1997. С. 210).

Определенную новую информацию дало изучение степени близости между различными могильниками. Получен-ные данные объяснялись близостью географического расположения, хроно-логических позиций могильников, этни-ческого состава населения. Другие воз-можные факторы при этом (например, различия социального статуса) не учи-тывались.

Причины слабого соответствия ре-зультатов заявленным задачам видятся в чрезмерном доверии к статистике со стороны археологов, отсутствии пред-варительной оценки применяемых ими статистических методов с точки зрения их интерпретационного потенциала для исследования сложных культурометри-ческих данных. Изучаемые археологи-ческие культуры представляются как заранее заданные, по сути автономные объекты. Такой взгляд на культуру в по-следнее время оспаривается как мето-дически неверный (см.: Ulf, 2009. Р. 81). Однако, в целом, опыт статистической обработки материалов савромато-сар-матской археологической культуры можно оценить как позитивный, многие ре-зультаты анализов можно использо-вать при дальнейшей работе с этими па-мятниками.

В большинстве остальных работ применялся описательный («антикварный») метод (Czysz, 2019. S. 39), когда анализируемому материалу последовательно приводятся аналогии без предварительной оценки их информационной ценности. Публикуемые в них «исторические выводы», которые традиционно, с советской эпохи, являются обязательным требованием, предъявляемым к каждой научной работе, часто не связаны с исследовательской процедурой. Они просто добавляются в итоговой части работы и/или постулируются в ее начале. В монографических исследованиях авторы нередко посвящают отдельные главы методике исследования, где демонстрируют знакомство с наиболее современными подходами, однако в исследовательской части используют на практике все те же описательные приемы (например, Ушаков, 2010. С. 31–38; Вдовченков, 2018. С. 16–32). Конкретные методики, которые позволяли бы применить провозглашенные принципы на практике, редко создаются¹.

Как было отмечено уже в конце 1980-х годов, «слабость некоторых конкретных исторических реконструкций, опирающихся на археологический материал, проистекает прежде всего из неразработанности методов их создания, а не из принципиальной невозможности самих реконструкций. Разработка таких методов – одна из насущных задач сегодняшнего этапа развития советской археологии» (Башилов, Лооне, 1986. С. 201).

В качестве методологической основы конкретных подходов наиболее перспективно использовать сетевую модель археологической культуры.

Сетевые связи характеризуются определенными свойствами, а именно содержанием (выраженным через предмет взаимодействия), масштабом и длительностью.

Предметом взаимодействия могут быть вещи и идеи (мысленные прообразы каких-либо действий, предметов, явлений или принципов). По предмету взаимодействия можно выделить три основных вида сетей, связанных с (1) повседневной жизнью, (2) военным делом и (3) властной/символической сферой (к которой относятся и средства пропаганды). Они базируются на коммуникации соответствующих социальных групп, которые определены Жоржем Дюмезилем как функциональная триада „Nährstand, Wehrstand, Lehrstand“ (Dumézil, 1977. Р. 25–30), т.е. рядовые общинники, воины, жрецы. Такое разделение вполне соответствует уровню сложности варварских обществ Северного Причерноморья, археологические остатки которых изучаются.

Под масштабом сети понимается географический диапазон ее функционирования в конкретный промежуток времени. По этому признаку можно определить уровень межгруппового взаимодействия – от локального (в рамках локальной общины) до глобального. Очевидно, что сети любого вида могут

¹ В последнее время такие методики начинают появляться (Гарбузов, 2013; Garbuzov, 2013; Мордвинцева, 2015; 2017; Mordvintseva 2016; 2017; Поротов, Сударев, Гарбузов, 2017), однако они пока не получили широкого распространения.

быть разного масштаба, в зависимости от функции распространяемого предмета и степени универсальности его возможного применения. Чем проще идея, чем универсальнее вещь, тем большим количеством смыслов он может быть наделен, и, соответственно, тем шире может быть сеть его распространения.

Длительность функционирования определенной сети – это показатель стабильности связей социальных групп, которые она объединяет. Соответственно констатация начала и прекращения функционирования конкретной сети является знаком разрыва этих связей (особенно, когда одновременно прекращается взаимодействие всех или большинства сетей) или изменения их контента и/или паттерна.

Все перечисленные свойства сетей взаимодействия древних обществ отражены в археологическом материале. Масштаб сетей взаимодействия различных социальных групп посредством вещей / идей в определенном хронологическом диапазоне может быть зафиксирован с помощью картографирования их находок. Хотя идеи нематериальны, но некоторые из них, особенно относящиеся к идеологической сфере, выражены в материальной культуре: изображениях на предметах, в элементах погребального обряда, организации сакрального пространства (например, святилищ и некрополей), конструкции зданий и т.п. Поэтому идеи, зафиксированные в форме определенных категорий изобразительного материала (от отдельных мотивов до стилей) и других форм реализации идей тоже можно кар-

тографировать и таким образом определить сеть их распространения. Сопоставление карт распространения вещей/идей в различные хронологические периоды позволит сделать предположение о начале, длительности и прекращении функционирования этих сетей. Это представление о содержании, масштабах, длительности и механизмах функционирования сетей взаимодействия можно применить для выявления и характеристики культурно-исторических процессов в Северном Причерноморье.

Если применить эту сетевую модель к археологическому материалу, то становится ясно, что под культурой, видимо, следует понимать совокупность предметов и явлений материального мира, отражающих большинство сетевых связей, функционировавших на определенной территории в конкретный период времени. При этом сами археологические остатки являются частью объективной реальности, но их объединение в археологическую культуру целиком зависит от исследователя.

Территориальные и хронологические границы культур, таким образом, не всегда могут быть четко определены, поскольку часть сетевых связей, так или иначе, будет выходить за рамки отрезка времени и/или ареала распространения набора черт материальной культуры. Такие отрезки времени, видимо, фигурируют в академической литературе как «переходные периоды», и ареалы со «смешанными культурными чертами» как «контактные зоны».

Таксономия культур (локальный вариант – культура – историко-культур-

ная общность) базируется на выборе сетевых отношений, выраженных через предметы и явления материального мира, которые исследователь считает существенным. Следовательно, их нельзя прямо соотносить с конкретными обществами, политическими структурами и, тем более, этносами (это нуждается в дополнительных доказательствах).

Трансформация одной культуры в другую, выраженная в изменении набора предметов и явлений материального мира, означает смену части сетевых связей в результате произошедших событий и процессов. Анализируя эти изменения можно с достаточной долей вероятности реконструировать их причины (политические, экономические, социальные, идеологические).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникович М. В. Археологическая культура: определение понятия и процедура исследования // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 40–48.
2. Башилов В. А., Лооне Э. Н. Об уровне исследования и познавательных задачах археологии // СА. 1986. № 3. С. 192–208.
3. Бородкин Л. И., Гарскова И. М. Методика анализа многомерных иерархических данных // Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1// Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994. С. 87–101.
4. Боряз В. Н. Культура как понятие исторического материализма // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 10–19.
5. Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука, 1975. С. 34–42.
6. Брайчевский М. Ю. Об историческом содержании понятия «археологическая культура» // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 55–60.
7. Вдовченков Е. В. Социальная история сарматов Нижнего Подонья. М.: Аквилон, 2018. 216 с.
8. Ганжа А. И. Понятие «археологическая культура»: многообразие подходов и возможность однозначного определения // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 60–65.
9. Гарбузов Г. П. Комплексные археологические исследования в окруже Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1. Вып. 1 / Отв. ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН, 2013. С. 178–191.
10. Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наукова думка, 1983. 226 с.
11. Генинг В. Ф. Археологическая культура – проблема единства форм предметного мира (онтологический аспект) // Археологические культуры и культурная трансформация. Мате-

- риалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 65-71.
12. Дергачев В. А. О понятии «контактная зона» // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 76–82.
 13. Железчиков Б. Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1 / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994. С. 127–158.
 14. Железчиков Б. Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV – III вв. до н.э. // Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2 / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 46–130.
 15. Захарук Ю. М. Проблеми археологічної культури // Археологія. 1964. № 17. С. 12-42.
 16. Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки // СА. 1970. № 2. С. 8–17.
 17. Захарук Ю. Н. Методологические проблемы археологии. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1981. 24 с.
 18. Захарук Ю. Н. Археологическая культура: проблемы и решения // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 71-76.
 19. Каменецкий И. С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
 20. Каменецкий И. С. История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 384 с.
 21. Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37-51.
 22. Ковалевская В. Б. Взаимосвязь понятия «археологическая культура» и «культурные традиции» // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 48–52.
 23. Ковалъченко И.Д. Методы исторического исследования / 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с.
 24. Лазарев В. В., Барбарунова З. А. Организация базы данных // Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1 / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994. С. 39–52.
 25. Лебедев Г. С. Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз. Л.: Наука, 1975. С. 56–58.
 26. Манзура И. В. О понятии «переходный период» // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 82-88.
 27. Массон В. М. Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 5-10.
 28. Массон В. М., Боряз В. И., Аникович М. В. (ред.) Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л.: ЛВВИСУ, 1991. 161 с.

29. Матюхин А. Е. К постановке проблемы теории первобытной культуры // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 19–28.
30. Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности. (К вопросу о методике историко-археологических исследований) // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 53-59.
31. Мордвинцева В. И. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка // Stratum plus. 2015. № 4. С. 115-142.
32. Мордвинцева В. И. Погребальный обряд Беляусского некрополя // С. Н. Некляса (ред.) Археология Северо-Западного Крыма: материалы III Международной научно-практической конференции. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2017. С. 129–139.
33. Мошкова М. Г. (ред.) Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1994а. 223 с.
34. Мошкова М. Г. Предисловие // Савроматская эпоха. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1 / М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994б. С. 6–10.
35. Мошкова М. Г. (ред.) Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1997. 278 с.
36. Мошкова М. Г. (ред.) Среднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 3. М.: Восточная литература, 2002. 143 с.
37. Мошкова М. Г. (ред.) Позднесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 4. М.: Восточная литература, 2009. 176 с.
38. Поротов А. В., Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. Геоархеологические исследования в долине Кубани // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы X Всероссийской конференции по изучению четвертичного периода, 25–29 сентября 2017 г. / Отв. ред. А. С. Засторожнов и др. М.: ГЕОС, 2017. С. 324–326.
39. Потемкин В. Н. (ред.) Материалы к Всесоюезному археологическому совещанию. М.: АН СССР, 1945. 197 с.
40. Пряхин А. Д. Археологические культуры и их осмысление в советской археологии конца 30-х – второй половине 60-х годов // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР / Отв. ред. В. М. Массон, В. И. Боряз, М. В. Аникович. Л.: ЛВВИСУ, 1991. С. 29–31.
41. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. № 37. Петроград: Девятая государственная типография, 1918. 124 с.
42. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критический обзор памятников литературных и археологических. Л.: Академия истории материальной культуры, 1925. 619 с.
43. Скрипкин А. С. Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2 / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 131–212.
44. Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3–10.
45. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1–6. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889–1899.
46. Ушаков С. В. Варвары Горной Таврики на рубеже эпох. Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – VI вв. н. э.). Донецк: Donbass, 2010. 179 с.
47. Шер Я.А. Типологический метод в археологии и статистика // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков иprotoисториков. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 253-266.

48. *Biscione R.* Burial Customs as a Source for Historical Reconstructions // Statistical analysis of burial customs of the Sauromatian period in Asian Sarmatia (6th – 4th centuries BC) / Eds. B. Genito, M. Moškova. Napoli: Instituto Universario Orientale, 1995. P. 153-160.
49. *Bernabei M., Bondioli L., Guidi A.* Social Order of Sauromatian nomads // B. Genito, M. Moškova (eds.) Statistical analysis of burial customs of the Sauromatian period in Asian Sarmatia (6th – 4th centuries BC) / Eds. B. Genito, M. Moškova. Napoli: Instituto Universario Orientale, 1995. P. 161-198.
50. *Childe V.G.* The Danube in Prehistory. Oxford: Oxford University Press, 1929. 479 p.
51. *Czysz W.* Handbuch der Provinzialrömischen Archäologie. I. Quellen, Methoden, Ziele. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2019. 343 S.
52. *Dumézil G.* Les dieux souverains indo-européens. Paris: Gallimard, 1977. 280 p.
53. *Garbuzov G.* Integrated archaeological study in the chora of Phanagoria. *Eurasia Antiqua*. 2013. Bd. 19. P. 35-42.
54. *Genito B., Moškova M.* (eds.) Statistical analysis of burial customs of the Sauromatian period in Asian Sarmatia (6th – 4th centuries BC). Napoli: Instituto Universario Orientale, 1995. 232 p.
55. *Kossinna G.* Die Herkunft der Germanen: zur Methode der Siedlungsarchäologie. 3. Aufgabe. Leipzig: Curt Kabitzschi Verlag, 1936. 238 S.
56. *Mordvintseva V.* Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd c. BC – mid-3rd c. AD) // *Anabasis*. 2015. Bd. 6. P. 174–216.
57. *Mordvintseva V.* The ‘Sarmatian Animal Style Objects’ as Emblems of Power in the North Pontic Region (3rd c. BC – 3rd c. AD) // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2017. Bd. 23. P. 167-205.
58. *Ulf Ch.* Rethinking Cultural Contacts // *Ancient West and East*. 2009. Bd. 8. P. 81-132.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТАНАИСА И СОСЕДНИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Мягкова Ю.Я.

*Южный Федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: MUYA2007@yandex.ru*

В статье приводятся данные анализа археозоологических останков, обнаруженных на городище Танаис и территории его сельской округи. Даётся соотношение количества костей сельскохозяйственных животных в пищевых отходах в разные периоды существования города, делается реконструкция хозяйственного функционирования Танаиса. Даётся вывод о существенных отличиях в составе пищевых отходов в эллинистическое время и остальные периоды развития древнего города.

Ключевые слова: археозоология, остеологический материал, животноводство в античные времена, археологический памятник Танаис.

Изучение и реконструкция хозяйственной деятельности населения прошлых эпох имеет несомненное значение. Важная роль в этом направлении отводится археозоологии. Остеологический материал ($n = 15\ 000$) из Танаиса анализировался В.И.Цалкиным (1969). Кости

были собраны слоях двух периодов: эллинистическом и римском. Кроме того в настоящее время доказано, что при изучении кухонных остатков наиболее адекватным является использование абсолютного числа костей конкретных видов, а не особей (Антипина, 2004). В своей же работе В.И.Цалкин (1969) в значительной степени интерпретировал материал на основе подсчёта минимального числа особей каждого вида.

Мы располагали для изучения более крупной коллекцией – 51 739 скелетных элементов, полученных при археологических раскопках Танаиса с 1981 по 2006 гг. Материал неравномерно распределён по разным периодам существования Танаиса: эллинистический (III – I вв.до н.э.) – 4716 костных остатка, римский (I – начало II вв.н.э.) – 12115, классический (середина II – середина IV вв.н.э.) – 29148 и позднеантичный (конец IV – начало Vв.н.э.) – 5786. Часть материала, не имеющего точной датировки, в работе не обсуждается. В целом

отмечены представители шести классов животных. Основную часть материала представляют кости сельскохозяйственных млекопитающих. Но интерпретировать результаты их определения в отрыве от анализа остальных костных остатков неправомочно. В связи с этим мы приводим краткую характеристику и остальных животных.

Моллюски. Раковины моллюсков ($n=125$) составляют доли процента (0,2%) от общего количества скелетных элементов. Это раковины самых широко распространённых донских моллюсков: перловица и беззубка (класс двустворчатые) и лужанка (класс брюхоногие). Раковины примерно равномерно распределены в слоях разных периодов: эллинистический – 15, римский – 23, классический – 38, позднеантичный – 6. Вероятнее всего раковины попадали на территорию поселения случайно, во всяком случае, на них не обнаружено следов искусственного воздействия.

Рыбы. В общей сложности было собрано 5489 костей рыб. Относительное количество костей рыб меньше в эллинистический период – 2% от общего количества костей в пищевых отходах, в римском – 14%, в остальных – по 10%. Кости рыб были определены частично А.В. Васильевой ($n=2387$). По её данным наиболее многочисленными в эллинистический период являются кости сома – 76% и кости осетровых – 20%, кости судака малочисленны – около 4%. Во II-III вв.н.э. костей сома в процентном отношении становится несколько меньше (45%), а осетровых – больше (30%), также отмечены

кости сазана (13%) и судака (9%). Кости остальных рыб единичны: лещ, вырезуб, жерех, тарань, щука. В IV-V вв.н.э. сом также находился на первом месте (70%), меньше костей осетровых (13%), сазана (7%) и судака (8%), кости остальных видов рыб – единичны: лещ, вырезуб, жерех, тарань, щука. К осетровым относились в основном кости осетра, севрюги и стерляди, кости белуги – редки. Многие определялись кости рыб, обнаруженные в слоях позднеантичного времени (раскоп 2015 г). Кости принадлежали следующим рыбам: осетровые (37 костей), сазан (5), судак (19), сом (14), карась (1).

Размеры рыб варьируют в широких пределах: сом 87-270 см, стерлядь 51-95 см, судак 57-120 см, сазан 60-88 см, лещ 37-52 см, осётр 108-270 см, севрюга 105-145 см, белуга 105-450 см, щука – 95-101 см, тарань 32-41 .

Говорить о значении рыб в питании жителей Танаиса достаточно сложно. Многие кости рыб мелкие, далеко не все из них попадали в мусорные ямы. Кроме того кости разных видов рыб имеют разную сохранность в ископаемом состоянии. Например, плохо сохраняются кости сельди, из осетровых хуже сохраняются кости белуги. Во всяком случае жители Танаиса занимались рыбной ловлей систематически. Вместе с тем использовались определённые орудия лова, так как в пищу попадали лишь некоторые виды рыб.

Черепаха болотная. Из пресмыкающихся отмечены только кости черепахи болотной ($n=25$), которые обнаружены в пластах разного времени. В основном, это фрагменты панциря.

Птицы. Кости птиц обычно плохо сохраняются из-за своей структуры. На данном поселении также костей птиц мало ($n=138$). В основном это кости диких птиц. Некоторые кости птиц были определены О.Потаповой. Ею отмечены следующие виды: домашняя курица, серая цапля, большой баклан, серый гусь, орёл-могильник.

Млекопитающие. Основная часть костных фрагментов – это кости млекопитающих ($n = 46031$), из них до вида представилось возможным определить 66%. Степень раздробленности в слоях разного времени почти одинаковая, несколько меньше в два первых периода, и несколько больше в третьем и четвёртом периодах. Кости млекопитающих принадлежали 8 видам домашних животных и 11 видам диких животных (табл.1). Лиса, сурок, хорь степной, полёвка, барсук – это норные животные. Они охотно селятся на местах бывших поселений, и их кости могли попасть на территорию поселения в более поздние времена. Кости остальных диких животных единичны, следовательно, охота практически не играла никакой роли в обеспечении населения мясными продуктами. В целом видовой состав диких животных свидетельствует о существовании типичного степного ландшафта с пойменными лесами.

В.И.Цалкин в своей работе, анализируя 1712 костей из слоёв эллинистического периода и 12504 кости из слоёв римского времени приводит такой же видовой состав млекопитающих, а также отмечает находки трёх костей осла: одна кость – в эллинистическом слое,

две – в римском времени и одной кости чёрной крысы в пластах римского времени. (Табл. 1)

Собака. Кости собак составляют 2-3% от общего количества определённых костей млекопитающих, и это количество сохраняется в течение всего времени существования Танаиса. Кости раздроблены примерно в той же степени, что и кости сельскохозяйственных животных. Из 618 костей собак лишь 44 кости были целыми. Целых скелетов или больших фрагментов скелетов собак не обнаружено. Интересно отметить, что В.И.Цалкин отмечает значительно большее количество костей собак – около 9-13%, причём пишет о том, что практически все кости были целыми.

Рост собак, рассчитанный нами на основании измерения плечевых, лучевых и берцовых костей, колебался в очень широких пределах от 40 до 70 см холке. Большинство собак имели рост от 50 до 65 см, в среднем $56,5+14,41$ ($n=31$). Это собаки одной породы. В эллинистическом периоде 20% костей принадлежало особям до 1го года, в римском периоде – 10%, в классическом – 40%, в позднеантичном слое – 14%. Можно предположить, что собак употребляли в пищу, но специально для еды не разводили. Может быть, это происходило в особо трудные периоды.

Две берцовые кости принадлежали криволапым собакам. Рост этих двух собак с кривыми лапами был около 57-59 см в холке. Специальное разведение крупных собак с кривыми ногами маловероятно. Искривление костей могло возникнуть вследствие заболеваний,

в том числе и наследственных, или плохого содержания, и не является признаком породы.

Кошка. Кости ($n=11$) этих млекопитающих обнаружены в слоях классического и позднеантичного времени. В.И.Цалкин отмечает находки 9 костей кошек и в слое римского времени. Кости кошек редко попадают в мусорные ямы. Поэтому судить о численности кошек сложно, но, вероятно, они были относительно редки.

Бык домашний. Кости быка многочисленны во всех слоях. По длине пястных и плюсневых костей нами восстановлен рост животных. Рост особи из эллинистического слоя – 116 см в холке, из слоя римского времени – от 105 до 126 см, в среднем $114+2,0$ ($n=25$), из слоя классического времени – от 103 до 143, в среднем $117+2,8$ ($n=50$), из слоя 4-5 вв.н.э. – 100, 109, 118, 119, 124 см в холке. Статистически достоверной разницы в размерах и пропорциях костей особей второго и третьего периодов не обнаружено (табл.2), а в первом и последнем периодах измеряемых фрагментов костей очень мало. Вероятно, на протяжении существования Танаиса разводили одну и ту же породу крупного рогатого скота. Вместе с тем скот эллинистического времени отличался несколько более крупными размерами. Скот эллинистического времени был рогатым, а в остальные три периода – существенно увеличивается доля безрогих особей. Сравнивая с данными приводимыми В.И. Цалкиным (1964), параметры близки к размерам костей скота широко распространённого в раннем железном веке

не только в степи, но и лесостепной зоне Восточной Европы. (Табл. 2)

Определение пола проводится по целым метаподиям, так как мы располагали небольшим количеством целых метаподий, то о соотношении быков и коров можно оценить приблизительно. Быки составляли 10-20%, несколько больше в 1 и 4ом периодах и несколько меньше – во втором и третьем периодах.

Во всех слоях кости молодых особей составляли около 20%. Можно утверждать, что направление разведения скота в первую очередь было молочным, на мясо забивались часто взрослые особи и даже старые особи, а также видимо часть молодых быков. Также скот могли использовать как тягловый, но это направление не было приоритетным. Прижизненных деформаций костей очень мало. Артрозы, разрастания костей обычно наблюдаются при больших физических нагрузках.

Овца домашняя. Рост особей из эллинистического слоя был 63, 64,65 и 68 см в холке, рост особей из слоя римского времени колебался от 58 до 71 см, в среднем $63,3+1,21$ ($n=28$), из слоя классического времени – от 50 до 88 см, в среднем $65,5+1,85$ ($n=59$). Кости молодых особей (до двух лет) составляли 55% и в классическом периоде 65%. Овец выращивали и для получения мясных продуктов и для прижизненного использования (шерсть, молоко, навоз).

Коза домашняя. Соотношение овцы-козы было относительно стабильным в разные периоды существования Танаиса. Коз содержали в небольшом количестве. Их кости составляли в эл-

линистическое время – 4% среди костей мелкого рогатого скота, во втором периоде – 5%, в третьем – 7% и в позднеантичное время – 8%. Но это количество костей в пищевых отходах, так как коз разводят чаще для получения молочных продуктов и шерсти, то в стаде их количество по отношению к овцам могло быть относительно больше. Целых черепов и целых рогов коз не было. Измерить представилось возможным только один рог самки из классического периода: длина по переднему ребру – 218 мм, длина хорды – 200 мм, большой диаметр у основания – 46, малый диаметр – 26 мм. Рост определён у 11 особей разных периодов: 58 – 67 см в холке. Большинство костей коз (90%) принадлежали взрослым особям. Очевидно, коз разводили для получения прижизненных продуктов, забивали только выбракованных животных.

Свинья домашняя. Кости свиней отмечены в пластиах всех периодов, и во всех слоях их количество небольшое – около 1%. Приблизительно молодые животные в возрасте до 2х лет составляли более половины стада. А в четвёртом веке костей от молодых стало меньше, чем от взрослых. Обычно костей молодых свиней значительно больше, так как свиньи это только мясные животные и длительное содержание не выгодно. Костей же свиней, по которым можно было определить возраст, очень мало, так что возможна ошибка в подсчётах.

Лошадь домашняя. Кости лошадей в пищевых отходах составляют в слое эллинистического времени 8% и в последующие – 15-17%. Основная часть ко-

стей лошади фрагментарна и не поддаётся измерению. Лошади в Танаисе были в основном низкорослые и среднерослые и по градации А.Браунера тонконогие или полутонконогие. Рост одной лошади эллинистического периода – 127 см, особь мелкая, полутонконогая. В римском периоде рост составлял от 128 до 142 см в холке, в классическом периоде от 131 до 141 см, в позднеантичном – 139 и 140 см статистически достоверных отличий в размерах костей лошади разных периодов нами не установлено. В эллинистическое время кости молодых особей в пищевых отходах составили 30%, в пластиах римского периода – 20%, в классическом периоде – 10%, и в слое 4-5 веков – 20%. Следовательно, значение лошади, как верхового животного, может быть, и как тяглового животного, возрастает в классическом периоде. В целом, лошади по своим параметрам были средними, универсальными в использовании.

Верблюд. Кости верблюда встречаются в пластиах, начиная со второй половины второго века. В основном это кости взрослых особей, но отмечены кости и молодых, 2-3х летних особей. Вероятнее всего, это верблюды, которые погибли вследствие каких-либо заболеваний, трудностей длительных переходов. Кости разрублены так же, как и других сельскохозяйственных животных, употребляемых в пищу

При сопоставлении количества костей сельскохозяйственных животных, прежде всего, обращает на себя внимание следующее. Кости крупного рогатого скота в эллинистическое время

составляют около 30% от общего количества костей сельскохозяйственных млекопитающих, в остальных периодах крупный рогатый скот занимает первое место по количеству костей и составляет около 50% (рис.1). Количество костей мелкого рогатого скота в эллинистическое время около 55%, а в остальных, более поздних слоях – 30%. Количество костей лошади в пищевых отходах растёт с 8 до 15-16% в 3-4ом периодах (Рис. 1).

Эти данные отражают лишь количество костей в отходах, а не объёмы съеденного мяса. Очевидно, что любая корова, лошадь дают больше продуктов, чем коза или овца. Поэтому для подсчёта относительных объёмов потребления мяса необходимо ввести переменную, которая бы позволяла оценить разницу весовых показателей у представителей разных видов. Соотношение по массе туш сельскохозяйственных животных – их кратность – и является таким коэффициентом. Естественно, что этот коэффициент зависит от размеров животных, разводимых на поселении, и должен рассчитываться в каждом конкретном случае. Следует учитывать размеры животных, убойный вес, процент молодых, имеющих меньшую массу животных. Приходится делать ряд допусков, так как мы не знаем, насколько хорошо были откормлены животные, не знаем сроки забоя взрослых особей: Естественно, что этот осенью и в конце зимы масса их будет различной, пол животных, так как взрослые быки обычно значительно крупнее коров. Судя по этим расчётам на протяжении всей истории Танаиса говядина была основным мясным про-

дуктом (Рис. 2). Отмечено некоторое возрастание конины, а также уменьшение баранины и козлятины в постэллинистическое время. Свинина и верблюжатина употреблялись редко и в очень небольшом количестве.

Моделирование состава стада сложно, так мы явно недостаточно представляем объёмы других форм эксплуатации животных, ведь располагаем только сведениями, полученными при изучении только пищевых отходов. Для крупного рогатого скота и лошадей характерна низкая плодовитость, длительный период воспроизводства. Поэтому поддержание устойчивого хозяйства возможно только при условии, что маточное стадо в 8-10 раз превышает количество потребляемых в еду особей, а учитывая приоритетное молочное направление, то и в 10-12 раз. Для свиней типичная высокая плодовитость и самый короткий срок эксплуатации, маточное поголовье всегда ниже, чем количество ежегодно забиваемых особей. Так что в Танаисе содержали очень мало свиней.

Моделирование относительной численности овец и коз остаётся проблематичным. Для них характерен короткий цикл воспроизводства, низкая плодовитость. Количество особей может варьироваться в очень широких пределах в зависимости от типа эксплуатации – мясная или прижизненная (молоко и шерсть). Хозяйство в значительной степени было ориентировано на получение шерсти, то количество голов овец в стаде было значительным. Получается, что численность крупного рогатого скота была самой высокой и, вероятнее всего, пре-

восходила численность других видов в 12-15 раз, на втором месте находились овцы, на третьем лошади. Свиней же было очень мало.

Мы располагаем ограниченным материалом из поселений, так называемой «сельской округи» Танаиса (Табл. 3). В общей сложности проанализировано 11235 фрагментов: Сухо-Чалтырское поселение – 499 фрагментов, Мокро-Чалтырское поселение – 455, Нижне-Гниловское поселение – 1743, Хапры – 2039. Материал из этих поселений датирован 1-3 в.н.э., преимущественно 1 – началом 2го в.н.э. Сравнивая с видовым и количественным составом костных остатков из Танаиса (римские слои) следует отметить, что никаких принципиальных отличий нет (табл.3). Установлено значительное количество раковин перловиц в Хапрах. Там же много норных животных, но это в основном крупные фрагменты лис, не являвшихся пищевыми объектами. Видовой состав сельскохозяйственных животных такой же, только обнаружены кости осла в Хапрах.

Количественный состав костей сельскохозяйственных животных (Рис. 3) имеет ряд отличий, в частности варьирует в значительных пределах соотношение крупного и мелкого рогатого скота. В Сухо-Чалтырском, Мокро-Чалтырском поселениях и Танаисе преобладает крупный рогатый скот, в Хапрах – мелкий рогатый скот, в Нижне-Гниловском поселении костей мелкого рогатого скота больше. Количество костей остальных видов в процентном отношении неболь-

шое во всех поселениях. В Сухо-Чалтырском – больше лошадей. И в Сухо-Чалтырском и в Нижне-Гниловском – несколько больше костей свиней. Если же произвести расчёты по относительному потреблению мясных продуктов разных видов, то получаем достаточно однородную картину (Рис. 4).

Говядина составляла основу мясных продуктов населения, как небольших посёлков, так и относительно крупного города Танаис. На втором месте была конина, несколько больше в Сухо-Чалтырском поселении – 28%, в остальных и в Танаисе – около 15%.

Таким образом, имеются существенные отличия в составе пищевых отходов в эллинистическое время и остальные периоды развития Танаиса. Принципиальных отличий по видовому и количественному составу костей в Танаисе римского времени и в поселениях, расположенных рядом, практически нет. Несколько особняком находится в этом плане Сухо-Чалтырское поселение, но следует иметь в виду, что количество костей из этого поселения ограничено. Вместе с тем при расчётах относительного объёма потреблённого мяса общая картина достаточно однородна: характерно преобладание говядины, что вероятно связано с многофункциональностью крупного рогатого скота и благоприятными условиями. В значительной степени сходство ведения хозяйства в те времена определялись, прежде всего, географическими и климатическими условиями данного района.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Е.Е. «Археоэкологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты» // Новейшие археоэкологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., Языки славянской культуры, 2004. С. 16.
2. Антипина Е.Е. «Мясные продукты в средневековом городе: производство или потребление?» // Археология и естественнонаучные методы. М. Языки славянской культуры, 2005. С.181-190.
3. Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. // МИА. № 53. 1960. С. 7-109.
4. Цалкин В.И. Домашние животные Восточной Европы в раннем железном веке // Бюллентень Московского общества испытателей природы, отдел биологии. 1964. № 3. Т.79. С.25-39.
5. Цалкин В.И. Фауна Танаиса //Античные древности Подонья-Приазовья. М.: Наука, 1969. С. 273-286.

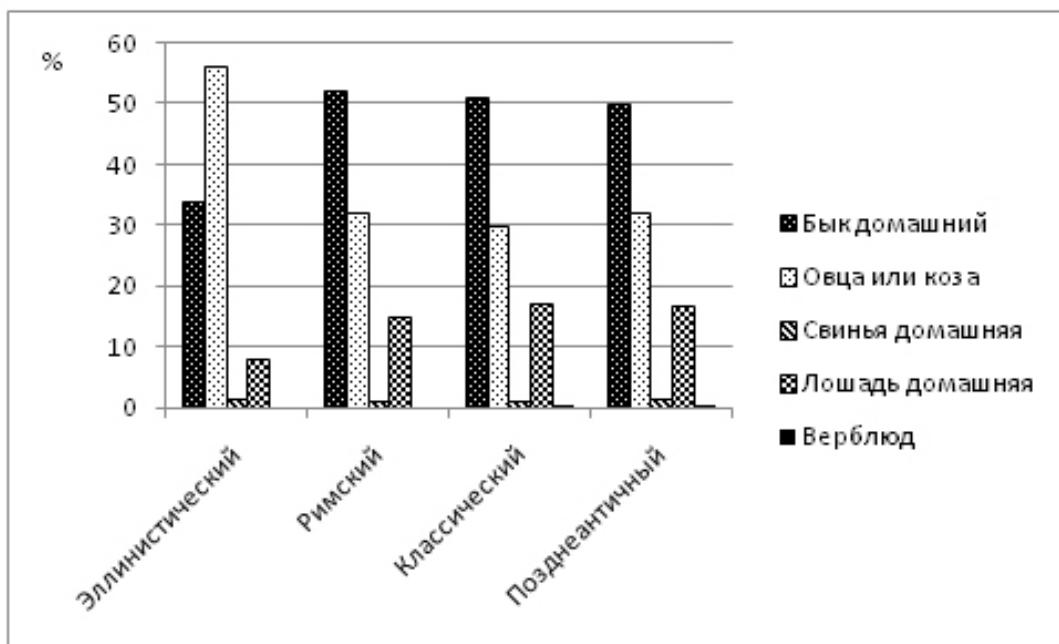

Рис. 1. Соотношение количества костей сельскохозяйственных животных в пищевых отходах.

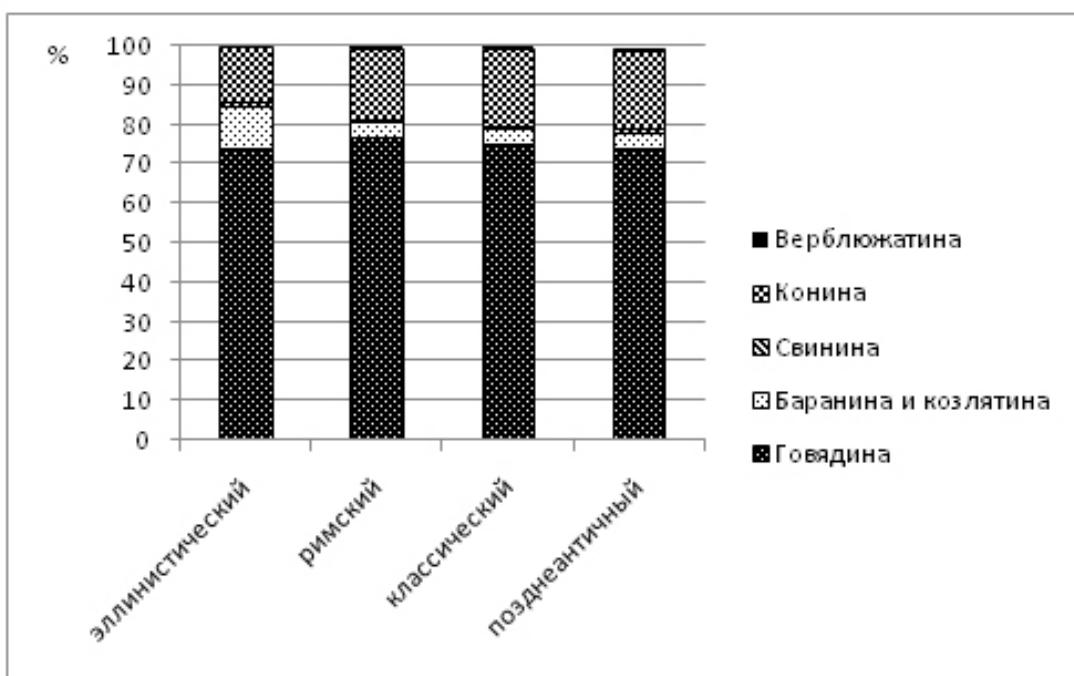

Рис. 2. Соотношение мясной продукции разных видов животных.

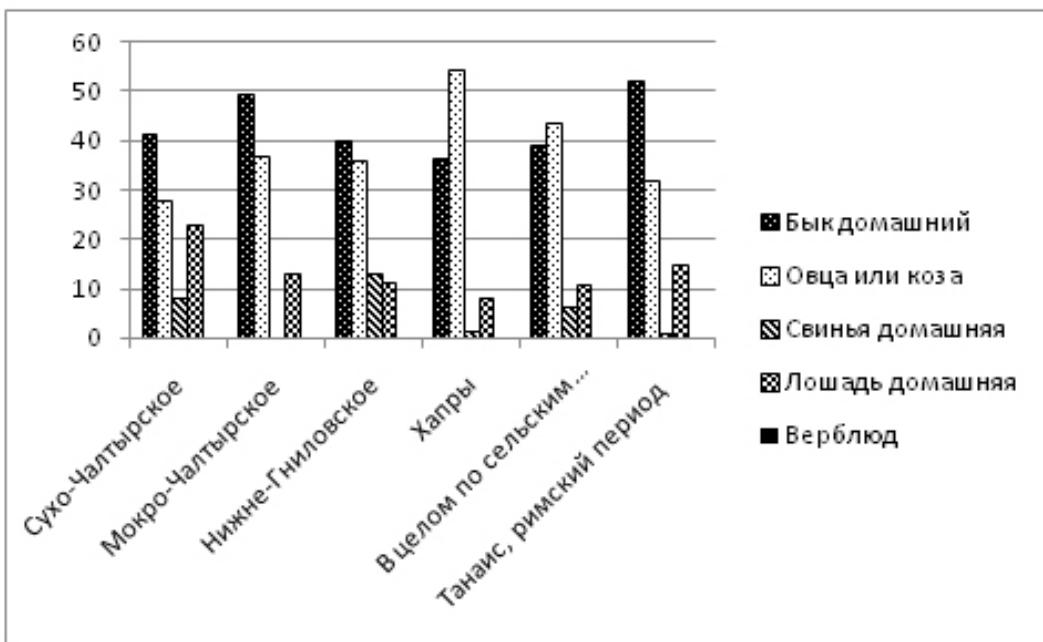

Рис. 3. Соотношение количества костей сельскохозяйственных животных в сельских поселениях и Танаисе (римский период).

Виды животных Определено до вида	Периоды				Всего
	эллинистический	римский период	классический	поздне-античный	
Бык домашний	1036	3678	8322	1618	14654
Овца или коза	1069	1350	2403	698	5520
Овца домашняя	611	851	2256	321	4039
Коза домашняя	28	46	172	28	274
Свинья домашняя	40	66	178	44	328
Лошадь домашняя	245	1038	2780	541	4604
Верблюд		10	63	11	84
Собака	101	132	313	72	618
Кошка			9	1	10
Волк	2	5	41	3	51
Лиса	11	10	54	7	82
Заяц	3	5	37	1	46
Ласка	1		1	1	3
Сурок	2	30	45	1	78
Хорь степной		1	12		13
Полёвка				1	1
Барсук	1		2		3
Сайгак	2	6	19	5	32
Кабан		19	37	3	59
Бобр			1		1
Олень благородный	3	4	18	2	27
Косуля				1	1
Лось			1	1	2
Всего определено	3155	7251	16764	3360	30530
Не определено до вида	1410	3096	9214	1782	15502
Всего костей млекопитающих	4565	10347	25978	5142	46032

Таблица 1. Костные останки млекопитающих Танаиса.

Признак	Римский период			Классический период		
	Lim	n	X+m	Lim	n	X+m
1. Длина пястной, мм	165-202	13	189,2±2,6	165-234	36	191,9±2,3
2. Ширина верхнего конца пястной, мм	55-64	12	59,2±0,8	46-67	62	55,4±0,6
3. Ширина диафиза пястной, мм	30-38	6	35,2±1,1	27-38	20	32,4±0,8
4. Ширина нижнего конца пястной, мм	54-72	10	62,5,2±1,6	47-72	49	58,3±0,8
Индекс 2:1, %	35,2-30,8	4	32,7±0,9	22,3-34,4	16	28,5±0,7
Индекс 3:1, %	16-21,2	10	18,7±0,7	14,1-21,8	18	16,8±0,5
Индекс 4:1, %	39,4-29,2	8	33,28±1,3	32,3-34,4	16	28,5±0,7
1. Длина плюсневой, мм	186-214	15	202,6±2,0	200-220	9	208,7±2,5
2. Ширина верхнего конца плюсневой, мм	42-53	16	48,7±0,8	44-54	16	48,6±1,1
3. Ширина диафиза плюсневой, мм	25-33	12	29,1±0,7	26-29	4	28,3±4,1
4. Ширина нижнего конца плюсневой, мм	63-45	12	56,6±1,1	41-65	28	56,3±1,1
Индекс 2:1, %	20,7-26,3	12	24±0,5	22,1-22,8	4	22,3±0,5
Индекс 3:1, %	12,1-17,2	12	14,4±0,4	12,9-13,7	4	13,3±0,24
Индекс 4:1, %	32,8-23,4	14	27,6±0,6	24,5-31,3	5	27,6±1,35
1. Длина таранной, мм	55-71	54	62,5±0,5	52-73	159	62,6±0,4
2. Ширина нижнего суставного блока, мм	34-47	53	40,4±0,5	40,6±0,3	152	40,6±0,3
Индекс 2:1, %	55,7-70,5	53	64,6±0,5	54,8-81,8	150	64,5±0,3

Таблица 2. Размеры и пропорции метаподий и таранных костей крупного рогатого скота.

Поселения, годы раскопов	Сухо- Чалтырское 1996,1997,1998	Макро- Чалтырское 1989	Нижне- Гниловское 1999,2000,2001, 2002,2003	Хапры 1995,1995, 1997, 2003	Всего
Перловица		13	7	195	215
Лужанка		6		66	72
Виноградная улица		1			1
Рыбы	94	198	1147	616	2055
Черепаха болотная		1			1
Птицы	2	1	10	9	22
Млекопитающие не определённые до вида	146	417	862	2391	3816
Домашние	377	355	1699	2294	4725
Бык домашний	152	173	651	703	1679
Овца или коза	21	22	301	639	983
Овца домашняя	74	90	269	393	826
Коза домашняя	7	17	16	20	60
Свинья домашняя	29	2	208	25	264
Лошадь домашняя	83	46	181	158	468
Осёл				3	3
Собака	11	5	73	352	441
Кошка				1	1
Дикие	122	1	41	172	328
Лиса	89		20	165	274
Корсак				2	2
Волк	8			1	9
Заяц	16		6	3	25
Кабан	8		15		15
Олень	1	1			2
Косуля				1	1
Всего млекопитающих определен	499	356	1740	2466	5053
Всего скелетных элементов	741	99	3766	5743	11235

Таблица 3. Скелетные остатки животных поселений сельской округи Танаиса.

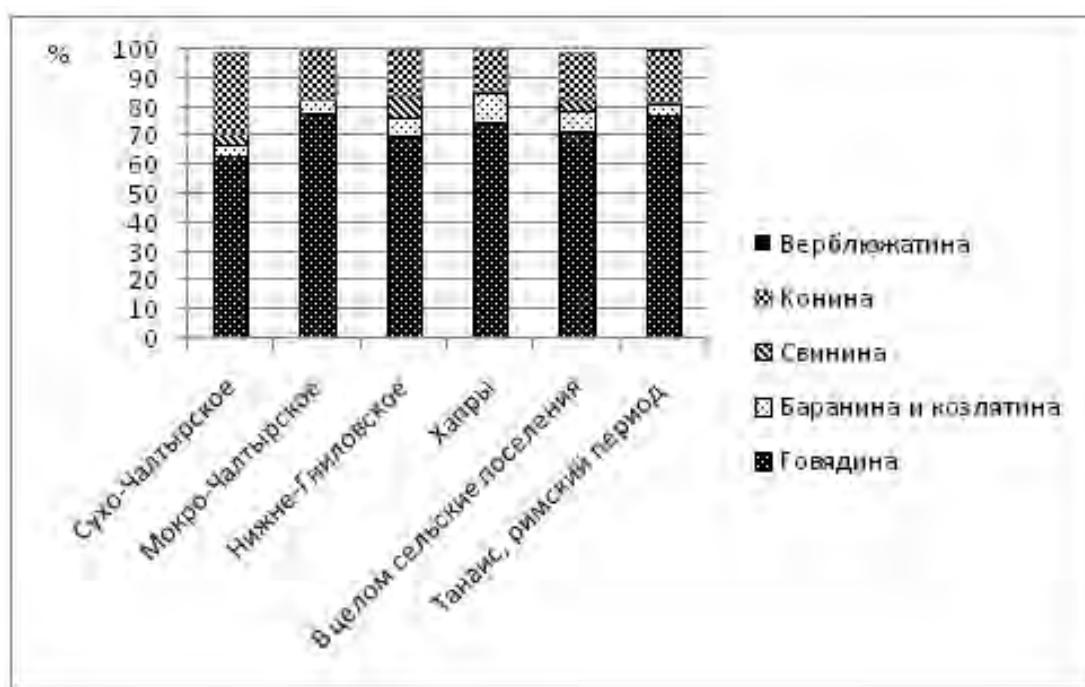

Рис. 4. Соотношение мясной продукции разных видов животных в поселениях и Танаисе.

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ТАНАИС И ЕГО АМФОРЫ

Науменко С.А.

ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»
(г. Ростов-на-Дону)
E-mail: naumentenos16@mail.ru

Статья посвящена краткой характеристике архитектуры Танаиса позднеантичного времени на территории цитадели городища. Представлены основные типы амфорной тары, в которой ввозилось вино и другие продукты как из известных, так и неопределенных производственных центровPontийского и Средиземноморского регионов.

The article contains a brief description of the Late Antique architecture of Tanais on the territory of the settlement's citadel. All main types of amphorae, in which wine and other products were imported from both known and uncertain production centers of the Pontic and Mediterranean regions, are represented in the article.

Ключевые слова: Танаис, позднеантичный период, архитектура, амфоры, производственные центры

Как известно, Танаис памятник многослойный и его культурные напластования условно относятся к трем хронологическим периодам: эллинистическому, римскому и позднеантичному. Специально или целенаправленно изучение слоев и архитектурных объектов этого

последнего периода в истории Танаиса не проводилось. Однако, закладка новых площадей или раскопов неизменно начиналось с тщательного исследования верхнего культурного слоя, иногда сильно потревоженного ямами камнедобытчиков. Исследования за последние 20 лет показывают, что поселение, возникшее на территории античного Танаиса, занимало обширную территорию и не имело оборонительной системы. Остатки архитектуры, дома жителей зафиксированы не только на основном четырехугольнике городища, но и за его пределами. Например, в Нижнем городе на раскопе XXVIII и к западу от цитадели на раскопе XXIX (Ильяшенко, 2007. С. 25. Рис. 8; 4,1; С. 26. Рис. 10, 1; 4,3; Il'jašenko, 2005. S. 154. Abb. 10). Кроме того, нерегулярная застройка отмечена и к востоку от цитадели за крепостным рвом на территории восточного некрополя (раскопки 2006 г.). Время основания поселения, как и прекращение жизни до сих пор окончательно не решены. Д.Б. Шелов, проанализировав доступные к тому времени материалы, относил возрождение жизни в Танаисе

после разгрома в середине III в. н.э. “уже к периоду после гуннского нашествия, к последней четверти IV в.” (Шелов, 1972. С. 327). В то время как немецкие ученые, опубликовавшие материалы с XIX раскопа за 10-летний период исследования (1993-2004 гг.), относят появление новой группы населения, никоим образом не связанной с предшествующей, к середине IV в. (Ulrich. 2018. S. 1).

Открытые на всех раскопах основного четырехугольника городища дома, небольшие вымостки, целые или фрагментарные, промежутки между постройками позволяют судить о некой планировочной структуре, мало напоминающей городскую, что хорошо видно на плане (рис. 1, 1). Лишь на раскопе XIX в южной части римской цитадели заметна довольно стройная планировка, состоящая из крупных удлиненных прямоугольной формы домов, чередующихся с более мелкими (рис. 1, 2)¹. Немецкие коллеги выделили три фазы строительства. В первой фазе, по их мнению, наблюдается поразительно регулярное устройство сильно заглубленных в нижележащие слои крупных домов, так называемых лангхаузов, ориентированных в основном по сторонам света, что свидетельствует о планомерной застройке уже во второй половине IV в. (рис. 2, 1). Во второй фазе в конце IV - начале V вв. (до 430 г) строили, по их мнению, в основном квадратные или прямоугольные небольшие дома (рис. 3). Между этими постройками видны узкие проходы, так

называемый внешний уровень дневной поверхности, который и использовался в качестве переулочков. Иногда он был вымощен мелкими камнями. К третьей фазе (середина V в.) отнесены небольшие постройки или их фрагменты неправильно прямоугольной или подквадратной формы. Все дома полуземляничного типа, кладки в основном однолицевые двуслойные, хотя зафиксированы и двулицевые трехслойные, как например в доме АС 1-й фазы (рис. 2, 2-3). Не совсем понятно, с чем это связано, особенно если принять во внимание наличие оставшихся от прежней эпохи кладок. В редких случаях отмечены глиняные растворы, применявшиеся для строительства. В основном это простой грунт с добавлением растительных остатков. Зато прекрасно оборудованы глиняные полы в домах, очаги как открытые со множеством слоев подмазки и каменных оснований, так и куполообразной формы печи, например в доме АВ второй фазы (рис. 3, 2-3).

Мощность культурных напластований в ряде мест достигала 1,5 м и более, что объясняется заглублением построек в нижележащие слои и архитектурные остатки. Контактная зона между двумя хронологическими периодами хорошо выделялась и по структуре, и цвету, и по составу находок. Как правило, это большой “подмес” артефактов римского и даже эллинистического времени, причем в основном амфор. Закрытых комплексов крайне мало, это в основном

¹ В статье приводятся планы двух фаз застройки на раскопе XIX, планы двух домов и фото из публикации Михаэля Ульриха «Eine Siedlung der Voukkervanderungszeit auf den Ruinen des antiken Tanais. Ergebnisse der russisch-deutschen Ausgrabungen 1993-2004», за что приносим ему большую благодарность.

хозяйственные ямы, заброшенные или законсервированные после заполнения. На территории городища зафиксирован лишь один подвал Ф, открытый на раскопе IV в 1972 году, сооруженный во II-III вв., но продолжавший функционировать, по мнению исследователей, и в IV в. (Арсеньева, Шелов, 1974. С. 151, табл. 1). Весьма сомнительно, если принять во внимание, что после катастрофы середины III в. город 175 лет, а возможно и более, лежал в развалинах, пока здесь не появились другие этнические группы. Они начали селиться на руинах античного Танаиса и, разбирая завалы, строили согласно своей традиции дома. Так и этот подвал мог использоваться в качестве жилого помещения.

Состав находок из позднеантичных слоев и построек дает представление о характере хозяйственной и торговой деятельности жителей нового поселения. Основная масса керамических находок приходится, по нашему мнению, на лепную посуду, которая, к сожалению, лишь относительно может датировать те или иные слои и объекты. Хотя Д.Б. Шелов отмечал, что находки лепной керамики встречаются также часто, как и фрагменты амфор (Шелов, 1972. С. 317). Коллекция амфор позднеантичного времени не столь многообразна, как сосуды более раннего времени. Она состоит, главным образом, из горл, доньев и профильных фрагментов, все же дающих представление о составе амфор и торговых связях поселения.

Один из типов мелких амфор, бытовавших в Танаисе и в округе, в частности в дельте реки Танаис, это тип Зеест

105 (рис. 4, 1-5). Д.Б. Шелов включил их в свою классификационную схему узкогорлых светлоглиняных амфор как тип F, завершающий хронологический ряд от А до Е. При этом он подчеркнул генетическое родство этих сосудов с типом D и отметил, что они никогда не встречаются в комплексах первой половины III в. н.э., но обычны в погребениях или слоях конца III в. н.э. и всего IV в. и не заходят в V в. н.э. (Шелов, 1978, 19, рис. 10). Они широко представлены в памятниках Северного и Северо-Западного Причерноморья, на поселениях и могильниках ареала черняховской культуры, в позднеантичных могильниках Крыма в комплексах IV в. н.э. В Танаисе это, главным образом, немногочисленные обломки из позднеантичных слоев на городище, которые невозможно атрибутировать с определенными, надежно датированными комплексами. Представление об этой форме сосуда дает находка в дельте Дона в районе хутора Рогожкино, где открыто несколько мест концентрации этих амфор (три из них - из поселения), почти на всех амфорах имеются дипинты (Гудименко/Ильяшенко, 2000, 12-16, рис. 2). Они имели небольшие размеры, (их высота колеблется от 45,0 до 80,0 см, емкость от 1,3 до 2,150 л), стройность пропорций в сочетании с массивностью. Так вес пустой амфоры емкостью 1,5 л и высотой 50,0 см составляет более 2-х кг, что соответствует весу стандартной амфоры типа D емкостью 3 л. Венчики этой формы морфологически близки венчикам формы типа D и часто могут быть спутаны, если они происходят из переотложенных слоев; горла очень узкие и длин-

ные, слегка расширяются книзу; плечи узкие, покатые. Тулова удлиненно-конические с рельефной ребристостью, ножки на широких кольцевых поддонах, очень близкие ножкам более ранних типов: В и С и отличаются от последних своей массивностью и выступом на поддоне. Ручки, чаще всего, небрежно сформированные, овальные или круглые в сечении и слабо профицированные снаружи одним или двумя желобками, визуально близки ручкам амфор типа Е, с которыми их роднит и очень важный морфологический признак – перекрученность в противоположные стороны у верхних прилепов. К этому последнему признаку следует добавить и необычайное сходство глины двух типов Е и F, которое отмечала еще И.Б. Зеест. Очевидно, они производились в одном или нескольких расположенных рядом производственных центрах южно-понтийского региона. Гераклеи Понтийской, и примерно в одно время, а именно, начиная с конца III – середины IV вв. н.э. Роднит их также форма и местоположение маркировки красной краской, столь обычной на амфорах этих типов. Немногочисленность находок их в слоях Танаиса и практически отсутствие в слоях поселения, судя по находкам последних лет, могут служить доказательством, что поселение было основано не ранее последней четверти IV в. н.э., а то и на рубеже IV-V вв.

Одной из наиболее распространенных форм амфор является тип Зеест 104, Шелов Е (рис. 4, 6-11), которая ввозилась из Гераклеи. Исследователи Танаиса относили их ко второй половине IV –

началу V вв. н.э. (Деопик/Круг, 1972, 100 сл.), или к концу IV – началу V вв. н.э. (Шелов, 1978, 19, рис. 9). Эта форма была широко распространена на территории Северного Причерноморья, а также на южнопонтийском побережье у деревни Эрегли – античной Гераклеи Понтийской (Arsen'eva/Kassab Tezgör/Naumenko 1997, 189, рис. 17, 18).

Танаисские сосуды довольно стандартны по размерам с устойчивыми морфологическими признаками, что говорит, очевидно, об одном или нескольких близко расположенных центрах производства. Венчики у амфор чаще всего массивные, высокие и толстые валики, иногда плоско срезаны сверху и слегка заужены или чуть загнуты вовнутрь, иногда вдоль внутреннего края слегка выделено ребро, что позволяет часто путать графическое изображение их венчиков с типом С. Горло обычно очень массивное с толстыми стенками, всегда расширено книзу, часто переход снаружи не выделен, но изнутри почти всегда имеется утолщенный нависающий прилеп горла к плечам. Плечи неширокие, покатые, плавной дугой переходят в удлиненно-овальное, чаще тонкостенное тулово, иногда очень узкое и длинное, часто с рифлением, реже с перехватом, у дна оно сужается, но имеет всегда округлое завершение, иногда придонная часть усеченно-конической формы, чаще всего вместо ножки сосцевидный выступ (рис. 4, 11). Ручки всегда массивные, в сечении овальные, иногда почти круглые, реже уплощенно-овальные, профицированы снаружи двумя асимметричными желобками, крепятся под

венчиком очень широкими прилепами, всегда перекручиваясь в противоположные стороны, являясь характерным признаком этой формы, затем изгибаются близко у горла и опускаются на плечи, сужаясь у прилепов, где они слегка надламываются. Высота амфор в среднем 61,0-63,0 см, емкость от 11,0-12,550 л. У многих экземпляров на горле зафиксирована маркировка красной краской, всегда начинающаяся буквами $\alpha\pi$, стоящими одна под другой, как и на амфорах типа F. Судя по стратиграфическим наблюдениям, в Танаисе эта форма, несмотря на морфологические различия, присутствует практически во всех трех хронологических фазах поздней античности, выделенных немецкими исследователями. Крупные амфоры были открыты на поселении у Рогожкино в дельте Дона, их высота, по свидетельству автора раскопок И.В. Гудименко достигает 85,0-100,0 см.(рис. 4, 9).

Один из самых распространенных типов амфор в период IV-VII вв. н.э., чей ареал простирается от берегов Британии, Средиземноморья до понтийских центров, он известен в Египте, Сирии, в Подунавье, на Боспоре и был включен в многочисленные типологические схемы авторов разных археологических исследовательских школ: Ballana 6; Beltrán 82, Kuzmanov XIII, Radulescu 10, Scorpan VIII, Egloff 164, 169, Jakobson 9, Riley LR 1, Jatrus II 1, Keay LIII, British Bii, Peacock/Williams 44, Bjelajac XXI. В Танаисе тип широко представлен, главным образом, фрагментами, реже целыми формами в позднеантичных домах и в слоях на городище (Арсеньева/

Науменко, 1995, 48 сл., рис. 2, 2, 6; 3, 2; Arsen'eva/Böttger/Vinogradov, 1995, S. 237, Abb. 15, 2; S. 241, Abb. 18, 1-2; S. 258, Abb. 28, 2; Арсеньева/Науменко, 2001, 70 сл., рис. 41, 1; 43, 1-2). Представление о форме танаисской амфоры дает почти целый экземпляр из хозяйственной ямы дома на раскопе ХХ (рис. 5, 1). Самая близкая аналогия известна в материалах из Келлии (дельта Нила) около 400 г. (Egloff, 1977, Р. 113, тип 169, Fig. 19, 1-3, ба-b, 7c; 58, 2). Венчик – обычно высокий, утолщенный сверху край, слабо выделенный снаружи. Тулово яйцевидной формы, максимально расширенное в верхней части с рифлением изнутри и снаружи. Донце округлое, выделено, как правило, сосцевидным выступом (рис. 5, 7-8), ручки массивные, овальные или круглые в сечении, всегда профицированы снаружи глубоким желобком, зажатым на одну сторону, крепятся под венчиком и широко расходятся в стороны почти до границ туловища, изгибаются дугой, иногда близкой к прямому углу, и крепятся на краях плечей, слегка надламываясь у прилепов. Характерным является оформление нижнего прилепа с внешней стороны – он широкий и всегда подрезан в виде треугольника, что позволяет идентифицировать тип даже по мелким фрагментам (рис.5, 2-6). Часто на горле или плечах дипинти. Что касается центров производства, то некоторые авторы отмечают, что оно могло быть на Кипре, Родосе и в юго-восточной Турции (Arthur/Oren, 1998, 203, рис. 6, 5), в то время как Дж. Райли локализует место их производства в Сирии (Riley, 1981, 120). Смокотина

Фрагменты верхних частей амфор, близких по морфологическим признакам и глине к типу амфор LR 1, довольно часто встречаются в позднеантичных слоях городища (рис. 5, 9). (Арсеньева/Науменко, 1995, С. 49, рис. 3, 1; Арсеньева/Науменко, 2001, С. 72, рис. 45, 1). Очевидно, они ввозились в город одновременно с этими сосудами. Ближайшими аналогиями являются амфоры из детского погребения на Керамике в Афинах с датой первая половина V в. н.э. (Böttger, 1992. S. 373, № 75, Abb. 2, 16, Abb. 101, 4) и из Каталонии тип LIII, вариант C (Keay, 1984. P. 269 сл., Fig. 119, 1; P. 120, 5). Тип характеризуется округлым и утолщенным вверху краем, выделенным снаружи рифлением, покрывающим, как правило, все горло. Ручки или совсем не имеют профилировки, или очень слабую -двумя желобками. В яркой оранжевато-бежевой глине частицы примеси черных частиц и слюды.

496 Встречаются в позднеантичных слоях на городище горла амфор морфологически близких к типу Ятрус II 4 периода С нижнедунайского кастелла Ятрус (Böttger, 1982, S. 48, Abb. 23, 291). Танаисские экземпляры отличает устойчивость признаков, глина очень мелкая и плотная, светло-оранжевая с бежевым оттенком, редко черные, белые и серые частицы а также наличие у некоторых жидкого белого ангоба, заходящего внутрь горла почти до его половины. По условиям находок тип бытует в Танаисе предположительно с конца IV в. и далее. Смок 2я четв 6-7 вв.

Одной из не менее важных форм позднеантичных амфор является тип Зеест

100, Jatrus I 6 (рис. 6, 1-7). Он был широко распространен в Северном Причерноморье: известен в Тире, в Ольвии как тип 29 (Крапивина, 1993, С. 98, рис. 31, 4-6), в ареале черняховской культуры, где получил название «Делакеу» и представлен массово на всех черняховских памятниках Причерноморья в период с IV по VI вв. н.э. (Рикман, 1972, С. 90; Магомедов, 1991, С. 15 сл., рис. 17, 1-2), в Херсонесе в комплексе цистерны конца IV-середина V в. н.э. и позже (Сазанов, 1999, С. 237-238, рис. 6, 5-16; Голофаст/Рыжов, 2000, С. 80, рис. 6, 1-4). Широко представлен он и в комплексах Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Подунавья IV-V вв. н.э. (Böttger, 1982, S. 14 сл., Abb. 21, 14-15, 249-250; Orař, 1996, P. 73 сл., Fig. 20, 4-5, 7), а также на южнопонтийском побережье, в частности, в районе Синопы, где были открыты места производства этих амфор (Garlan/Kassab Tezgör, 1996, P. 327, 331, Fig. 9; 10), на Керамике в Афинах в первой половине V в. (Böttger, 1992, S. 373, № 73, Fig. 3, 8, Abb. 100, 4). В Танаисе эти амфоры появляются с началом жизни позднеантичного поселения, т.е. с конца IV в. н.э. и продолжают поступать в течение всей жизни города в V в. н.э. Их находки многочисленны в комплексах всех позднеантичных домов и в слоях на городище, реже за его пределами (Арсеньева/Науменко, 1995, С. 49, рис. 2, 5; 3, 4; Арсеньева/Науменко, 2001, С. 73, рис. 46, 2, 4). Представление о форме этих амфор, характеризующихся в Танаисе относительной устойчивостью морфологических признаков, дает один почти целый экземпляр, открытый на раскопе

VI. Высота этого сосуда 74,6 см, диаметр венчика 11,3 см, объем 33,0 литра (рис. 6, 1). Венчики у этого типа, как правило, прямоугольные в сечении валики, внутреннее ребро зачастую сильно оттянуто вовнутрь, сверху и сбоку профилированы желобками, снизу слабо подрезаны. Горла широкие, конические, внутри и снаружи рифление; плечи узкие, покатые с рифлением изнутри. Тулова максимально расширены вверху, книзу плавно сужаются, с заметным перехватом в нижней части. Донце коническое с уплощенной подошвой (рис. 6, 6). Ручки массивные, овальные в сечении, снаружи профилированы двумя мелкими желобками, крепятся ниже венчика широкими прилепами на разной высоте, плавно изгибаются и дугообразно опускаются на плечи. Глина очень мелкая и плотная, ярко светло-оранжевая или красновато-оранжевая ближе к ядру, с белыми включениями и множеством пироксена (рис. 6, 2-5, 7).

В комплексах Танаиса редко встречаются мелкие амфоры-кувшины, широко распространенные в период с IV по VI-VII вв. н.э. в Средиземноморье и Северном Причерноморье. Они хорошо известны в позднеантичных могильниках Крыма, на поселениях и могильниках черняховской культуры. Место производства этих сосудов предполагается в Малой Азии в долине реки Меандр (Riley, 1981, Р. 118). В Танаисе зафиксированы в основном экземпляры с одной ручкой (Arsen'eva/Böttger/Vinogradov, 1995, S. 255, Abb. 22, 6; Арсеньева/Наumenko, 2001, С. 70, рис. 41, 4). Представление о форме танаисской амфоры дает

неполный экземпляр (с остатком одной ручки) из дома АО с датой около середины - второй половины V в. н.э. (рис. 7, 1, 3-4). Эти сосуды имеют невысокое, узкое горло, узкие и сильно покатые плечи. Тулово вместе с плечами образует веретенообразную форму с нерегулярным рифлением снаружи, книзу оно сильно сужается, образуя удлиненный узкий конус, покрытый спиралевидным узким рифлением. Ножка узкая, коническая, отделена от тулова кольцевидным валиком, на узкой уплощенной подошве глубокая и узкая выемка (иногда щель). Одна или две ручки уплощенно-овальной в сечении формы крепятся на нижней части горла. Глина слоистая, темно-красная с большим содержанием слюды.

Еще одна небольшая серия горл выделена в музейной коллекции по находкам в позднеантичных слоях на городище и западном некрополе (рис. 7, 5, 7-8). Подобные сосуды известны в Подунавье в период IV-V вв. н.э. (Böttger, 1982, S. 44 сл., Abb. 21, 250; Orař, 1996, Р. 74, Fig. 20, 9) и на южнопонтийском побережье вблизи Гераклеи Понтийской у виллы Алапли, где были найдены фрагменты этих амфор в производственном комплексе конца IV – начала V вв. н.э. (Arsen'eva/Kassab Tezgör/Naumenko, 1997, S. 190, Fig. 22-24). Морфологически они близки к синопским сосудам типа Зеест 100, роднит их и наличие в глине большого числа пироксена, однако, они отличаются формой венчика и цветом глины, которая даже внутри самого типа варьирует от красного до светло-коричнево-бежевого оттенков. Наблюдается некоторое сходство и с типом Шелов Е:

визуально похожи ручки, их посадка, а также наружная поверхность и наличие пироксена в глине. Очевидно, эти типы производились в разных центрах южно-понтийского региона. В Танаисе в позднеантичных слоях их находки довольно редки, причем они известны как бы в двух разных исполнениях и хотя форма их почти идентична, они отличаются по глине и технике обжига.

Еще одна форма амфоры представлена реконструированным экземпляром, происходящим из дома ГР на XIV раскопе (Раскопки 1977 г.). Морфологически похожа на форму сосудов типа Зеест 100, отличаясь от последней формой венчика, отсутствием перехвата на тулове и глиной ярко-оранжевого цвета с белыми матовыми, реже черными частицами и мелкими блестками слюды. Высота ее около 80,0 см, диаметр венчика 12,0 см, диаметр туловы 31,0 см. Дата по условиям находки конец IV-V вв. н.э.

Горло, происходящее из слоя на городище, (раскоп IV), по-видимому, можно отнести уже к V в. н.э. Венчик овальный в сечении валик, округленный сверху и выпуклый наружу. Горло цилиндриче-

ское, узкое, расширяется в нижней части, ручки в сечении линзовидной формы, профицированы снаружи пятью мелкими бороздками, крепятся широкими прилепами в средней части горла, и дуговидно изгибаясь, опускаются на плечи. Глина очень плотная, оранжевая, на поверхности с бежевым оттенком, редко белые частицы и блестки слюды (рис. 7, 6, 9). Смок Понт, к 5-нач 6

В данную публикацию, к сожалению, вошли не все артефакты из коллекции позднеантичного времени. Многие из них еще полностью не атрибутированы и нуждаются в поисках аналогий и датировках. Обработка их позволит уточнить не только время основания поселения на территории античного города но и продолжительность его жизни. Нам представляется, что поселение, возникшее в последней четверти IV в. или в самом его конце существовало в течение почти всего V в. Торговля, по-видимому, снова играла важную роль. Важнейшими партнерами были такие понтийские производители вина как Синопа и Гераклея и некоторые пока неопределенные центры Средиземноморья.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсеньева Т.М./Науменко С.А. Танаис IV-V вв. н.э. (по материалам раскопок 1989-1992). Боспорский сборник. М. 1995. №6.
2. Арсеньева Т.М./Науменко С.А, Раскопки Танаиса в центре восточной части городища.// Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 56-124.
3. Арсеньева Т.М./Шелов Д.Б., Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964 - 1972 гг.). //Археологические памятники Нижнего Подонья. М. 1974. Том. I. С. 123-210.
5. Голофаст Л.А./Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х Б в северном районе Херсонеса.//Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск. 2000. Т. IX. С 78-117.
6. Гудименко И.В./Ильяшенко С.М., Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII. Донская археология. Ростов-на-Дону. 2000, №2.

7. Деоник Д.В./Круг О.Ю. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. СА. 1972, №3.
8. Ильиненко С.М. Верхний и Нижний город Танаиса. (предварительные наблюдения). // Вестник Танаиса. х. Недвиговка, Ростовская область. 2007. Вып. 2. С. 23-29.
9. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев. 1993.
10. Магомедов Б.В. Каменка-Анчекрак поселение черняховской культуры. Киев. 1991.
11. Рикман Э.А. Вопросы датировки импорта вещей из памятников племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. //СА. 1972. №4.
12. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. в: Проблемы истории, философии, культуры. Москва - Магнитогорск. 1999. Т.VII. С. 224-293.
13. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 1972. 351 с.
14. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология / Д.Б. Шелов // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16-21.
15. Arsen'eva T.M/Kassab Tezgör D./Naumenko C.A. Un dépotoir d'atelier
16. d'amphores à pâte claire. Commerce entre Héraclée du Pont et Tanaï's à l'époque romaine. // Anatolia Antiqua. 1997. Vol. V. P. 187-198.
17. Arsen'eva T.M./Böttger B./Vinogradov Ju. G, Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994. // Eurasia Antiqua 1995. B. 1.
18. Arthur P./Oren D. The North Sinai survey and the evidence of transport
19. amphorae for Roman and Byzantine trading patterns.//JRA. 1998. №11.
20. Böttger B. Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Iatrus.//Iatrus-Krivina. Berlin. 1982. B. II.
21. Böttger B. Die kaiserzeitlichen und spätantiken Amphoren aus dem Kerameikos.//AM. 1992. 107.
22. Garlan Y./Kassab Tezgör D. Prospection d'ateliers d'amphores et de céramiques de Sinope.// Anatolia Antiqua. 1996. Vol. IV.
23. Egloff M. Kellia. La poterie copte. Geneve. 1977. №1.
24. Il'jašenko S.M. Die Ober-und Unterstadt von Tanais in der hellenistischen und römischen Periode//Kolonisation-Interaktion-Integration. Zur Genese antiker Gemeinwesen am Pontos Euxinos am Beispiel der Handelsstadt Tanais am Don. 2005. DAI. Eurasien Abteilung. Band 11. S. 147-161.
25. Keay S.J. Late Roman amphorae in the western Mediterranean. A typology and
26. economic study: the Catalan evidence.//BAR. 1984. (IntSer). 196.
27. Opaiț A. Aspecte ale vieții economice din provincia Scythia (secolele IV-VI p. Ch.). București. 1996.
28. Riley J.A. The Pottery from Cisterns 1977.1, 1977.2, 1977.3. In: Excavations at
29. Carthago 1977. Ann Arbor. 1981.
30. Ulrich M. Eine Siedlung der Vulkanderungszeit auf den Ruinen des antiken Tanais. Ergebnisse der russisch-deutschen Ausgrabungen 1993-2004. DAI, Eurasien-Abteilung. Bonn. Band 37.

СОКРАЩЕНИЯ

JRA – Journal of Roman Archaeology

AM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung

BAR – British Archaeological Reports (International Series)

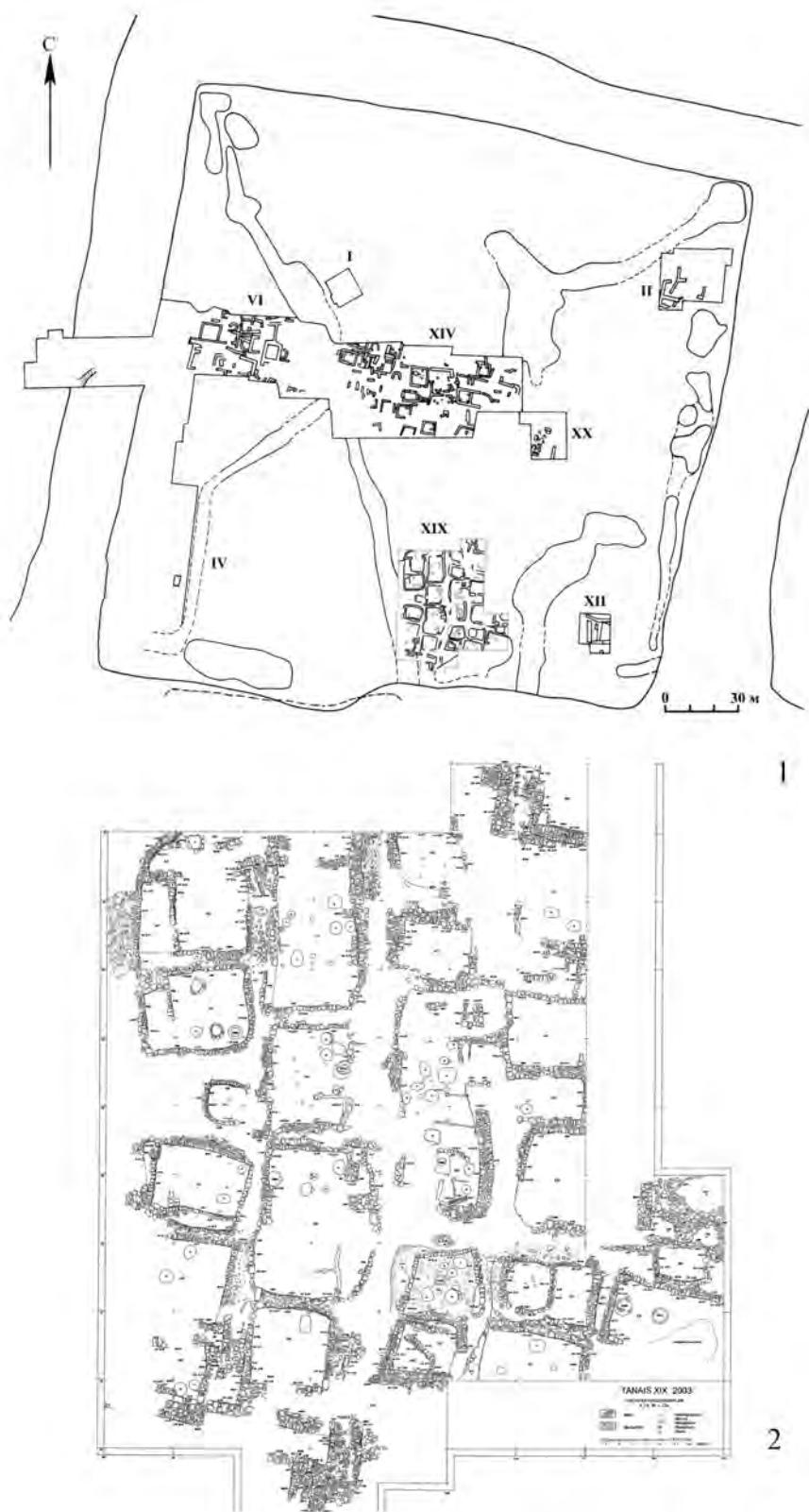

Рис. 1. 1 - план позднеантичных построек на территории основного четырехугольника городища;
2 - план архитектурных остатков IV-V вв. н.э. на раскопе XIX.

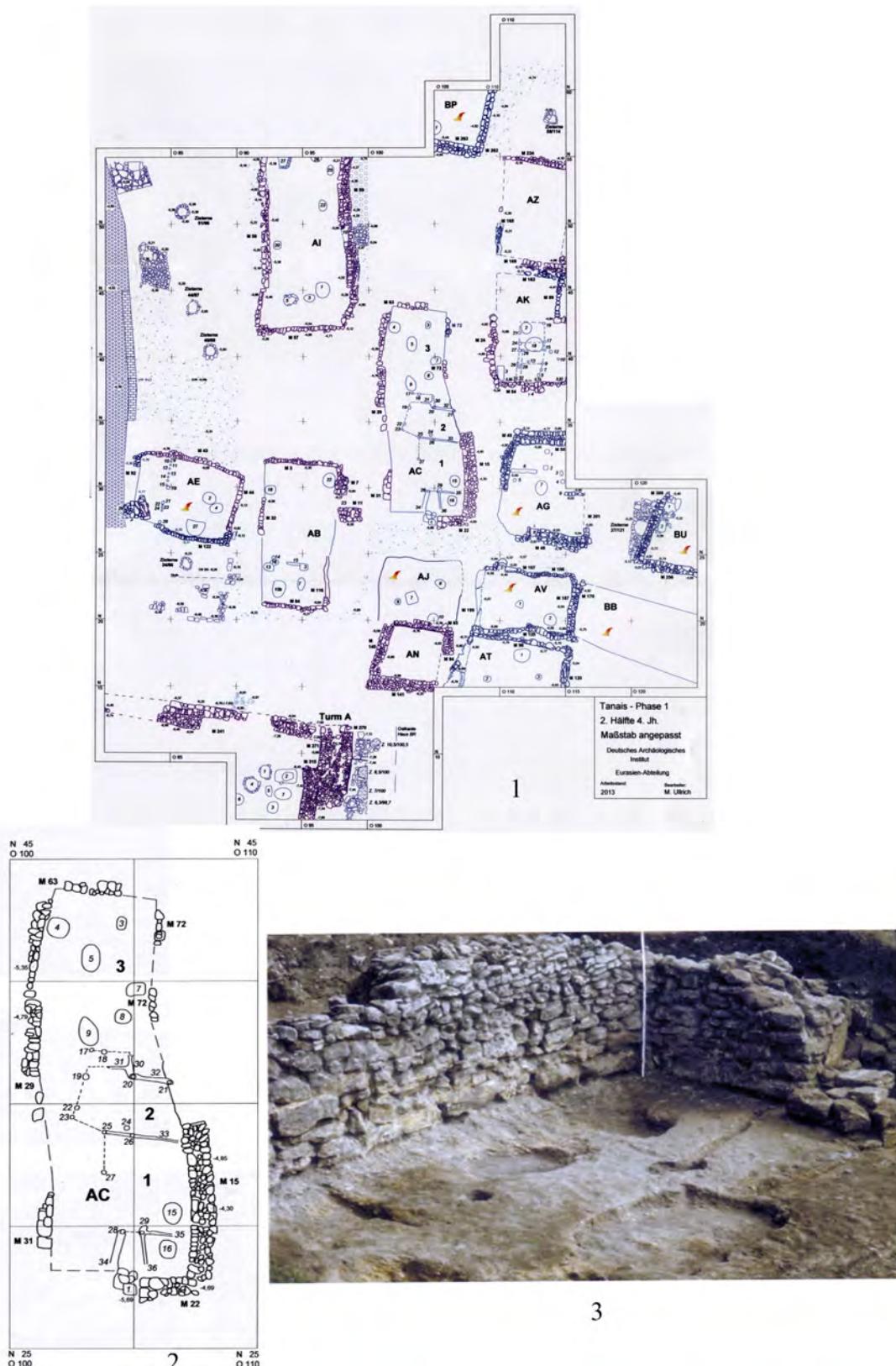

Рис. 2. 1- план построек второй половины IV в. н. э. Фаза 1, раскоп XIX. 2 - план дома АС 1-й фазы; 3 - юго-восточный угол дома АС, вид с северо-востока.

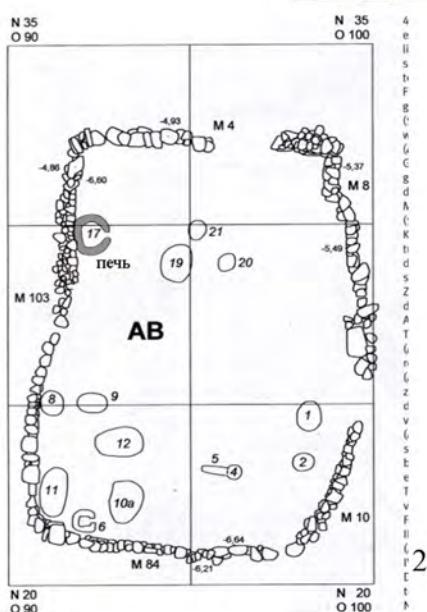

Рис. 3. 1- план построек конца IV - начало V вв. н. э. Фаза 2, раскоп XIX. 2 - план дома АВ 2-й фазы; 3 - печь у западной стены дома АВ, вид с востока.

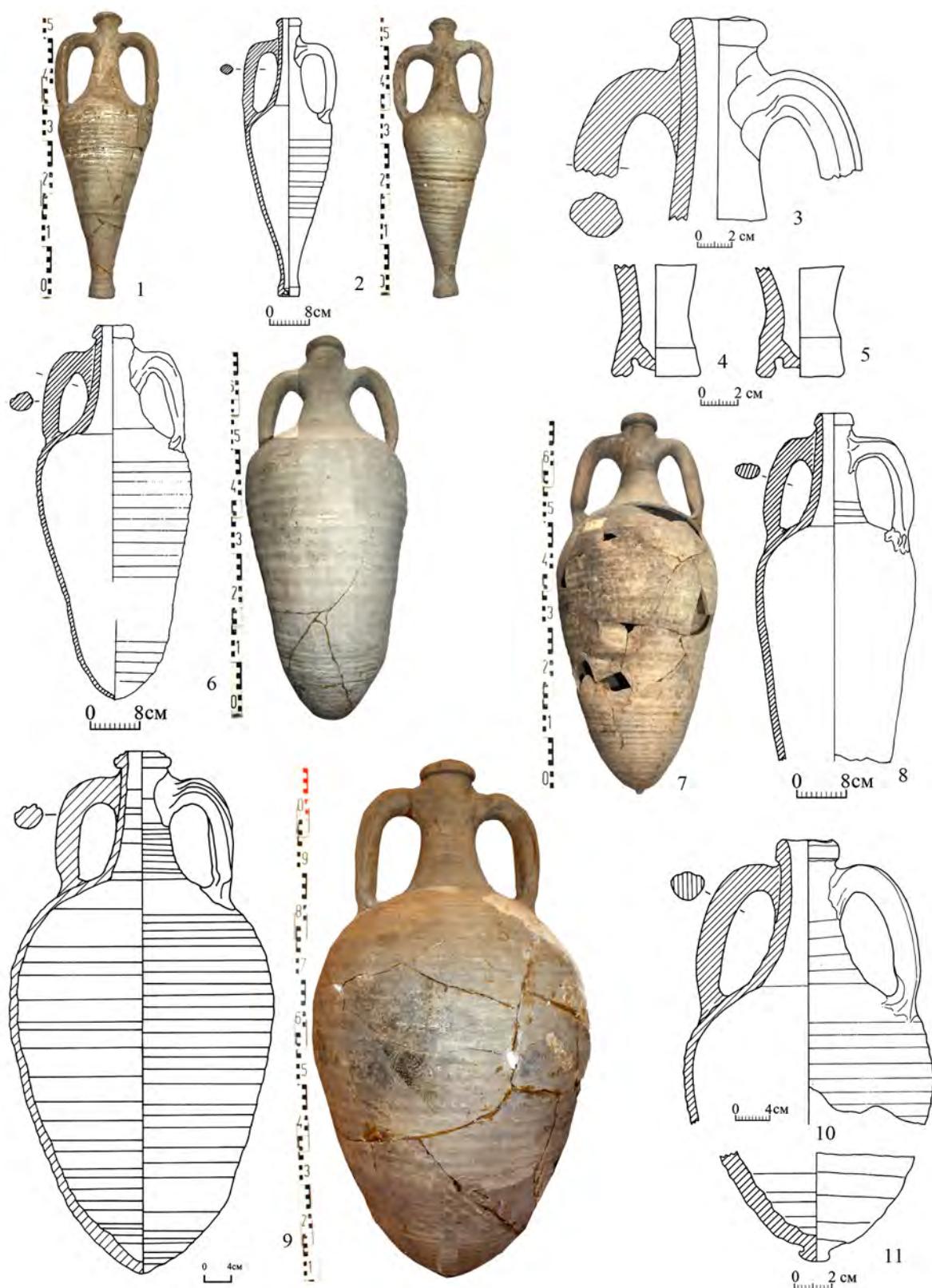

Рис. 4. 1-5 - амфоры типа Зеест 105, Шелов F; 6-11 - амфоры типа Зеест 104, Шелов E.

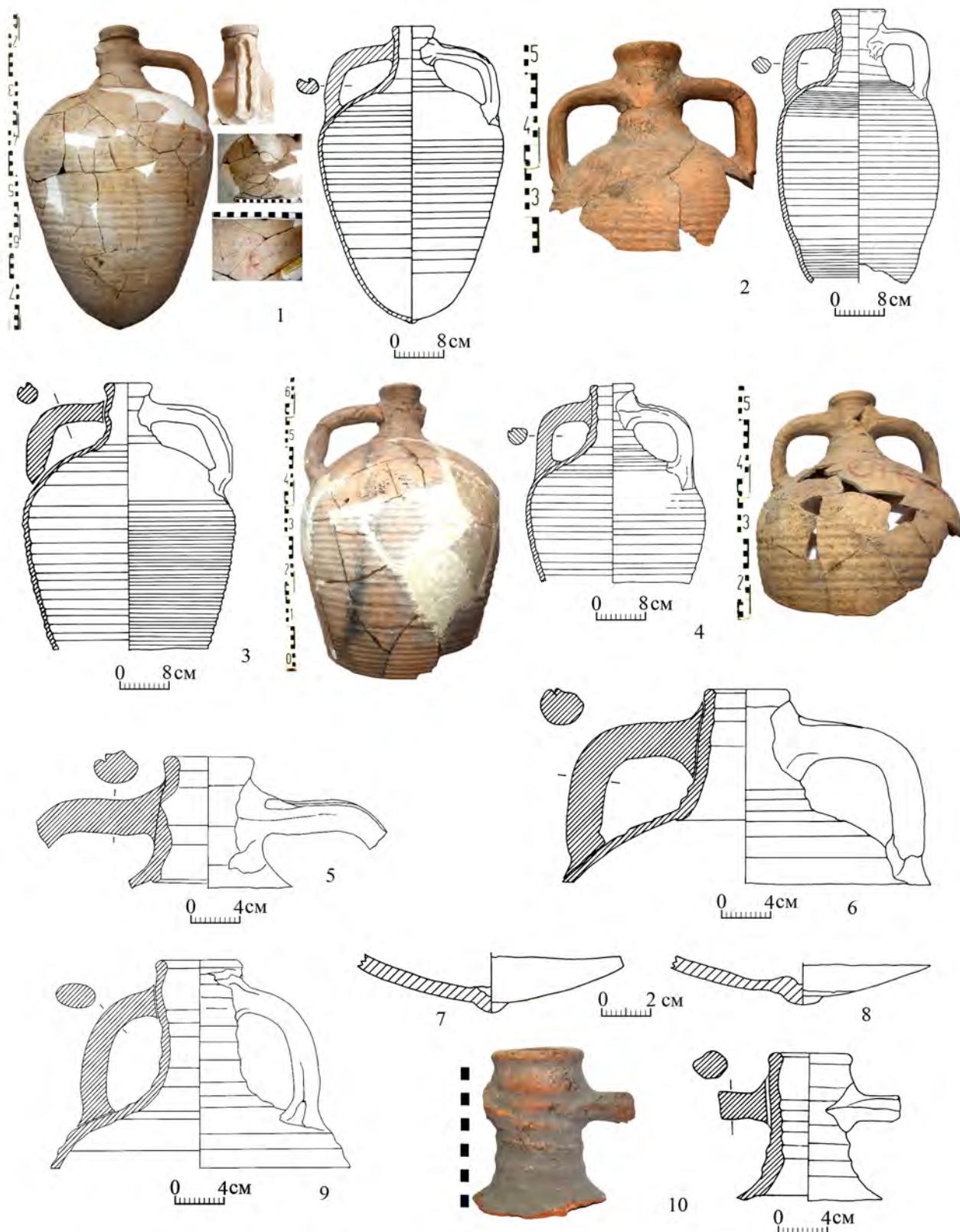

Рис. 5. 1- 8 - амфоры типа Riley LR 1, Jatrus II 1, Egloff 164, 169;
6-11 - амфоры неопределенных центров.

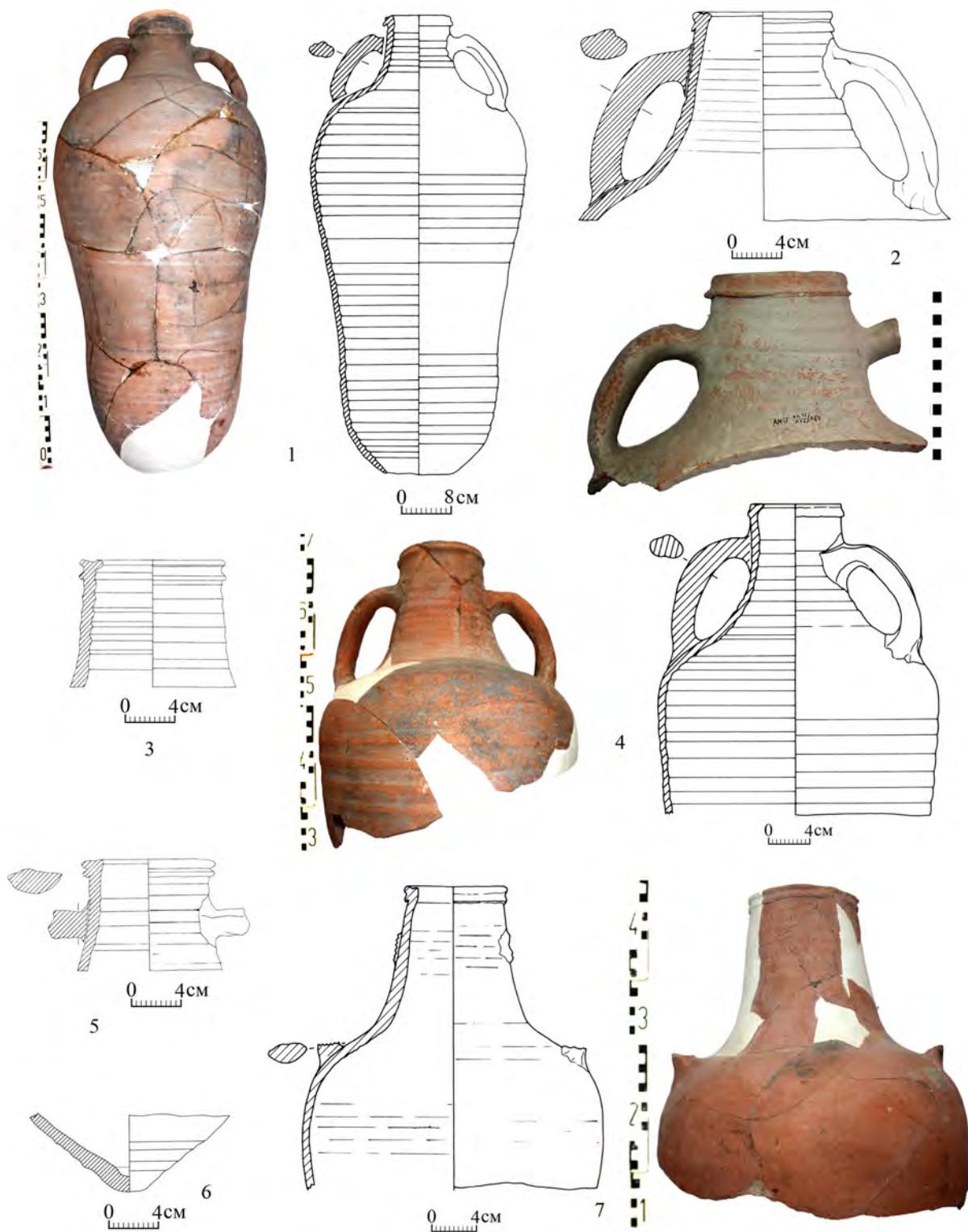

Рис. 6. Синопские амфоры типа Зеест 100, Jatrus I 6

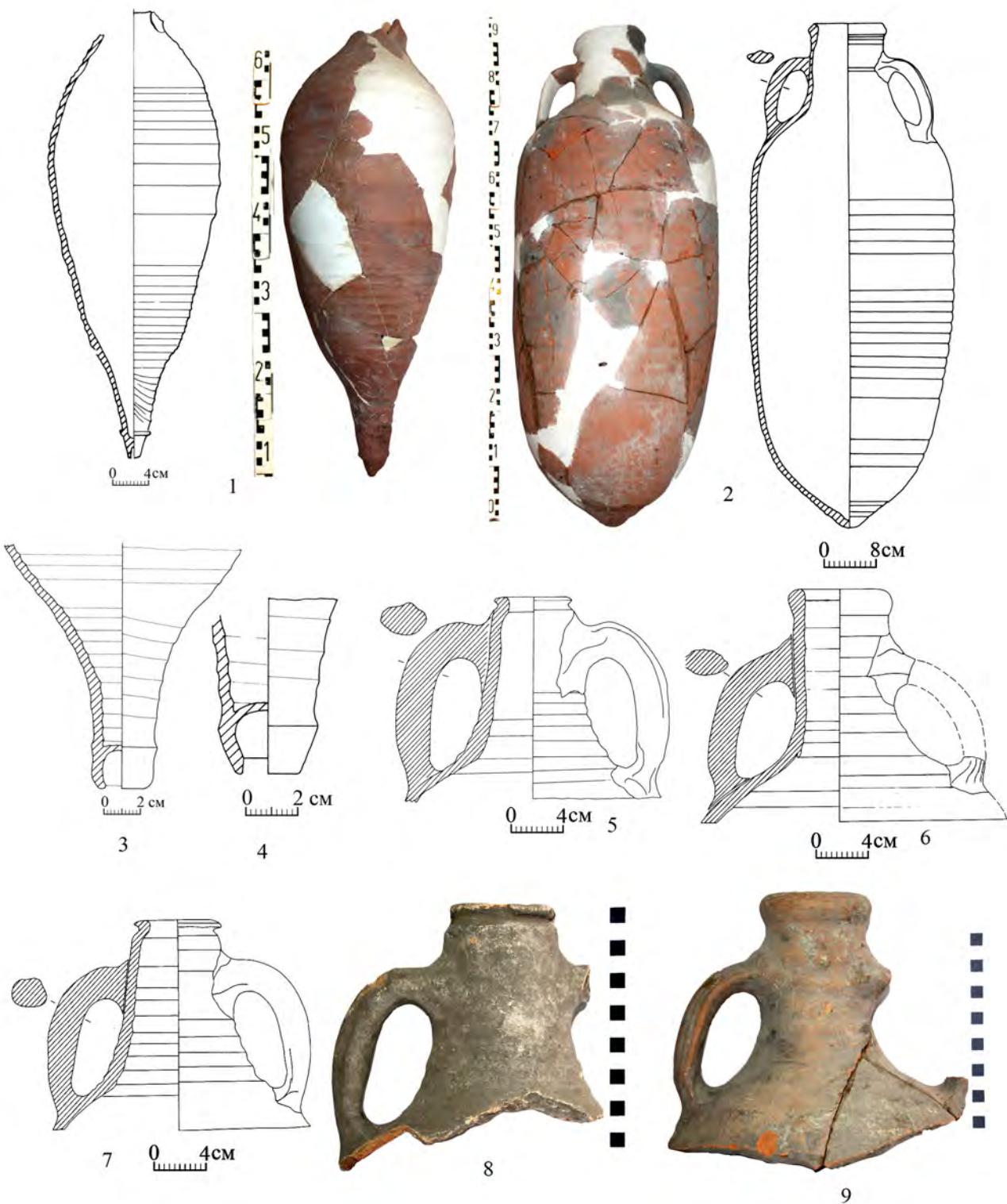

Рис. 7. 1, 3-4 - амфора типа Robinson L 50, M 240, 255-257, 307, Зеест 95;
2, 5-9 - амфоры неопределенного центра.

АНТИЧНАЯ КЕРАМИКА VI В. ДО Н.Э. НА ПОСЕЛЕНИИ «МАРЬЯНСКОЕ-І» (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 2016 ГОДА)

Подорожный А.А.

Ассоциация «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: podoroznii@yandex.ru

Настоящая статья посвящена керамическому комплексу VI в. до н.э., выявленному на территории поселения «Марьянское-І» в 2016 г. и является одной из первых попыток осмыслиения и интерпретации данного материала. Найденная при работах на этом памятнике керамика и, в особенности, фрагменты столовой посуда родосско-ионического производства, может указывать на присутствие здесь именно греческого населения.

Ключевые слова: поселение, керамические комплексы, амфорная тара, столовая посуда.

В 2016 году археологической экспедицией нп Южархеология под руководством В.В. Цыбрия проводились охранно-спасательные археологические раскопки на участке проектируемого строительства в границах объекта археологического наследия «поселение Марьянское-І и его грунтовый могильник».

Работы проходили на 6 раскопах, отделяемых друг от друга участками,

с уничтоженным в ходе сильного антропогенного воздействия культурным слоем. Это такие участки, как оросительный канал, створ прокладки нескольких кабелей связи, современные мусорные котлованы, строительные площадки и т.д. и т.п. В центральной части поселения располагались раскопы 1-3, 5 и 6, раскоп же 4 был вытянут по линии ЮЮЗ-ССВ от центральной части поселения к её северной границе, все раскопы закладывались в границах проектируемого строительства, что влияло на их ориентировку и форму.

В ходе данных работ была исследована часть поселения общей площадью 10132 кв. м, давшая большое количество разнообразного археологического материала. Среди всего прочего был получен внушительный комплекс разновременного керамического материала.

Всю керамику, выявленную на поселении в 2016 году, можно разделить по хронологии на пять основных групп: керамика датируемая VI в. до н.э.; кера-

мика датируемая IV в. до н.э.; керамика датируемая VIII-IX вв н.э.; керамика датируемая XIV в. н.э. и незначительное количество археологических находок относящихся к XVIII-XIX вв. (стоит отметить, что более ранние археологические работы, проводимые на данном памятнике в 2015 году (в юго-юго-восточной части памятника), выявили материал, относящийся и к более ранним историческим эпохам).

В данной работе нами будет рассмотрена только та керамика, которая уверенно продатирована VI в до н.э. и была выявлена на раскопе №1-6 при работах 2016 года.

Тарная керамика.

Керамический комплекс VI в. до н.э. можно разделить на тарную, столовую и кухонную посуду. К тарной керамике относятся в основном фрагменты и целые формы амфор, выявленные на раскопах 1-6.

На раскопе №1 было выявлено 4 фрагмента амфор (центры производства: 2 – Клазомен, ещё 2 не определены).

На раскопе №2 в общей сложности с уверенностью к VI в до н.э. можно отнести 48 фрагментов тарной керамики, из всех центров производства здесь доминирует Клазомен (22 единицы), на втором месте – Хиос (16 единиц), один фрагмент предположительно из Милета, определение центров производства остальных затруднительно.

На раскопе №3 было выявлено 74 фрагмента тарной керамики относящейся к VI в до н.э., основным центром производства выявленных на раскопе №3 амфор является Клазомен (26 единиц),

кроме этого встречаются отдельные находки фрагментов из Милета (5 единиц), Лесбосса (9 единиц), Хиоса (3 единицы) и Самоса (2 единицы), определение центров производства остальных затруднительно.

На раскопе №4 было выявлено 145 фрагментов тарной керамики относящейся к VI в до н.э. (включая неполные развалы и археологически целые формы), подавляющее большинство выявленных единиц тарной керамики относятся к Клазомену (рис. 6) (80 единиц, включая несколько неполных развалов и 6 археологически целых форм, многие фрагменты укращены полосами красной краски), кроме амфор из данного центра, на раскопе №4 встречались амфоры из таких центров как: Самос (рис. 5)(10 единиц, включая 5 археологически целых форм); Хиос (8 единиц, включая 2 единицы покрытые белым ангобом и укращенные полосами красной краски (такие амфоры бытовали широко – рубеж VII-VI вв. до н.э. – середина VI в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 12-15))); Лесбос (10 единиц); Милет (2 единицы); Протофасос (4 единицы), определение центров производства остальных затруднительно.

На раскопе №5 было выявлено 14 фрагментов тарной керамики, относящейся к VI в до н.э., кроме этого, в объёме 4 была выявлена археологически целая Клазоменская амфора (в нижней части заполнения) и верхняя часть Лесбосской амфоры (в верхней части заполнения хозяйственной ямы). Основным центром производства выявленных на раскопе №5 амфор является Клазомен (11 единиц, включая

целую форму), кроме этого встречаются отдельные находки фрагментов из Милета (1 единица) и Лесбоса (2 единицы, включая и склеенную верхнюю часть амфоры из объекта 4), определение центров производства остальных затруднительно. На раскопе №6 было выявлено 4 фрагмента амфор (центры производств: 2 – Клазомену, 2 – Хиос).

Таким образом, можно сделать вывод, что на исследованном в 2016 году участке поселения преобладают находки тарной посуды VI в. до н.э. преимущественно Клазоменского производства (143 из 198 определённых фрагментов и целых форм).

Столовая керамика

Столовая керамика представлена тремя большими группами сосудов, различающихся по технике обжига. Традиционно эти группы описываются как «красноглиняная» и «сероглиняная», но помимо этого на раскопе №4 было обнаружено несколько фрагментов керамики с хорошим ровным обжигом бежевого цвета, вероятнее всего родоско-ионического происхождения, которая была условно названа «белоглиняной».

Среди столовой керамики встречались многочисленные фрагменты со следами ремонта. Также найдены фрагменты меотских лепных кружек-кувшинчиков, украшенных сложным линейным орнаментом, и меотских мисок с коническими сосцевидными налепами на венчике. Наличие таких налепов сближает выявленные здесь экземпляры с мисками второй половины VII – начала VI в. до н.э. из Келермесского грунтового могильника (Галанина, 1985. С.161; 1989.

С. 81), а также с мисками из некрополя Старокорсунского городища №2 и могильников х. Ленина №2 и №3, которые относятся к началу – первой половине VI в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 42, рис. 23).

Следует особо отметить находки редких для этой местности фрагментов столовой античной керамики родоско-ионического происхождения. Это фрагменты тарелок, украшенные тёмно-коричневым лаком, нанесённым полосами, как во вместилище, так и на внешней стороне тарелки. По краю тарелки на некоторых фрагментах хорошо различима роспись лаком – разорванный меандр (рис. 9) (Северная Иония, стиль LWG, вторая четверть VI в до н.э. (Буйских, 2013. С. 64-65, 68-69, рис. 47.3.246)). Кроме этого, были выявлены и другие образцы родоско-ионической керамики, такие, как фрагменты киликов, ойнохойи, украшенных чёрным лаком, фрагменты чернолаковых кубков (рис. 1-4) (фрагмент ручки кубка, покрытый белым ангобом, с продольными полосами черного и светло-коричневого лака, внутренняя стенка вместилища которого покрыта темно-коричневым лаком, производство – Хиос, чернофигурная техника, группа Comast, 570-560 – 540 гг. до н.э. (Буйских, 2013. С. 159, 161, рис. 155. 10.27), или ножка аттического чернолакового кубка 575-550 гг. до н.э. (Афинская Агора, Вып. XII. Sparkes, Talcott, 1970, №380-381)), фрагменты столовых амфор (рис. 7-8) (в одном из объектов на раскопе №4 была найдена нижняя часть столовой амфоры, украшенная параллельными полосами чёрного лака).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буйских А.В.* О греческой колонизации Северо-западного Причерноморья (новая модель?) // Вестник древней истории. 2013. № 1.
2. *Доманский Я.В.* О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья (к постановке вопроса советской археологической литературе) // АСГЭ. 1965.
3. *Иессен А.А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л., 1947.
4. *Латин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
5. *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М., Саратов: Изд-во «Киммерида», Изд-во Саратовского университета, 2003.
6. *Писаревский Н.П.* Морские трассы на Понте Эвксинском во времена Геродота. Норция, 2009.
7. *Шелов Д.Б.* Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967.

Рис. 1. Фрагмент чернолакового кубка.

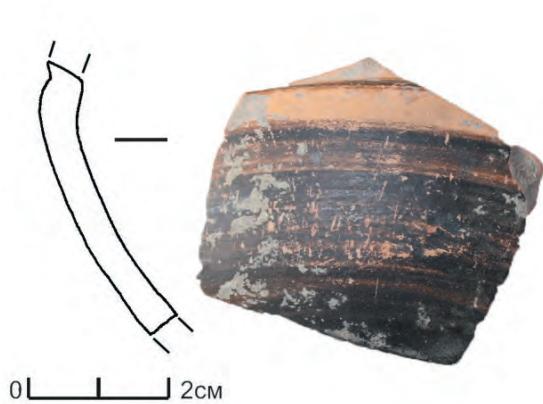

Рис. 2. Фрагмент чернолакового кубка.

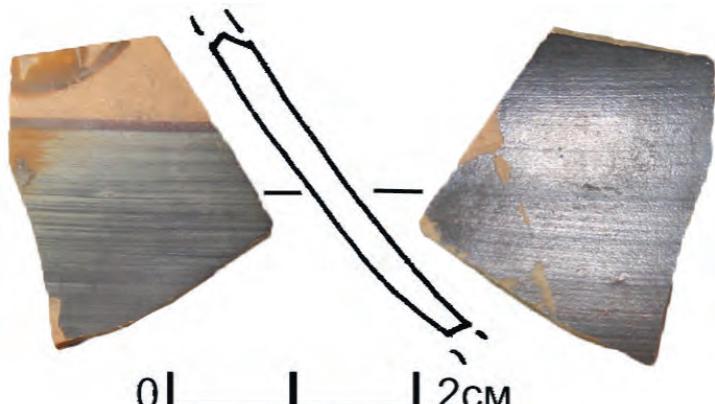

Рис. 3. Фрагмент чернолакового кубка.

Рис. 4. Фрагмент чернолакового кубка.

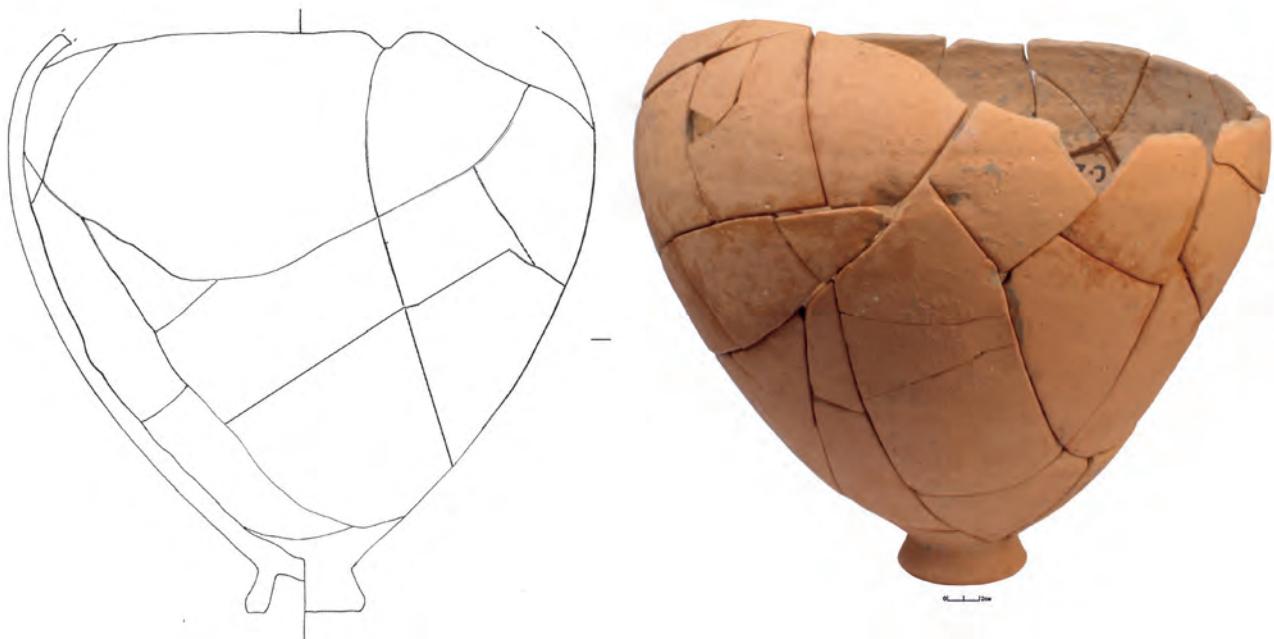

Рис. 5. Амфора. Центр производства – Самос.

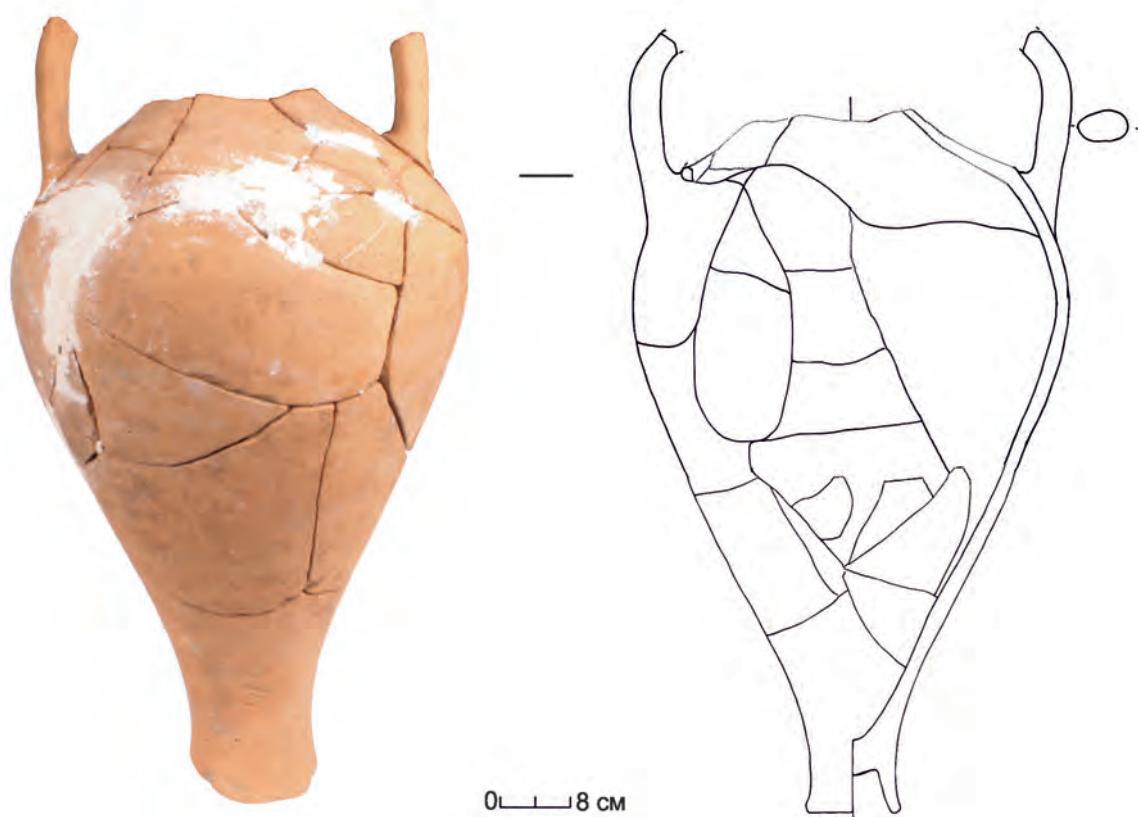

Рис. 6. Амфора. Центр производства – Клазомен.

Рис. 7. Фрагмент столовой амфоры.

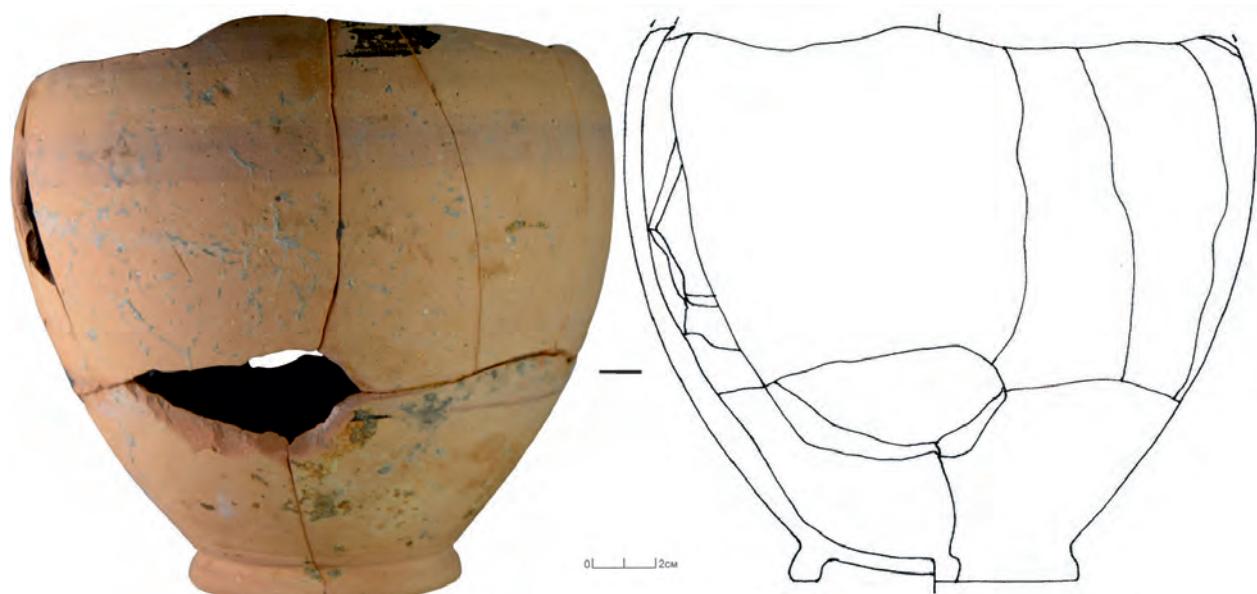

Рис. 8. Фрагмент столовой амфоры.

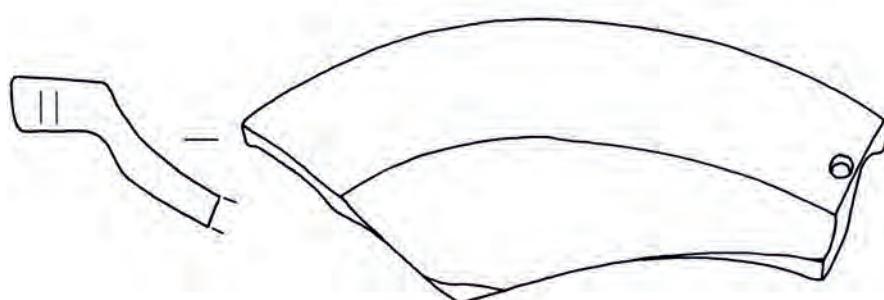

Рис. 9. Фрагмент чернолаковой тарелки.

ПЕРЕВОРОТ ГУЙШУАН-СИХОУ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛНОВ

Т.А. Прохорова

*Свободный исследователь
(г. Ростов-на-Дону – г. Краснодар)*

Проблема происхождения аланов продолжает оставаться дискуссионной. Многие исследователи связывают с историческими аланами средне-сарматскую культуру. Памятники пазырыкской культуры, носителями которой считаются юэчжи, средне-сарматской и некрополь Тилля-тепе демонстрируют генетическое родство. Мигрировавшие под напором сюнну юэчжи овладели Северной Бактрией. На рубеже эр было выделено 5 юэчжийских сихоу. Вызревшие здесь силы и политические разногласия привели к государственному перевороту. Юэчжийское общество распалось на сторонников Гуйшуан-сихоу (кушан) и его противников, избравших для наименования эквивалентный общеиранскому аргу термин *alana*.

Ключевые слова: аланы, средне-сарматская культура, юэчжи, миграция

Вопрос, связанный с проблемой происхождением аланов, интерес к которому сохраняется с позапрошлого века, к настоящему времени собрал огромную историографию. В литературе нашли своё отражение две основные концепции происхождения аланов: автохтонная, связы-

вающая процессы их вызревания внутри сарматского мира, и миграционная, отводящая ведущую роль в процессе их формирования кочевому миру центрально-и среднеазиатских регионов. Причём, сторонники последней с каждым годом усиливают свои позиции. А.С. Скрипкин, рассмотрев в историографическом очерке проблему происхождения аланов, пришёл к выводу, что вопрос этот остаётся открытым и не имеющим однозначного решения. Свой очерк он сознательно ограничил рассмотрением работ отечественных авторов второй половины XXв. (Скрипкин, 2001. С. 32). А.А. Туаллагов в посвящённой ранним аланам монографии никаких ограничительных рамок неставил и предпринял попытку анализировать массива литературы, так или иначе связанной с этой проблемой. В итоге, хотя они склоняется в пользу признания историческими аланами среднеазиатских мигрантов среднесарматского периода, всё же оставляет окончательное решение вопроса открытым для последующих исследований (Туаллагов, 2014. С. 363).

Среднесарматская культура появляется на Нижнем Дону в сложившемся

виде. Значительная часть исследователей поддержала Б.А. Раева, связавшего её с приходом в нижнедонские степи аланов. Давно отмечено сходство некоторых категорий вещей из нижнедонских памятников среднесарматской культуры и пазырыкской культуры Алтая. В 1983 г. Раев Б.А. сравнил материалы из Хохлача и Больших Алтайских курганов. В результате он обнаружил отчётливое сходство материальной культуры и погребального обряда царских курганов Пазырыка и кургана Хохлач. (Раев, 1984. С. 133-135). Сравнение погребального обряда, прослеженного в кургане 10 Кобяковского могильника с погребальным обрядом пазырыкской культуры, выявило наличие пазырыкского наследия в значительном объёме (Прохорова, 2016. С. 197-201).

В.И. Сарианиди пришёл к выводу, что курганы типа Пазырыка на Алтае и некрополь Тиллятепе в Бактрии оставлены родственными кочевыми племенами, но на разных хронологических этапах истории (Сарианиди, 1989. С. 168). Материальная культура, представленная в курганах аристократии Нижнего Дона и некрополя Тиллятепе, демонстрирует два варианта развития на базе пазырыкской культуры. Причём, пазырыкское наследие в материалах из Тиллятепе значительной мере переработано, в то время как кобяковский археологический комплекс сохранил большое количество ярких архаичных черт.

По-новому посмотреть на раннюю историю аланов позволяют исследования Л.А. Боровковой. Она уточнила некоторые устаревшие переводы древ-

них китайских источников и провела комплексные исторические, источниковедческие и историко-географические исследования с целью изучения политической истории юэчжей. Китайские исторические хроники застают юэчжей в Ганьсуском коридоре и сообщают, что до последнего десятилетия III в. до н.э. юэчжи процветали. В 177 г. до н.э. сюнну завоевали царства Юэчжи, Усунь, Лаолань, Хуцзэ и ещё 26 других, локализуемых в Ганьсуском коридоре и Восточном Туркестане. (Боровкова, 2005. С. 57). Сюннуским завоеванием был запущен процесс миграции населения с захваченных территорий. Надо полагать, что за миграцией, определяемой ханьскими источниками как юэчжийской, стояло массовое переселение на запад массива ираноязычных народов. Среди вынужденных мигрантов были и носители пазырыкской культуры, границы которой охватывают не только Горный Алтай, но и часть современного Синьцзяна (Туаллагов, 2014. С.284).

Данные китайских хроник о юэчжах соответствуют сведениям греко-римских источников II в. до н.э. – II в.н.э. о тохарах. Исход больших юэчжей на запад осуществлялся в две фазы. Первую фазу из Ганьсу к берегам Или Умняков И.И. датирует промежутком между 174 и 160 гг. до н.э. Вторая фаза движения с Тянь-Шаня в Бактрию отнесена к 133-129 гг. до н.э. Он также не исключал, что в состав народа юэчжи китайских источников, отдельным племенем могли входить сакарауки (сакаравлы). (Умняков, 1940. С. 184, 186).

Л.А. Боровкова полагает, что переселение из Ганьсуского коридора длилось примерно год. В начале 165 г. до н.э. достаточно многочисленный народ добрался до р. Или. Разгромив и изгнав саков (сэ), юэчжи расселились в долине реки. Но уже приблизительно в начале 163 г. до н.э. были изгнаны молодым усульским куньмо, возглавлявшим сюннуские войска. Юэчжи частью были захвачены, а оставшиеся двинулись далее на запад в земли Дася (Греко-Бактрии). Изнурённые двумя войнами и двумя переселениями юэчжи, скорее всего, потерпели поражение и подчинились правителю Дася Евкратиду, который позволил им поселиться в пригодных для кочевания землях. Здесь примерно в 162 г. до н.э. было создано кочевое царство Большое Юэчжи, столицей которого являлась ставка правителя. (Боровкова, 2005. С. 57-59).

После того, как Евкратид был убит, Греко-Бактрия распалась на ряд владений. Власть Дася над Большим Юэчжи стала номинальной. На рубеже 100-99 гг. до н.э. кочевое централизованное царство мирно овладело раздробленной страной Дася (Северная Бактрия) и превратилось в земледельческое. О том, что этот процесс проходил мирно, свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. По обоим берегам Амудары зафиксировано множество земледельческих поселений, представляющих собой как небольшие сельские поселения, так и крупные города. Значительная их часть существовала здесь и в предшествующие кушанскому, ахеменидский и греко-бактрийский периоды. Разрушений, которые являют-

ся неотъемлемым следствием военных столкновений, археологи не обнаружили. После овладения Дася стала задача, заключающаяся в переселении кочевников в её пределы, их мирным врастанием в среду бактрийцев-земледельцев, преодолением раздробленности и централизацией управления. Новыми властителями бактрийцев стали юэчжи-тохары, самые многочисленные из четырёх юэчжийских племён, к числу которых Л.А. Боровкова кроме тохаров относит также асиев, пасиан и сакаравлов Страбона. В этот период юэчжи завладели только Северной Бактрией, до реки Амудары. Южная Бактрия к югу от реки ещё раньше стала частью большого царства Уишаньли. (Боровкова, 2005. С. 75, 109, 118).

На новой территории правитель Большого Юэчжи в 99 г. до н.э. выделил 5 подвластных ему сихоу: Сюми, Шуанми, Гуйшун, Сидунь, Гаофу. Ставками пяти юэчжийских сихоу стали города в северных землях бывшей Дася. В I в. до н.э. четыре владения располагались на небольшом отрезке друг за другом по Великому караванному пути из Китая на запад. Гаофу-сихоу находилось на значительном расстоянии к югу от четвёртого сихоу, также на караванном пути (нынешний Душанбинский тракт). (Боровкова. 2005. С. 86). Разделение на пять владений было произведено не по этническому признаку (Габуев, 1999. С. 83). Обычно, исследователи этот период юэчжийской истории трактуют как распад, однако думается наоборот, к моменту овладения Северной Бактрией юэчжи осознавали себя как единый народ, и разделе-

ние на владения представляло собой административный акт.

После овладения Бактрией значительная часть кочевников продолжала оставаться на землях к северу от Сырдарьи и к югу от царства Канцзюй (Канггуй) и вести свой традиционный образ жизни. Подчинялись они пяти князьям-сихоу. Имея конницу из соплеменников, контролируя караванные пути и обогащаясь, кочевники усиливались. Новые правители большого государства, стали проживать в Ланьши (Шахринауское городище), среди бактрийской знати, без поддержки которой не смогли бы управлять более чем миллионным населением. Постепенно ассимилируясь они утрачивали свою этническую идентичность, что вызывало недовольство усилившейся юэчжийской кочевой знати, которая всё меньше привлекалась к управлению государствам. Раскол юэджийского общества привёл к государственному перевороту (Боровкова. 2005. С. 86-89, 139-141, 201).

Государственный переворот, совершённый Гуйшуан-сихоу, произошёл в I в.н.э., скорее всего во втором его десятилетии. Имя мятежного сихоу китайских источников – Цюцзюю, надёжно идентифицируется с Куджулой Кадфизом монетных легенд. После того, как Куджула Кадфиз разгромил четыре сихоу, чьи владения соседствовали с ним на востоке, западе и юге, ему необходимо было пробиться к столице Ланьши по караванному пути (нынешний Душанбинский тракт), проходящему через три высоких горных хребта. Ему предстояло разгромить правительственные войска

и овладеть Ланьши, что и было успешно осуществлено. По расчётам Л.А. Боровковой, Куджула Кадфиз провозгласил себя царём около 20 г. н. э. Она полагает, что в ходе переворота законный правитель был убит. (Боровкова, 2005. С. 173, 203-205, 223).

Думается, имеется достаточно оснований связать с этими событиями некрополь Тиллятепе. Для захоронения останков погибшего правителя и его близких были использованы руины древнего храма, находившиеся в безлюдной местности. Холм Тиллятепе был единственным на равнине, так как город в этой местности возник позже (в кушанское время). На некрополе выявлено семь захоронений, впущенных в древние развалины. Исследовано шесть из них. Сарианиди В.И., обратил внимание на контраст между содержащимся в погребениях богатейшим инвентарём и простотой погребального обряда. В прямоугольные грунтовые ямы, даже без минимальной обработки стен, были спущены деревянные гробы. Какие-либо намогильные сооружения отсутствовали. Не было даже простых курганных насыпей. Всё это указывало на тайный характер захоронений. (Сарианиди, 1986. С. 46). Поскольку, некрополь в холме Тиллятепе возник с целью погребения убитых в ходе государственного переворота, он может рассматриваться как единовременный закрытый комплекс. Обнаруженный в захоронениях нумизматический материал содержит не только дату возникновения некрополя, но и предположительное имя свергнутого правителя.

Самая поздняя по времени золотая монета происходит из погребения 3.

На лицевой стороне её изображён бюст римского императора Тиберия в профиль, с венком на голове. На оборотной стороне – женская фигура, задрапированная в пышные одеяния, сидящая в кресле, с ветвью и скипетром в руках. Такие монеты чеканились в Римской империи в 16-21 гг. Эта дата вполне совпадает с датой государственного переворота. В погребении 6, за щекой погребённой, была обнаружена серебряная монета. На лицевой её стороне бюст бородатого царя в диадеме, завязанной на затылке длинными лентами. Сбоку имеется надчеканка в виде маленького кружочка, в центре которого миниатюрное изображение головы воина в шлеме. На оборотной стороне фигура, сидящего на троне лучника и греческая надпись. Согласно надписи, монета принадлежала чекану парфянского царя Фраата IV (38/37-3/2 гг. до н.э.). Надчеканка на лицевой стороне монеты аккуратно помещена сбоку, чтобы не повредить изображение царя Фраата. Принадлежит надчеканка юэчжийскому кочевому правителю Сапалейзису, правившему Бактрией накануне образования Кушанского государства. (Сарианиди, 1986. С. 69, 130).

Личные украшения погребённых в Тиллятепе илюстрируют справедливость выводов Л.А. Боровковой о значительном отходе кочевых правителей Бактрии от веры отцов и постепенной утрате этнической идентичности. В.И. Сарианиди, изучив материалы, констатировал, что ювелирные изделия Тиллятепе демонстрируют смешение нескольких стилей в одном произведе-

нии и сочетают наряду с греко-римским и ирано-индийским искусством, черты искусства кочевников Сибири (Сарианиди, 1986. С. 177). Новый стиль явился отражением процесса глубокого врастания бывших кочевников-юэчжей в культуру бактрийцев-земледельцев, повлёкшим основательную переработку пазырыкского наследия.

События, развернувшиеся во втором десятилетии I в. н.э. свидетельствуют о том, что на территории юэчжийских владений-сихоу, за более чем столетний период образовалась новая кочевая аристократия и появились новые политические силы. Юэчжийское общество распалось, раздираемое разногласиями. Раскол происходил не по линии этнического размежевания, а по политическим причинам и заставил искать новые идентификаторы общности. Л.А. Боровкова отмечает, что наименование кушаны этнонимом не является. Термин означает сторонников Гуйшуан-сихоу по его титулу. После успешного переворота Куджула Кадфиз занялся процессом установления и укрепления своей власти. Справившись с этой задачей, в 47 г. он перешёл к активной внешней политике (Боровкова, 2005. С. 203, 212).

Появление аланс, зафиксированное письменными источниками, синхронно с изменениями, происходящими в Бактрии. Есть основания думать, что под этим именем на историческую арену вышли потерпевшие поражение политически противники Куджулы Кадфиза. Для нового наименования они избрали термин, эквивалентный древнему общиранскому аяу, который был воспри-

нят не в древней фонетической форме *aryana*, а в новой *alana* (Габуев, 1999. С. 129). Таким образом, наименование аланы, как и кушаны, не является этнонимом в современном понимании этого термина, на что исследователи указывали достаточно давно (Безуглов, 1990. С. 81). Новое наименование было призвано декларировать приоритет и незыблемость традиционных ценностей кочевого общества, приверженность вере отцов, маркировать высокий социальный статус его носителей и служить идеологическим обоснованием экспансиионизма.

Данное предположение подкрепляется как письменными, так и археологическими источниками. Китайские исторические хроники фиксируют, что в I в.н.э. кочевое владение Яньцай вдруг обретает второе название – Алань(я). (Боровкова, 2008. С. 84). Исследователи (Яценко С.А., Цуциев А.А.) полагают, что переименование Яньцай произошло где-то между 25 и 50 гг. н.э. Зафиксированное переименование явилось прямым следствием раскола юэчжийского общества. Противники Гуйшуан-сихоу вынуждены были покинуть занимаемые раньше пределы между земледельческими районами Северной Бактрии и царством Кангюй, и переселиться на сопредельные территории (Яньцай, Давань). А.С. Скрипкин справедливо полагает, что переименование Яньцай в Алань(я) следует связывать с завоеванием его аланами. (Скрипкин, 1990. С. 205).

Начавшееся в I в. до н.э., усиление Кангюй, продолжилось в I в.н.э. Под ударами кангюйцев начался отток ала-

нов из занятого района на запад, до границ Рима, где о них стали писать с середины I в.н.э. Последующая зависимость от Кангюя Яньцай и его соседей, кочевых царств Янь и Сиу, привела к массовому оттоку населения из этих мест. (Боровкова, 2008. С. 84-86). К середине I в. аланы закрепились на Дону и в Приазовье (Скрипкин, 2001. С. 34).

О размерах богатств, накопленных кочевниками бывших юэчжийских владений-сихоу в Северной Бактрии можно судить по инвентарю погребений середины I-середины II вв.н.э., выявленных в курганах Нижнего Дона. Погребений среднесарматского времени на Нижнем Дону достаточно много. Большинство из них грабленые, но даже и они содержат одиночные находки из золота, не говоря уже о таких роскошных ограбленных комплексах, как Хохлач, Садовый, Дачи. Не ограбленными сохранились единичные захоронения – богатое погребение в кургане 10 Кобяковского могильника и более скромное погребение 1 в кургане 1 могильника Чеботарёв V. Значительная часть вещей из среднесарматских комплексов восточного происхождения. Украшения в зверином стиле находят аналогии в памятниках искусства Бактрии и заключаются в манере изображения, образах некоторых персонажей, способах инкрустации. Близки типологически сами вещи. Это также свидетельствует в пользу северобактрийского (юэчжийского) происхождения аланов. В своё время М.И. Ростовцев связывал причины появления новой волны звериного стиля с полихромной инкрустацией на юге России именно

с политическими событиями в Средней Азии.

И.П. Засецкая вопрос об аланской принадлежности княжеских погребений середины I-середины II вв. н. э. оставила открытым до тех пор, пока остаётся без ответа вопрос: «Если это были аланы – «бывшие массагеты», на что могут указывать вещи сарматского полихромного звериного стиля, продолжающего традиции зооморфного искусства евразийских племён скифской эпохи, и в частности массагетов Средней Азии, то почему в памятниках позднесарматской культуры II-IV вв., которую исследователи отождествляют с аланами, нет подобных предметов? Что изменилось? Поменялись идеологические представления аланских племён или этнический состав населения южнорусских степей?» (Засецкая, 2011. С. 257).

Исследования Л.А. Борковой помогают найти ответ. Она установила, что динлинские царства – Цзянькунь, Динлин и Уцзе – под ударами сяньбийцев вынуждены были переселиться из районов к северу от Усунь на запад и северо-запад. В результате к концу II в. к северу от Кангюй и к востоку от Яньцай/Алань появились три динлинских царства. Аланские царства Яньцай/Алань, Янь и Сиу были отрезаны от Кангюя и обрели независимость. «Растянутость новых территориальных владений динлинских племён, довольно низкий уровень общественного развития быстро привели их к подчинению аланами и к постепенной утрате их общности как народа «динлин». Оказавшись зажатыми с трёх сторон между царствами усуней, кангюй-

цев и аланов, стоявших на более высоких ступенях развития, заставило их начать отселение своих племён в западном направлении, то есть к западу от Аральского моря до Дона и Волги». (Боровкова, 2008. С. 95-96, 104, 112-113). Иными словами, если в середине I в.н.э. на Нижний Дон мигрировали аланы, бывшие юэчжи, то в последующий период, в конце II – IV вв., под этим именем скрывались динлины китайских исторических хроник.

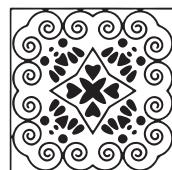
Нужно думать, что именно о динлинах, а оне о мигрантах первых веков н.э., писал автор IV в. Аммиан Марцеллин, разделявший «европейских алан» и «алан-прежних массагетов». Описание внешности аланов, которое даётся в его сообщении, как красивых белокурых европеоидов высокого роста, совпадает с описанием внешних данных динлинов в китайских источниках. «Из сведений древнекитайских историй «Хоу Хань шу» и «Вэй люэ» выясняется, что динлины, белокурые европеоиды южносибирского типа ...» (Боровкова, 2008. С. 112). Аланы среднесарматской культуры, генетически связаны с носителями пазырьской культуры. Серия черепов из могильников Пазырык, Туэкта, Шибе отличается преобладанием монголоидных черт. Черепа из других могильников Горного и Предгорного Алтая гораздо более европеоидные. Среди женских останков в Больших Алтайских курганах преобладают черепа и мумии с европеоидными антропологическими особенностями. Имеющиеся антропоморфные изображения (богиня в кресле, всадник, человек-зверь) имеют яркие южно-ев-

ропеоидные черты лица. На подвесках-личинах конской упряжи изображены монголоиды или метисы с преобладанием монголоидных черт. (Баркова, Гохман, 1994. С. 26-29). Антропоморфные персонажи на ювелирных изделиях Тиллятепе также подразделяются на европеоидов и монголоидов. Последними, как правило, являются мужские персонажи. Следует также учитывать, что в Северной Бактрии юэчжи достаточно долго

жили в окружении черноволосых европеоидов памиро-ферганского типа, с которыми не могли не смешаться. Серия черепов, происходящих из сарматских погребений I-II вв. н. э. Нижнего Дона, характеризуется наличием монголоидной примеси, хотя и в весьма незначительном объёме (Батиева, 2011. С. 65). По указанным причинам аланы первой волны миграции белокурыми и голубоглазыми скорее всего не являлись.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баркова Л.Л., Гохман И.И.* Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений. //Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.
2. *Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в.н.э. (палеоантропологические исследования). Ростов-на-Дону.
3. *Безуглов С.И.* Аланы-танайты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.
4. *Боровкова Л.А.* Кушанское царство (по древним китайским источникам). М.
5. *Боровкова Л.А.* Народы Средней Азии III-VI вв. М.
6. *Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ.
7. *Засецкая И.П.* Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.
8. *Прохорова Т.А.* Пазырыкское наследие в материалах кургана 10 Кобяковского курганного могильника. //Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Ростов-на-Дону.
9. *Раев Б.А.* Пазырык и Хохлач. // Скифо-сибирский мир. Кемерово.
10. *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М.
11. *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов.
12. *Скрипкин А.С.* О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождение (историографический очерк). //Историко-археологический альманах. Вып.7. Армавир-М.
13. *Туаллагов А.А.* Ранние аланы. Владикавказ.
14. *Умняков И.* Тохарская проблема. ВДИ, №3-4.

ПОЛИСНОЕ КЛЕЙМЕНIE ЧЕРЕПИЦЫ НА БОСПОРЕ

С.Ю. Сапрыкин

*Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)
e-mail: mithridates@mail.ru*

Клеймение черепицы при Спартокидах основывалось не на царской собственности на керамические эргастерии и глинища и не на монополии Спартокидов на производство продукции, а на субсидировании построек общественно-государственного и частного значения. Поэтому в клеймах появились имена тиранов, позднее определения «царский», «царская», а при частных заказах имена мастеров и эпимелетов. Доход от контрактов отчислялся в казну, точнее в пользу тиранов. Поэтому во второй половине IV в. до н.э. в клеймах проставлялся лунообразный знак – половина суммы от контракта

Ключевые слова: Боспор, Спартокиды, черепица, клеймо, мастер, эпимелет, керамические эргастерии

Боспорские черепичные клейма являются важным источником по истории Боспорского государства. Из них можно почерпнуть сведения по экономике, административно-государственной структуре Боспора, взаимоотношениям Спартокидов с полисами Пантикеем, Горгиппией, Фанагорией. Исследование

боспорских черепичных клейм началось в XX в. История изучения этой проблемы подробно изложена в работах А. В. Ковальчук, Н.Ф. Федосеева, В.И. Каца (Ковальчук, 2007. С. 2-10; Кац, 2007. С. 327-334; Федосеев, 2012. С. 15-21). Из всех точек зрения о характере боспорского клеймения выделяется концепция В.Ф. Гайдукевича, который во многом опирался на выводы Б.Н. Гракова. Согласно ее положениям, производство клейменых черепиц началось в IV в. до н.э. в крупнейших городах Боспора, достигнув наибольшей интенсивности в середине–второй половине IV – первой половине III в. до н.э. Его осуществляли крупные мастерские, которые принадлежали богатым промышленникам или государству. Собственниками предприятий были и представители царского рода Спартокидов. Имена Спартокидов и частных лиц в одном клейме показывают, что предприятие по выпуску черепицы возглавлялись двумя владельцами. Это были своеобразные «двойные фирмы», но некоторые боспорские промышленники находились в зависимости от архонтов-царей. Изготовление

черепицы было выгодно аристократии, возглавляемой Спартокидами, которые сами участвовали в производстве. Поэтому на Боспоре была царская монополия на черепичное производство, которая предусматривала запрет частных эргастериев. Царские мастерские находились в Фанагории и Горгиппии, где их собственники – боспорские цари – сдавали их на откуп. Появление клейм Пантикея было результатом ослабления царской власти и борьбы полисов за расширение прав к концу III в. до н.э., что нашло отражение в появлении полисных эргастериев (Гайдукевич, 1935. С. 211-292; 1947. С. 22-28; 1958. С. 123-135; 1967. С. 15-21. См. также Граков, 1935. С. 202-210).

Согласно Д.Б. Шелову, мастерские, производившие черепицу, работали в Пантикее и Фанагории, где они сосуществовали с царским и частным производством, так как принадлежали городской общине. Это свидетельствует о восстановлении полисных традиций при ослаблении власти Спартокидов в конце III – начале II в. до н.э. (Шелов, 1954. С. 118-130; 1956а. С. 152-153). Ю.А. Савельев отмечал, что черепичными мастерскими на Боспоре владели привилегированные слои населения, а «частная» черепица и керамиды с клеймом ПАНТИ отражали «эксплуатацию мастерских через арендаторов», поскольку черепичное производство находилось в собственности или личном распоряжении царей. Царское производство черепицы укрепилось в первой половине III в. до н.э., но оно, не оформленное юри-

дически, не исключало его частного характера (Савельев, 1964. С. 196-206).

По мнению Э.О. Берзина, большая часть частных клейм относится к IV – началу III в. до н.э., при этом основное количество эргастериев возникло во второй-третьей четверти IV в. до н.э. Частные мастерские предшествовали появлению эргастериев, совладельцами которых были частные лица и цари. Частные лица выпускали черепицу на правах откупщиков или по особым привилегиям. Двойное клеймение, когда в клеймо включали имя одного из Спартокидов и имя фабриканта, осуществлялось в 349-309 гг. до н.э. Эвмел упразднил «двойные фирмы» в связи с предоставлением льгот и прав Пантикею. В первой четверти III в. до н.э. была введена царская монополия на производство и клеймение черепичной продукции (Берзин, 1959. С. 53-60).

В.А. Анохин полагал, что клеймение черепицы производили под контролем правителей, а глинища находились в собственности царей и отдельных владельцев, которые сдавали их в аренду. Эргастериархи за плату получали разрешение на производство черепицы. Срок аренды составлял 10 лет, что стало причиной десятилетнего цикла производства керамической продукции. Согласно предложенной им хронологии, мастера – керамевсы работали при Левконе I, Перисаде I, Эвмелле, Спартоке III, Перисаде II, Спартоке IV, Левконе II, Гигиенонте, Спартоке V, Перисаде III, Камасарии, Аспурге, а клеймение продолжалось с 390 по 155 гг. до н.э. (не считая клейм Аспурга) (Анохин, 1999. С. 188-209).

По мнению Н.Ф. Федосеева, черепица с царскими клеймами предназначалась на Боспоре для царских и сакральных построек. Черепицу с клеймом ПАНТИ изготавливали в окрестностях Пантикея близ Загородной усадьбы. Клейма с именами правителей свидетельствуют о принадлежности здания лицу, имя которого упоминается в клейме, так как некоторые боспорские граждане могли финансировать поставки черепицы для зданий общественного характера. Поэтому клеймение на Боспоре предназначалось для охранительных функций (Федосеев, 2011. С. 299-308; 2012. С. 22-154; 2013. С. 362-373; 2017. С. 386).

А.В. Ковальчук пришла к выводу, что начало клеймения относится к середине IV в. до н.э. К 360-300 гг. до н.э. она отнесла клейма Перисада I, Притана, Сатира, а клейма Горгиппии, Фанагории, Кеп датировала концом IV – началом III в. до н.э., выразив сомнение в существовании царской монополии на производство черепицы (Ковальчук, 2007. С. 2-10; 2017. С. 241-249; 2018а. С. 224-229).

В.Д. Кузнецов предположил, что черепица с клеймами ВАΣΙΛΙΚΗ/ΟΣ предназначалась для построек, принадлежавших царю, а керамиды с именами царей и полисной общины ПАНТИ должна относиться к заказчикам. Поэтому черепицу на Боспоре выпускали частные мастера (Кузнецов, 2008. С. 392-403). Согласно В.И. Кацу, клейма ГОР = ГОРГΙΟΥ являются гераклейскими, но более вероятно, что ГОР=ГОРГΙΠΠΟΥ и происходят из мастерской Горгиппа в Горгиппии и их следует датировать

IV в. до н.э. (Кац, 2007. С. 327-334; 2011. С. 181-193; 2015. С. 53, 54, 73. Кат.).

Таким образом основное внимание исследователей концентрировалось на хронологии клейм, атрибуции имен Спартоидов, соотношении частного и царского клеймения в зависимости от царской монополии на производство черепицы в соответствии с царской и частной собственностью на мастерские и выпускаемую ими продукцию. Полисное клеймение затрагивалось исключительно в плане датировки и соответствия царскому черепичному производству. Принадлежность клейм ГОР полисному клеймению вообще ставится под вопрос. Вне поля зрения остаются причины появления клейм Пантикея и почему в Фанагории отсутствовали клейма с ее названием. Нечетко определены даты клейм с названиями полисов, а главное – в чем причина появления полисного клеймения, хотя большая часть боспорских клейм содержала имена представителей правящей династии и частных лиц. Поэтому задачей статьи является определить время появления, характер и значение клейм с легендами ПАНТИ и ГОР и можно ли на их основании утверждать о предоставлении городам полисных привилегий.

Для полисного клеймения Греции характерны два типа легенд. Это, прежде всего, ΔΗΜΟΣΙΟΝ, ΔΗΜΟΣΙΟΣ, ΔΗΜΟ в клеймах Аргоса, Немеи, Пирея, Танагры, Тегеи, Эретрии, Эвасы (Milchhöfer, 1879. P. 144; Richardson, 1894. P. 340-350; Miller, 1994. P. 91-96; SEG 34. 288B = Bull. Epigr. 1987. P. 55; Pritchett, Miller 1980/1989, 87 = SEG 30. 1980. 377). Ос-

новное значение этого термина «общественный», «государственный», и фигурирует он самостоятельно, без пояснений, а также с названием полисной общины и упоминанием полисных магистратов – агораномов, астиномов, агонофетов. Он выражал общественную собственность на керамическую продукцию, подтверждал ее стандарт, узаконенный полисными правовыми нормами. Это было связано с государственным фиском и сбором налогов (Bresson, 2016. Р. 243), общественной защитой продукции со стороны демоса (Lances, 2010. Р. 23), общественным характером постройки (Leroux, 1909. Р. 238-244; Bodel (ed.), 2001. Р. 143). Под ΔΑΜΟΣΙΟΝ, ΔΑΜΟΣΙΟΣ, ΔΑΜΟΙΟΙ понималась община граждан как коллективный заказчик и контролер качества и стандарта выпускаемой продукции, главным образом, для сооружений общественного характера. В Синопе в черепичные клейма помещали название должности и имя астинома, его эмблему как магистрата, имя фабриканта – подрядчика, взявшегося изготовить черепицу (в ряде случаев это подчеркивалось глаголом ἐποεῖ) Грakov, 1929. Р. 109, 218-222; Garlan, 2004. Р. 20 suiv.). Отсутствие этникона или ссылки на граждансскую общину полиса – ΔΗΜΟΣΙΟΝ – компенсировалось упоминанием астинома, отвечающего за выпуск продукции от лица полиса. К клеймении Фасоса, напротив, использовали ΔΗΜΟΣΙΟΣ, имя магистрата – эпонима (или скорее мастера-подрядчика), но чаще этникон ΘΑΣΙΩΝ, имя магистрата-эпонима и магистратскую эмблему, реже – имена мастера

и эпонима Lenger, 1957. Р. 312, № 18-28; Grace, Lenger, 1958. Р. 374-399). Это показывает, что выпуск черепицы контролировался полисом, предоставлявшим подряд мастерам, а магистрат – эпоним удостоверял время выпуска, качество и стандарт продукции от имени граждансской общины (Tzochev, 2016. Р. 9). В Спарте и ряде других полисов в клеймах указывался тип построек, так как за их возведение и реконструкцию отвечали Народное собрание и Совет. Они регулировали производство черепицы, что выражалось клеймами ΔΑΜΟΙΟ, ΔΗΜΟΣΙΟΣ, ΔΑΜΟΣΙΟΣ. Вместе с ними в клеймо включали имя магистрата, отвечающего за выполнение заказа-подряда, и имя мастера – подрядчика, исполнившего заказ на поставку и изготовление черепицы для соответствующей общественной постройки (IG V. 1. 889, 898, 911; см. Кузнецов, 2008. Р. 392-403; Richardson, 1894. Р. 340; Wace, 1905/1906. Р. 344-350; 1906/1907. Р. 17-43; Nilsson, 1909. Р. 66-69; Гайдукевич, 1935. С. 253).

Другой тип клейм содержал название города, где изготовлена черепица, или просто обозначение городской общины – полис. Это клейма Питаны близ Спарты (ΠΙΤΑΝΑΤΑΝ) (Wace, 1906/1907. Р. 35, № 61), городов Мамертина и Регий в Великой Греции (ΜΑΜΕΡΤΙΝΟΥ, ΜΑΜΕΡΤΙΝΟΝ, ΜΑΜΕΡΤΙΝΩΝ, ΡΗΓΙΝΩΝ, ΡΗΓΙΝΟΝ ΟΡΘΟΝ) (IG XIV 2394.2; 2400. 14, 15; SEG XXXIII. 781 b-c; LGPN III. A. 345), Коринфа (ΚΟΡΙΝΘΙΩΝ), столицы Македонии Пеллы (ΠΕΛΛΗΣ) (SEG, 1999. 49. 760), на некоторых имеется даже надпись ΔΗΜΟ(ΣΙΑ) (Kilikoglou, Vassilaki-

Grimani, Maniatis, Grimanis, 2011. Р. 117-124; Федосеев, 2011. С. 282). В Фере найдена лаконская черепица с клеймами ΠΟΛΕΩΣ, ΦΕΡΑΙΩΝ ΠΟΛΕΩΣ, ΣΩΣΟΥ κερικεйон / ΠΟΛΕΩС, ср. ΣΩΣΟΥ κερικейон, ΦΕΡΑΙΩΝ ΠΟ/ΛΕΩΣ ΣΟΣΟΥ. Здесь среди фабрикантов – выходцев из знатных семей, были так наз. «ремесленники-эпонимы», влиявшие на общественную жизнь (Doulgeri-Intzesiloglu, 1998. Р. 607-623). В Приене зафиксированы черепичные клейма ΠΟΛΕΩΣ и ΠΡΙΗ с именем Аристона, вероятно, подрядчика, получившего заказ на поставку партии черепицы от полисных властей (Ivon Priene, 354. С. 26-27; Nilsson, 1909. Р. 65; Wiegand, Schrader, 1904. Р. 307).

Клейма ΠΟΛΕΩС (SEG 1998. 48. 670) и штампы с названием общины граждан тождественны демотикону ΔΑ(Н) ΜΟΣΙΑ, что подтверждают клейма Пеллы. Такие клейма ставили для контроля за производством со стороны полисного государства, которое назначало попечителей – эпимилетов и архитекторов, следивших за выполнением подрядов. Для контроля за расходованием средств, выделенных на строительство и производство черепицы, подрядчики представляли поручителей. Включение в клейма имен эпонимов с предлогом ἐπί говорит о том, что полисные магистраты от лица государства фиксировали дату исполнения заказа на партию черепицы (Wace, 1906/1907. Р. 18-35). В то же время клейма с названием полиса и клейма ΔΑ(Н) ΜΟΣΙΑ и ΠΟΛΕΩС указывают на выпуск строительных материалов от имени общины граждан, обозначают полисную (государственную) собственность

черепицы, а также принадлежность постройки, для которой предназначалась черепица, гражданской общине полиса (Nilsson, 1909. Р. 65; Museo Regionale Interdisciplinare di Messina; Schaus (ed.), 2014. Р. 163). Фабриканты выпускали черепицу для зданий по заказу полиса или для экспорта в соседние области. Эти работы выполнялись для полисного коллектива и отдельных граждан. В Приене фабрикант Дромон, например, обслуживал заказы частных лиц, что подтверждают его клейма без упоминания полиса. Он же выполнял поручения полисных властей, что отражают его клейма с упоминанием полиса (Гайдукевич, 1935. С. 253; Федосеев, 2011. С. 279, Рис. 1, 1). Поэтому мастерские находились в частной собственности, а их клиентами являлись город и частные лица. Полисные клейма гарантировали качество, заказанный стандарт и своеевременность поставок черепичной продукции. Эргастерии могли находиться и в полисной собственности, они даже работали при храмах, но мастера всегда чувствовали себя свободно, хотя получали подряды от полисных властей. От имени полисной общины подрядчики выпускали черепицу как по контракту на подряд, дававшемуся государственной властью, так и по заказам от частных лиц, но при этом производство гарантировалось полисом (Felsch, 1990. Р. 301-323). В этом проявлялась автономия и независимость полисных государств.

В отличие от Греции, на Боспоре отсутствовало клеймение черепицы штампами ΔΗΜΟΣΙΟΝ, ΔΗΜΟΣΙΟΣ, ΔΗΜΟ (ΔΑΜΟΙΟ). В IV в. до н.э. их заменили

именами Спартокидов, а позднее, в начале III в. до н.э., клеймами ВΑΣΙΛΙΚΟΣ, ВΑΣΙΛΙΚΗ. Это следствие тиранического государственного устройства Боспора, которое оставалось таковым даже после официального принятия Спартоком III царского титула. Подряды на изготовление и поставки черепицы на Боспоре распределялись не на Народном собрании и не в буле, которые практически не созывались, а тиранами династии Спартокидов. В этом причина кратковременности полисного клеймения и включения в клейма имен Спартокидов вместо характеристики «государственный», «государственная» (черепица), а также последующей замены их имен терминами ВΑΣΙΛΙΚΟΣ/Н.

В.В. Шкорпил предполагал, что центром производства черепицы на Боспоре был Пантикопей (Шкорпил, 1911. С. 84). Однако на Боспоре мало клейм, которые можно отнести к полисному клеймению. В то время это были только клейма ПАНТИ, которые можно было уверенно отнести к полисным¹. Поэтому появилась точка зрения, что это клеймо означало принадлежность предприятия Пантикопею, которое образовалось в конце III в. до н.э. в результате ослабления царской власти (Гайдукевич, 1935. С. 219; 1958. С. 123-135; Шеллов, 1954. С. 118-122; 1957. С. 223, таб. VII, 9; Анохин, 1999. № 149; Федосеев, 2012. № 1807). Производство черепицы с клеймом ПАНТИ, по некоторым предположениям, могло быть наложено в окрестностях боспорской столицы,

в районе Загородной усадьбы, так как подобные клейма находят исключительно на Европейском Боспоре (Загородная усадьба, Пантикопей, Мирмекий) (Федосеев, 2011. С. 285, 286). Было отмечено, что клеймо ПАНТИ аналогично надписи на мерном сосуде из Пантикопея (Кругликова, 1955. С. 26-30; Федосеев, 2011. С. 287). На этом основании был сделан вывод, что надпись ПАНТИ на сосуде и в клеймах на черепице, а также штамп ПАН на свинцовых гирях (Сапрыкин, 2015. С. 296), документируют существование в Пантикопее полисной общины в рамках тирании Спартокидов. Об этом же свидетельствуют монеты Пантикопея с легендой ПАН, ПАНТИ, чеканившиеся со второй половины V в. до н.э. приблизительно до прихода к власти Эвмена в 310 г. до н.э. В годы его правления 310-304 гг. до н.э. в обращение вошли монеты только с легендой ПАН. Позднее, когда появились серия тетрадрахм 304-294 гг. до н.э., две серии серебряных монет 284-275 гг. до н.э., две серии меди 220-210 гг. до н.э., одна серия монет 190-180 гг. до н.э. и монетная легенда ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ, символизировавшая общину Пантикопея (Анохин 1986, 137-143), монет с аббревиатурой ПАНТИ чеканилось мало. В этот период черепица на Боспоре обильно проштамповывалась царскими клеймами ВΑΣΙΛΙΚΟΣ/Н, а монеты Спартокидов содержали легенду с царской титулатурой. Поэтому клейма ПАНТИ на черепице и аналогичная надпись на сосудах вряд ли датируются концом III в. до н.э., когда монет

¹ Еще И.Т. Кругликова указывала на незначительное количество черепичной продукции с клеймом Пантикопея (Кругликова, 1955. С. 28).

Пантикея с подобной легендой, а это в основном медные оболы и тетрахалки, в обращении было крайне незначительное количество. Напротив, монет с означенной легендой в IV в. до н.э. было значительно больше и почти все они выпускались из драгоценного металла – серебра. Это подтверждает высокий уровень экономики полиса в этот период. Поэтому у нас крайне мало оснований предполагать, что в 304-180 гг. до н.э. Пантикея мог наладить выпуск черепицы с клеймом ПАНТИ в результате строительной деятельности, предпринятой полисной общиной. Клеймение черепицы таким названием должно было иметь место ранее 304 г. до н.э.

Гражданская община (полис) всегда пристально следила за соблюдением стандартов керамической продукции согласно принятому законодательству¹. Вот почему клейма с названием полиса на черепице, и весовых гирях, аналогичные им надписи на сосудах сродни клеймам и граффити ΔΗΜΟΣΙΟΝ, ΔΗΜΟΣΙΟΣ, ΔΗМО (ΔΑМОΙΟ). Клеймам ПАНТИ близки черепичные клейма ΠΟΛΕΩΣ и клейма с названиями полисной общины. Следовательно полисная община Пантикея имела право осуществлять контроль за производством черепицы, чтобы ее стандарт соответствовал законам общины граждан. Она могла регулировать строительные работы, включая поставки черепицы, выделять средств из полисной казны и пожертвований богатых граждан. Такой контроль мог быть возможен ис-

ключительно в рамках предоставленных Пантикею прав и свобод со стороны династии Спартокидов. Данный вывод находит полное подтверждение в источниках.

В 310 г. до н.э., победив братьев в междуусобной борьбе, Эвмел, стремясь укрепить позиции среди греческих полисов и получить поддержку граждан Пантикея, созвал Народное собрание, на котором произнес речь в свою защиту и провозгласил «восстановление прежнего образа правления». Он дал согласие сохранить прежнюю беспошлинность, «которой пользовались пантикецы при его предках, обещал освободить всех от податей» и сделал ряд других обещаний для симпатий к нему граждан столицы Боспора. Эти мероприятия «возвратили ему прежнее расположение всех граждан» и до 304 г. до н.э. – года смерти – он правил по законам, поддерживая торговлю (и ремесленную деятельность) (Diod. XX. 24-25).

Из сообщения Диодора следует, что до победы Эвмела в войне с братьями, какое-то время в правление его отца Перисада I, а возможно и ранее, жители Пантикея пользовались гражданскими правами. Это подтверждается монетами Пантикея с легендой ПАНТИ. Они обильно чеканились приблизительно до 349 г. до н.э. Затем с 349 по 334 гг. до н.э. уже при Перисаде I количество монетных серий сократилось. В 334-324 гг. до н.э. оно вновь увеличилось, однако в 324-314 гг. до н.э. резко упало – в обращение поступила всего одна мо-

¹ Это подтверждают надписи на свинцовых гирях с именами агораномов, метрономов, названиями их должности, но особенно с легендой ΔΗΜΟΣΙΟΝ, ΔΗΜΟΥ (Сапрыкин, 2015. С. 293-301).

нетная серия с легендой ПАНТИ. Около 314-310 гг. до н.э. Пантиканей отчеканил шесть обильных серий монет с разными типами (Анохин 1986, 140, №№ 91-114). Эти колебания в чеканке монет в столице Боспора могли быть вызваны периодическими расширениями и ущемлениями прав ее общины правящими тиранами.

В последнее десятилетие IV в. до н.э., после укрепления на престоле, Эвмел вернул права и свободы Пантиканею и, вероятно, другим крупным городам. Но пантиканецы и другие граждане по-прежнему пользовались полисной свободой под контролем тирана. Этим объясняется незначительный объем выпуска монет Пантиканеем в 310-304 гг. до н.э. Предоставление беспошлинисти было выгодно тирану, выгодой от нее пользовались и пантиканейские граждане, поскольку это повышало их благосостояние и давало импульс развитию торговли и ремесленной деятельности. Вот почему появление черепичных клейм с легендой ПАНТИ стало результатом расширения, точнее возвращения, при Эвмеле политических и гражданских свобод пантиканской общине (и другим полисам), утраченных ими ранее. А незначительное число этих клейм и монет с полисной легендой при Эвмеле объясняется кратковременностью его правления и действий принятых им мер по предоставлению гражданских свобод полисам. Поэтому клейма с ПАНТИ следует датировать непродолжительным периодом времени, когда Пантиканей пользовался политической и экономической свободой после прихода к власти

Эвмела и объявления им о расширении прав его граждан. Это имело место между 310 и 304 гг. до н.э.

Существует предположение, что клейма П, ПА, ПК из Пантиканея обозначают название этого города, а клейма ПО из Нимфея – это аббревиатура слова πόλεως (Федосеев, 2012. С. 12-14). Доказать это сложно, такие сокращения могут относиться к именам частных лиц (ср., многочисленные имена на По(...) в боспорских надписях: КБН, index, 893, 894. Условно к Пантиканею можно было бы отнести два штампа клейма ПК (одно в лигатуре), так как имен с таким набором букв в боспорском ономастиконе немного, но этому препятствует близкое клеймо ПМ (Федосеев, 2012. № 1815), не соответствующее названию столицы Боспора. К тому же, как показала А.В. Ковальчук, отиск штемпеля ПА (Федосеев, 2012. № 1709) на самом деле является клеймом ΣΠΑΡ, штамп ПК (Федосеев, 2012. № 1814) – клеймом ΠΚ, а ПМ – клеймом ΤΙΜ(Ο) (Ковальчук, 2015. С. 209-211).

Введение полисного клеймения черепицы в Пантикане ставит вопрос о принадлежности клейм ГОР полисному клеймению в Горгиппии. В.А. Анохин полагает, что это начальные буквы имени Горγίας. Он связывает эти клейма с клеймами ЕПΙ ΓΟΡΓΙΟΥ, обнаруженными на Европейском Боспоре, и считает их принадлежащими одному и тому же лицу (Гайдукевич, 1958. С. 123-135: черепица боспорского, скорее пантиканейского, производства III-II вв. до н.э., выпущенная под контролем магистрата). Таких клейм с предлогом ЕПΙ известно

девять (семь в каталоге Керченского музея) (Загородная усадьба, Пантикопей, Мирмекий, место находки остальных неизвестно). В свою очередь В.И Кац считает клейма Горгия на боспорской черепице гераклейскими, так как в Геракле Понтийской известны фабрикантские клейма Горгия (Кац, 2007. С. 332-334). Н.Ф. Федосеев попытался доказать, что клейма ЕПИ ГОРГΙΟΥ не могли быть поставлены на черепицу магистратом в Пантикопее, поскольку они относятся ко времени не позднее первой трети III в. до н.э. Он аргументировал это тем, что два оттиска такого клейма обнаружены на поселении Заветное 5, верхняя хронологическая граница которого – первая треть III в. до н.э. Амфорные клейма ГОРГΙΟΥ, ГОРГΙΑ, известные по находкам в Горгиппии и Нимфе на якобы гераклейских амфорах, датируются первой четвертью III в. до н.э. Клейма с этим именем, по его мнению, на самом деле простоянены не на амфорах Гераклеи Понтийской, а из Каллатиса. Там среди магистратов засвидетельствовано имя ГОРГОΥ, а в керамическом производстве могли участвовать мастера из Гераклеи – метрополии Каллатиса. Горгий в клейме на боспорской черепице не магистрат, а эпоним – каллатиец, вместе с другими компатриотами поселенный еще Эвмелом в районе Горгиппии. Впоследствии он переселился в окрестности Пантикопея в так наз. Загородную усадьбу, место пребывание боспорской элиты. Так Н.Ф. Федосеев пытался объяснить соответствие стандартов черепиц с клеймом

ЕПИ ГОРГΙΟΥ горгиппийским черепицам и изготовление их из горгиппийской глины (Федосеев, 2013. С. 362-373).

Приведенные им аргументы неубедительны. Особенно вывод, что клеймо Горгия, если судить по глине, простоянено на боспорской черепице как эпонимное, так как обнаружено на Загородной усадьбе. Если бы это было так, то эпонимом он был не в Загородной усадьбе на хоре Пантикопея, а в Пантикопее, так как в Горгиппии его эпонимных клейм не обнаружено. Малоубедительны и доводы В.И. Каца о гераклейском происхождении черепицы и эпонима Горгия, поскольку глина черепицы не гераклейская и клеймо не энглифическое. На монетах Каллатиса, которые приводит Федосеев как одно из доказательств его гипотезы, читается имя ГОРГОΥ, в nominative ГОРГОΣ (см. например, LGPN V.A. 114)¹, но никак не ГОРГΙΟΥ. В амфорном энглифическом клейме из Горгиппии вычитывается имя ГОРГΙΟΥ, в именительном падеже ГОРГΙΟΣ или ГОРГΙΑΣ (LGPN V.A. 113; ср. IV. 82). Оно явно принадлежало гераклейскому гончару (Алексеева, 1976. С. 44; Федосеев, 2013. С. 366. Рис. 3, 1). В энглифическом клейме на амфоре из Нимфея простоялено ГОРГΙΑ – gen. Doric. от имени ГОРГΙΑΣ. Оно встречается в Амастрии, Гераклее, Эолиде, Вифинии, Мисии (LGPN V.A. 113). Имя ГОРГΙΟΣ (или ГОРГΙΑΣ), но с предлогом ЕПИ в выпуклом штампе на боспорской (горгиппийской?) черепице – ЕПИ ГОРГΙΟΥ – находим в районе Керчи. Поэтому име-

¹ Это же имя в родит. падеже ГОРГОΥ стояло в клейме из коллекции И.К. Суручана (IOSPE III; Федосеев, 2013. С. 364, прим. 3).

на ГОРГΙΟΣ и ГОРГΙΑΣ разные и принадлежали разным лицам. К разным людям относились и имена ГОРГΙΟΣ, ГОРГΙΑΣ, которые происходят из Гераклеи, и они не имеют ничего общего с именем ГОРГОΣ из Каллатиса. Следовательно человек с именем ГОРГΙΟΥ на черепице из окрестностей Пантикопея также не был связан с Каллатисом и Гераклеей Понтийской. К тому же одноименные лица в Гераклее не ставили в клейма предлог ЕΠΙ, их клейма были вдавленными, а не выпуклыми.

Подобные имена были популярны в эллинском мире. Учитывая этот и тот факт, что глина черепицы с клеймом ЕΠΙ ГОРГΙΟΥ горгиппийская, следует предположить боспорское происхождение этого эпонима. Скорее всего, этот Горгий очень короткое время замещал должность эпонима в Пантикопее. Возможно он был таковым и в Горгиппии. Однако этому противоречит то, что клейм эпонима Горгия в Горгиппии не обнаружено. Зато имя ГОРГΙΑΣ 15 раз встречается в Горгиппии и лишь 2 раза в Пантикопее (имя ГОРГОΣ на Боспоре единожды зафиксировано в Горгиппии) (LGPN IV. 82). Поэтому клейма эпонима Горгия, который мог быть родом из Горгиппии, скорее всего, появились в Пантикопее, когда греческие полисы Боспора при Эвмеле обрели полисные права, а их граждане получили больше свободы. Это позволило выходцам из других областей Боспора занимать полисные магистратуры. Однако период этой свободы был небольшим. Он пришелся на са-

мый конец IV – начало III в. до н.э., что объясняет единичность клейм Горгия, как и клейм Пантикопея, где он был эпонимом. Как эпоним он отвечал за стандарт партии черепицы, выпущенной для строительного проекта, иницииированного полисом¹. По его инициативе были привезены партии черепицы из Синдики, из района Горгиппии, где находилась резиденция Эвмела (Diod. XX. 25), при котором он и перебрался в Пантикопей. Ведь значительное количество черепицы с клеймом Эвмела обнаружено именно в Горгиппии и на Раевском городище в Синдики. Если это было так, то находит объяснение непонятное для Н.Ф. Федосеева соответствие стандарта и глины керамид из Загородной усадьбы и черепицы, произведенной в мастерских Горгиппии.

В свете сказанного следует по-новому взглянуть на клейма ГОР на черепице из Горгиппии и поселений ее хоры (они выполнены тремя штампами). Из Пантикопея происходят только два подобных клейма двух штампов (Федосеев 2012, №№ 507, 508. См. Кац 2015, кат. №№ 1697-1741). В.И. Кац убежден, что в сокращении ГОР следует видеть имя Горгиппа, сына Сатира I, основателя Горгиппии, а клеймо, по его мнению, подтверждало его статус владельца мастерской в этом полисе (Анохин, 1999. С. 202, 203, № 128; Кац, 2007. С. 334; 2011, 181-193; 2015. С. 53, 54, Кат. №№ 1697-1741; Ср. Завойкин, 2006. С. 243-250; Ковалчук, 2017. С. 241-249). Однако еще И.Т. Кругликова отмечала, что клеймо ГОР датируется

¹ В.Ф. Гайдукевич (Гайдукевич, 1958. С. 132) прав в том, что появление такого клейма было попыткой показать роль магистрата в Пантикопее, однако он несправедливо датировал ее рубежом III-II вв. до н.э.

IV в. до н.э. и его можно считать как началом имени Горгиппа, так и названием гражданской общине Горгиппии (Кругликова, 1975. С. 18). К этому мнению присоединилась Е.М. Алексеева, которая полагала, что клеймо ГОР содержит сокращенное название Горгиппии, однако датировала его последней четвертью III в. до н.э. (Алексеева, 1997. С. 47).

На наш взгляд, ГОР не тождественно имени Горгиппа, наместника в Синдице при Левконе I и ктиста горгиппийцев. Клеймо Горгиппа выглядит иначе – его имя там выписано полностью ГОРГИППОУ и вписано в круг, декорированный венком плюща с четко выделенными листьями (Гайдукевич, 1935. С. 302, 303, № 14; Кац, 2011. С. 181-185; 2015, кат. №№ 1680-1696). Этот орнамент связывает его клеймо с листовидными клеймами Гераклеи Понтийской и клеймами фабрикантов из этого города на боспорской черепице (Федосеев, 2012. С. 37-40, №№ 292-506). Клейма Горгиппа и клейма ГОР датируются второй – третьей четвертью IV в. до н.э. (по В.И. Кацу), по В.А. Анохину – 390-380 гг. до н.э., а клейма ГОР – 303-283 гг. до н.э.¹. Согласно петрографическому анализу глины (по С.Ю. Внукову), клейма Горгиппа и ГОР попадают в самый ранний 1 кластер боспорских клейм (Федосеев, 2011. С. 302). К тому же эти клейма происходят из ряда закрытых комплексов: на поселении Андреевская щель близ Анапы они встречаются в слоях второй половины IV в. до н.э. (Новичихин, 1994.

С. 172, 174. Рис. 1, 1), а в Горгиппии в помещении 72 в остатках кровли среди черепиц с клеймами Перисада I, Эвмела, клейм АРХЕИА, ВОΣ, в черепичном завале на раскопе «Океан» вместе с клеймом Горгиппа, клеймами Эвмела (4 экз.) и Спартока III (13 экз.). Последние, самые поздние клейма этого комплекса, позволяют датировать его последней четвертью IV – началом III в. до н.э. (Кац, 2007. С. 335; Алексеева, 1997. С. 47, 168, 198, табл. 14, 1-12; 59; Ковальчук, 2017. С. 241-249). Клеймо Горгиппа могло попасть в комплекс в результате вторичного использования черепицы. Поэтому черепица с ГОР вряд ли относилась к клеймению Горгиппа. Клеймо, скорее всего, обозначало название Горгиппии и датируется последним десятилетием IV – началом III в. до н.э., как и клейма ПАНТИ. Найдки этих штампов в Горгиппии и на ее хоре говорят о том, что мастерская полиса снабжала черепицей окрестные поселения. Незначительное количество клейм ПАНТИ и ГОР доказывает непродолжительность полисного клеймения на Боспоре. Оно прекратилось сразу после смерти Эвмела, когда в обиход вошли клейма Спартока III и штампы с полными именами частных лиц, возможно, мастеров-эпонимов, работавших по частным заказам.

Особый статус Горгиппии на Боспоре и доказательства покровительства властей государства этому полису представляют монеты эпохи Митридата Евпатора и черепичные клейма времени

¹ В свете общепризнанных датировок клейм Горгиппа крайне странно выглядит точка зрения А.А. Завойкина, что они относятся к брату Эвмела – Горгиппу Младшему, сыну Перисада I, внуку Горгиппа Старшего (Завойкин, 2006. С. 243-250). Это мнение основано на неверной датировке Н.Л. Грач клейм Горгиппа второй половиной IV в. до н.э. (Грач, 1968. С. 111).

царя Аспурга (13-37 гг. н.э.). Горгиппия вместе с Пантикапеем и Фанагорией имела право чеканить серебряную монету еще до Митридата Евпатора (Шелов 1956, 203) и продолжала чекан после его прихода на Боспор, причем помещала на монеты свое название в полной форме (Анохин, 1986. С. 145, №№ 195, 197, 209-211 д.), так как получила гарантии полисных прав и свобод, включая хозяйственную сферу. При Аспурге горгиппийцам были предоставлены особые полисные привилегии, хотя они выпускали черепицу и кирпичи с клеймами в виде тамги Аспурга (Сапрыкин, 2002. С. 159). Это доказывает факт использования местных керамических эргастериев для изготовления строительных материалов, предназначавшихся для построек, профинансированных царской властью и находившихся под ее контролем или в собственности царя. Это стало результатом того, что еще при Спартокидах Горгиппия получила достаточно привилегий, чтобы заказывать черепицу и осуществлять контроль за ее производством для тех проектов, которые субсидировались полисными властями или из полисной казны.

Д.Б.Шелов убедительно показал, что в Фанагории производство черепицы было организовано с конца IV в. до н.э. и продолжалось до середины III в. до н.э. Однако выпускаемая там черепичная продукция клеймилась штампами с именами Спартокидов, частных лиц и легендой ΒΑΣΙΛΙΚΗ. При этом часть клейм на черепице, которая использовалась в этом полисе, имела штампы пантикапейских мастеров. Это было вызвано

существованием там царских и частных эргастериев и завозом черепицы из Пантикапея (Шелов, 1954. С. 121-130; 1956а. С. 152, 153). В Фанагории не было полисного клеймения, как в Пантикапее и Горгиппии. В отличие от них, имевших право финансировать и осуществлять проекты по строительству и ремонту зданий, распределять подряды на поставки и изготовление черепицы, получая доходы в полисную казну, фанагорийцы были этого лишены. Строительные подряды и заказы на черепицу поступали от Спартокидов и частных лиц, поскольку средства для этого предоставлялись тиранами и отдельными гражданами, а не полисными властями. Соответственно оплата за работы и поставки черепицы, доходы от сдачи подрядов поступали не в полисную казну, а наместникам из династии Спартокидов. Совершенно очевидно, что это было определенным ущемлением полисных прав Фанагории и совпадает с прекращением чеканки ею автономной монеты в 400–394/389 гг. до н.э. Мы не исключаем, что подобное положение сложилось в результате насильственного подчинения города Спартокидам (Завойкин, 1995. С. 89-94).

Таким образом в Боспорском государстве тираны предоставляли привилегии полисам, но регулировали их по своему усмотрению в зависимости от ситуации и задач своей политики. Наибольшими преимуществами пользовались Пантикапей и Горгиппия. При Эвмеле эти города непродолжительное время субсидировали строительство и изготовление черепицы, сдавая подряды на ее

поставки для общественных и частных строений и получая доход от выполнения этих работ. При этом тираны Боспора, в частности, Эвмел, продолжали распоряжаться подрядами на изготовление черепицы для зданий государственного значения путем внесения средств

для их постройки и восстановления, чтобы по их завершении получать прибыль от сдачи работ на откуп частным лицам. Это подтверждают клейма с полными именами Эвмела и его преемников Спартока III и Перисада II, а также частных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.М. Керамический комплекс первой половины III в. до н.э. из Горгиппии // КСИА 145, 1976. С. 44-50.
2. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М, 1997.
3. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев.1986.
4. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев. 1999.
5. Берзин Э.О. Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре (IV – начало III в. до н.э.) // СА 4, 1959. С. 53-60.
6. Брашинский И.Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ V, 1965. С. 10-30.
7. Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы) // Из истории Боспора / ИГАИМК 104, 1935. С. 211-315.
8. Гайдукевич В.Ф. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК XVII, 1947. С. 22-28.
9. Гайдукевич В.Ф. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях // СА XXVIII, 1958. С. 123-135.
10. Гайдукевич В.Ф. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике // КСИА 109, 1967. С. 15-21.
11. Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов . М. 1929.
12. Граков Б.Н. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантике // Из истории Боспора / ИГАИМК 104, 1935. С. 202-210.
13. Грач Н.Л. О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С.108-114.
14. Завойкин А.А. О времени автономной чеканки Фанагории // БС 6, 1995. С. 89-94.
15. Завойкин А.А. Об институте династических имен Спартокидов // ДБ 10, 2006. С.214-262.
16. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ XVII, 2007. С. 3-478.
17. Кац В.И. Производство черепицы в Горгиппии (история локализации и изучения) // АМА XV, 2011. С. 181-193.
18. Кац В.И. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратьнее городище. Саратов, 2015.
19. Ковальчук А.В. С. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм). Автореф. канд. дисс. М. 2007.
20. Ковальчук А.В. Рец.: Н.Ф. Федосеев. «Керамические клейма. Боспор». Киев, 2012 // ДБ 19, 2015. С. 207-212.

21. Ковальчук А.В. Горгиппийские черепицы. Группа керамид с клеймами АРХЕИА // ДБ 21, 2017. С. 241-249.
22. Ковальчук В.А. К вопросу об участии Спартокидов в производстве черепицы в III в. до н.э. // БЧ XIX, 2018. С.224-229.
23. Кругликова И.Т. К вопросу о керамическом производстве в Пантике // КСИИМК 58, 1955. С. 26-30.
24. Кругликова И.Т. Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М. 1975.
25. Кузнецов В.Д. Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК 21, 2008. С. 392-403.
26. Новичихин А.Н. Раскопки античного поселения в Андреевской Щели близ Анапы // БС 4, 1994. С. 172-174.
27. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М. 1986.
28. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М. 2002.
29. Сапрыкин С.Ю. Пантике // ДБ 19, 2015. С. 293-301.
30. Савельев Ю.А. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикея и Фанагории в 1950-1960 гг. // СА 3, 1964. С 196-206.
31. Федосеев Н.Ф. Производство клейменой черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // ПИФК 4, 2011. С. 277-308.
32. Федосеев Н.Ф. Керамические клейма. Боспор. Том I. Киев. 2012.
33. Федосеев Н.Ф. Черепичные боспорские клейма с предлогом ЕПИ в контексте истории Боспора // ДБ 17, 2013. С. 361-373.
34. Федосеев Н.Ф. О характере клеймения керамики // ДБ 21, 2017. С. 384-397.
35. Шелов Д.Б. К истории керамического производства на Боспоре // СА XXI, 1954. С. 118-130.
36. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. М. 1956..
37. Шелов Д.Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА 57, 1956а. С. 128-153.
38. Шелов Д.Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикея в 1945-1949 гг. // МИА 56, 1957. С. 202-225.
39. Шкорпил В.В. К вопросу о времени правления архонта Игиенонта // ПРОЕΔΡΩΙΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 31-44.
40. Bodel J. (ed.) Epigraphic Evidence: Ancient History from Inscriptions. N.Y. 2001.
41. Bresson A. The Making of the Ancient Greek Economy. C. Institutions, Markets, and Growth in the City-States. Princeton, Oxf. 2016.
42. Doulgeri-Intzesiloglu A. Quelques artisan éponyms „de l'industrie“ de l'argile à Phères (Thessalie) // ТОПОИ 8/2, 1998. P.607-623.
43. Felsch R.C.S. Roof Tiles from Central Greece, Attica, and the Peloponnese // Hesperia 59, 1990. P. 301-323.
44. Garlan Y. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvé à Sinope. C. presentation et catalogue. Varia Anatolica 16: Corpus international des timbres amphoriques 10. Paris. 2004.
45. Grace V., Lenger M.-T. Timbres amphoriques de Thasos // BCH 82, 1958 P. 368-434.
46. Kilikoglou V., Vassilaki-Grimani M., Maniatis Y., Grimanis A.P. A Study of Ancient Roof Tiles Found in Pella, Greece. Materials // Issues in Art and Archaeology. Pittsburgh, 2011. P. 117-124.
47. Lances L.C. Brick // Oxford Encyclopedia of Ancient Greece & Rome. Vol. I. Oxf. 2010.
48. Lenger M.-T. Anses d'amphores et tuiles timbre de Thasos // BCH 81, 1957. P. 302-321.

49. *Leroux G.* La prétendue basilique de Pergam et les basiliques hellénistiques // BCH 33, 1909. P. 238-244.
50. *Milchhöfer A.* Antikenbericht aus dem Peloponnes // AM IV, 1879. P. 123-176.
51. *Miller S.G.* Sosikles and the 4th – Century Building Program in the Sanctuary of Zeus at Nemea // Proceedings of the International Conference of Greek Architectural Terracottas of the Classical and Hellenistic Periods // *Hesperia Suppl. XXVII*. Princeton, New Jersey, 1994. P 86-98.
52. *Nilsson M.P.* Timbres amphoriques de Lindos. Copenhague. 1909. P.
53. *Pritchett W.K., Miller H.M.* Studies in Ancient Greek Topography. P. III, VI. Berkeley, Los Angeles, London. 1980/1989
54. *Richardson R.B.* Stamped Tiles from Argive Heraeum // The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts 9/3, 1894. P. 340-350.
55. *Schaus G.P. (ed.)* *Stymphalos. The Acropolis Sanctuary*. Vol. I. Toronto, Buffalo, London. 2014.
56. *Tzochev Ch.* Amphora Stamps from Thasos // *The Athenian Agora*. Vol. XXXVII. Princeton. 2016.
57. *Wace A.J.* Excavations at Sparta, 1906. The Stamped Tiles// *ABSA XII*, 1905/1906. P. 344-350.
58. *Wace A.J.* Excavations at Sparta, 1907 // *ABSA XIII*, 1906/1907. P.17-43.
59. *Wiegand T., Schrader H.* Priene: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895-1898. Berlin. 1904.

Рис. 1. Клеймо Пантикапея.

Рис. 2. Клейма Горгиппии.

Рис. 3. Клеймо Горгиппа.

ПАМЯТНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПОГРАНИЧЬЯ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Т.В. Сарапулкина

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический» (г. Севастополь)
e-mail:sarapulkina@mail.ru

В статье рассматриваются итоги раскопок двух городищ на юго-западной окраине территории среднедонской культуры скифского времени в лесостепи. Результатом раскопок Остроухово городища-1 в 2018 году стало выявление трех хозяйственных ям и двух очагов, а также подтверждение наличия средненасыщенного культурного слоя на краю городищенской площадки и предварительная датировка памятника V в. до н.э. Результаты раскопок Стрелецкого городища-2 (2016 г.) – выявление двух хозяйственных ям, а также уточнение его датировки второй половиной V – IV вв. до н.э. Итоги полевых работ подтвердили наличие на пограничных памятниках материала, характерного для среднедонской культуры скифского времени.

Ключевые слова: среднедонская культура, скифское время, лесостепь, Подонье, городище.

Рассматривая территорию и систему расселения скифоидного населения в лесостепном Подонье, А.П. Медведев бассейн р. Тихая Сосна отнес к первому большому району, сосредоточенному в «Правобережье Среднего Дона от р. Тихой Сосны на юге до устья р. Воронеж на севере» (Медведев, 1999. С. 53). Этот же район им был ниже рассмотрен более подробно. Здесь на 1999 г. было учтено 25 городищ, 134 селища и 5 курганных могильников. Были выявлены микрорайоны памятников, которые имели устойчивую организационную структуру: два городища в верховьях и низовьях и сезонные поселения между ними (Медведев, 1999. С. 59).

На самой юго-западной окраине данного района расположены два рассматриваемых в данной статье памятника. Стрелецкое городище-2 уже известно с 1961¹ г. и являлось предметом специальной публикации (Сарапулкина, Сарапулкин, Божко, 2012), Остроухово го-

¹ Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежской лесостепной экспедиции в 1960 году // Архив ИА РАН, № 2118

родище-1 впервые вводится в научный оборот.

В 2018 году под руководством автора проводились небольшие раскопочные работы на памятнике Остроухово городище-1. Целью исследования являлись определение хронологии памятника и его культурной принадлежности и определение наличия, мощности и насыщенности культурного слоя на краю городищенской площадки и анализа ситуации об угрозе его разрушения путем размывания и выветривания.

Памятник выявлен А.А. Костылевой в 2018 году¹. Остроухово городище-1 находится на восточной окраине с. Остроухово. Городище расположено на мысу высокого правого коренного берега безымянной балки (в низовьях – ручья), впадающей слева в р. Тихая Сосна (приток р. Дон), образованного рукавом балки и оврагом, высота над уровнем дна балки 25 – 37 м (Рис. 1.1). Размеры городищенской площадки 115 x 130 м. С наземной стороны городище защищено двумя валами и рвами, расположенными по дуге. Длина оборонительной линии около 140 м. Современная высота валов 1-1,5 м, ширина около 8 м. Рвы глубиной 0,5-1 м, шириной до 4 м. Вал и ров второй линии частично разрушены полевой дорогой. Поверхность городища задернована. На склонах отмечается природная эрозия. Небольшим понижением рельефа (около 0,5 м), также полукругом, от-

делена внутренняя площадка городища размерами 67x70 м. Здесь можно предположить наличие еще одной линии обороны в виде рва. От нее ведет также слабо просматриваемая «траншея» к основной линии обороны.

В рамках исследования на юго-западной окраине на самом краю площадки был заложен раскоп 1, площадью 48 кв.м. (Рис. 1.2). Стратиграфия раскопа проста и практически идентична во всех его участках: 0-5 см дерн, 5-30(40) см – чернозем с вкраплениями мела, 30(40)-50(75) см – суглинок с мелом, материк – глина с мелом. Повышение мощности культурного слоя отмечается ближе к краю склона.

Зафиксировано девять объектов.

Яма 1 (Рис. 2.1-2). Выявлена в квадратах 1 и 3 при зачистке материка. Круглая в плане яма, размерами 145x140 см, глубиной 70 см. В профиле катушковидная. Заполнение – суглинок с мелом. Выявлено: 1 пласт – две стенки лепных сосудов, фрагмент кости, 2 пласт – 5 стенок лепных сосудов, 3 пласт – фрагмент кости.

Яма 2 (Рис. 2.3-5). Выявлена в квадрате 11 при зачистке материка. Круглая в плане яма, размерами 130x120 см, глубиной 65 см. В профиле корытообразная. Заполнение – суглинок с мелом. Выявлено: 2 пласт – 1 днище и 2 стенки лепных сосудов, фрагмент кости, 3 пласт – 5 стенок лепных сосудов, фрагмент угля.

¹ Костылева А.А. Отчет о разведочных работах на левом берегу р. Оскол (включая верховья р. Верхний Моисей – левый приток второго порядка) от с. Кузнецова до г. Валуйки Валуйского района, в долине р. Орлик в окрестностях с. Орлик Чернянского района, на правом берегу р. Черепаха в окрестностях с. Прудки Красногвардейского района и в верховьях безымянной балки, впадающей в долину р. Тихая Сосна в окрестностях с. Остроухово Красногвардейского района Белгородской области в 2018 году. Открытый Лист № 1501 от 2 августа 2018 года. Белгород, 2019.

Яма 3 (Рис. 2.6-7). Выявлена в квадрате 5 при зачистке материка. Круглая в плане яма, размерами 80x90 см, глубиной до 15 см. В профиле корытообразная. Заполнение – суглинок с мелом. В заполнении находок не выявлено.

Очаг 1 (Рис. 2.8). Выявлен в квадрате 4 при изучении второго пласта. Представляет собой скопление обожженной глины, размерами 12x20 см (часть фрагментов, видимо, была сдвинута при выборке слоя), толщиной около 5 см. В заполнении находок не выявлено.

Очаг 2 (Рис. 2.9). Выявлен в квадрате 5 над ямой 3 при изучении второго пласта. Представляет собой скопление обожженной глины, размерами 35x40 см (часть фрагментов, видимо, была сдвинута при выборке слоя), толщиной около 7 см. В заполнении выявлено две стенки лепных сосудов.

Также при зачистке материка были выявлены пятна четырех объектов, все были законсервированы, так как не входят полностью в площадь раскопа.

Выявленный материал.

Лепная керамика (Рис. 2.10-3). Подавляющее большинство находок на городище представлено фрагментами лепных керамических сосудов. В культурном слое выявлен (включая материал из ям) 621 фрагмент лепных глиняных сосудов (518 стенок, 52 венчика и 51 днище).

Тесто сосудов в большинстве случаев включает в себя примеси шамота, значительно реже дресвы и песка. Цвет поверхностей и излома – светло-коричневый, коричневый, серый и реже красновато-розовый. Морфологически посуда представлена горшками (87 %),

мисками (12%) (Рис. 3.13-15) и кувшином (Рис. 3.12). Венчики слабопрофилированы, по морфологии часть можно отнести к I, III и IV типам по классификации А.И. Пузиковой (Пузикова, 1969. С. 51-53. Рис. 7, 8.12-17, 9..1-3), т.е. к наименее профицированным типам из всех имеющихся. Подобная керамика встречена на городище Петино, датируемого V в. до н.э. (Разуваев, 2016. Рис. 3). Большая часть – 35 фрагментов, украшена пальцевыми вдавлениями и 4 – насечками, 13 фрагментов (29%) имеют проколы по краю венчика или реже по шейке. Днища с закраиной и без (Рис. 3.16-20). Одно днище имеет отпечаток клинового листа (Рис. 3.19), аналогичные были выявлены на городищах Среднего Дона (Пузикова, 1969. Рис. 6). На городище Пекшево подобные днища появляются приблизительно в V в. до н.э., но более характерны для IV-III вв. до н.э. (Медведев, 1999. С. 68). Миски – открытые с уплощенным венчиком. Подобные миски можно отметить на городищах Среднего Дона (Кировское, Волошино, Семилуки) (Пузикова, 1969. Рис. 10.1, 3, 8; Разуваев, 2012. Рис. 8.5-8), Северского Донца – Новоселовка (Шрамко, 2011. Рис. 1.6-8), Ворсклы – на Бельском городище (Шрамко, 1973. Рис. 5.19-21; Шрамко, Радзиевская, 1980. Рис. 2.12), на Перещепинском курганном могильнике (Шрамко, 1994. Рис. 11.5). Подобные миски отнесены Б.А. Шрамко к архаичным (Шрамко, 1983. Рис. 10.1). Ближайшей аналогией венчику кувшина можно назвать фрагмент из подъемного материала с Волошинского городища (Либеров, 1965. Рис. 9.6).

В культурном слое раскопа выявлено незначительное количество глиняной обмазки – 4 фрагмента. Отдельно следует выделить фрагменты обожженной глины за пределами зафиксированных очагов – 7 фрагментов, кроме того над очагом 2 выявлено 6 фрагментов. Выявлены миниатюрные сосуды: один почти археологически целый сосуд/горшочек (Рис. 4.3) и одно днище (Рис. 4.2). Похожий на первый сосудик был обнаружен на поселении Новоселовка (Северский Донец) (Рис. 1.11) (Шрамко, 2011. Рис. 1.3.12). На площади раскопа выявлено одно конусовидное прядлище (Рис. 4.1). Прядлище имеет горизонтальные тонкие прерывающиеся линии. В кв. 12 пл. 2 обнаружен фрагмент крупной глиняной «лепешки», толщиной 2 см, внутренняя поверхность имеет отпечатки, возможно, травы (Рис. 4.4).

В кв. 10 пл. 2 выявлен фрагмент округлого каменного изделия (Рис. 4.5). Обнаружен 31 фрагмент костей. Один имеет следы охры.

Предварительно, основываясь на датировках мисок, днищ с отпечатками кленового листа, количеству венчиков с проколами, Остроухово городище-1 можно датировать V в. до н.э.

В октябре 2016 года силами ООО «Белгородская археологическая экспертиза» под руководством А.А. Божко¹ проводились раскопки памятника археологии «Стрелецкое городище-2». Раскоп являлся продолжением раскопа 2012 г. и ориентирован по линии юго-запад – северо-восток.

Городище расположено на мысу правого берега балки Бычок, впадающей с юга в пойму правого берега р. Усердец, в 2 км к юго-западу от западной окраины с. Малоалексеевка. В плане площадка городища имеет овальную форму размерами 140x200 м, вытянута с северо-запада на юго-восток (Рис. 5.1). Городище со всех сторон укреплено 2-мя валами и расположенным между ними рвом.

Стратиграфия всех профилей раскопа весьма однообразна: 0 – 0,25/0,35 м – чернозем; 0,25/0,35 – 0,45/0,55 м – гумусированный суглинок (предматерик); ниже – материк – красноватая плотная глина.

При зачистке материкового основания после снятия 3-го пласта были выявлены пятна двух ям.

Яма 3 (Рис. 5.2-4). Заполнение объекта представлено гумусированным суглинком, по краям углубленного сооружения прослежены затеки предматерикового гумусированного суглинка. Яма имеет овальные очертания, вытянута с С на Ю. Размеры – 1 х 0,8 м, глубина – 0,5 м от уровня выявления (1,2 м от уровня современной поверхности). Стенки отвесные.

В яме было выявлено 4 развала лепных сосудов. Развалы 1 и 2 выявлены при изучении 1-го пласта, развалы 3 и 4 – 2-го пласта. Развал 1 (Рис. 6.6,10) выявлен уже при зачистке пятна объекта немного к югу от центральной части ямы. Венчик прямой, украшен по кругу ногтевыми вдавлениями. Развал 2 выявлен в центральной и северо-восточной

¹ Выражаю искреннюю признательность Андрею Александровичу за возможность опубликовать материалы раскопок.

частях ямы при изучении 1-го пласта. Представлял собой части, вероятно, одного сосуда. Были реконструированы две стенки. Развал 3 обнаружен при изучении 2-го пласта в центральной и юго-восточной частях ямы. Представляет собой остатки как минимум двух сосудов: венчика, украшенного пальцевыми вдавлениями по верхней части сосуда (Рис. 6.5), и неорнаментированного венчика (Рис. 6.8). Развал 4 (Рис. 6.10) был зафиксирован у северной стенки ямы при изучении 2-го пласта. Представлял собой днище лепного горшка, перевернутого вверх дном.

Кроме развалов в яме были выявлены следующие находки. В пласте 1 обнаружен зуб животного, в пласте 2-2 венчик (Рис. 6.2,9) и три стенки лепных сосудов, а также кость животного. Один венчик отогнут наружу и украшен ногтевыми вдавлениями по верхней части сосуда (Рис. 6.9), второй представляет собой верхнюю часть чашевидного сосуда (Рис. 6.2), аналогией ему может служить чашечка на поддоне из Большого Сторожевого (Пузикова, 1969. Рисю 11.5).

Яма 4 (Рис. 5.5-6). Пятно зафиксировано в кв. 68 после снятия 3-го пласта. Выделялось пятном темного гумуса с глиной на фоне более светлой материевой поверхности. Яма вытянутой формы размерами 1,45 x 1,25 м и глубиной 0,27-0,4 м от уровня выявления (0,9-1,0 м от уровня современной поверхности). Стенки слегка наклонные вовнутрь. Заполнение ямы представлено двумя слоями. Один слой представляет собой более темный по сравнению с предматериком гумусированный суглинок, расположенный

по краям объекта. Центральная часть ямы заполнена грунтом, аналогичным предматериковому. По всей видимости, яма какое-то время стояла открытой. В нижней части заполнения ямы прослежены мелкие фрагменты глиняной обмазки. Первый пласт выявил присутствие 13 стенок лепных сосудов и 9 костей животных. Во втором пласте обнаружены 1 стенка лепного сосуда и 2 кости животных.

Описание выявленного материала. Подавляющее большинство находок, выявленных в процессе исследования, представлено фрагментами керамических сосудов. На памятнике найдена как лепная, так и гончарная посуда в незначительном количестве. В первых двух пластиах керамика залегает довольно равномерно по всей площади раскопа, в третьем пласте наибольшее количество материала выявлено над ямами.

Лепная керамика. В культурном слое и объектах поселения выявлено 378 фрагментов лепных глиняных сосудов (20 венчиков, 344 стенок, 14 днищ) (Рис. 6.3-4,7). Посуда изготовлена из глины с примесью песка и шамота. Цвет поверхностей варьирует снаружи от светло-коричневого до темно-коричневого, изнутри от серого до черного. Венчики слабопрофилированы, по классификации А.И. Пузиковой I и V типов (Пузикова, 1969. С. 51,53. Рис. 7, 9.6-10). Некоторые сосуды украшены защипами или насечками по краю венчика, днища с закраиной и без. Груболепная керамика включает в себя, в основном, горшковидные формы. Встречен фрагмент чашевидного сосуда (Рис. 6.1). Наибо-

лее близкой аналогий можно считать сосуд из раскопок Бельского городища (Шрамко, 1989. Рис. 4.5). Комплекс, где был найден подобный сосуд, продатирован концом V–IV вв. до н.э. (Шрамко, 1989. С. 83). Некоторое количество фрагментов керамики сильно пережжено. Черепок характеризуется легкостью и непрочностью.

Круговая керамика. Амфорная керамика: представлена венчиком, 4-мя стенками и ножкой (Рис. 5.10-12). Венец валикообразный. Ножка расширяющаяся, с конической выемкой, подошва ножки отбита. Свойства керамической массы позволяют предположить, что сосуд относится к производству эгейского центра, возможно, Фасоса. Вероятно, это фасосская амфора серии I-A-3 по классификации С.Ю. Монахова (вторая четверть V в. до н.э.) (Монахов, 2003, табл. 36, рис. 4).

Изделия из глины представлены 19 фрагментами глиняной обмазки и пряслицем усечено-конической формы (Рис. 5.8)

В раскопе, в 3-м пласте, выявлена вы сверлина каменного топора. Изготовлена из мягкого камня серого цвета, форма изделия – усечено-коническая (Рис. 5.7). Обнаружено 34 фрагмента костей животных.

Учитывая новые данные: уменьшение доли венчиков с проколами, датировку фрагментов амфоры и чашевидного сосуда, дату Стрелецкого городища-2 можно сузить пределами второй половины V – IV в. до н.э.

Керамика Стрелецкого городища более профилирована, чем на Остроухово,

но оба керамических комплекса находят аналогии среди памятников среднедонской культуры скифского времени (Либеров, 1965. Рис. 7-8; Разуваев, 2012. Рис. 1-6; Медведев, 1999. Рис. 26-27).

Таким образом, оба городища являются характерными представителями поселений среднедонской культуры скифского времени, как по характеру керамического материала, так и по особенностям оборонительных систем.

Раскопки этих памятников, особенно Остроухово, очень интересны с точки зрения решения вопроса контактов между носителями т.н. локальных вариантов лесостепной культуры скифского времени или скифоидных культур лесостепи. На стыке бассейнов рек Днепра и Дона в полосе лесостепи граничат среднедонская культура, поселения Посеймья, ворсклинской и северско-донецкой группы памятников.

Кроме того, территория Поосколья и верхних течений рек Северский Донец, Ворскла, Псел, Сейм практически не изучена. Здесь первоочередной задачей является накопление научного материала для последующего анализа.

Последние разведочные работы показали, что поселения в верховьях рек и большинство городищ Оскола не имеют насыщенного культурного слоя. Все раскопанные курганы в данном регионе относятся к эпохе бронзы (за исключением, одного погребения предскифского времени). Выявлен один грунтовый могильник из 4-х погребений. Зольники, отмеченные на памятниках Ворсклы и Северского Донца, здесь также не фиксируются. Памятники Оскола по кера-

мическому материалу ближе к памятникам Северского Донца, в верховьях Ворсклы также памятники более похожие на северскодонецкие.

Таким образом, постепенно складывается общая своеобразная картина

«межкультурного» пограничного пространства, где не хватает каких-то определенных черт каждой из окружающего его групп памятников скифского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999. 160 с.
2. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. 352 с.
3. Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. 1961. № 151. С. 41-81.
4. Разуваев Ю.Д. Керамика из бытовых и погребальных комплексов Семилукского городища скифского времени // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск, 2012. С. 142-154.
5. Разуваев Ю.Д. Городище V в. до н.э. у с. Петино на Верхнем Дону // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 77-82.
6. Сарапулкина Т.В., Сарапулкин В.А., Божко А.А. Оборонительные сооружения Стрелецкого городища-2 скифского времени // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. Воронеж, 2012. С. 170-178.
7. Шрамко Б.А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности. Киев, 1973. С. 82-112.
8. Шрамко Б.А., Радзиевская В.Е. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4. С. 181-190.
9. Шрамко Б.А. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей // АСГЭ. № 23. Л., 1983. С. 72-92.
10. Шрамко Б.А. Усадьба скифской эпохи на Бельском городище // Вестник Харьковского университета. № 343. История. Вып. 23. 1989. С. 77-87.
11. Шрамко Б.А. Розкопки курганів VII-IV ст. до н.е. поблизу Більстка // Археологія. № 4. 1994. С. 117-133.
12. Шрамко И.Б. Охранные исследования поселения скифского времени у с. Новоселовка // Археологічні дослідження в Україні 2010. Київ – Полтава, 2011. С. 376-377.

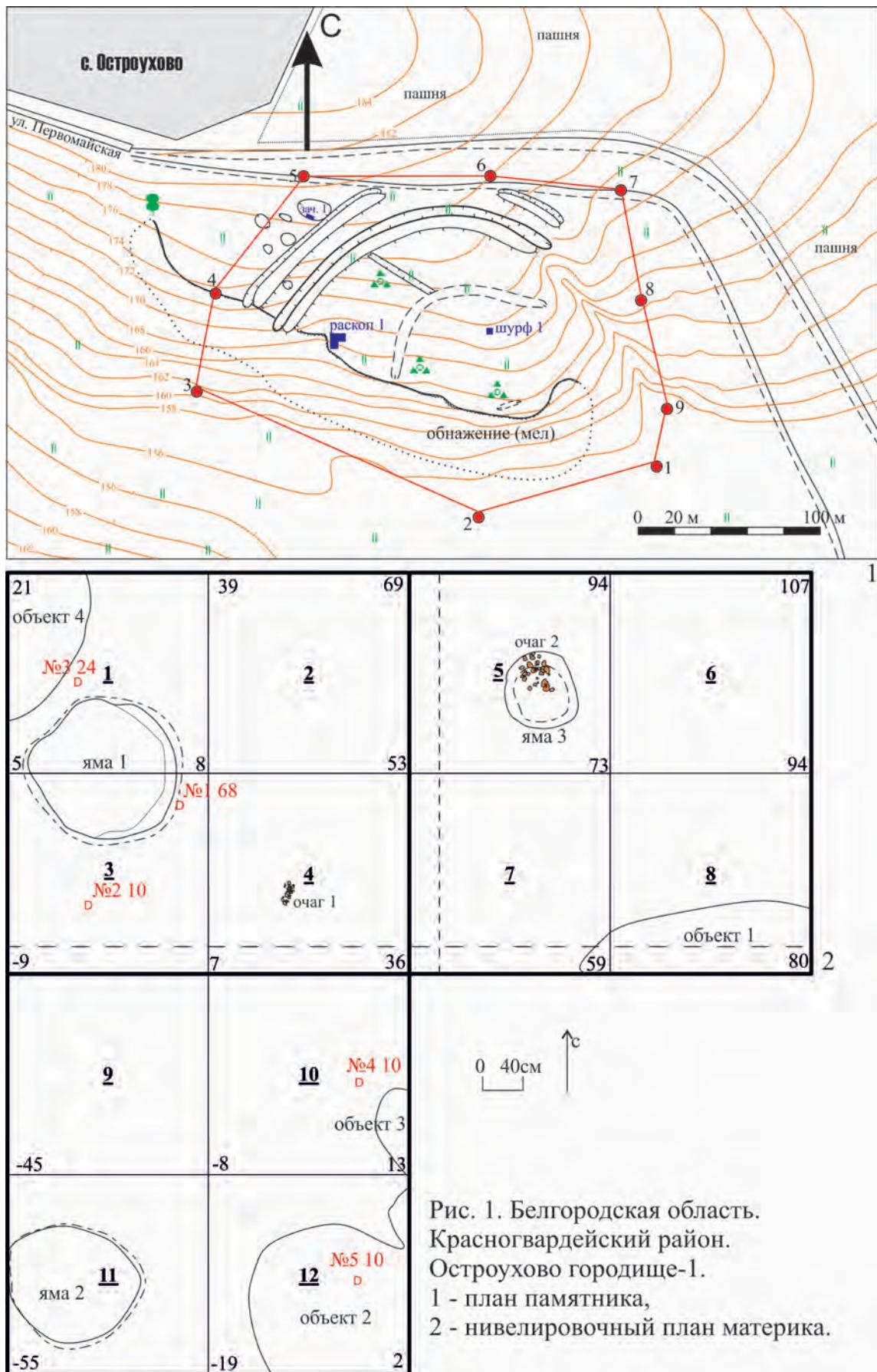

Рис. 1. Белгородская область.
Красногвардейский район.
Остроухово городище-1.
1 - план памятника,
2 - нивелировочный план материка.

Рис. 2. Остроухово городище-1. 1-2 - яма 1: план и профиль, 3-4 - яма 2: план и профиль, 5 - материал из заполнения ямы 2, пласт 2, 6-7 - яма 3: профиль и план, 8 - очаг 1, 9 - очаг 2, 10-21 - лепная керамика.

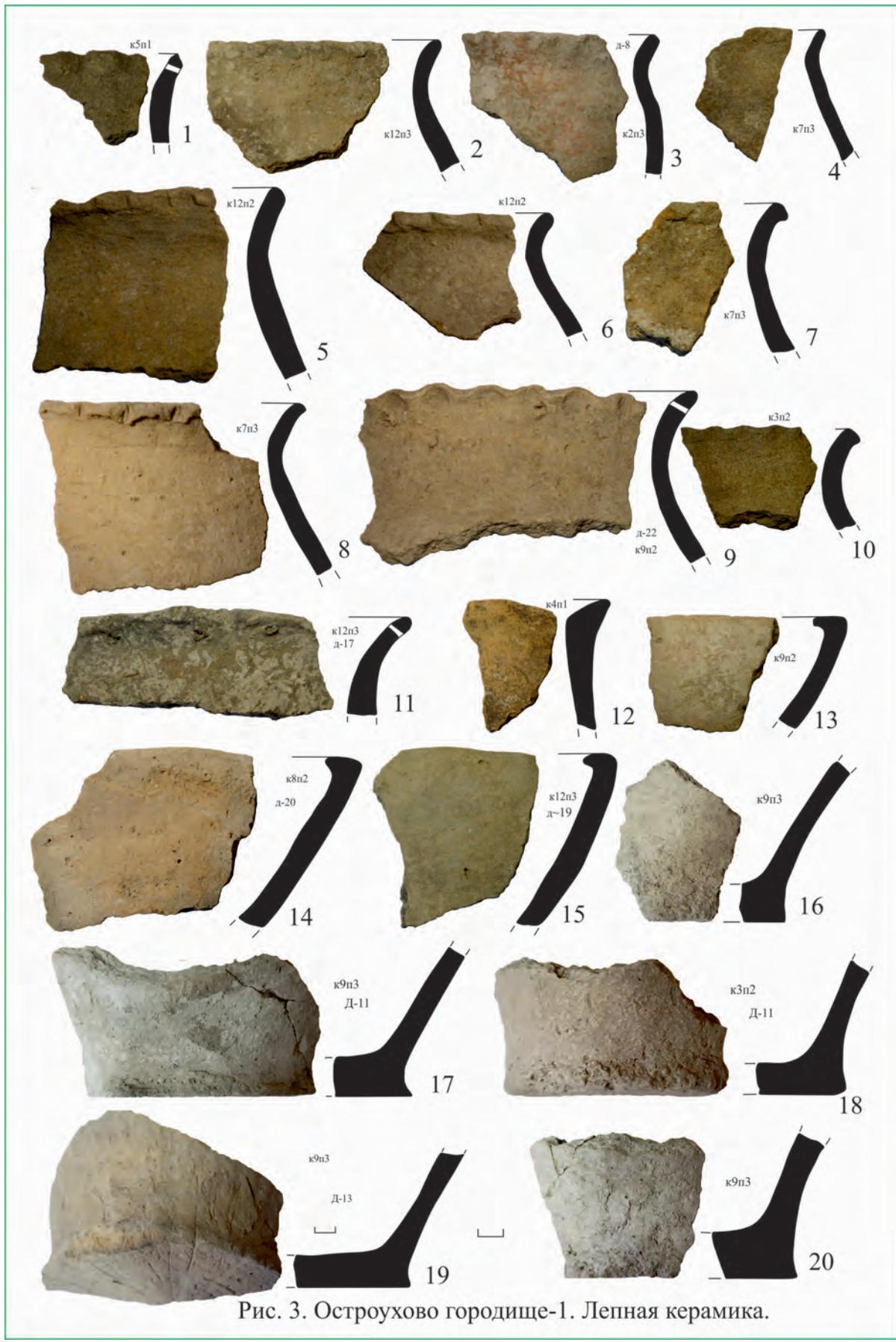

Рис. 3. Остроухово городище-1. Лепная керамика.

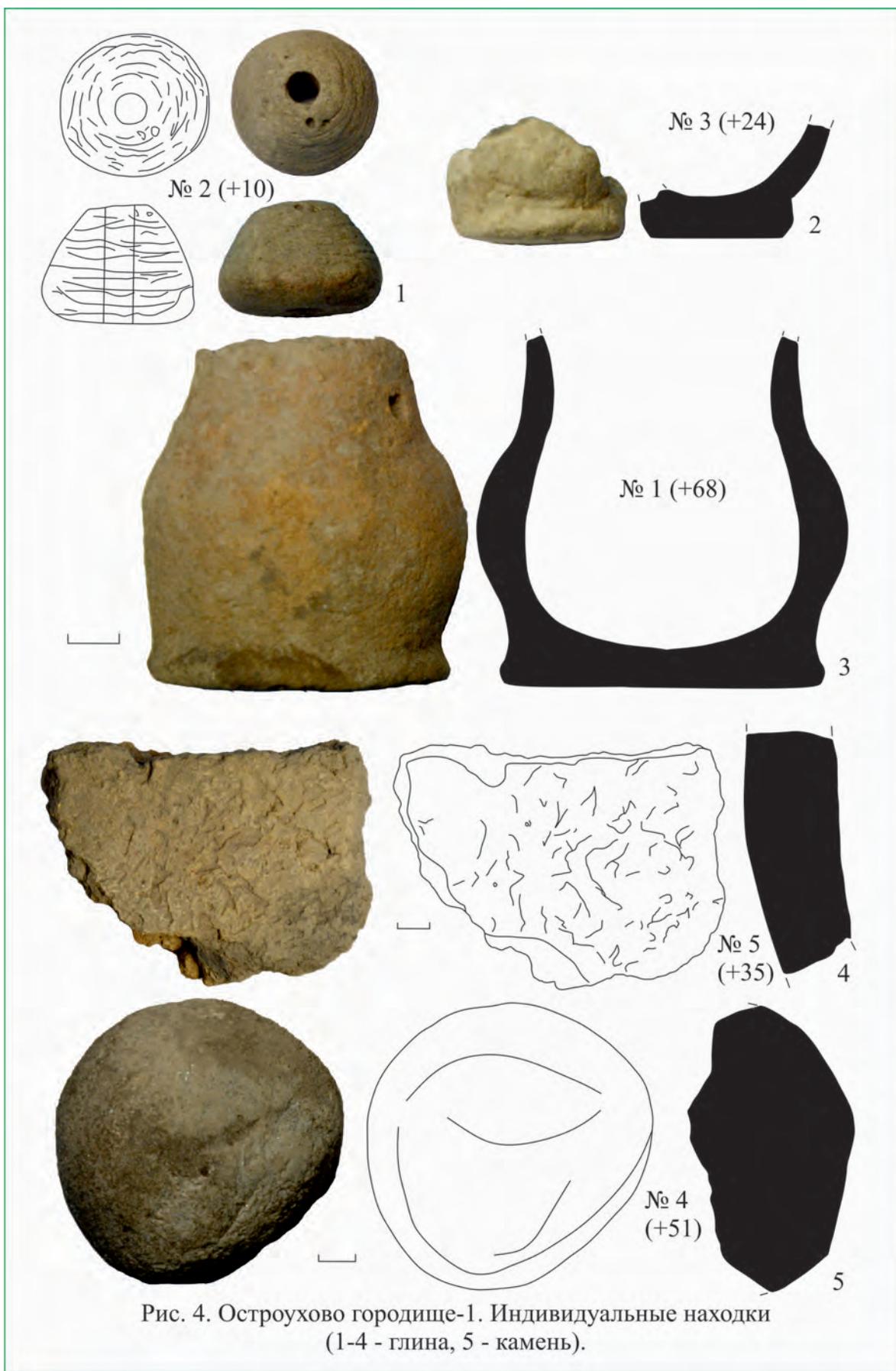

Рис. 4. Остроухово городище-1. Индивидуальные находки
(1-4 - глина, 5 - камень).

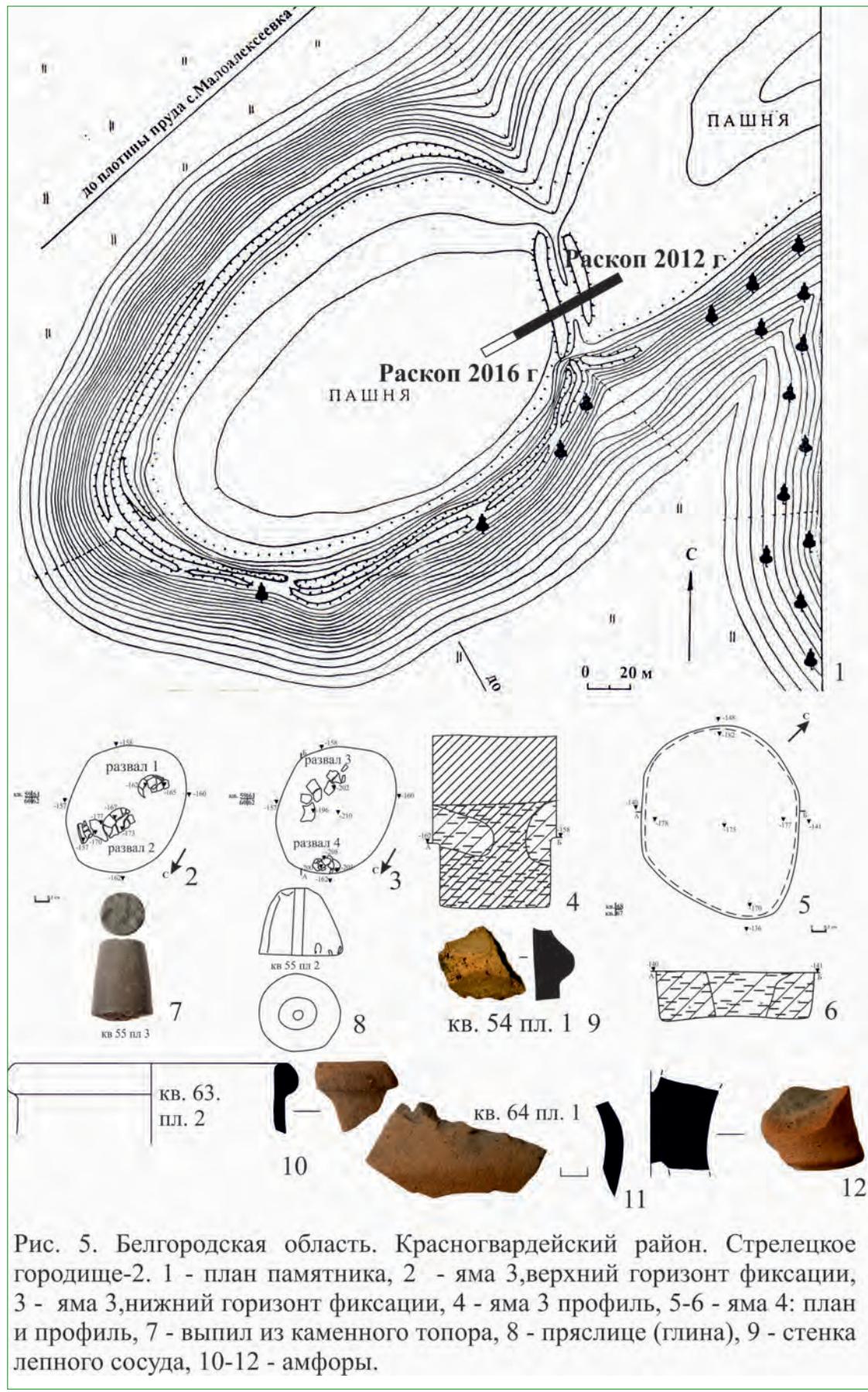

Рис. 5. Белгородская область. Красногвардейский район. Стрелецкое городище-2. 1 - план памятника, 2 - яма 3, верхний горизонт фиксации, 3 - яма 3, нижний горизонт фиксации, 4 - яма 3 профиль, 5-6 - яма 4: план и профиль, 7 - выпил из каменного топора, 8 - пряслице (глина), 9 - стенка лепного сосуда, 10-12 - амфоры.

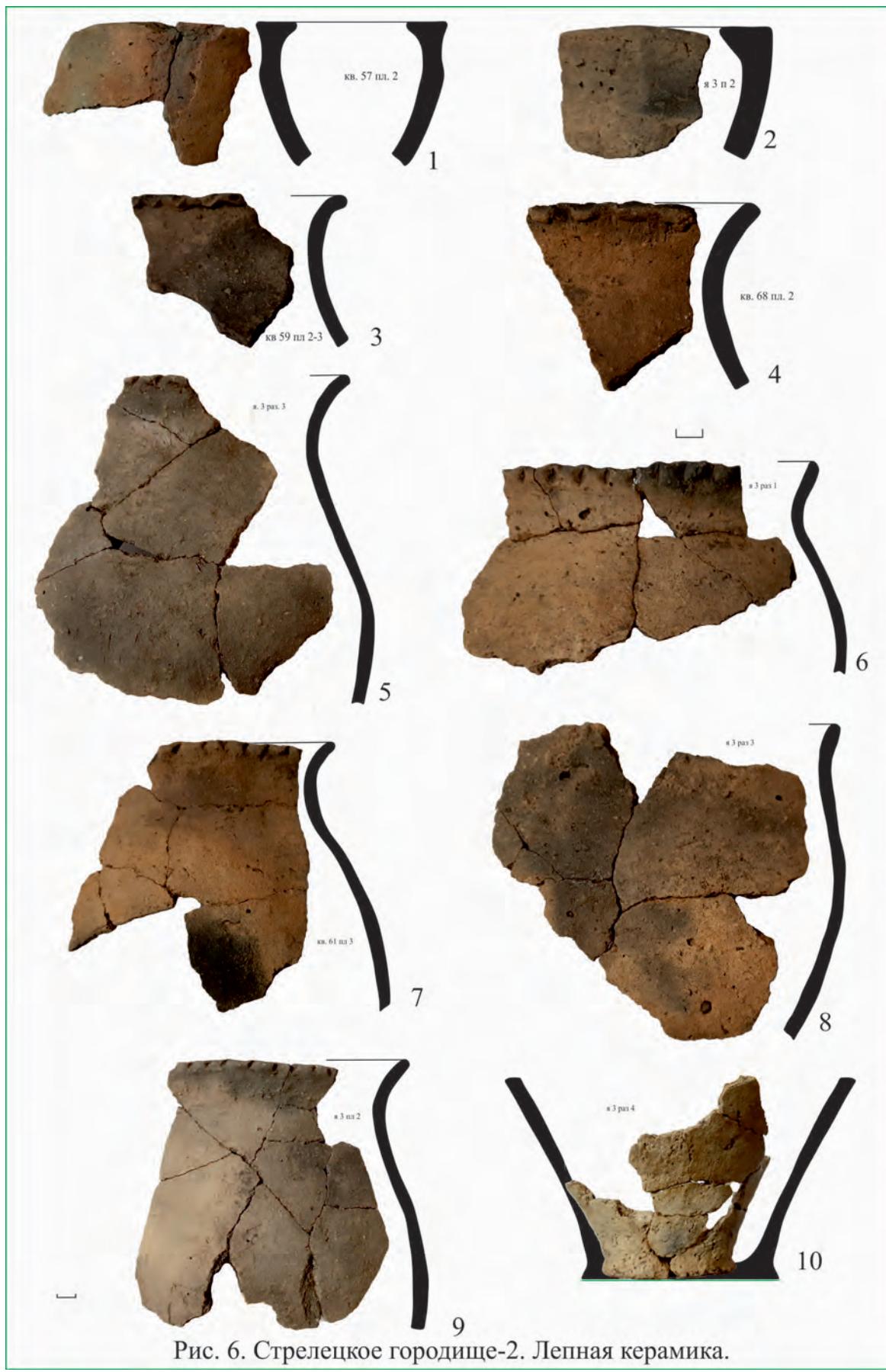

Рис. 6. Стрелецкое городище-2. Лепная керамика.

Бронзовые сосуды из тризы Кобяковского кургана № 10/1987

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт (г. Берлин)
e-mail: mikhailtreister@yahoo.de

В статье рассматриваются фрагменты бронзовых сосудов из тризы Кобяковского кургана № 10/1987 с элитным женским погребением, датирующимся в широких рамках второй половины I – начала II в. н.э., которые в отличии от других, зачастую уникальных находок из погребения, со времени первой публикации не привлекли внимание исследователей. В тризне, остатки которой были в основном уничтожены во время строительных работ 1985 г., находились бронзовой таз типа Eggers 99-100, которые датируются в настоящее время в интервале от ок. 25/35 до 115/130 гг. н.э. и ручка, которая в данной работе атрибутируется как ручка аска последней четверти II – первой половины I в. до н.э. Даётся новая атрибуция и бронзовому аску из Багаевского кургана № 13/1960, хронологически близкого кобяковскому, и также происходящего из тризы. Обращает на себя внимание и тот факт, что и в Багаевском кургане № 13, и в Кобяковском кургане № 10 аски входили в наборы бронзовых сосудов с более поздними образцами. Приведенные параллели дают также основания предполагать их изготовление в Египте. Греческую надпись на нижнем

атташе ручки аска из Кобяковоможно толковать двояко: это или обозначение веса (две мины + сорок драхм, из расчета: мина – 436,60 граммов, драхма – 4,37 граммов, дают вес в 1222,8 граммов), либо обозначение цены.

Ключевые слова: римские бронзовые сосуды, тазы, аски, Сарматия, курганы Нижнего Подонья, Кобяковский, Багаевский курганные могильники, Хохлач.

Введение

В 1987 г. на окраине Ростова-на-Дону был раскопан курган № 10 Кобяковского могильника с нетронутым женским погребением с богатым инвентарем, позволяющим датировать его в диапазоне от второй половины I до начала II в. н.э. (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 142-161). После первой публикации многие находки из погребения привлекли внимание как авторов, так и других исследователей, посвятивших им специальные работы. К сожалению, вне их внимания остались находки, сделанные в бровке кургана под материковым выкидом на уровне древней дневной поверхности, вероятнее всего, являющиеся остатками тризы, большая часть которой была

уничтожена в результате строительных работ 1985 г., когда была снивелирована некогда 3-х метровая курганская насыпь (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 142). Здесь, как отмечено в публикации, были найдены «обломки бронзовых римских судов: фрагменты верхней части таза с массивными ручками, профилированными посередине рельефными валиками и заканчивающиеся стилизованными птичьими головками; профилированная ручка кувшина (?)», на нижнем листовидном атташе которой едва читается надпись, выполненная в пуансонной технике (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 142, 145. Рис. 3, 3. 11-12).

Если фрагменты бронзового таза (рис. 1) (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 145. Рис. 3, 11-12) были рассмотрены в статье и отнесены к типу Eggers 100 (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 158), то по поводу ручки, предположительно отнесененной к кувшину (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 145. Рис. 3, 3) комментариев сделано не было, поэтому ее подробный анализ является темой данной работы¹.

Ручки таза

Как было справедливо отмечено ручки омеговидной формы принадлежат

тазам «среднего» времени, которые Х. Эггерс разделял на два типа по форме атташей, выделяя в тип 99 тазы с атташами в форме змеиных головок, а к типу 100 относя атташи «mitvergröberten Konturen» (Eggers, 1951. S. 169, Taf. 10). Исследователи уже справедливо отмечали проблематичность такого разделения тазов на типы по форме атташей, тем более что у многих тазов ручки повреждены или утрачены, и предложили рассматривать их как тип Eggers 99/100 (Petrovszky XV, 1-2) (Kunow, 1983. S. 22-23, 60, 72; Раев, Науменко, 1993. С. 154-155; Petrovszky, 1993. S. 114; Bienert, 2007. S. 158; Schuster, 2010. S. 47). Эти тазы появляются не ранее позднего этапа правления Тиберия и производятся в течение довольно длительного времени: от ок. 25/35 до 115/130 гг. н.э. (Petrovszky, 1993. S. 114-118, Typ XV, 1-2; Luik, 2016, S. 216-218. Abb. 1, 9-10). Тазы с омеговидными ручками, оформленными в центре тремя валиками, и с атташами в форме головок птиц, змей, гиппокампов и грифонов², получили очень широкое распространение, как в Италии и в провинциях, так и в барбарикуме, прежде всего на территории Germaniamagna³. Известны они и в сарматских комплексах Северного

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: М.В. Герасименко (Таганрог, ГЛИАМЗ), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК). Особая благодарность В.К. Гугуеву (Ростов-на-Дону) за консультации, связанные с находками в Кобяково и за предоставление неопубликованного рисунка ручки аска 1987 г.

² Помпеи: Tassinari, 1993. S4000, 221-238. Tav. LVII-LXIX. – Боскореале: Oettel, 1991. S. 47. Nr. 18-19. Taf. 18; Gorecki, 1993. S. 235. Nr. B18; S. 240. Abb. 3, 18.

³ Petrovszky, 1993. S. 116. См. карты их распространения в Западной Европе: Sedlmayer, 1999, S. 62. Karte 9 (сразделением, в трех случаях, когда возможно на типы 99 и 100); Schuster, 2010. S. 47, 48. Abb. 14 (только на территории Germaniamagna).

Причерноморья (Кропоткин, 1970. С.24. № 33; Petrovsky, 1993. S. 117; Simonenko, 2008. S. 19; Симоненко, 2011. С. 59–60. Рис. 33-34, 35, 1; Popa, 2016. S. 426. Abb. 4), где их особенно много – в Прикубанье (Marčenko, Limberis, 2008. S. 279-280).

Б.А. Раевым были учтены два таза этого типа в Нижнем Подонье (Raev, 1986, Р. 27). В настоящее время в погребениях кочевников Азиатской Сарматии насчитывается 11 (12) находок таких тазов (включая находки отдельных ручек), при этом ручки таза из Кобяковского кургана № 10 имеют атташи не в форме птичьих головок, как отмечалось в первой публикации, а представляют собой головки грифонов – редкий вариант для находок из Северного Причерноморья, находящий, однако параллели в Помпеях (Tassinari, 1993.Tav. LXVI, 2-3; LVII–LVIII).

Ручка аска

Ручка сосуда из кургана № 10 Кобяковского могильника – это ручка аска (рис. 2). У большинства известных бронзовых асков I в. до н.э. – I в. н.э. ручки либо фигурные, богато украшенные

и имеющие практически S-видную форму¹ – эти аски предположительно итальянского производства эпохи Ранней империи типа Z1000, по классификации Ф. Прото (Proto, 2009. P. 141-142, 154–166. Nos. 1-15), либо более простые, но с прогибом и перехватом в центральной части, типа 70, по классификации А. Радноти² – по мнению Дж. Хейеса, это аски римского типа республиканского времени, которые он датирует I в. до н.э. (Hayes, 1984. P. 70–71. Nos. 112-114).

Для некоторых бронзовых асков характерны ручки такой конфигурации со стволом, образованным двумя стержнями и двумя атташами в форме листьев, одним из которых припаивался непосредственно устья, а второй – на конце аска.

По форме ствола ручки, и углам изгиба атташей, наиболее близкую параллель представляет аск из гробницы № 115 в Гамай в Мерое, хранящийся в Бостоне и вероятнее всего датирующийся II–I вв. до н.э. (Bates, Dunham, 1927. P. 42. No. 16. Pls. 32, 2. 4; Comstock, Vermeule, 1971. P. 334, 335. No. 471; Hofmann 1999, 573-574, Abb. 1; Proto, 2009. P. 151, 153, Note33)³.

¹ Из Геркуланума: Stefanelli, 1990. P. 240–241. Figs. 226–227; P. 282. Nos. 111-112; Proto, 2002. P. 381.Fig. 8. – Из Боскореала: Oettel, 1991. S. 25, 46.Nr. 15.Taf. 15. – Из Словении: Breščak, 1982. P. 24. Nos. 105-106. Pls. XI, XXV; Bolla, 1991-1992. P. 142. – Из Бейрута: de Ridder, 1915. P. 128.No. 2930.Pl. 103. – Из виллы Фишбурн недалеко от Чичестера (ручка): Down, Henig, 1988. P. 308–310. – Из Смочану Ловечав Болгарии: Raev, 1977a. S. 624, 639.Nr. 68.Taf. 34, 6; Bolla, 1991-1992.P. 142-143. Fig. 6. –Из погребения в Тьенен-Авендорен (Тирлемон) в Бельгии, открытого в 1951 г.: Faider-Feytmans, 1979. P. 180. No. 370. Pl. 149. – Из погребения в Локарно: Simonett, 1941. S. 21, Taf. 13, 5; Bolla, 1991-1992. P. 142. Ручка аска I в. н.э. (?) из погребения Шв. н.э. № 3 в кургане № 3 у Оверхеспене в Бельгии также двойная, ее нижний атташ украшен маской Медузы: Mariën, 1994.P. 85-87. Fig. 38; De Decker, 2009. P. 55. Fig. 20. – Из Амьена: Lebech, 2010. P. 402-407. Figs. 1, 3-4. – Музей Вероны: Bolla, 1991-1992. P. 139–145. No. 2. Figs. 3-4.

² Интерцисса: Radnoti, 1938. S. 144–145. Taf. XIII, 70; LII, 1; Ниймеген, Музей Г. Кама: den Boesterd, 1956. P. 64. No. 223. Pl. X (ручка). Бостон, музей изящных искусств: Comstock, Vermeule, 1971. P. 334, 335. No. 470. – Шербур: Tassinari, 1975. P. 59–60.No. 151.Pl. XXIX. Вьенн: Boucher, 1971.P. 136.No. 252. – Metropolitan Museum of Art, Gift of Henry G. Marquand, 1897, acc. no. 97.22.19, <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/246695> . – Baltimore, The Walters Art Gallery, acc. no. 54.182, [http://art.thewalters.org/detail/14687/askos/](http://art.thewalters.org/detail/14687/). – Торонто, Королевский музей Онтарио: Hayes, 1984. P. 70–71. No. 114 (ручка).

³ О комплексе погребения см.: Bates, Dunham, 1927. P. 39–43. О датировке см. Hayes, 1984. P. 65.

В отличие от кобяковской ручки, ручка аска из Мерое в задней части раздваивается и крепится к туловоу сосуда при помощи двух листовидных атташей с завитками у концов (*Herzblattattasche*). Ручка из коллекции Музея в Торонто, которая предположительно определяется как ручка аска, также двойная, имеет близкую профилировку, заканчивается с одной стороны пальцем, а атташ с другой стороны ручки имеет форму листа с под треугольным расширением на конце (Hayes, 1984. P. 85. No. 132). В коллекции того же Музея хранится еще целая серия ручек бронзовых асков, оформленных «Геракловым узлом», раздваивающихся и заканчивающихся листовидными атташами с завитками на концах, происходящих из Верхнего Египта и датирующихся II–I вв. до н.э., как по аналогии с аском из Мерое, так и на основании форм атташей (Hayes, 1984. P. 65–66. Nos. 101–108). Атташи близкой формы украшают ручки сосудов различных типов поздне республиканского времени (кружек типа Идрия, кувшинов типа Галларате и др.), датирующихся в рамках последней четверти II – первой половины I в. до н.э.¹

Фрагмент бронзового аска из кургана № 10 Кобяковского некрополя не единственная находка импортного бронзового аска в погребениях кочевников на Нижнем Дону. От бронзового аска из Багаевского (у хут. Кудинов) кургана № 13/1960 (рис. 3) (Кропоткин, 1970. С. 24, № 42; С. 92. № 788; Raev, 1977. S. 624. Anm. 111, 1986. P. 28. Pl. 21, 2) сохранилась только часть тулова на подставке

(большая часть горла и ручка аска утрачены). По мнению Б.А. Раева аски из Багаевского кургана № 13 и серебряный аск из кургана Хохлач являются сосудами предположительно итальянского производства и находят параллели в Помпейах (Raev, 1986. P. 16, 28). Я уже подробно рассматривал серебряный аск из Хохлача (Мордвинцева, Трейстер, 2007. Т. 2. С. 133–134. № B45.4 с лит., табл. 58; Засецкая, 2011. С. 222–223. Ил. 117; С. 266. № 23) и пришел к выводу о том, что он датируется не позднее последней четверти II – первой половины I в. до н.э. (Treister, 2004. P. 452–455. No. 2. Fig. 3; Трейстер, 2007. С. 41–42). К аналогичному выводу о датировке аска не позднее I в. до н.э., а также предположению о возможности изготовления всего набора серебряных сосудов из Хохлача в мастерской понтийско-малоазийского региона в конце I в. до н.э. приходит и Й. Горецки (Banghard, Gorecki 2004, 143–144).

Подставка аска в форме кольцевого поддона, сужающегося кверху и переходящего в горизонтальную площадку, в центре которой она переходит в короткую цилиндрическую ножку, очень напоминает подставку упомянутого выше бронзового аска из гробницы № 115 в Гамай (Мероэ) (Bates, Dunham, 1927. P. 42. No. 16. Pls. 32, 2. 4; Comstock, Vermeule, 1971. P. 334, 335. No. 471; Proto, 2009. P. 151, 153, Note 33). Более того, аски первых веков н.э. (см. ниже) таких подставок не имеют, а снабжены низкими кольцевыми поддонами. Учитывая тот факт, что бронзовые аски раннеэллинистического времени, в частности аск из фра-

¹ См. с примерами: Трейстер, 2007. С. 41.

кийского царского погребения в кургане Голяма Косматка¹, имеют подобные подставки, следует рассматривать этот элемент сосуда как ранний признак. Сходство сосудов из Багаевского кургана и Мероэ заключается и в том, что у обоих на тулове нет декоративных ребер, являющихся продолжениями граней горла, которые имеются у большинства известных бронзовых асков I в. н.э.

Заключение

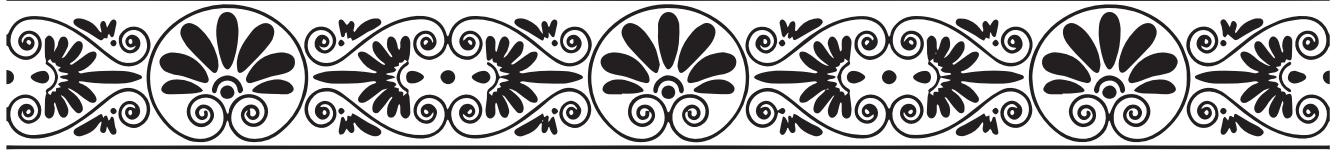
Таким образом, есть основания для датировки и фрагментированного аска из Багаевского кургана № 13 и ручки аска из Кобяковского кургана № 10/1987 не позднее I в. до н.э. Приведенные параллели дают также основания предполагать их изготовление в Египте. Интересно, что и в Багаевском кургане № 13 бронзовый аск вместе с бронзовой амфорой (Капошина, 1967. 209, 210. Рис. 1, 1; 2, 1; Кропоткин, 1970. С. 23. № 3; С. 92. № 788; Раев, 1977б. Р. 144, 145. Fig. 7; 1986. Р. 35. Pl. 26, 1-2; Шелов, 1983. С. 59–60. Рис. 1, 1) был найден в насыпи кургана и вероятнее всего, также, как и в Кобяковском кургане № 10 относился к тризне (Капошина, 1960. С. 96–97), тогда как серебряный аск в кургане Хохлач был найден в одном из тайников (Засецкая, 2011. С. 12). Обращает на себя внимание и тот факт, что и в Багаевском курга-

не № 13, и в Кобяковском кургане № 10 аски входили в наборы бронзовых сосудов с более поздними образцами.

Из предложенных ниже А.В. Белоусовым версий интерпретации надписи наиболее вероятной мне представляется последняя, а именно обозначение стоимости содержания сосуда. Бронзовые сосуды, в которых хранились монеты, и в Северном Причерноморье, и за его пределами хорошо известны (Butyagin, Treister, 2006. Р. 143-144; Бутягин, Трейстер, 2010. С. 242-243). Приведем в качестве примера находку в Мирмекии под стеной здания, интерпретированного как святилище Деметры, бронзовой ольпты V в. до н.э. (Butyagin, Treister, 2006. Р. 131-144; Бутягин, Трейстер, 2010. С. 238–246), в которой находилось 99 электровых кизикинов, спрятанной во второй четверти IV в. до н.э. (Butyagin, Chistov, 2006. Р. 77-132). Если учесть, что в позднеэллинистическую эпоху, в частности в 90–80 гг. до н.э. на Боспоре чеканились как драхмы, так и дидрахмы, представленные в Фанталовском кладе из по крайней мере 485 дидрахм, то 120 дидрахм, которые были меньше и легче кизикинов, или даже 240 серебряных драхм вполне могли поместиться в бронзовый сосуд². Не исключено, что и кобяковский аск мог изначально быть контейнером для хранения такой казны.

¹ Димитрова, 2015. С. 200–201. Рис. 160; С. 286–289. № 42. Рис. 224–227.

² Автор выражает искреннюю признательность М.Г. Абрамзону за подробную консультацию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Надпись на ручке бронзового аска из кургана № 10 Кобяковского могильника

А.В. Белоусов

МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
e-mail: abelv@yandex.ru

На нижнем атташе ручки сосуда пущансоном нанесена надпись. Высота букв: 0,3-0,5 см. (рис.4). **MNBΔΡΑΜμν(αī) β'** дра(χμαī) μ' Две мины, сорок драхм

Письмо надписи никакими яркими особенностями, за исключением лигатуры **MN** не обладает, поэтому не может служить надежным основанием для датировки. Исходя из формы самой ручки, можно допустить, что надпись не может быть раньше последней четверти II – первой половины I в. до н.э. и не может быть позже начала II в. н.э., т.е. времени самого погребения. Сокращение **MN** для μν(αī) засвидетельствовано и в аттических (Lang, 1978, № 5) и в боспор-

ских (*ГДХБ*, № 1043) надписях, так же как и ΔΡΑ для δρα(χμαī) (Lang, 1978, L 20; *ГДХБ*, №№ 503, 861).

Надпись можно толковать трояко: это или обозначение *веса* (так, например, по аттической системе, две мины + сорок драхм, из расчета: мина – 436,60 граммов, драхма – 4,37 граммов, дают вес в 1222,8 граммов), либо обозначение *цены* (но при этом, трудно себе представить, не имея надежных свидетельств о ценах на бронзовые аски¹), либо обозначение суммы содержимого самого сосуда². Однако уверенно настаивать ни на одной из перечисленных возможностей мы не можем.

¹ Можно привести, впрочем, объявление из Помпей: *Urnaaeniapereitdetaberna / Se quis retulerit dabuntur / HS LXV. Se ifurem / dabit...* («Бронзовая урна исчезла из магазина. Если ее кто-нибудь вернёт, то (ему) будет дано 65 сестерциев. А если кто выдаст вора...») [CIL IV 64]. Можно предположить, что бронзовый аск также мог стоить такую сумму, но стоимость такого аска в две мины и сорок драхм представить все же трудно.

² Как, например, в так называемых «экономических» надписях на вазах из Ай-Ханума. См. основные работы: Rapin 1983 (SEG 33: 1220–1246) (с предшествующей библиографией); 1992; Picard 1984 (SEG 34: 1432); Narain 1987 (SEG 37: 1404); IKEstremoOriente №№ 323–357; Lerner 2011 (SEG 61: 1375), который значительно скорректировал понимание этих текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутягин А.М., Трейстер М.Ю. Бронзовая ольпа Мирмекийского клада // Античный мир и археология. Вып. 14. Саратов: Институт археологии и культурного наследия, кафедра истории древнего мира ИИиМО, 2010. С. 238–246.
2. Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора // Боспорские исследования, Suppl. 1. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Україна, 2007. 320 с.
3. Димитрова Д. Гробницата на цар Севт II в могила Голяма Косматка // The Tomb of King Seuthes III in Golyama Kosmatka Tumulus. София: Арос, 2015. 376 с.
4. Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 327 с.
5. Капошина С.И. Отчет о работе Кобяковской археологической экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 2226.
6. Капошина С.И. Италийский импорт на Нижнем Дону // Записки Одесского Археологического Общества. Т. II(35). Одесса: Одесское книжное издательство, 1967. С. 208–213.
8. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. – Д1-27. М.: Наука, 1970. 222 с.
9. Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Симферополь, Бонн: Тарпан, 2007. Т.1. 308 с. Т.2. 255 с. Т. 3. 204 с.
10. Прохорова Т.А., Гугуев, В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // РА. 1992. № 1. С. 142-161.
11. Раев Б.А., Науменко С.А. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). Новочеркаск: Музей истории донского казачества, 1993. С. 151-160, 183-187.
12. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; Нестор-история; 2011. 272 с.
13. Трейстер М.Ю. 2007а: Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Т. 1. Симферополь, Бонн: Тарпан, 2007. С. 15-194.
14. Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА.1983. № 4. С. 57-69.
15. Banghard K., Gorecki J. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr // Saalburg-Jahrbuch. 2004. Bd. 54. S. 119–150.
16. Bates O., Dunham D. Excavations at Gammai // Varia Africana IV. Harvard African Studies. Cambridge, Mass.: Peabody Museum, 1927. P. 1-121.
17. Bienert B. Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier. Trier: Rheinisches Landesmuseum, 2007. 287 S.
18. Bolla M. Due askoi in bronzo del Museo Archeologico di Verona // Annuario Storico della Valpolicella. 1991-1992. P. 135-146.
19. Boucher S. Vienne. Bronzes antiques (Inventaire des collections publiques françaises 17). Paris: Éditions des Musées nationaux, 1971. 229 p.

20. Breščak D. Roman Bronze Vessels in Slovenia (Situla, 22/1). Ljubljana: Narodni muzej v Ljubljani, 1982. 64 p.
21. Butyagin A.M., Chistov D.E. The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An international journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2006. Vol. 12. No. 1-2. P. 77-131.
22. Butyagin A.M., Treister M.A. Bronze Olpe from the Myrmekion Hoard // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An international journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2006. Vol. 12. No. 1-2. P. 131-144.
23. Comstock M., Vermeule C.C. Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston. Boston: Museum of Fine Arts, 1971. 511 p.
24. De Decker K. Askosen céramique d'époque hellénistique tardive // Bulletin des Musées royaux d'Art et d'Histoire. 2009. T. 80. P. 51-75.
25. Boesterd M.P.H. The Bronze Vessels // Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M.Kam at Nijmegen. V. Nijmegen: Uitgegeven in Opdracht van het Departement van Onderwijs, Kunsten en Wetenschappen, 1956. 92 p.
26. De Ridder A. Les bronzes antiques du Louvre. T. II. Les instruments. Paris: E. Leroux, 1915. 269 p.
27. Down A., Henig M.A. Roman Askos Handle from Fishbourne // The Antiquaries Journal. 1988. Vol. LXVIII. P. 308-310.
28. Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien // Atlas der Urgeschichte, 1. Hamburg: Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951. 212 s.
29. Faider-Feytmans G. Les bronzes romains de Belgique. Mainz: Philipp von Zabern, 1979. 223 p.
31. Gorecki J. Metallgefässe und – objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscoreale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien // Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Broncesantiguos, Madrid, mayo-junio 1990). Madrid: CSIC Press, 1993. P. 229-246.
32. Hayes J.W. Greek, Roman and Related Metalware in the Royal Ontario Museum. Toronto: The Museum, 1984. 204 p.
33. Hofmann I. Der Askos in der meroitischen Kultur // Studien zum antiken Sudan: Akten der 7. Internationalen Tagung fürmeroitische Forschungen vom 14. Bis 19. September 1992 in Gosen/ bei Berlin (Meroitica 15). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. S. 572-584.
34. Kunow J. Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze – und Glasgefäßern // Göttinger Schriften zur Vor – und Frühgeschichte, Band 21. Neumünster: Wachholtz, 1983. 208 s.
35. Lang M. Graffiti and Dipinti // The Athenian Agora. Vol. XXI. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens, 1978. 116 p.
36. Lebech C. L'askos et la situle de la cave de la maison 3 // Revue archéologique de Picardie. 2010. N. 27. P. 401-408.
37. Lerner J.D. A Reappraisal of the Economic Inscriptions and Coin Finds from Ai Khanoum // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. 2011. Vol. 2. P. 103-147.
38. Luik M. Buntmetallgefässe der mittleren Kaiserzeit zwischen Rhein und Pyrenäen. Ein Forschungsüberblick // Archäologie zwischen Römern und Barbaren, Kolloquien zur Vor – und Frühgeschichte 22/2. Bonn, 2016. S. 215-228.
39. Marčenko I.I., Limberis N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, Römische Importe in sarmatischen

- und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz: Philipp von Zabern, 2008. S. 267-400.
40. *Mariën M.-E.* Quatre tombesromaines du IIIe siècle: Thoremvais-Saint-Trond et Overhespen // Monographies d'archéologie nationale, 8. Bruxelles: Musées royaux d'art et d'histoire, 1994. 99 p.
 41. *Mustață S.* The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis // Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12. Cluj-Napoca: MegaPublishing House, 2017. 376 p.
 42. *Narain A.K.* On Some Greek Inscriptions from Afghanistan // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. 1987. T. 47. P. 269-292.
 43. *Oettel A.* Bronzen aus Boscoreale in Berlin. Berlin: Antikenmuseum; Tübingen: Wasmuth, 1991. 56 s.
 44. *Petrovszky R.* Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1. Buch am Erlbach: Marie Leidorf, 1993. 460 s.
 45. *Picard O.* Sur deux termes des inscriptions de la trésorerie d'Aï Khanoum // Hommages à Lucien Lerat / H. Walter (ed.). Paris: Les Belles Lettres, 1984. P. 679-690.
 46. *Popa A.* Bronzenes Wasch – und Badegeschirr am Rande der römischen Welt: Überlegungen zu einer Gruppe römischer Bronzegefäße jenseits der Provinzgrenzen Dacia und Moesia Inferior // Archäologie zwischen Römern und Barbaren, Kolloquien zur Vor – und Frühgeschichte 22/2, Bonn 2016. S. 423-432.
 47. *Proto F.* I vasi a paniere egli askoi dell'area vesuviana e la loro eventuale destinazione d'uso // I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi (Instrumentum Monographies, 21). Montagnac: Monique Mergoil, 2002. P.378–383.
 48. *Proto F.* Gli askoi: categoria Z // Vasi in bronzo: brocche, askoi, vasi a paniere. Napoli: Electa, 2009. P. 141-175.
 49. *Radnóti A.* Die römischen Bronzegefäße von Pannonien // Dissertationes Pannonicae, II/6. Budapest: Inst. für Münzkunde und Archäologie der P. Pázmány-Univ., 1938. 220 s.
 50. *Raev B.A.* Vaisselle de bronze taliquedanslestombes de la noblesse sarmatesur le Bas-Don // Actes des III^ejournées internationales consacrées à l'étude des bronzesromains (Bulletin des MuséesRoyauxd'Art et d'Histoire 46). Bruxelles: MuséeRoyauxd'Art et d'Histoire, 1977. P. 139–149.
 51. *Raev B.A.* Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // Bericht der *Römisch-Germanischen Kommission*. 1977a. Bd. 58.II. S. 605-643.
 52. *Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR Intern. ser. 278. Oxford: British Archaeological Reports, 1986. 135 p.
 53. *Rapin Cl.* Fouilles d'Aï Khanoum. VIII. La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane. Paris: De Boccard, 1992. 463 p.
 54. *Rapin Cl.* Inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Aï Khanoum (Aghanistan) // BCH. 1993. T. 107.1. P. 315-381.
 55. *Schuster J.* Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa // Bonner Beiträge zur Vor – und Frühgeschichtlichen Archäologie, 12. Bonn: Vor – und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wolhelms-Universität, 2010. 497 s.
 56. *Sedlmayer H.* Die römischen Bronzegefäße in Noricum // Monographies Instrumentum, 10. Montagnac: Monique Mergoil, 1999. 247 s.
 57. *Simonenko A.V.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz: Philipp von Zabern, 2008. S. 1-264.

58. *Simonett C.* Tessiner Gräberfelder // Monographien zur Ur – und Frühgeschichteder Schweiz, 3. Basel: Birkhäuser, 1941. 217 s.
59. *Stefanelli L.P.B.* Il bronzo dei Romani. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1990. 298 p.
60. *Tassinari S.* La vaiselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales // XXIXe suppl. à Gallia. Paris: CNRS, 1975. 84 p.
61. *Tassinari S.* Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma: L' Erma di Bretschneider 1993. Vol. 1. 274 p. Vol. 2. 518 p.
62. *Treister M.* Silver Vessels from the Khokhlachbarrow // The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity: The Acta of the XVIth International Congress on Antique Bronzes, Bucharest, 26–31 May, 2003. Bucharest: EdituraCetatea de Scaun, 2004. P. 451-467.

Рис. 1. Ручки бронзового таза. Кобяково. Курган 10/1987. Таганрог, ГЛИАМЗ,
инв. № 12117/30-31. Общие виды. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

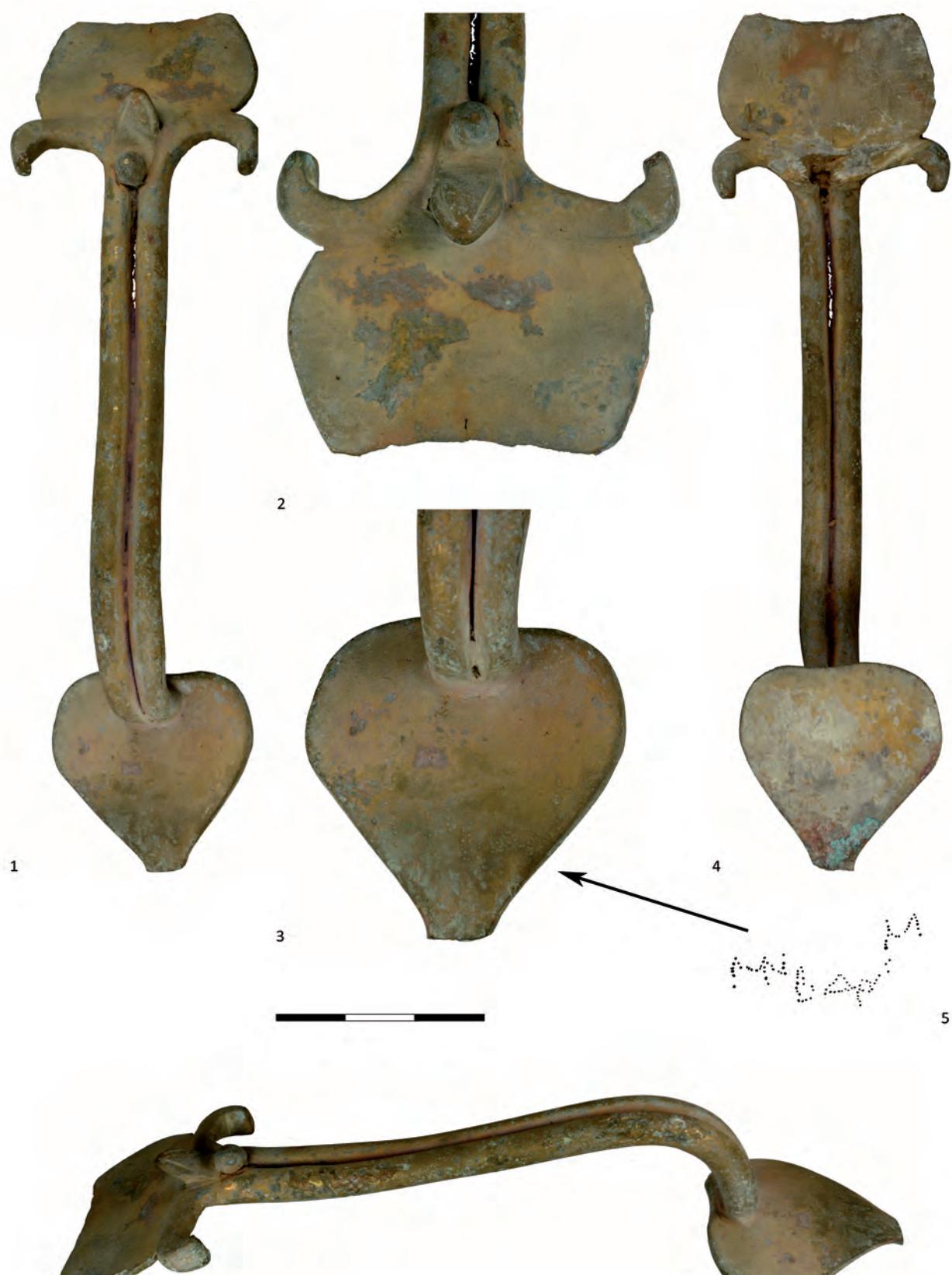

Рис. 2. Ручки бронзового аска. Кобяково. Курган 10/1987. Таганрог, ГЛИАМЗ, инв. № 12117/29. Общие виды. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 3. Аск бронзовый. Кудинов (Багаевский). Курган 13/1960. Ростов-на-Дону, РОМК, КП-2170/5.
Общие виды. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

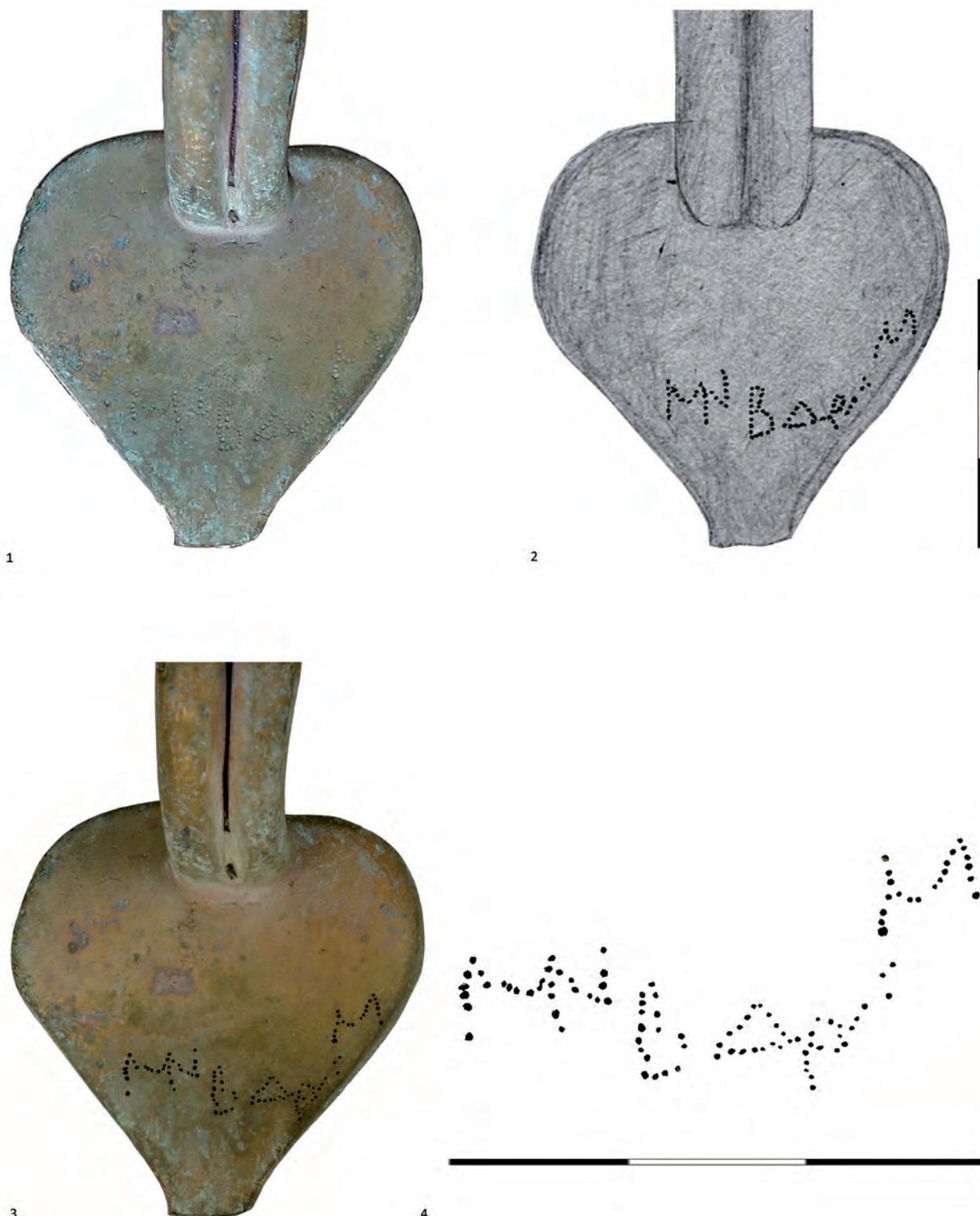

Рис. 4. Атташ ручки бронзового аска. Кобяково. Курган 10/1987. Таганрог, ГЛИАМЗ, инв. № 12117/29. Детали. Фото и карандашный рисунок В.К. Гугуева (1, 2), фото и прорисовка (3, 4) М.Ю. Трейстера, 2015, 2019.

ПОСЕЛЕНИЕ «НЕБЕРДЖАЙ-1» И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЗАПАДНОГО ЗАКУБАНЬЯ¹

Трубников В.В.¹ *, Иванов А.В.² **

¹ ЗАО «ОКН-проект» (г. Ростов-на-Дону)

² ООО «Южный региональный центр археологических исследований»
(г. Краснодар)

*E-mail: trubnikov-1977@mail.ru

** E-mail: ivanov_arx@mail.ru

В 2015 г. были произведены раскопки неукрепленного небольшого сельского поселения «Неберджай-1». Получен обильный археологический материал, выявлено 4 хронологических горизонта. В статье приводится анализ находок, рассматриваются аналогии с культурами эпохи бронзы и раннего железа, делается вывод об отнесении данного памятника к раннемеотскому поселению.

Ключевые слова: поселение, ранний бронзовый век, ранний железный век, лепная керамика, амфорная керамика, хозяйствственные ямы, раннемеотские поселения.

Поселение «Неберджай-1»² занимает слабо выдающийся возвышенный участок, образованный изгибом старого русла реки Неберджай, на ее правом берегу, примерно в 0,3 км от места впадения р.

Неберджай в р. Адагум (Рис. 1, 1). Возвышение, занимаемое памятником, имеет уклоны в сторону старого русла реки, а также к северу и востоку, северо-западная часть поселения уходит под автомагистраль «Краснодар-Новороссийск». Площадь поселения порядка 1,5 га.

В 2015 году в восточной части памятника, экспедицией под руководством одного из авторов этой статьи были произведены раскопки на площади 4260 м². Глубина раскопа колебалась в пределах от 0,6 м до 2,2 м (в крайне северо-восточной и юго-западной частях раскопа), со средней глубиной в 0,75-0,9 м. Неравномерность глубины вскрытия объясняется антропогенным изменением рельефа данного участка местности (центральная часть памятника сильно распахана, до суглинков), восточная повреждена при строительстве двух ниток водовода.

¹ Работа выполнена в ИВИ РАН по проекту РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

² Поселение было выявлено в 2014 году специалистами ЗАО «ОКН-проект» совместно с ООО «ЮРЦАИ». В результате разведки памятник предварительно был датирован V в. до н.э. – III в. до н.э.

В раскопе отмечено несколько стратиграфических горизонтов, в том числе два культурных слоя (КС): эпохи ранней бронзы (сер. IV-нач. III вв. до н.э.) и раннего железа. Сверху вниз это: светло-серый гумусированный почвенный слой с гумусом, разрушенный пахотой, КС 1 – серый слабо гумусированный суглинок, КС 2 – серовато-коричневый суглинок, материк – светло-коричневый суглинок с включениями карбонатов и мелкой тырсы, коренная порода (тырса). В восточной части раскопа в разрезах также присутствуют техногенные слои, связанные с двумя нитками действующего Троицкого водовода.

Культурный слой 1 зафиксирован в нескольких разрезах практически на всей площади раскопа, в других разрезах частично разрушен как глубокой плантажной вспашкой (в центральной и южной части раскопа), так и действующими водоводами (в восточной части раскопа). В слое встречены находки эпохи раннего железа.

Культурный слой 2 прослежен лишь в некоторых квадратах, залегал под культурным слоем 1 и содержал массовые находки керамического и костного материала раннего железного века. Возможно, слои 1-2 являются частями одного культурного слоя преобразованного распашкой.

Планиграфически, КС занимал северо-западную, поникающуюся к старице, часть раскопа. Мощность культурного слоя колеблется от 0,1 м до 0,6 м, уменьшаясь к югу. К югу и к востоку мощность КС постепенно уменьшается.

Археологические материалы КС 1-2 типичен для памятников варварского

оседлого населения и связывается нами с Меотской культурой.

Культурный слой эпохи поздней бронзы не прослеживается стратиграфически, представлен только археологическими объектами.

В большей части раскопа, попадающей на возвышенный центр памятника, культурные слои разрушены пахотой и практически отсутствуют, покрытие находками крайне минимально, и на уровне 2 пласта, реже 1 пласта, появляется материковый коричневый суглинок. С 1-2 пластов в центральной части раскопа происходит выявление углубленных в материковый грунт археологических объектов. Часть памятника, попадающая в две крайне восточные линии квадратов, сильно разрушена двумя нитками существующего водовода. В южной части раскопа, начиная от центра, насыщенность находками минимальна, порядка 10-15 фрагментов на квадрат 5x5 м, что также говорит о разрушенности культурного слоя. В северной части, наоборот, насыщенность находок очень большая, до 300-400 предметов на квадрат, имеются нетронутые остатки культурного слоя в виде скоплений и развалов керамики, реже костей.

Стратиграфическая картина на данном участке немного отличается от большей части раскопа, в разрезах явно прослеживается падение слоев к северу (к старице), культурный слой эпохи раннего железа тут не потревожен пахотой, его мощность достигает 30-50 см, подстилает ему стерильный коричневый материковый суглинок. В пахотном слое находок немного, в основном они начи-

наются со второго пласта и продолжаются до 3 пласта или верха 4 пласта.

Археологический материал обилен. Всего было выявлено 85395 непрофильных керамических фрагментов. Основной массив керамики относится к раннему железному веку, более ранние керамические находки редки и, в основном, аккумулируются возле ям того же времени. Из индивидуальных находок отмечены лепные пряслица, фрагмент клинка железного ножа, бронзовые пронизи, изделия из кости, ручка амфоры с клеймом.

В раскопе выявлено 175 археологических объектов, углубленных в коричневый и светло-коричневый суглинки. На всей территории раскопа, преимущественно в северной и центральной частях, археологические объекты, представлены зерновыми, хозяйственными и мусорными ямами, а также местами массового залегания материала¹, возможно маркирующих наземные легкие постройки. Два объекта² могут быть интерпретированы как колодцы или небольшие цистерны для отстаивания воды.

Объекты 41, 58, 67, 71, 85, 128, 147, 159, 169 относятся к майкопско-новосвободненской КИО и датируются IV-III тыс. до н.э. Объекты 140, 172, 174 датируются 2-й третью – концом IV тыс. до н.э. и относятся к новосвободненской культуре. Объекты 14, 15, 19, 28, 84, 112, 129, 139, 156, 166 относятся к северокавказской КИО и датируются рубежом III-II тыс. до н.э. Объекты 9, 37, 40, 161

содержат в себе материалы как меотского времени, так и более ранние, относящиеся к майкопско-новосвободненской КИО и датирующиеся IV-III тыс. до н.э. Подавляющая же часть выявленных на территории памятника объектов относится к эпохе раннего железа. Остальные объекты не содержали археологических находок, в связи с чем, датировать их не представляется возможным.

На поселении выявлено четыре хронологических горизонта.

Первый относится к эпохе бронзы и сопоставим с майкопскими и северокавказскими древностями. Горизонт отбивается находками характерной красноглиняной посуды, в состав которой входят миски, горшки и корчаги, а также качественными изделиями из камня.

Второй горизонт памятника можно характеризовать как протомеотский. Он представлен не большим количеством находок из слоя, и подкреплен наличием некоторого числа хозяйственных ям³. Керамический материал из слоя беден, здесь лишь обратим внимание на фрагмент профилированной ручки черпака (Рис. 1, 2). Большим разнообразием отличается содержание хозяйственных ям. В одной из них (Объект 2) найден полный профиль крупного черпака с округлым не выделенным снаружи дном и слегка отогнутым наружу венчиком (Рис. 1, 3). Такие черпаки известны в кургане №2 «Фурожан-3» (Иванов, 2013) и в могильнике «Железнодо-

¹ Объекты 33, 105

² Объекты 67 и 78.

³ Объекты 2, 40, 78.

рожный-2» (Лимберис, Марченко, 2014, рис. 5) в комплексах VIII в. до н.э. Не менее интересный материал содержала еще одна яма (Объект 78). В нее были сброшены фрагменты лепного горшка декорированного широким манжетом под венчиком, верхняя часть корчаги с высоким вертикальным горлом, фрагмент лепной крупной кружки или кувшина и ручку черпака (Рис. 1, 4-7). Данный набор так же укладывается в рамки VIII в. до н.э. На этом информация о протомеотском горизонте исчерпывается.

Подавляющее большинство находок, как и объектов исследованных на территории памятка, принадлежат ранним меотам. Анализ массового керамического материала, и в первую очередь довольно многочисленного и разнообразного импорта, дает возможность говорить о хронологических рамках функционирования раннемеотского поселения в пределах второй половины VI – начала V в. до н.э.

Среди посуды выделяется лепные кухонные сосуды, и импорт, состоящий из столовой керамики и амфор. Лепная посуда традиционных для этого времени форм, и насчитывает три основные категории – горшки, корчаги и миски.

Самая массовая находка на поселении – фрагменты лепных горшков. Подавляющая часть сосудов (Рис. 2, 1-4) относятся к Типу I и II (по Лимберис, Марченко, 2012.С. 36). Венчики многих горшков обрамлялись воротничком, который в свою очередь декорировался различными горизонтальными волнами, линиями, насечками, но чаще всего – рядом пальцевых вдавлений.

На втором месте по количеству найденных фрагментов располагаются корчаги (Рис. 2, 5-8). Большая их часть соотносится с Типом I и II по схеме Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, а по материалам раннемеотских могильников датируется VI-V вв. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2012.С. 24-26). Среди мисок поселения «Неберджай 1» (Рис. 2, 9-11) были встречены все три типа выделенные Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, а в совокупности полученных данных общая хронология этой категории посуды охватывает VI-V вв. до н.э.

Фрагменты амфор занимают основную долю импорта. Этот материал представлен несколькими традиционными центрами-экспортерами – Клазоменами, Лесбосом, Хиосом. По типологии С.Ю. Монахова, фрагменты амфор, встреченные на поселении, сопоставимы с экземплярами клазоменской тары 3 и 4 варианта (Рис. 2, 12-15) второй половины VI в. до н.э. (Монахов, 2003.С. 52-53). Продукция Лесбоса ограничивается красноглиняными амфорами, двух ранних вариантов архаического типа – I-A и I-B (Рис. 2, 16-20), которые, укладываются в рамки середины – второй половины VI в. до н.э. (Монахов, 2003.С. 48-49). Хиос (Рис. 2, 21-23) представлен пухлогорлым типом III-A конца VI – начала V в. до н.э. (Монахов, 2003.С. 16-18, 24).

Крайне важно заметить, что на памятнике, на фоне разнообразия амфор перечисленных выше центров, практически отсутствуют экземпляры на сложнопрофилированной ножке. В коллекции имеется всего два невыразительных фрагмента протофасоских венчика

(Рис. 2, 24). Эта очень интересная деталь, видимо указывает на то, что жизнь на раннемеотском поселении прекращается до того как амфоры на сложнопрофилированной ножке последних серий получили широкое распространение, т.е. в начале V в. до н.э.

Из импортов так же следует отметить небольшую серию красноглиняных тарелок с клювовидным венцом (Рис. 2, 25-26) и фрагменты столовых ионийских сосудов, скромно расписанных бурыми полосами (Рис. 2, 27). Эта посуда характерна для рубежа VI-V вв. до н.э. Помимо перечисленного среди материалов поселения выделим поддон чернолакового скифоса (Рис. 2, 28) аттического типа на валикообразной кольцевой ножке с концентрическими линиями на внешней стороне, датируемый первой-третьей четвертью V в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. Nr. 338-343). Аналогичный поддон скифоса был найден на могильнике х. Ленина 3 (Лимберис, Марченко, 2012. С. 48. Рис. 26, 6).

Следующий пласт находок связан с IV в. до н.э. (Рис. 3, А). Стоит обратить внимание, что они немногочисленны. Здесь следует отметить несколько фрагментов амфор Гераклеи, фрагмент венчика прямогорлого Хиоса и горло амфоры неустановленного центра (возможно Икоса) (Рис. 3, 4, 5). Столовая посуда этого времени представлена лишь некоторыми фрагментами красноглиняных и сероглиняных меотских мисок и кувшинов. Единственный комплекс IV в. до н.э.¹ – одногоризонтное скопление фрагментов

керамики и камня. Он интересен тем, что в скоплении находился фрагмент горла кидской амфоры (Рис. 3, 6) елизаветинского варианта (I-A) второй четверти IV в. до н.э. (Монахов, 2003. С. 110) и еще одна амфора, причем полный профиль (Рис. 3, 7), аналогии которой нам, к сожалению, найти не удалось.

Заключительный хронологический горизонт поселения иллюстрирован тремя расположеными рядом хозяйственными ямами², исследованными в южной части раскопа. Их материалы – серо-лощенная меотская посуда – кувшины и миски, датируются широко, в пределах I-II в. н.э. (Рис. 3, Б). Синхронные артефакты в слое отсутствовали. Видимо можно говорить о небольшой усадьбе существовавшей здесь в какой-то краткий момент в римское время.

Подведем итоги. Поселение «Неберджай-1» является неукрепленным небольшим сельским поселением. В раннегородском веке, место под поселение было использовано несколько раз. Первый этап приходится на VIII в. до н.э. и связан с протомеотами. Затем следует хронологическая лакуна примерно в полтора века. Где-то в пределах второй половины VI в. до н.э. на этом месте основывается раннемеотское поселение, впрочем, и оно существует не долго, хотя и оставляет основной поселенческий слой памятника. В начале V в. до н.э. жизнь на поселении затухает. В дальнейшем очаги жизни на этой территории фиксируются в IV в. до н.э. и в I-II в. н.э., впрочем, количество и состав на-

¹ Объект 33

² Объекты 155, 161, 165.

ходок говорить лишь о кратковременном пребывании здесь человека.

Изученное поселение раннежелезного века, о котором повествует данная работа, интересно во многих аспектах. Напомним, что до совсем недавнего времени в Крымском районе ни протомеотские, ни раннемеотские поселения известны не были. Однако, за последние десятилетия ситуация несколько выровнялась. Конечно, в первую очередь, благодаря развернувшимся масштабным новостроекальным работам, позволяющим исследовать памятники широкой площадью. На данный момент мы располагаем данными уже о двух протомеотских поселениях – «Железнодорожное 1» и «Первомайское», информация о которых появляется в печати в самое ближайшее время. С исследованием поселения «Неберджай 1» меотская археология получает дополнительные сведения о культуре оседлых варваров в предскифское время.

Если же говорить о меотах, то в Западном Закубанье слои ассоциированные с ними вскрыты на таких поселениях как «Виноградный 1», «Красное» (Шевченко, 2004. 2013; Иванов, Сударев, 2015), а так же «Посегун»¹, «Железнодорожное 1»² и «Первомайское»³. Все они – довольно однотипные поселенческие структуры сельскохозяйственной направленности с множеством различных объектов, жилищами, следами кустарного производства. Возникают они в основном на рубеже VI-V вв. до н.э.,

и лишь поселение «Железнодорожное 1» основанное в середине VI в. до н.э., маркирует момент выдвижение меотов из глубинных районов Кубани на Запад. Хронология и материальное наполнение раннемеотского пласта поселения «Неберджай-1» как нельзя лучше вписываются в эту историческую картину.

Есть и еще один момент, который, вне всякого сомнения, любопытен, но прежде чем его коснуться, надо обратить внимание на место расположения описываемого здесь памятника. Поселение находится в самом устье неширокой Неберджаевской долины, тянущейся в меридиальном направлении вдоль русла реки Неберджай, у её северного края, упирающегося в реку Адагум. Далее на юг идут лесистые горы, где меотские памятники отсутствуют. В 2015 г. одним из авторов этих строк, всего в 7 км южнее поселения «Неберджай 1», фактически в прямой видимости, был раскопан курганный некрополь V в. до н.э. «Вышка-1» (Иванов, 2018), принадлежащий варварам круга некрополей Анапы-Новороссийска. В наиболее раннем комплексе некрополя, в составе инвентаря находился акинак, форма которого идентична образцам мечей конца VI – начала V в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 17; Лимберис, Марченко, 2012. С. 54). Соответственно этим временем и датируется начало функционирования курганного некрополя. И вот примечательный факт – приблизительно тогда же прекращается жизнь на раннемеотском посе-

¹ Раскопки Ларенка П.А. в 2010 г.

² Раскопки Сокова В.П. в 2012 г.

³ Раскопки Иванова М.В. в 2015 г.

лении «Неберджай-1». У нас нет убедительных доказательств того, что два этих события непременно связаны напрямую между собой – следы агрессии среди материалов поселения не были выявлены. Однако, одновременное появление

на одной локации нового населения, и уход старого, по нашему разумению, факт, который, пожалуй, говорит сам за себя. Впрочем, взаимоотношения варваров черноморского побережья с меотами – тема уже следующих работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.В. Курганный некрополь «Вышка-1»: погребальный обряд, хронология и место памятника среди древностей Северо-Западного Кавказа V в. до н.э. //XXXКрупновские чтения. Карачаевск. 2018. С. 189-191.
2. Иванов А.В. О погребениях предскифского времени из раскопок курганной группы «Фурожан-3» //Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2013. С. 150-153.
3. Иванов А.В., Сударев Н.И. Поселение «Красное 1» // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар. 2015. С. 107-114.
4. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI-V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар. 2012. 316 с.
5. Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Новые протомеотские комплексы Закубанья (могильник Железнодорожный-2) // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014. С. 165-181.
6. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов. 2003. 325 с.
7. Смирнов. К.Ф. Вооружение савроматов. МИА №101. М. 1961. 162 с.
8. Шевченко Н.Ф. Виноградный 1 – поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь. 2004. С. 414-419.
9. Шевченко Н.Ф. Культовые сооружения типа ботросов на поселении Виноградный-1 // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар. 2013. С. 97-113.
10. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // The Athenian Agora. Vol. XII. Princeton, New Jersey. 1970.

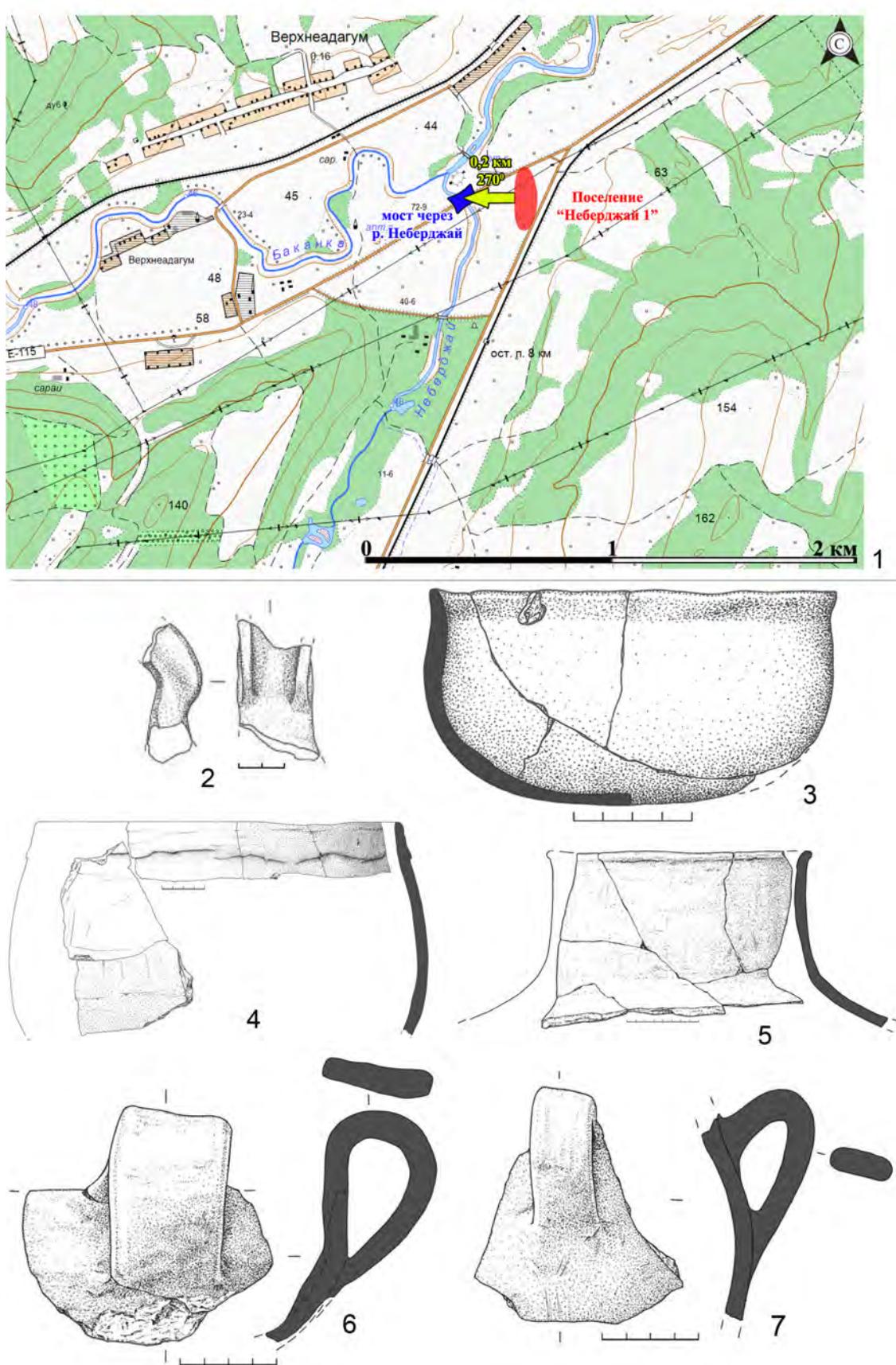

Рис. 1. 1 – Расположение поселения «Неберджай-1»; 2-7 – фрагменты керамических сосудов.

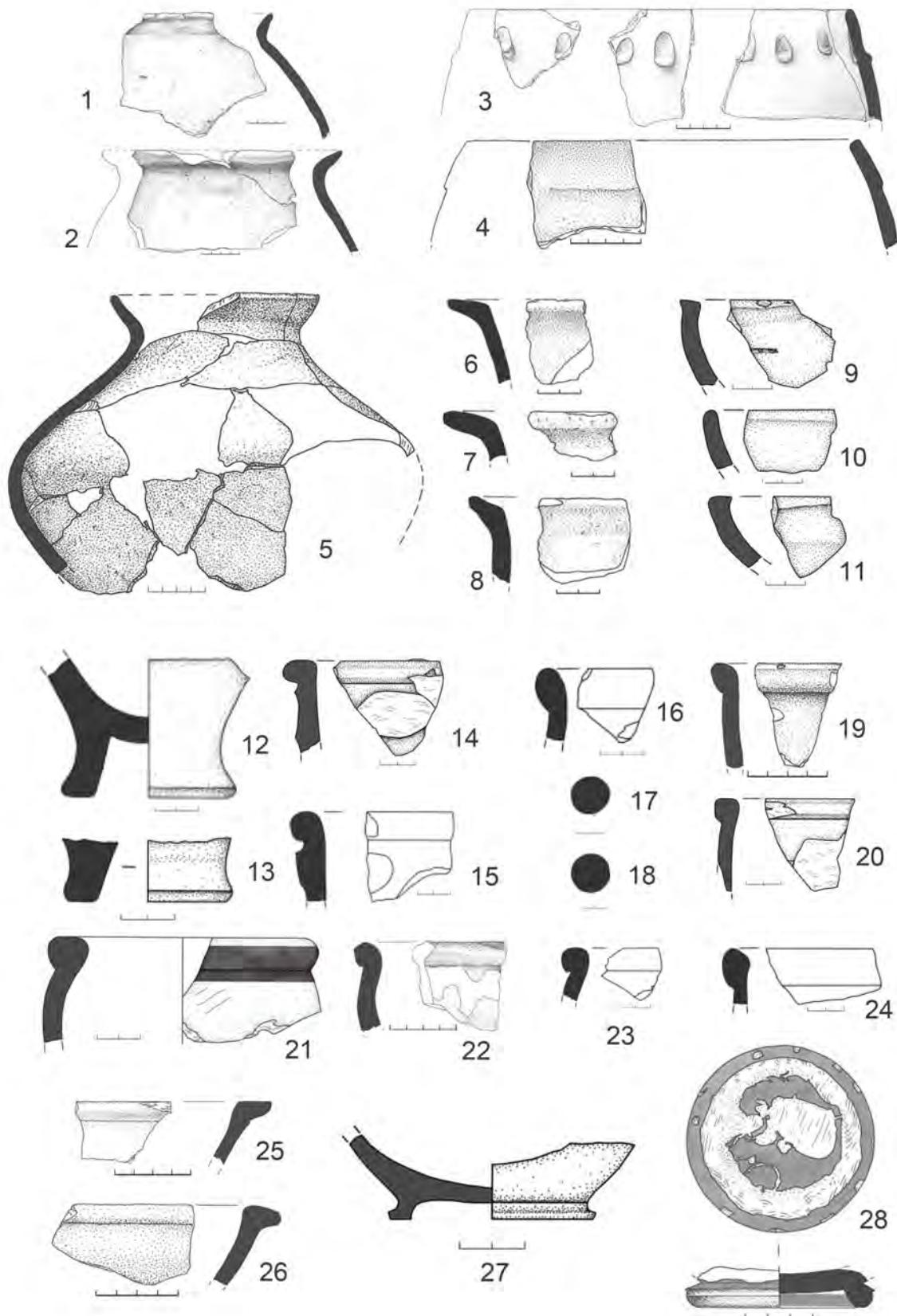

Рис. 2. Фрагменты лепных горшков, амфорной керамики и кружальных сосудов.

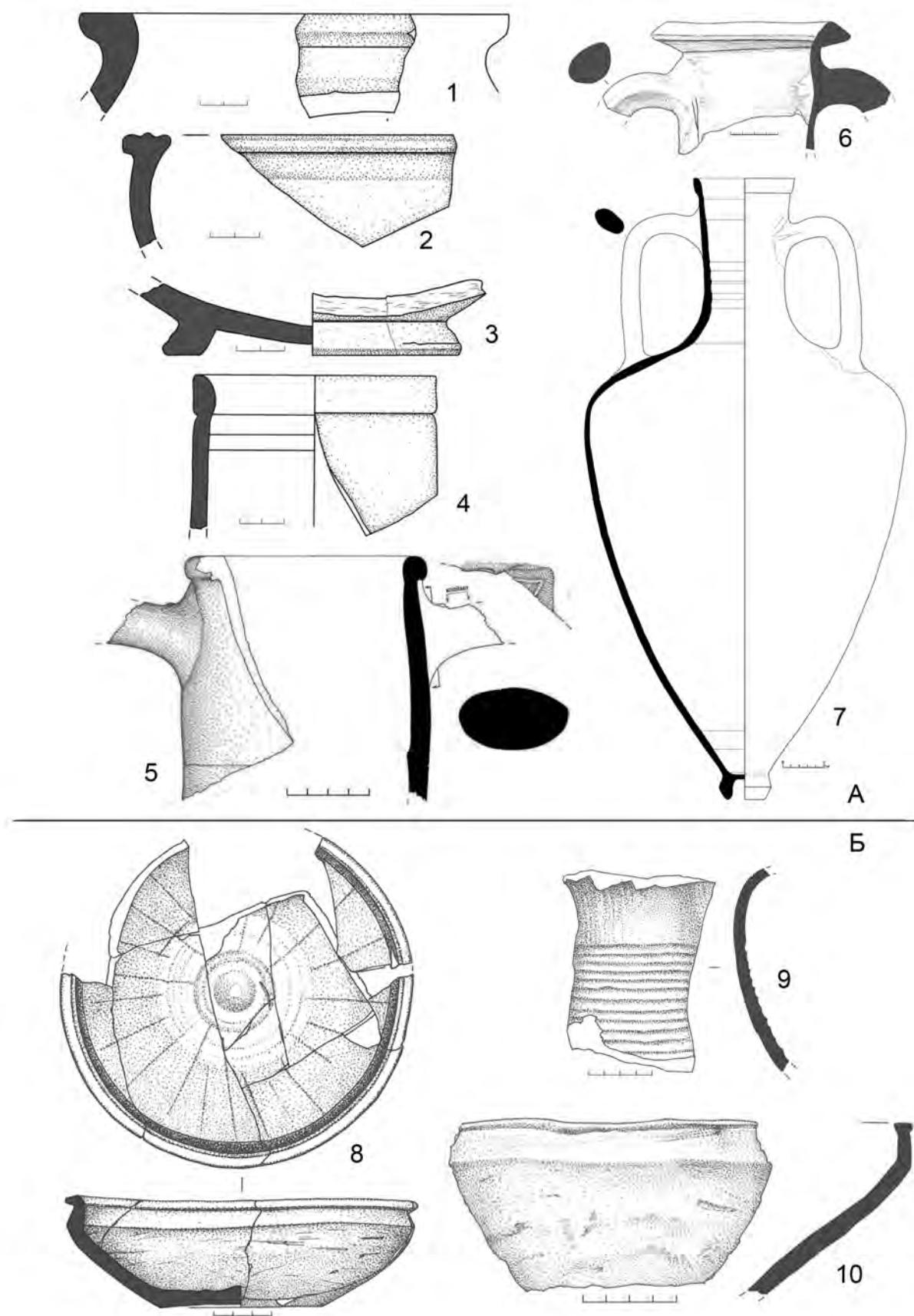

Рис. 3. А – фрагменты керамики IV в. до н.э.; Б – фрагменты керамики I-II в. н.э.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА)

С.В. Ушаков

Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)
e-mail: yshakovsv@list.ru

Керамический комплекс позднеантичного (середина IV – конец VI/начало VII вв.) Херсонеса рассмотрен на примере его северо-восточной части, исследования которого продолжаются до сего дня. Он представлен амфорами 10-15 основных типов, характерных для всего Причерноморья и Восточного Средиземноморья, краснолаковой керамикой четырёх основных типов – позднеримская C (Late Roman C – фокейская, понтийская (Pontic Red Slip Ware), североафриканска (African Red Slip Ware) и херсонесская сигилляты. Кроме того, он состоит из характерных форм простой столовой (кувшины, миски, чаши), кухонной гончарной (сковороды, кастрюли, котлы, кувшины), лепной (миски, горшки, кувшины) керамики.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, позднеантичный период, керамический комплекс, амфоры, столовая, кухонная гончарная, лепная, керамика.

Херсонес Таврический – один из трёх основных (наряду с Боспором и Оль-

вией) центров античной цивилизации в Северном Причерноморье. Позднеантичный период его истории (середина IV – конец VI/начало VII вв.) (Ушаков, 2018. С. 122-123) одновременно является переходным этапом к его средневековой истории. Хотя его историография насчитывает уже десятки работ (А.И. Айбабин, В.М. Зубарь, Л.А. Голофаст, А.В. Сазанов, С.Б. Сорочан и др.), он до сих пор является относительно малоисследованным применительно именно к Херсонесу. Хотя и опубликованы находки амфор (Антонова и др., 1971; Якобсон, 1979; Сазанов, 1989; 1991; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995), краснолаковой керамики (Романчук, Сазанов, 1991), стекла (Голофаст, 2001) и ряд керамических комплексов Херсонеса, с рассмотрением находок и аналогиями (Сазанов, 1999. С. 226 и сл.). Есть и работа с общей характеристикой херсонесского керамического комплекса (Ушаков, 2010). Для Северного и Западного районов города существуют обзорные статьи Л.А. Голо-

фаст (Напр.: Голофаст, Рыжов, 2013; Голофаст, 2007). В тоже время отсутствуют обобщающие (синтетические) работы, не решены некоторые вопросы хронологии комплексов и отдельных материалов. В настоящее время исследованы некоторые типы керамики, ранее не представлявшие до сих пор особого интереса для исследователей – лепная керамика Херсонеса, кухонная керамика с «расчёсами»).

Настоящая статья посвящена рассмотрению керамического комплекса позднеантичного Херсонеса в целом на примере комплексов Северо-восточного района города (рис. 1). Одна из особенностей этого района херсонесского городища – слабая сохранность строительных остатков, связанных с позднеантичным периодом. Однако есть гончарные печи (в I квартале и на продольной улице у базилики «Крузе»), винодельческие комплексы (в III квартале недалеко от так называемого «подземного храма» и XCVII квартале), а также многочисленные рыбозасолочные цистерны. Многие из них прекратили своё существование и были засыпаны в позднеантичное – ранневизантийское время. Наряду с засыпями колодцев их можно назвать условно-закрытыми комплексами. Это также слои напластований на городище, образовавшиеся, прежде всего как слои разрушения. Все они дают достаточно представительные и характерные керамические материалы. Они получены при раскопках не только производственных, но и жилых комплексов, а также культовых сооружений (базилик). Ряд таких комплексов открыто и исследо-

довано в последние годы при раскопках XCVII городского квартала и базилики «Крузе» (Ушаков, Струкова, 2016). Керамические находки в них имеют, таким образом, определяющее значение (наряду с нумизматическими данными), для определения их хронологии.

Амфоры (рис. 2) являются одним из самых массовых находок. Представлены разнообразными группами сосудов, основные из которых следующие.

1) Светлоглиняные узкогорлые (рис. 2, 37-41) (Зеест, 1960. С. 122. Рис. XLI, 105), в основном типы F и E по Д.Б. Шелову (Шелов, 1978. С. 19. Рис. 9, 10; эволюционная схема: Внуков, 2016. Рис. 1), практически все в небольших фрагментах, некоторые с дипинти красной краской (рис. 2, 40).

2) С воронковидным горлом (рис. 2, 36) (Зеест, 1960. С. 117. Табл. XXXVII, 906-д; Уженцев, Юрочкин, 2008). Впрочем, установить точную принадлежность этой части амфор к тем или иным типам сосудов не всегда представляется возможным.

3) Типа «мирмекийских» (рис. 2, 34) (Зеест, 1960. С. 111-112. Табл. XXX). Вероятно, это, наряду с предыдущими типами сосудов, являются одними из самых ранних в пределах IV в. (Сазанов, 2018. С. 348-349).

4) Вытянутые с так называемым двойным венчиком (рис. 2, 14-19) – Зеест-100, Делакеу, «морковки» (carotte). Производились в Синопе (район Демирджи) и получили у автора исследований наименование C Sn p I (Зеест, 1960. С. 120, XXXIX, 100, а-г; Tezgör, 1999. Р. 117-124. Fig. 9-11; Tezgör, 2010. Р. 146-

178). Подражания и реплики могут происходить из разных центров Причерноморья (Шаров, 2007. С. 171-172). В засыпи колодца в пом. 4 кв. ХCVII встречены оригинальные сосуды этого типа: одна амфора вытянутых пропорций с рифлением в нижней части (рис. 2, 15), вторая, хоть и фрагментированная, но крупного размера с округлой верхней частью (рис. 2, 12).

5) Коричневоглиняные с перехватом «Колхида» (рис. 2, 29,30) (АДСВ-71, тип I, вар. 1) (Антонова и др., 1971. С. 82-83. Рис. 1, 2; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995. С. 16-19; класс 1, тип 1, 2).

6) Тонкостенные со слюдой Зеест-95, LRA-3 (Зеест, 1960, XXXVIII, 95. С. 118-119).

7) «Амфоры-корчаги», «Газа», LRA-4 (Антонова и др., 1971. С. 84-85. Рис. 4; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995. Табл. 5-7, 22-27, класс 4); BAG 1-5, LRA-5 (Pieri D., 2007. Fig. 7. Typ 1-5).

8) Сосуды светлоглиняные с рифлением стенок типа «набегающая волна», LRA-I (Антонова и др., 1971. С. 86, 87. Рис. 10, 11, Тип. IX, X; Pieri D., 2007. Fig. 2).

9) «Истрия», LRA-2 (Антонова и др., 1971. С. 88, типы XII, XIII; Нидзельницкая, 2009. С. 259-261. Рис. 1). Довольно частая находка в Причерноморье и Эгейиде (Напр.: Orař, 1996. Pl. 8).

10) Круглодонные амфоры с рифлением тулов, в литературе получили название – АДСВ-1971, тип V (Антонова и др., 1971. С. 85; Романчук, Сазанов, Седикова, 1995. С. 24-25. Табл. 7, 8, класс 6). Вероятно, местное (херсонесское или причерноморское) производство. В Херсонесе крайне многочисленны с разноо-

бразной морфологией деталей (литература и аналогии: Сазанов, 1991. С. 61-64. Рис. 1-7).

Первые три типа сосудов бытуют в пределах III – начала V вв., остальные – IV – конца VI/начала VII вв. Отдельно стоит упомянуть амфорные крышки (рис. 4, 1-2).

Вторая крупная категория находок – краснолаковая керамика трех импортных групп: позднеримской C (Late Roman C, фокейская – из района Фокеи или подражание ей) (Hayes, 1972. С. 323-370. Fig. 65-79), понтийской позднеримской (рис. 3, 1-15) (Pontic Red Slip Ware, производство одного или нескольких причерноморских центров), североафриканской (African Red Slip Ware, Карфаген и его округа) (См.: Hayes, 1972. С. 13-299. Fig. 1-57). Обычные находки при раскопках городских слоёв Херсонеса (Романчук, Сазанов, 1991; Голофаст, Рыжков, 2000. С. 80-81). Первая из них (формы 1-2, 5-9) датируется в пределах середины V – первой половины VI вв., формы 3 – первая половина VI в., форма 4 – 3/4 V в., формы 10 – 4/4 VI в. (Hayes, 1972. P. 343-346. Fig. 71, 1,7,14). Вторая (формы 1-6) – относится к несколько более раннему времени (вторая половина IV – первая половина V вв.) или (форма 7) ко второй половине V – первой половине VI вв. (Arsen'eva, Domzalski, 2002. P. 425-428). В комплексах в целом доминирует посуда из понтийского региона, керамика из района Фокеи – вторая по численности. Впрочем, более или менее полные статистические данные привести невозможно, так как такие исследования не проводились.

Краснолаковая керамика восьми (I-VIII) типов открытых и семи (IX-XV) типов) местного производства (рис. 3, 16-21, 28, 30-41) (херсонесская сигиллята) (Ушаков, Дорошко, Дорошко, 2017) выделена по фрагментам бракованных изделий из цистерны в ХCVII квартале (Ушаков, 1997; 2004). Общие хронологические рамки бытования сосудов херсонесской сигилляты (предварительное определение) – рубеж II-III – начало V вв. Их производство могло быть закончено еще в пределах IV в. (что не исключает возобновления или продолжения и в более позднее время – речь идет о мисках первого типа и чашках второго с некоторым изменением морфологии). Некоторые находки идентифицировать, особенно по фрагментам, крайне сложно, можно лишь предполагать их понтийское производство.

Простая столовая гончарная керамика этого времени изучена, в общем плохо. Предварительно можно выделить следующие формы сосудов: кувшины (рис. 4, 3,35-43), чаши (рис. 4, 6), горшки (рис. 4, 4,5,7-31). Среди находок заслуживает отдельного внимания светлоглиняный кувшин-горшок с петлевидной ручкой, профилированной гребнем, на кольцевом поддоне с воротникообразной закраиной (рис. 4, 43). При этом закраина его была как бы сплюснута и в плане образовала неправильный овал. Необходимо упомянуть еще один интересный тонкостенный кувшин из светлой глины с ребристым шаровидным туловом, петлевидной ручкой, узким горлом и валикообразным венчиком. Поддон не сохранился (рис. 7, 1).

Обычная гончарная кухонная керамика (рис. 5, 6) представлена типичными находками: крышки, кастрюли, миски, котлы, сковороды, кувшины, в том числе с ойнохойевидный горлом – рис. 6, 27) (Аналогии: Голофаст, Рыжов, 2000. С. 83-84. Рис. 16-19). Среди них выделяется крупный сосуд – котёл с горизонтально отогнутой закраиной, профилированной тремя гребнями и двумя желобками с петлевидной фрагментированной ручкой (рис. 7, 2). Среди всех находок оригинальными выглядят сосуды (в основном плоскодонные горшки) с ленточными ручками, с подтреугольным в сечении венчиком, поверхность которых покрыта специально нанесёнными «расчесами» – разнонаправленными пучками линий, нанесённые жесткой щёткой, аналогии которым имеются в материалах Северной Адриатики, в том числе Северной Албании (Голофаст, 2018. С. 122). Есть они и в наших раскопках (рис. 5, 1, 15).

При исследовании колодца (в пом. 4) и цистерны в центре двора в квартале ХCVII найдены крупные фрагменты лепной керамики. Она представлена целыми формами трех основных групп – мисок, горшков, кувшинов, которые распадаются на ряд типов и вариантов (рис. 8) (Ушаков, Струкова, 2010. Рис. 2-11). Кроме того, из засыпи ещё одной цистерны, расположенной рядом (в пом. 8), происходят довольно многочисленные фрагменты (профильных частей более трех сотен) двух основных типов лепной керамики: 1) горшки различного размера с «воротникообразной» стоячей закраиной и округлыми стенками,

2) миски или сковороды с наклонными или вертикальными стенками, под треугольными в плане горизонтально расположеными ручками и плоским дном (рис. 8, 13-17) (Ушаков, Струкова, 2010. С. 255).

Этот характерный набор керамики (здесь не рассматривались такие специальные изделия как, например, свечильники), как можно видеть, типичен не только для Северо-восточного района Херсонеса, а для всего этого антич-

ного центра в его позднеантичную эпоху. Более того, он отражает, в основных своих частях материальную культуру всего Причерноморья и, в значительной степени и Средиземноморья. Дальнейший детальный анализ по комплексам (Напр.: табл. 1) и распределение по хронологическим этапам позволит реконструировать динамику развития культурных и торговых связей Херсонеса с этим регионом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашиута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1971. С. 81-101.
2. Внуков С.Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. Вып. 2. С. 36-47.
3. Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Африканской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 77-84.
4. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII . С. 97-260.
5. Голофаст Л.А. Штампы V-VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 135-216.
6. Голофаст Л.А. Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 68-128.
7. Голофаст Л.А. Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-А и X-Б) // МАИЭТ. 2013. XVIII. С. 49-161.
8. Голофаст Л.А. Кухонная посуда западнобалканского производства в Северном Причерноморье // МАИЭТ. XXI. 2016. С. 120-134.
9. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала X Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 78-117.
10. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. МИА. 1960. № 83. 180 с.
11. Нидзельницкая Л.Ю. Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX вв. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции. Ростов-на Дону: Медиа-Полис, 2009. С. 257-282.
12. Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск: Уральский Госуниверситет, предприятие «АВ КОМ». 1991. 55 с.
13. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Уральский университет, предприятие «АВ КОМ».1995. 110 с.

14. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. Вып. II. 1991. С. 60-72, 252-265.
15. Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. н. э. // ПИФК. 1999. VII. С. 224-293.
16. Сазанов А.В. Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и проблемы // Империя римеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. М.: Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 176-179.
17. Сазанов А.В. Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест 72 – Bottger I. 5) римского времени // Древности Боспора. 2012. Том 16. С. 321-347.
18. Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья. ХСб. 1998. Вып. IX. С. 100–109.
19. Ушаков С.В. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике // Херсонес в античном мире. Тезисы докладов международной конференции. Севастополь, 1997. С. 120-122.
20. Ушаков С.В. Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 285-296.
21. Ушаков С.В. Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г.») // МАИАСК. Вып. II. 2010. С. 7-26.
22. Ушаков С.В. О хронологии позднеантичного Причерноморья: Ольвия, Херсонес и Боспор (археологический аспект) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной конференции. Часть 2. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 121-127.
23. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Дорошко О.П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз-10») // История и археология Крыма. Вып. VI. Сборник статей / Ответственный редактор В.В. Майко. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. С. 54-93, 157-163.
24. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Комплекс лепной посуды из засыпи колодца в Северо-Восточном районе Херсонеса // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах, № 22 (сборник статей). Донецк, 2010. С. 251-258.
25. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. Вып. IV. Симферополь. 2016. С. 110-131.
26. Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.: Издательство СПб. ИИ РАН «Нестор-История», 2007. 208 с.
27. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16-21.
28. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
29. Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. 8. P. 415-491.
30. Hayes J. W. Late Roman Pottery. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge. 1972. 477 p.
31. Opaiț A. Aspecte ale vieții economice din provincial Scythia (secolele IV-VI p. Ch.). Producția cistrumică locală și de import // Biblioteca Thracologica. XVI. București, 1996. 336 p.
32. Pieri D. Béryte dans le grand commerce méditerranéen. Production et importation d'amphores dans le Levant protobyzantin (V^e-VIIe s. ap. J.-C.) // Productions et échanges dans la Syrie gréco-

- romaine. Actes du 2e colloque international sur la Syrie antique (Tours, 12-13 juin 2003). Suppl. Topoï 8, 2007. P. 297-327.
33. *Tezgör D.K.* Types amphoriques à Demirci près de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1999. P. 117-124.
34. *Tezgör D.K.* Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci. Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope // Varia Anatolica XXII. Istanbul; Paris, 2010. 95-104.

Табл. 1. Новые позднеантичные комплексы из Северо-восточного района Херсонеса: находки и хронология

№ п/п	Комплексы/ датирующие на- ходки	Амфоры	Краснолаковая керамика	Датировка									
				Понтийская позднеримская группа			Фракийская группа			Херсонес- ская си- гиллята			
V B.	VI B.	VII B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.	III-VI B.
1.	Цистерна п. 8												
2.	Цистерна во дворе												
3.	Колодец п. 4												
4.	Пом. 10, слой 5												
5.	Засыпь южного нефра												
6.	Нартекс												
7.	Цист. перед храмом												
8.	Засыпь центр. нефра												
9.	Цистерна в ц. нефе												
10.	Пом. I												
11.	Засыпь печи на пр. ул.												

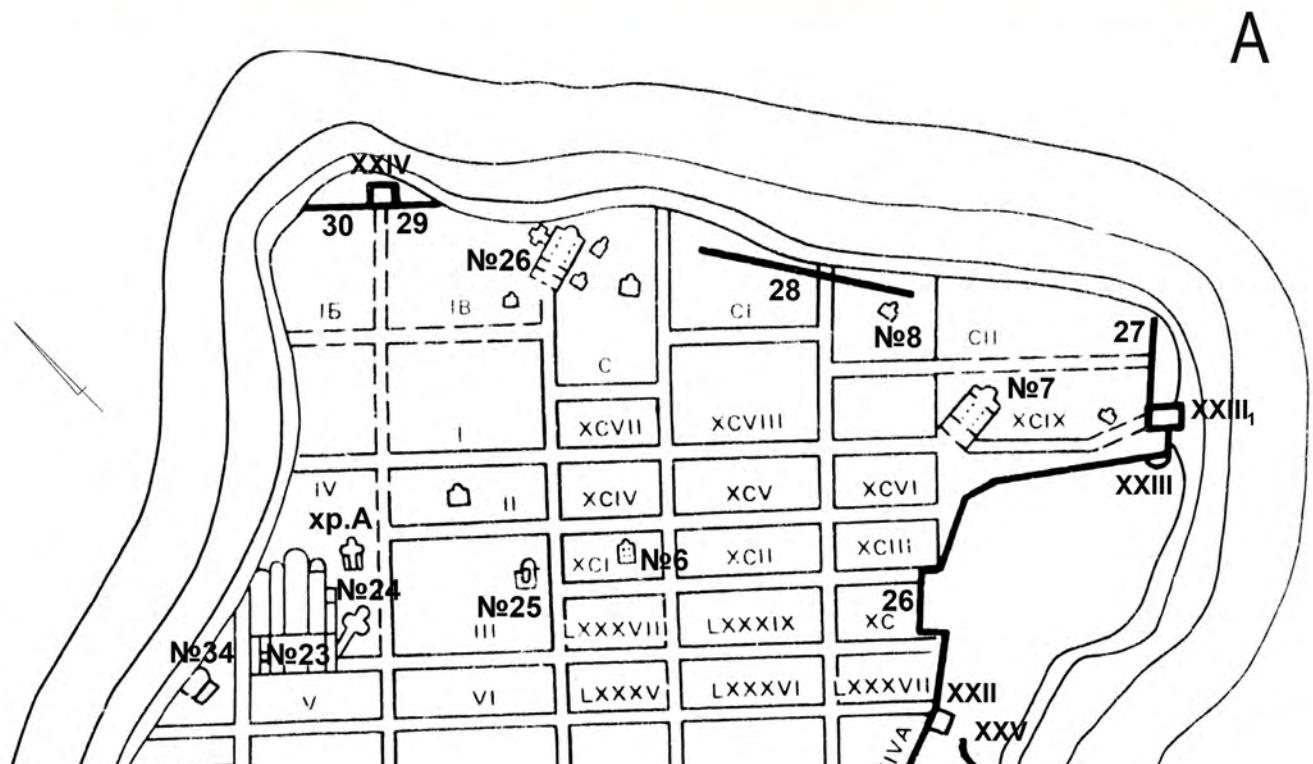

Рис. 1. Северо-восточный район Херсонесского городища. А – аэрофото (по А.И. Романчук); Б – схематический план.

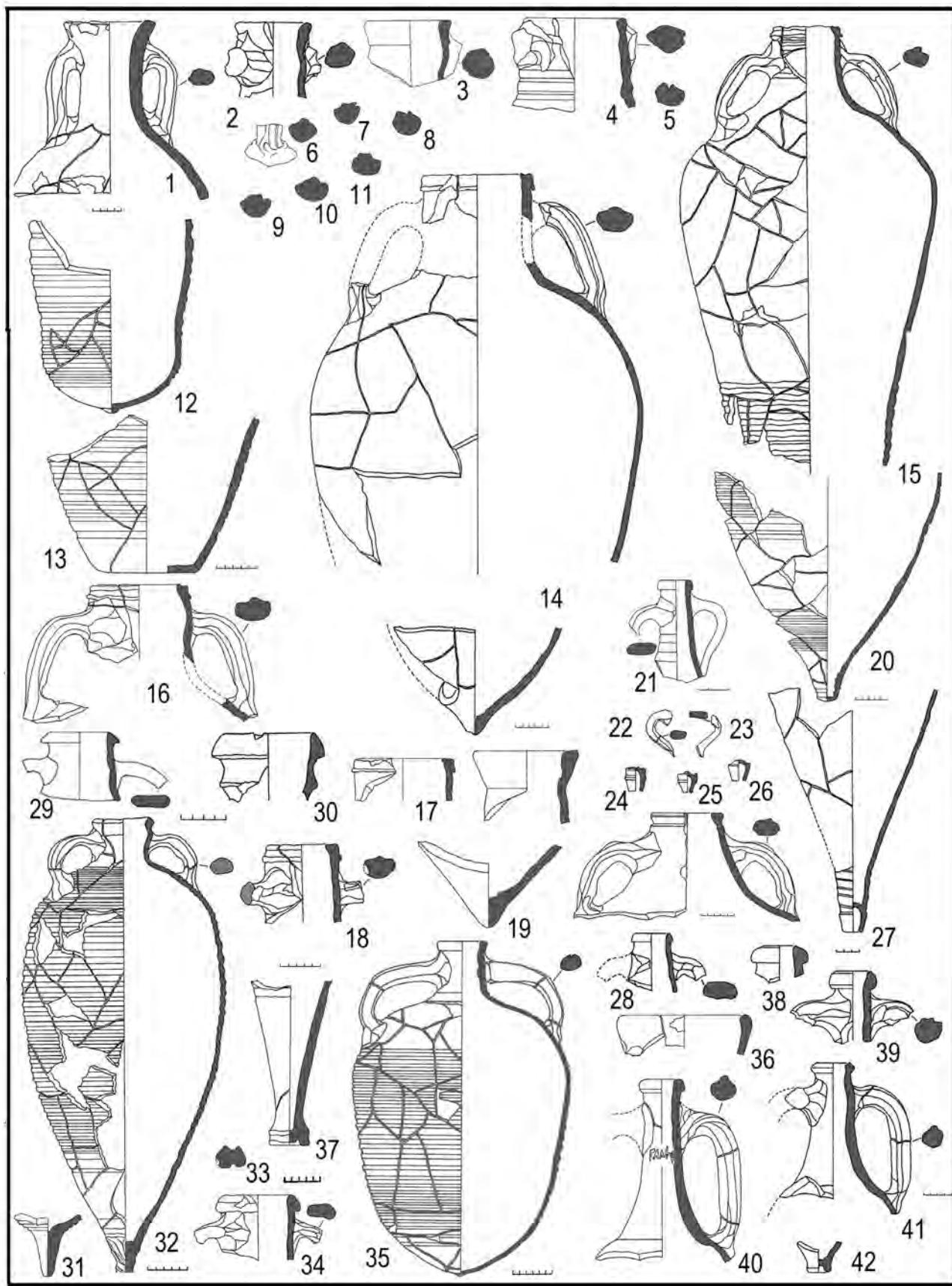

Рис. 2. Амфоры из Северо-восточного района Херсонеса (квартал XCVII).

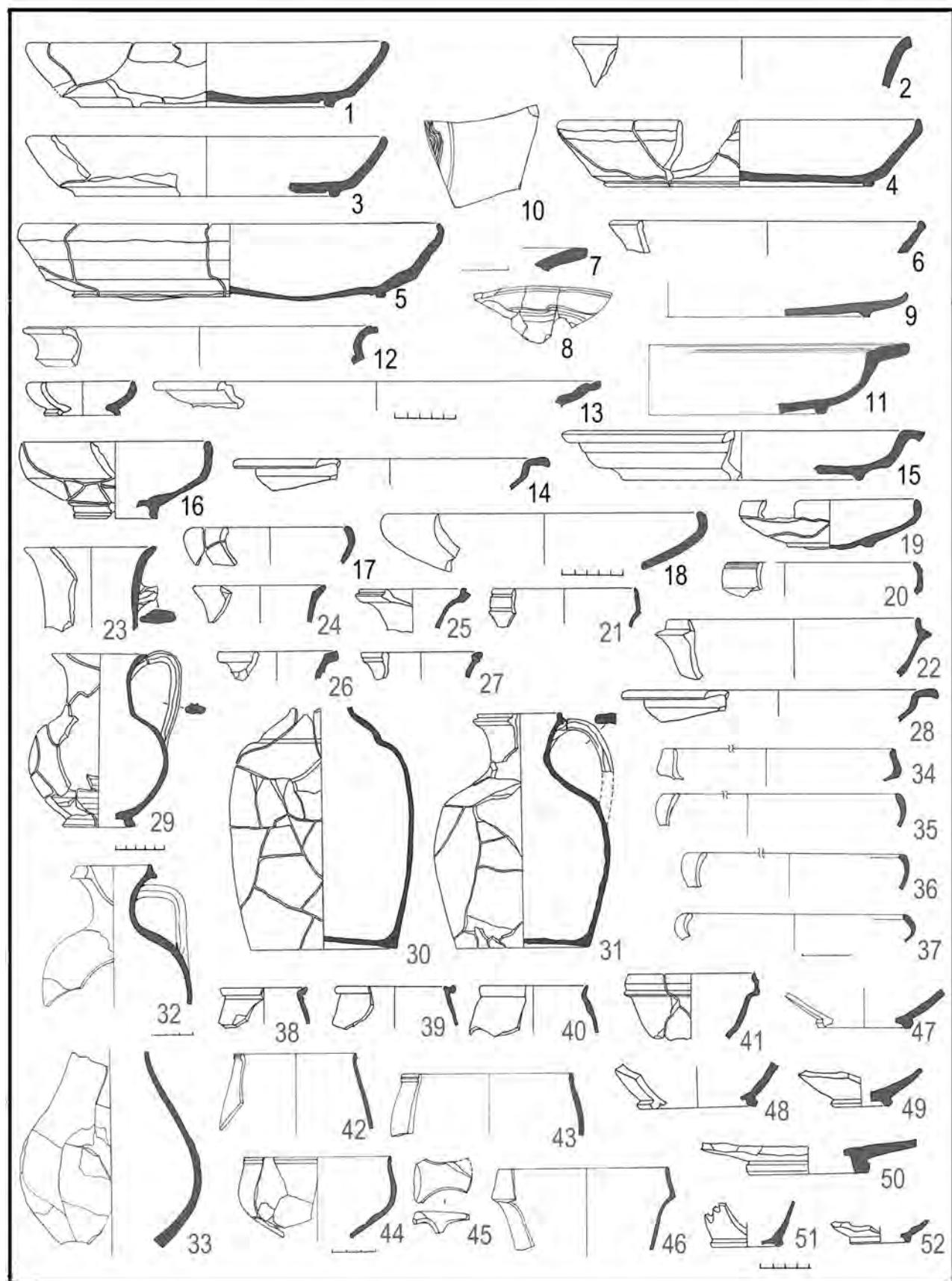

Рис. 3. Краснолаковая керамика из раскопок квартала ХCVII.

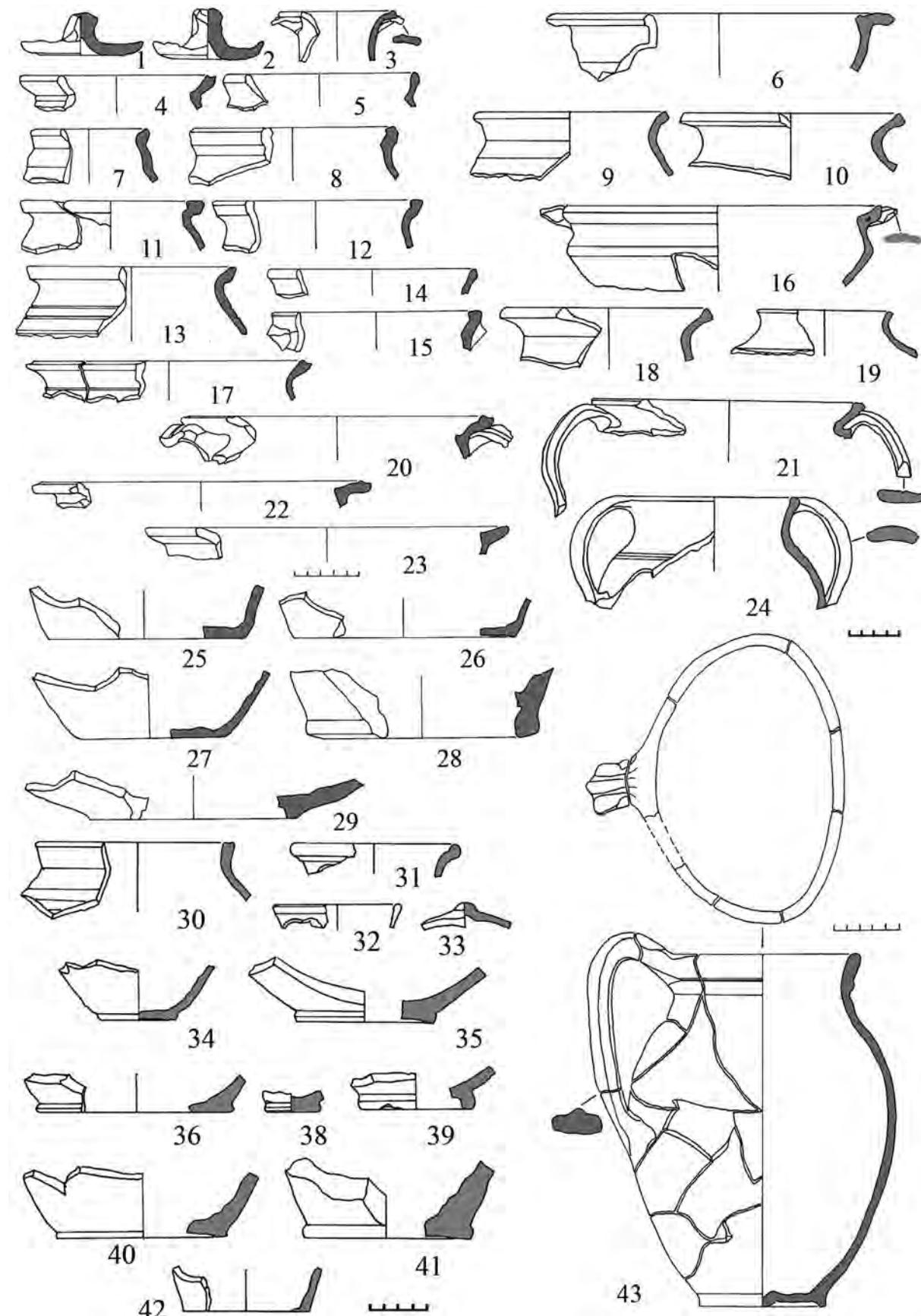

Рис. 4. Амфорные крышки и столовая гончарная керамика.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА НА АНТИЧНЫХ ПЕРСТНЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Черненко В.Г.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Исторический факультет (г. Москва)
e-mail: victoriagent.chernenko@gmail.com*

В статье на основе перстней и вставок с портретными изображениями обнаруженными на территории Северного Причерноморья было продемонстрировано развитие исторического жанра для данной категории изделий. Были выделены основные вехи жанра от формирования в эллинистическую эпоху до Римской империи. На примере описанных памятников было установлено, что камеи и инталии позволяют проследить формирование культа личности правителей в указанные эпохи, а также контакты внутри и вне региона.

Ключевые слова: перстни, геммы, глиптика, иконография, портрет

Античные перстни с металлическими щитками или резными каменными вставками пользовались большой популярностью на территории Северного Причерноморья, многие изображения повторяли монетные легенды. В основном, наиболее популярными в городах

Боспорского царства и соседних полисах были изображения на мифологическую тематику, перстни в этом случае приобретали значение амулетов (Faraone, 2011. Р. 6). Однако еще Плинт писал, что изображения на перстнях служили личными печатями владельца для закрепления документов, обозначения личных вещей и пр. (Plin. NH. 37.3.) Если изображение относилось к историческому жанру, который в нашем исследовании представлен портретом, то в этом случае они могли указывать на принадлежность к определенной группе населения, выражать лояльность к правительству, его покровительство и обещать некие льготы. Те изделия, что отличались особо крупными размерами, были однозначно знаками власти и предметами культа (Неверов, 1983. С. 75).

В архаическую и классическую эпохи религиозные изображения смертного на монетах и перстнях было под строгим религиозным запретом. Пик формиро-

вания исторического жанра приходится на эпоху эллинизма. Начиная с Александра Великого, портрет становится преимущественно прерогативой монарха, будучи тесно связанным с культовым почитанием, которым окружается личность властителя нередко еще при его жизни (Неверов, 1983. С. 70). Зарождавшийся кульп правителя сопровождался стремлением передать посредством искусства его основные достижения на политическом поприще, в военном деле.

В птолемеевском Египте государственный кульп монархов получает свое окончательное оформление и завершение. Не случайно, что бронзовые «птолемеевские» перстни составляют самую большую группу перстней с историческими сюжетами на территории Северного Причерноморья. В основном, предметы данной категории относятся к III – началу II в. до н.э. Выделяются два основных типа птолемеевских царских портретов: греческий –реалистический и египетский –идеализированный. Образцы, принадлежащие к первой группе, благодаря их иконографическим характеристикам обычно датируются с высокой степенью точности (Неверов, 1974. С. 111). В ходе археологических исследований античных поселений были обнаружены в основном перстни с женскими портретами на щитках. Арсиноя II и Береника I были первыми женщинами античного мира, изображенными на монетах. Птолемеевским царицам поклонялись как новым воплощениям прежних, традиционных богинь – Деметры, Афины, Афродиты (Spier, 1989. Р. 23-24, Fig. 11.). Особой популярностью

в Северном Причерноморье пользовались портреты Арсионы III Филопатор и на них же, где-то в начале II в. до н.э., эта серия обрывается (Неверов, 1974. С. 114). Было установлено, что большая часть перстней, обнаруженных в ходе раскопок поселений и некрополей Северного Причерноморья от Пантиканея, Фанагории (Финогенова, 2001. С.164) и Горгиипии до Херсонеса (Краснодубец, 2018. С.106–110) и Ольвии происходит из египетских мастерских (Трейстер, 1985. С. 130).

Существует несколько точек зрения, объясняющих распространение «птолемеевских» перстней в регионе. М.Ю. Трейстер отмечает, что бронзовые перстни и изображения на них играли роль политической пропаганды. Известно, что при дворе Птолемеев был распространен обычай дарить перстни с портретами царя. Владелец перстня с портретом царя или царицы, таким же, как на монетах, получал привилегии (Трейстер, 1985. С. 137-138). Первоначально владельцами могли быть торговцы и мореплаватели, люди посодействовавших транспортировке зерна, в которой были заинтересованы Птолемеи. У новых богов, обожествленных властителей Египта, они искали, прежде всего, реального покровительства. Почитание птолемеевских цариц в качестве покровительниц мореплавания, по-видимому, объясняет преобладание женских портретов (Неверов, 1974. С. 112). Появление подобных перстней за пределами Боспора, который участвовал в экспорте хлеба, можно объяснить пытками Птолемеев добиться аналогичных соглаше-

ний (Ладынин, 2007. С. 243-244.). С другой стороны предметы могли попасть в полисы вместе со своими владельцами, например неизвестно, мог ли Танаис, на раннем этапе своего существования, входить в систему хлебных поставок III в. до н.э. Однако находки на городище и некрополе свидетельствуют о том, что город уже с этого времени получал товары привезенные из Боспорского царства и других производственных центров Причерноморья и даже Средиземноморья (Шелов, 1963. С. 119).

Использование своего портрета в качестве идеологического инструмента не обошло стороной и правителей Боспорского царства. Сперва монеты копируют монету с изображением Александра Македонского, а затем появляется и первый портрет местного правителя, им стал Митридат III (Mørkholm, 1991. Р. 131). Митридат VI Евпатор, который был ценителем глиптики и владельцем известной коллекции резных камней не мог не оставить на подобных изделиях своего портрета (Неверов, 1984. С. 239 Табл. CLXI. 11, 16 Табл. CLXVI. 15). Чекан монет и изготовление перстней с его изображением также должно было упрочить авторитет и силу основного соперника Рима в Северном Причерноморье (Зограф, 1951. С. 186).

С концом эллинизма, после падения последней самостоятельной монархии эллинизма – державы Птолемеев в 30 г. до н.э., исторический портрет на перстнях не исчезает. Римская империя стала наследницей традиций эллинистических царей. Преемственность монархического культа эпохи эллинизма

в Римской империи обнаруживается необычайно отчетливо. Восприняты были не только художественные формы, но и обрядовая сторона культа властителя. В Риме Цезарь оказался первым, кто воспользовался греческим обычаем помешать свой портрет на монеты и перстни еще во время правления. То же самое делали Август и его последователи, поэтому ряд римских императоров нам хорошо знаком (Хафнер, 1984. С. 312). На территорию греческих полисов Северного Причерноморья изображения обожествленных императоров, часто повторяющие монетные легенды, попадают с расширением территории империи и размещением гарнизонов в регионах (Горбунова, 1979. С. 132). Помимо перстней пришедших непосредственно из Рима, исследователи находят изделия выполненные рукой местных резчиков. При сравнении становится заметно отличие памятников изготовленных в боспорской мастерской, иконография которых более обобщенная (Максимова, 1937. С. 79). Однако портреты римских императоров не вытесняют изображения местных правителей. Боспорский царь Савромат II смог добиться выгодных соглашений с Римом (Гайдукевич, 1949. С. 335-337; Масленников, 1990. С. 110.), а потому мы встречаем его портрет на перстне в Херсонесе (II в. н.э.) (Щербакова, 1986. Д. 2746/ II. Л. 66, № 196) и на монетах (Казанова, 1969. С. 157).

Таким образом изображения на перстнях с одной стороны отражают этапы развития античного портрета, а с другой косвенно свидетельствуют об историче-

ских процессах и реалиях того времени, когда появилась необходимость нанесения портрета правителя на личные предметы. Изделия стали следствием и подтверждением особой роли культа личности в государствах в эллинистическую и римскую эпохи, новое политическое устройство которых должно было подкрепляться идеологией направленной на восхваление правителя. Не слу-

чайно именно с IV в. до н.э. портрет правителя или его обожествленного предка становится важным элементом монетной легенды. Эллинистические правители, через свои изображения на камнях и монетах демонстрировали свое божественное происхождение, что, безусловно, носило пропагандистский характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. – Л.: Изд –во АН СССР, 1949. – 624 с.
2. Горбунова К.С. Из истории Северного Причерноморья в Античную эпоху. Сборник статей .Л.: Аврора, 1979. – 132 с.
3. Зограф А. Н. Античные монеты. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 308 с.
4. Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику. М.: Изд–во Московского Университета, 1969. – 304 с.
5. Краснодубец Е. М. Эллинистические египетские перстни–печати и их отиски из Херсонеса Таврического и его хоры // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко–культурном пространстве античного мира. СПб, 2018. С. 105-112.
6. Ладынин И. А. Еще раз о перстнях птолемеевского типа из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э. // Древности Боспора, № 11. – М.,2007. С. 235-252.
7. Максимова М.И. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ, № 1. – М.: Наука 1937. С. 251-261
8. Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука, 1990. –230 с.
9. Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ, № 1. – М.: Наука,1974. С. 106–115
10. Неверов О.Я. Геммы античного мира. М.: Наука, 1983 –162 с.
11. Неверов О.Я. Металлические перстни и печати Античные государства Северного Причерноморья / Серия: Археология СССР. Т. 9. М.: 1984. С. 239-240
12. Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ №1. – М.: Наука, 1985. С. 126–139
13. Финогенова С. И. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 164–167
14. Хафнер Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе. М.: Прогресс, 1984 –314 с.
15. Шелов Д. Б. Экономическая жизнь Танаиса. Античный город / АН СССР. ИА. М.: Изд–во Академии наук СССР, 1963. С. 115 – 131
16. Щербакова В. С. Каталог античных печатей Херсонеса // НА ГМЗ ХТ. 1986. Д. 2746/ II. Л. 66, № 196.
17. Faraone C. A. Text, Image and Medium. The Evolution of Greco–Roman

18. Magical Gemstones. Gems of Heaven: Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity c. AD 200–600. London, 2011. pp. 50–62.
19. Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamaea (336–188 BC). Cambridge University Press, 1991. –348 p.
20. Spier J. Group of Ptolemaic Engraved Garnets – Journal of the Walters Art Gallery Vol. 47. Baltimore, 1989. pp. 21-38

Рис. 1

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ И ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТИЧНОЙ КУХОННОЙ КЕРАМИКИ МИРМЕКИЯ

Е.В. Четверкина

Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)
e-mail: vilgelmina_@mail.ru

В данной работе представлены результаты исследования минералогического и химического состава теста кухонных сосудов, представляющих собой массовый материал, из раскопок Мирмекия 2016-2018 гг¹. Анализы проводились в Центре микроскопии и микроанализа СПбГУ под руководством С.Ю. Янсон. На основании лабораторных данных были выделены петрографические группы керамики. С помощью метода главных компонент были выявлены группы по химическому составу. Ряд групп уверенно связывается с местным производством.

Ключевые слова: Мирмекий, керамика, кухонные сосуды, микроскопия, микроанализ, химический состав, производство

Данное исследование было выполнено автором в рамках научного проекта № 10635 «Исследование минерального и химического состава глин античной ку-

хонной керамики городища Мирмекий»² в образовательном ресурсном центре микроскопии и микроанализа СПбГУ под руководством работников центра и заведующей Светланы Юрьевне Янсон.

Целью работы было поставлено выявление в общем массиве образцов кухонной керамики изделий местного производства и привозной продукции. Она осуществлялась путем выполнения следующих задач: предварительное изучение образцов при помощи стереомикроскопа Leica M205 и получение цветных изображений глины и ее включений, исследование химического состава глины и включений, определение минерального состава с помощью электронно-растрового микроскопа Hitachi TM 3000 с более сильным увеличением (до 8000 раз), выделение групп исходя из минерального состава и сравнение с образцами местной необожженной глины и результатами подобных исследований античной керамики других центров.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственного задания № 0184-2019-0010.

² Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственного задания № 0184-2019-0010.

В исследовании было задействовано 49 образцов античной керамики, из раскопок 2016-2018 гг. городища Мирмекий (АР Крым, г. Керчь) Мирмекийской экспедицией Государственного Эрмитажа. Основной массив образцов представлен фрагментами кухонных сосудов – кастрюль, горшков, сковород и крышек, как кружальных, так и сформованных вручную и доработанных на гончарном круге (рис. 1-4). Также в выборку были включены фрагмент кувшина т.н. «боспорской глины» (красная с белыми включениями глина, из которой выполнена большая часть нерасписной столовой керамики, считающаяся исследователями местной) и фрагмент лепного горшка с отогнутым венчиком, орнаментированным округлыми вдавлениями. Дополнительно также привлекались образцы необожженной глины, собранной из разных мест и геологических пластов на территории и в окрестностях г. Керчь. Непосредственно образцами для лабораторного анализа являлись необработанные шлифы, снятые с керамических сосудов.

Для получения представления о химическом и минеральном составе местных глин для сравнения с готовыми керамическими изделиями были взяты три пробы с территории и окрестностей Керчи: недалеко от современного кирпичного завода из оврага ($45^{\circ}22'15.8''\text{N}$ $36^{\circ}27'59.4''\text{E}$ – образец № 1), из верхнего и нижнего слоев берегового обрыва Азовского моря у с. Юркино ($45^{\circ}25'31.3''\text{N}$ $36^{\circ}33'45.5''\text{E}$ – образец № 2 и № 3 соответственно).

Образец № 1 (рис. 5, 1) представляет собой коричневую рассыпчатую глину,

сложенную из частиц кварца и глинистых минералов (около 100 мкм, крупные – до 300 мкм), однородную, с единичными включениями мелкой серой гальки и полевого шпата белого цвета, содержит мелкие (500 мкм) включения ракушки, часто встречаются зерна слюды (крупные – 250 мкм; мелкие – 50 мкм и меньше) и зерна минерала марганца (пиролюзит?) с примесью железа, кобальта и никеля (крупные – 300 мкм, мелкие – 100 мкм и меньше). Единично зафиксированы гидроксиды и оксиды железа (около 100 мкм).

Образец № 2 (рис. 5, 2). Коричневая глина, насыщенная мелкими ракушками и мелкой галькой, с отпечатками крупных ракушек, очень запесочена, очень мало глинистых минералов. Содержит мелкие редкие включения гидроксидов железа и мелкие включения органики, часто встречаются мелкие черные включения – зерна минерала марганца (пиролюзит?) 50 мкм и меньше, редкие экземпляры достигают 150 мкм) и мелкие частицы слюды (средние – 150 мкм, мелкие – 50 мкм и меньше).

Образец № 3 (Рис. 5, 3). Темно-серая глина плотная с мелкими блестками (гидрослюды?), без видимых невооруженным глазом включений. При исследовании микроскопом выявлены мелкие (до 1 мм) включения ракушки, редкие мелкие включения сульфита железа (марказит? пирит?) и частиц слюды.

По составу минералов и органических включений выделено 8 групп (рис. 6), из них первые три группы (Группа 1, Группа 2, Группа 3) наиболее близки по характеристикам к керченским гли-

нам, относящиеся к ним сосуды могут считаться продукцией местного производства.

Первостепенным критерием для выделения местной керамической продукции являлось наличие в тесте ракушек и/или их следов, содержание кальция в глине от 8 % и выше (исходя из характеристик местных образцов глины). Далее выделение групп происходило непосредственно исходя из выявленного минерального состава образцов. В целом набор небогат: кварц, полевой шпат, очень редко – слюда, ильменит, циркон, апатит. В кухонных сосудах слабого обжига присутствуют мелкие включения разрушенного минерала марганца (пиролюзита?).

Также следует отметить, что в процессе археологизации фрагментов керамики в глиняном тесте появляются новые составляющие, не присутствовавшие в момент изготовления и проникшие в силу пористости структуры глины позже – низкотемпературные минералы, растения и бактерии. Так, в большинстве образцов были встречены скопления и зерна барита, реже – арагонит, представленный сложными кристаллическими структурами и сферолитами.

Группа 1.

К ней были отнесены образцы № 2, 5, 8, 9, 28 (36), 37, 50, представляющие собой фрагменты лепной кухонной керамики и сформованных вручную сосудов, доведенные на гончарном круге. В группу входит и лепной горшок с отогнутым венчиком, украшенном вдавлениями,

имеющий аналогии среди скифских судов (образец № 9). Данная керамика, изготовленная при невысокой (до 700–800°) температуре обжига, сохранила в себе многочисленные включения органической примеси: мелкой ракушки, остатки и следы растений и моллюсков, остатки которых оставались, видимо, на стенках раковин, они были встречены также и при проведении полиполяризационного анализа некоторых образцов группы¹. Также встречаются из-за невысокой температуры обжига в ряде образцов остатки разрушенного минерала марганца (пиролюзит?), присутствие которого зафиксировано в образцах местной керченской глины. Очень редко зафиксированы мелкие зерна апатита и рутила.

Группа 2.

К данной группе были отнесены образцы № 3, 6, 10, 12.

Глина данных образцов содержит мало включений, преимущественно мелкие включения гидроксидов железа. Во фрагменте кувшина (образец № 3), являвшийся своеобразным «эталоном» группы, нет включений ракушек, но в некоторых местах шлифа присутствовал фосфор и повышенное содержание кальция, возможно, это «следы» от выгоревших органических остатков моллюсков, оставшихся на раковинах и самих ракушек. В остальных образцах редко встречаются мелкие включения ракушки и кварца. В общем, по сравнению с Группой 1 образцы Группы 2 явно более качественны и обжигались при

¹ Был проведен сотрудником Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН к.х.н. Е.Ю. Медниковой, результаты анализы были подробно освещены в магистерской работе автора статьи.

более высокой температуре, тем не менее присадка одинаковая: толченые раковины с остатками моллюсков.

Группа 3.

Сюда входят образцы № 4, 15, 18, 21, 22, 26, 45, 49, 51. Все фрагменты сосудов, отнесенных к этому типу, содержат многочисленные крупные включения полевого шпата (как натрий-кальциевого, так и калиевого) и кварца, очень редко встречаются зерна ильменита, циркона, рутила, слюды аннит-флогопитового ряда. Как и у образцов Групп 1 и 2, встречаются отпечатки раковин и остатки разрушенного минерала марганца (пиролюзит?). Единично зафиксированы мелкие включения апатита, циркона и ильменита, слюда аннит-флогопитового ряда.

Группа 4.

К ней можно отнести образцы № 1 (25), 14, 16, 20. Глина данных образцов отличается от других повышенным содержанием крупных и мелких включений оксидов и гидроксидов железа. Даные соединения присутствуют фактически повсеместно как в природе в целом, так и в отложениях глины. Но их концентрированное содержание в данных фрагментах все же заметно выделяется в ряду прочих, и, возможно, является следствием разрушения минералов железа/титана/марганца в процессе обжига и/или археологизации керамики. Редко встречаются включения кварца и плагиоклаза.

Группа 5.

К данной группе относятся образцы № 7, 13, 17, 19, 23, 27, 33, 38, 39, 44, 46, 47. Глина этих сосудов содержит многочис-

ленные включения аннит-флогопитовой слюды, крупные частицы полевого шпата (как натрий-кальциевого, так и калиевого) и прозрачного кварца. В некоторых образцах встречены единичные мелкие включения рутила, ильменита, магнетита, фосфата тория (минерал ряда торит/черамит/броккит), циркона, ксенотима.

Группа 6.

Сюда входят образцы № 11, 24, 34, 40, 41, 42, 43, 48. Критерием для выделения данной группы являлось наличие в тесте минералов из ряда пироксенов (авгита (?), амфибала (?), диопсида, гиденбергита). Также в образцах часто встречаются полевой шпат и кварц. Единично встречены у образцов группы мелкие включения циркона, ксенотима.

Группа 7.

К ней относится всего один образец № 29. По своим характеристикам он находится между Группами 4 и 5. В глине фрагмента содержатся многочисленные включения оксидов и гидроксидов железа, реже – слюда аннит-флогопитового ряда и кварц, единично встречены ильменит, рутил и калиевый шпат.

Группа 8.

К данной группе относятся образцы № 30, 31, 32, 35. Глина кухонных сосудов, выделенных в эту группу, содержит минералы титана (титаномагнетит, рутил, ильменит), в некоторых содержатся также цирит (цирианит?), монацит, плагиоклаз, редко – слюда аннит-флогопитового ряда.

По итогам исследования можно заключить, что среди 49 образцов изученной керамики 20 фрагментов было отне-

сено к местной продукции, 29 – к привозной посуде. При этом следует отметить, что предварительные определения, данные при визуальном осмотре керамики, в большинстве случаев подтвердились лабораторными исследованиями.

Группы 1-3, несмотря на четкие критерии разделения, тем не менее имеют сходные черты, иные образцы были распределены по группам с некоторым затруднением, что является нормальным для керамики одного региона со сходными геологическими условиями. То же, возможно, касается и групп привозной керамики, которые предположительно представляют собой продукцию греческих центров Малой Азии, преимущественно – Ионии, за исключением Группы 6, возможно, представляющей керамику городов Южного Причерноморья (Синопа, Гераклея). Данные определения районов происхождения привозной кухонной керамики найденной в Мирмекии, проводятся на следующих основаниях. Во-первых, на основе устоявшихся наблюдений, сформировавшихся в науке: содержание крупных включений слюды свойственно для керамики городов Ионии, примесь минералов из ряда пироксенов (авгита) указывает на южнопричерноморский регион. Во-вторых, учитывались и результаты проведенных исследований петрографии керамики (например, Приены, Милета и Эфеса – Amicone, Fenn, Heinze, Schneider, 2014; Aydemir, 2005; Steskal, La Torre, 2008).

Для выделения групп кухонной керамики по происхождению также был проведен анализ химического состава глины образцов. С каждого шлифа было

взято несколько «точек» (от 2 до 7), для каждого образца были получены усредненные показатели. Систематизация данных проводилось методом анализа главных компонент, реализованного в пакете программы Statistica 12 (<http://statsoft.ru/home/textbook/default.htm>).

Результаты анализа были визуализированы в виде диаграммы рассеяния, где в осях графика отражены процентный состав химических элементов (Рис. 9). Горизонтальная ось графика (ГК 1) несущая в себе 22,91% общей изменчивости показывает содержание оксида кальция, оксида алюминия Al_2O_3 (глинозема) и оксида кремния SiO_2 (кремнезема). В данных значениях наблюдается следующая закономерность: образцы, относимые визуально и по петрографии к местной кухонной керамике, концентрируются в основном в правой половине графика, в той же плоскости располагаются и точки значений образцов керченской глины. Другими словами, керамика местного производства имеет высокие показатели оксида кальция и несколько меньшее содержание глинозема и кремнезема. В то время как образцы привозной (предположительно) продукции, демонстрируют противоположную тенденцию.

По вертикальной оси отражена вторая главная компонента (ГК 2) несущая в себе 14,91% общей изменчивости признаков. Ось отражает увеличение содержание оксида калия (K_2O) и уменьшение содержания оксида титана (TiO_2) в глине. По вертикальной оси объекты распределились образуя несколько сгущений. Данные сгущения формируют образцы петрографической группы 5 и 6, кото-

рые близки и частично пересекаются. Отдельные образцы группы 6 находятся в правой верхней четверти графика, что объясняется повышенным содержанием кальция в данных сосудах, но все же основной критерий выделения данной группы – наличие минералов ряда пироксенов, и в образцах «местных групп» и керченских глин они не обнаружены. Внутри группы 5 концентрируются точки, принадлежащие образцам Группы 4, находятся на ее периферии или пересекаются соответственно образцы Групп 7 и 8. Показатели образцов местных групп по вертикальной оси сильно варьируются без образования сгущений.

Следует отметить, что хотя строго изолированных и узко концентрированных групп выделить не удалось, основные тенденции достаточно хорошо выявляются. Также в целом вариабельность по оксидам основных элементов, содержащихся в глине, невелика. Скорее всего, это связано с несовершенством метода электронной спектроскопии, с помощью которого был сделан химический анализ, высокой степенью погрешности (1%) при слабой вариативности признаков (процента содержания оксида элемента). Как правило, в зарубежных и отечественных исследованиях его применение ограничивается петрографическим анализом, тогда как химический состав керамики определяется такими методами как флюоресцентный (XRF), нейтронно-активационный (NAA), оптическая спектрометрия (MS-OS), масс-спектрометрия (MS), в том числе и масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой (ICP-MS).

Опыт данного исследования показывает, что хотя некоторые минимальные цели типа отделения местной керамики от привозной могут быть достигнуты, выявление по конкретным центрам все же должно проводиться вышеуказанными методами.

Полученные данные подтверждают и дополняют новой информацией ранее выдвинутые гипотезы о происхождении определенных типов кухонной керамики, некоторые предположения не подтвердились.

Так, автором ранее предполагалось, что горшки с загнутым краем и ребристым туловом и сложнопрофилированные кастрюли, широко распространенные в боспорских городах в I-III в. н.э., происходят из греческих центров Малой Азии. Анализ находок этих типов из Мирмекия (образцы № 13, 14, 20, 32) подкрепляет это предположение. Кроме того, фрагменты сложнопрофилированных кастрюль были отнесены не к одной, а к нескольким группам (Группе 4 и Группе 5), что может свидетельствовать о популярности типа в разных городах регионам и производстве сразу в нескольких центрах.

Поставлено под сомнение ранее высказанное предположение автора статьи о эгинском происхождении кастрюль с длинным краем, находимых в городах Боспора (Четверкина, 2019), так как имеющийся в выборке образец этого типа (№ 1(25)) по составу близок к остальным группам привозной керамики малоазийских центров и был отнесен к Группе 4, в которой состоят упомянутые выше сложнопрофилированные кастрюли.

Неожиданно оказалось, что фрагменты гончарных горшков с крышкой с углублением по краю венчика из Мирмекия, многочисленные аналогии которым находились на поселениях Азиатского Боспора в материале II в. до н.э. в виде лепных и лепных, подработанных на гончарном круге горшков с таким же краем, происходят, по-видимому, из Ионии (образцы № 19, 33).

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что данная работа освещает предварительные результаты исследования, более подробное и скрупулёзное сопоставление полученных данных с имею-

щимися зарубежными публикациями, посвященными исследованию петрографии и химического состава античной керамики, еще предстоит в дальнейшем. Однако уже на данном этапе можно заключить, что применение естественнонаучных методов в сочетании с статистической обработкой полученных данных позволило решить ряд вопросов, а именно – отделить кухонную керамику местного, боспорского производства от привозных сосудов и определить основные тенденции по химическому и минеральному составу глиняного теста кухонных сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Четверкина Е.В. Кухонная керамика Нимфея (по материалам коллекций Государственного Эрмитажа) // Археологические вести. № 24. (Сдано в печать).
2. Aydemir A. Funde aus Milet. XX. Kochgeschirr und Küchengeräte aus dem archaischen Milet // Archäologischer Anzeiger. 2005. Bd. 2. S. 85-101.
3. Amicone S., Fenn N., Heinze L., Schneider G. Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times// Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde [electronic resource]. N. 25. 2014 P.1-27 / <http://www.fera-journal.eu> 1.04.2019.
4. Steskal M., La Torre M. Das Vediugymnasium in Ephesos / Forschungen in Ephesos. Bd. XIV/1. Vienna: Verlag Österreichischen Akademie der Wissenschaften 2008. 324 S.
5. Statsoft: электронный учебник по статистике [электронный ресурс] // StatSoft Russia. URL: <http://statsoft.ru/home/textbook/default.htm> (дата обращения 01.08.2019).

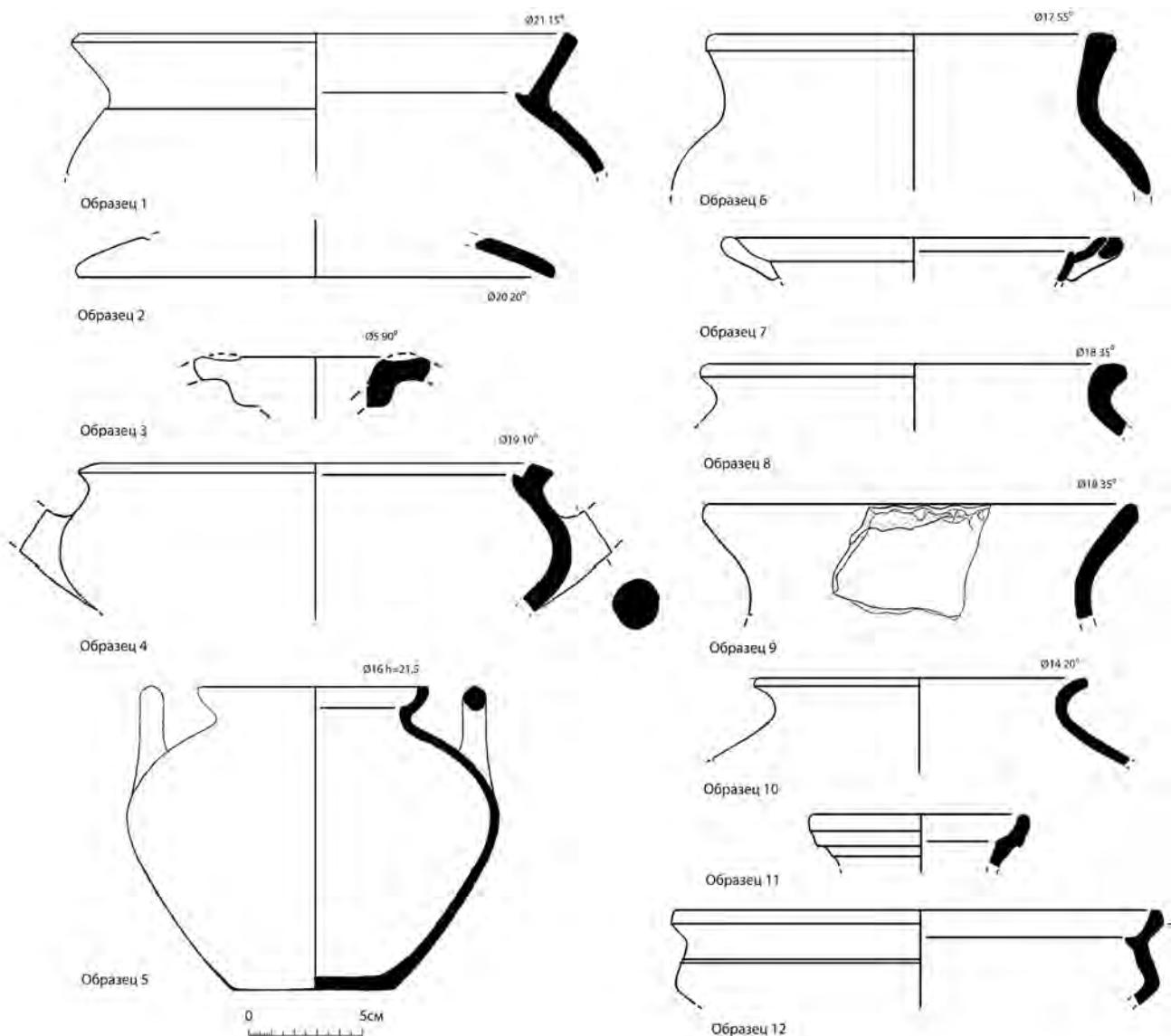

Рисунок 1. Фрагменты кухонных сосудов, участвовавших в исследовании

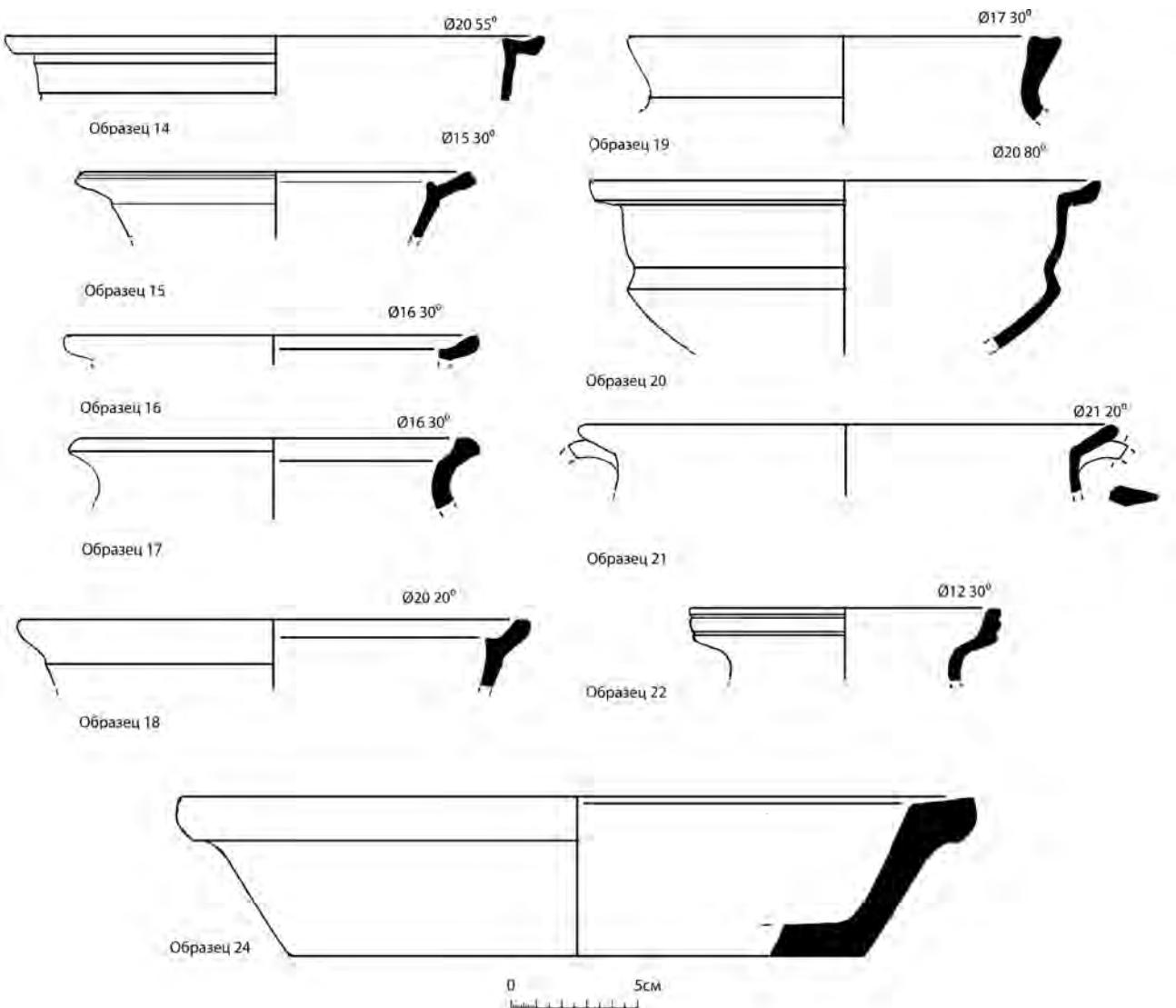

Рисунок 2. Фрагменты кухонных сосудов, участвовавших в исследовании

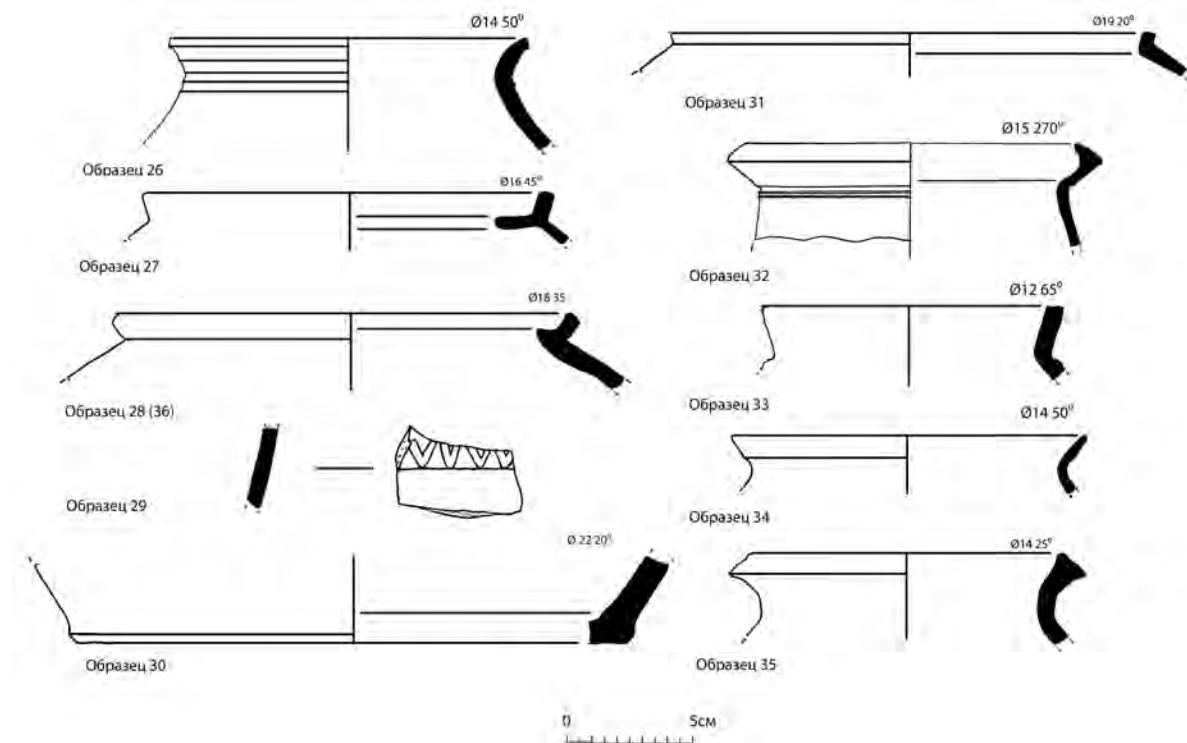

Рисунок 3. Фрагменты кухонных сосудов, участвовавших в исследовании

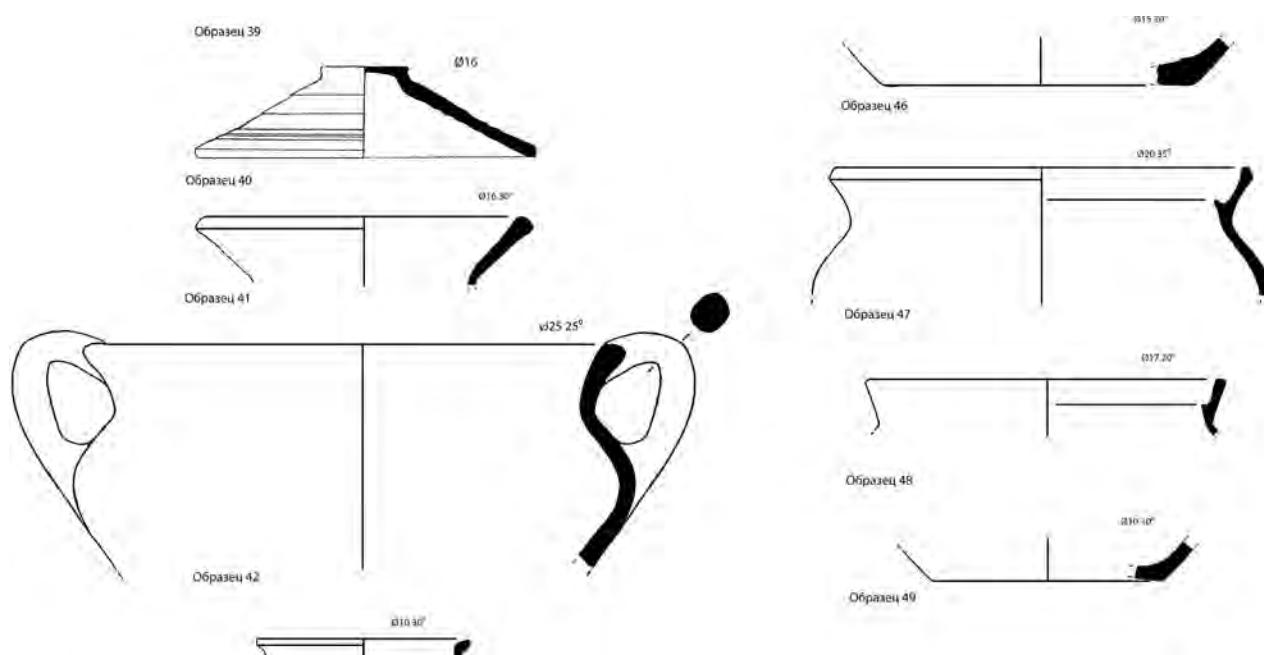

Рисунок 4. Фрагменты кухонных сосудов, участвовавших в исследовании

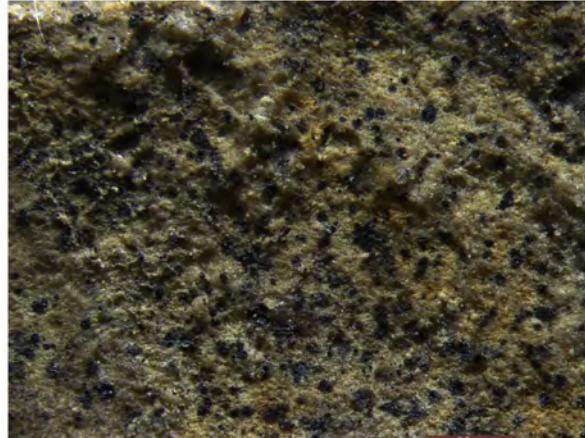
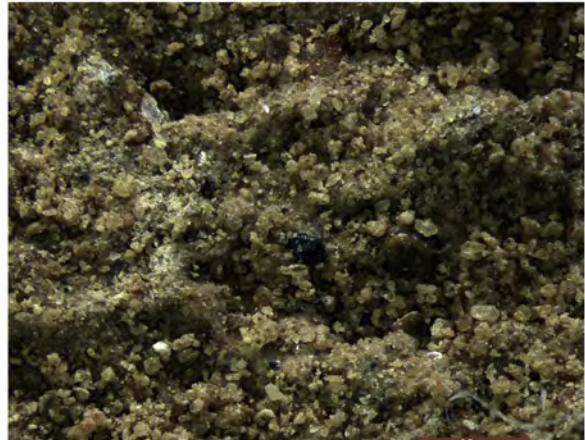

Рисунок 5. Образцы глины с территории и окрестностей Керчи и микрофото (сделано на Leica M205)

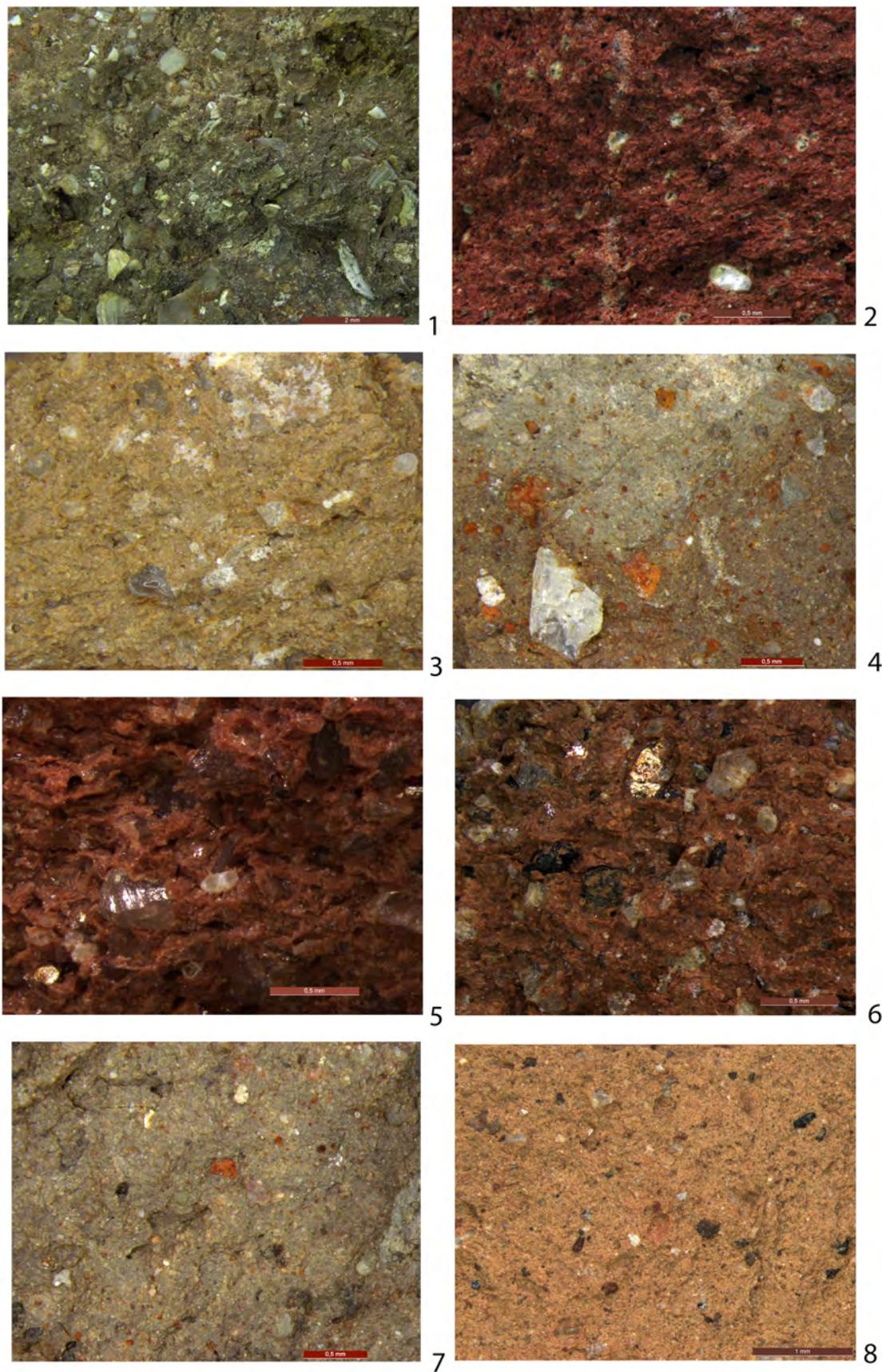

Рисунок 6. Микрофото петрографических групп кухонной керамики (сделано на Leica M205)

	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	P ₂ O ₅	SO ₃	F ₂ O
	%											
Mir1	0,00	0,79	24,26	61,63	2,47	1,47	0,00	0,00	9,37	0,00	0,00	0,00
Mir2	1,34	5,06	12,08	53,32	2,92	18,90	0,33	0,00	5,76	0,12	0,17	0,00
Mir3	1,45	3,44	17,64	55,47	4,23	7,53	0,16	0,00	9,87	0,23	0,00	0,00
Mir4	0,00	2,82	19,06	51,49	5,46	15,15	0,00	0,00	6,02	0,00	0,00	0,00
Mir5	0,00	2,24	12,90	40,16	4,32	30,80	0,00	0,00	9,58	0,00	0,00	0,00
Mir6	0,93	11,67	5,61	57,36	1,20	10,17	0,00	0,00	13,07	0,00	0,00	0,00
Mir7	1,28	1,06	31,58	57,02	2,82	0,88	0,00	0,00	5,21	0,00	0,00	0,00
Mir8	0,30	2,86	18,50	54,18	4,53	7,82	0,82	0,81	9,69	0,35	0,00	0,00
Mir9	0,48	2,99	18,13	60,92	4,69	4,18	0,21	0,00	8,40	0,00	0,00	0,00
Mir10	2,23	1,95	15,64	65,43	4,10	3,25	0,44	0,00	6,96	0,00	0,00	0,00
Mir11	1,16	2,66	21,42	65,37	1,90	1,30	0,11	0,21	6,10	0,00	0,00	0,00
Mir12	0,17	3,56	20,18	58,99	2,93	2,23	0,78	0,00	11,16	0,00	0,00	0,00
Mir13	4,18	1,11	22,63	60,13	4,23	2,52	0,00	0,00	5,19	0,00	0,00	0,00
Mir14	0,65	1,85	25,47	59,22	3,19	1,04	0,48	0,00	8,12	0,00	0,00	0,00
Mir15	1,40	1,36	22,50	58,01	7,51	1,47	0,00	0,00	7,75	0,00	0,00	0,00
Mir16	0,84	1,71	21,07	59,39	3,59	1,68	0,49	0,00	11,43	0,00	0,00	0,00
Mir17	0,39	1,50	24,48	56,66	2,50	0,80	0,36	0,00	12,25	0,00	0,00	0,00
Mir18	1,43	1,23	24,76	55,06	2,17	0,96	0,58	0,00	10,32	0,00	0,00	0,00
Mir19	0,47	1,23	24,76	59,01	2,17	0,96	0,58	0,00	10,32	0,00	0,00	0,00
Mir20	0,79	1,70	22,65	60,62	2,76	1,21	0,23	0,00	9,27	0,00	0,00	0,00
Mir21	0,82	2,37	16,04	56,04	5,40	7,28	0,00	0,00	12,06	0,00	0,00	0,00
Mir22	0,31	1,31	18,72	63,87	2,84	2,28	0,80	0,00	9,77	0,00	0,00	0,00
Mir23	1,11	2,68	21,68	54,20	4,40	7,49	0,00	0,00	7,58	0,00	0,00	0,00
Mir24	0,59	1,71	17,51	57,04	3,97	3,56	0,14	0,00	14,72	0,00	0,00	0,00
Mir26	1,52	4,47	17,44	54,93	3,83	4,73	0,00	0,00	8,84	0,00	0,00	0,00
Mir27	0,91	2,22	22,54	59,20	2,57	2,44	0,00	0,00	9,64	0,00	0,00	0,00

Рисунок 7. Таблица оксидов химических элементов, содержащихся в кухонной керамике

Е.В. Четверкина

	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	P ₂ O ₅	SO ₃	F ₂ O
	%											
Mir27	0,91	2,22	22,54	59,20	2,57	2,44	0,00	0,00	9,64	0,00	0,00	0,00
Mir28	0,00	3,49	16,04	56,50	3,31	14,13	0,00	0,00	6,53	0,00	0,00	0,00
Mir29	0,00	0,59	25,34	61,07	4,09	0,00	0,00	0,00	8,91	0,00	0,00	0,00
Mir30	1,55	0,84	21,83	58,47	6,22	0,58	0,00	0,00	10,52	0,00	0,00	0,00
Mir31	1,20	2,25	22,09	59,30	4,73	1,96	0,48	0,00	8,06	0,00	0,00	0,00
Mir32	0,29	1,74	23,03	64,96	2,49	0,00	0,00	0,00	9,03	0,00	0,00	0,00
Mir33	0,00	2,26	22,12	63,40	1,83	1,80	0,00	0,00	8,59	0,00	0,00	0,00
Mir34	1,50	2,34	24,82	59,61	1,59	2,44	0,00	0,00	7,98	0,00	0,00	0,00
Mir35	0,00	2,89	21,88	64,43	1,27	1,23	0,67	0,00	7,63	0,00	0,00	0,00
Mir36	1,31	3,57	14,61	50,52	3,63	20,33	0,00	0,00	6,13	0,00	0,00	0,00
Mir37	0,00	3,33	17,82	52,74	5,59	7,07	0,00	0,00	7,34	4,34	0,00	0,00
Mir39	1,37	0,69	21,00	60,81	3,25	2,98	0,00	0,00	7,10	0,00	0,00	0,00
Mir40	0,52	4,06	16,03	67,57	1,29	2,19	0,64	0,00	7,71	0,00	0,00	0,00
Mir41	1,71	3,80	20,25	53,89	3,44	3,07	0,19	0,00	11,18	0,00	0,38	0,00
Mir42	1,20	2,73	17,94	56,31	5,16	9,76	0,00	0,00	7,34	0,00	0,00	0,00
Mir43	1,19	3,22	14,57	67,50	2,03	2,21	0,65	0,00	7,44	0,07	0,06	0,90
Mir44	0,00	2,00	17,93	61,13	4,32	4,51	0,00	0,00	8,58	0,00	0,00	0,00
Mir45	1,28	6,28	19,59	48,69	5,88	6,97	0,00	0,00	11,32	0,00	0,00	0,00
Mir46	0,52	2,10	24,29	57,94	1,65	1,87	0,00	0,00	11,63	0,00	0,00	0,00
Mir47	0,28	0,97	24,98	63,48	2,42	1,13	0,00	0,00	6,74	0,00	0,00	0,00
Mir48	0,61	2,60	15,76	69,51	1,12	2,19	0,42	0,00	7,81	0,00	0,00	0,00
Mir49	2,51	5,83	13,34	63,50	4,71	1,61	0,48	0,00	6,66	0,00	0,26	0,00
Mir50	0,49	6,01	11,26	64,75	2,63	7,73	0,07	0,00	7,47	0,00	0,00	0,00
Mir51	0,77	5,03	14,50	59,20	2,21	8,46	0,45	0,00	9,38	0,00	0,00	0,00
MirCl1	0,00	3,31	13,36	43,50	4,47	12,42	0,37	0,00	16,67	0,00	3,91	0,00
MirCl2	0,26	2,81	13,60	44,78	2,05	23,94	0,81	0,00	11,75	0,00	0,00	0,00
MirCl3	2,38	3,66	17,49	58,31	3,59	4,48	0,83	0,00	6,04	0,00	1,83	0,00

Рисунок 8. Таблица оксидов химических элементов, содержащихся в кухонной керамике

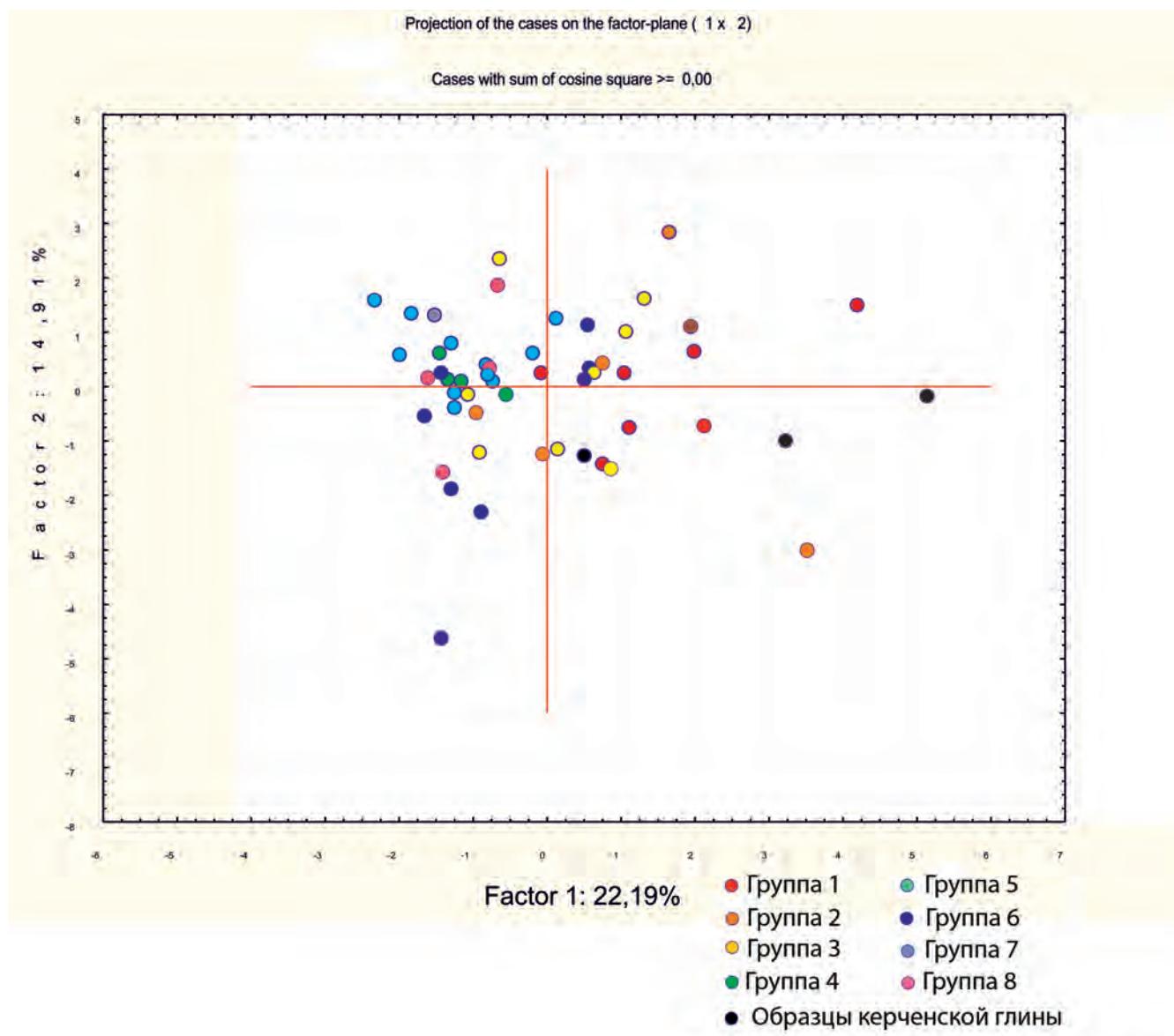

Рисунок 9. Диаграмма рассеяния значений по химическому составу глины (метод главных компонент).

НЕ ФАН, НО ФАНЕТ

Ф.В. Шелов-Коведяев

Независимый исследователь (г Москва)

e-mail: shel-kov@yandex.ru

В статье даётся новое – Φάνητι ἱερε(ι) а «приношение Фанету» – чтение граффито, опубликованного автором в 1979 году. Делается вывод, что названный здесь Фанет – синкретическое божество, alter ego «бога высочайшего внемлющего», а его имя, по сути, калькирует Тетраграмматон иудейского Б-га.

Ключевые слова: **граффито, дипинто, сосуд, погребение, культ, ритуал, Бог, бог, божество**

Мал и невзрачен сосуд, обнаруженный в древней могиле.

Двух он, однако, мужей темой снабдил для статьи.

Д.Б. Шелов, 1979

В номере 1-ом Вестника древней истории за 1979 год мы с Д.Б. Шеловым выпустили статью «Сосуд жреца Фана с надписью» (Шелов, Шелов-Коведяев, 1979. С. 104–112). Дмитрий Борисович дал в ней исчерпывающее описание как самого артефакта, так и указывающего на II в. от Р.Х. археологического контекста его обнаружения (Там же. С. 104–105, 111–112). Д.Б. также заключил, что из дипинто, нанесённого поверх граффито, «уверенно могут быть прочитаны

только первые три буквы – ФАН», с чем я и солидаризировался (Там же. С. 105–106).

Проведя эпиграфический анализ, автор этих строк пришёл к той же датировке – II в. (Там же. С. 106, 109). Разобрав тогда же вариант восстановления в надписи имени «орфического божества» (Там же. С. 107), я, всё-таки остановился на дарственном значении (Там же. С. 106) основной надписи – Φάνῃ τ<ω>ι ἱερέα «жрецу Фану», – где, что встречается в боспорских документах римской эпохи, винительный падеж единственного числа заменяет дательный (Там же. С. 109). Такой выбор был мною сделан, в том числе, и потому, что я придал слишком большое значение отсутствию сведений о существовании в Танаисе института жриц (Там же. С. 106).

Через сорок с лишним лет появление более полных ономастических справочников (Frazer, Matthews (eds.), 1987–), накопление сведений о религиозной жизни Танаиса, дополнительное изучение абриса Д.Б. Шеловым археологического антуража кувшинчика с граффито (шифр полевой: Т-68-С к. 9, п. 2 № 341, шифр музейный: АМЗТ КП 71/39, АН 3; параметры предмета: В. = 15,4 см, Д венч.

= 7 см, Δ дна = 6,2 см; утрачен фрагмент венчика, многочисленные сколы и отслоения на тулове¹⁾ и самих знаков последнего вынуждают меня изменить своё прежнее мнение. Прежде всего, с учётом отмеченного уже Дмитрием Борисовичем отслаивания поверхности сосуда, дипинто надёжно разворачивается в Φάνητι (ню, эта, тау и йота фигурируют в лигатуре: см. рис. 1) в сопровождении схематического изображения языков пламени (рис. 2).

Это заставляет и процарапанную надпись читать соответственно – Φάνητι ἱερέα, где то, что я некогда отвергал как описки (Φάνη<i> τ </i> ι), нынче предстают либо дефектами керамического теста (например, наполовину разомкнутый слева «омикрон»), либо оправданными для теонима (далее – TH) Фанет сопровождающими эту специально нанесёнными тремя разомкнутыми магическими вставками (рис. 3)². Справедливости ради надо упомянуть, что склонение в римский период ЛИ Φάνης/Φανῆς по модели α-основ находит себе новые подтверждения в Ионии и Карии (в Теосе, Магнезии на Меандре, Смирне и Стратоникее – см. Corsten (ed.), 2010; Balzat et al. (ed.), 2014). Но это дела не меняет. Аналогично в IEPEA (рис. 4) надо понимать или сохранившуюся ионийскую форму ἱερέα = атт. ἱέρεια («жрица»), дававшую даже во 2 пол. IV в. до Р.Х. на Боспоре (см. КБН 14, Пантиканей) ἱερῆ, либо, предпочтительно, ἱερε(i)α («(жертво)приношение, жертва» – см. LSJ), где,

в соответствии с узусами как раннего, так и позднего письма ε = ει.

Таким образом, граффито Φάνητι ἱερε(i)α означает «приношение Фанету». Что, свою очередь, побуждает подробнее остановиться на том, кто так звался в античных религиозных практиках, и как он соотносился с верованиями Танаиса II в. от Р.Х.

Наиболее полно нужный нам материал собран Отто Группе (Gruppe, 1906). Согласно традиции, орфики учили, что «золотой век» человечества прошёл под знаком не Кроноса, а Фанета (ibid. S. 448; 449 u. Anm. 5). В данном качестве эта первосущность ассоциировалась с космическим Эросом в ипостаси «отца ночи» (ibid. S. 1071 u. Anm. 1). В рамках же представлений о возрождении, где Φάνης этимологизируется из φῶς «свет», он связывался с хтоническим Дионисом (ibid. S. 1436–1437 u. Anm. 1 zu S. 1437). Одновременно младшие орфики объединяли его с (мало)азиатской, восходящей к мифологии Вавилона, мистикой Аттиса, в рамках которой огдоада Φάνης сополагалась уже с φῶς «человек» (ibid. S. 1542–1544 u. Anm. 1-2 zu S. 1544). А через образ созданного Ахура-Маздой быка Фанет входит в круг митраистских практик (ibid. S. 1597–1598 u. Anm. 6 zu S. 1597).

Наконец, уже в народной мифологии и раннегреческом мистицизме в его облике чётко прослеживается ассирийское и иудейское влияние (ibid. S. 449 u. Anm. 6). Последнее, вкупе с описанным выше

¹ Благодарю С.М. Ильяшенко за предоставленные сведения

² Ср. непонятную издателем намеренную порчу написаний в заклятье: Белоусов, 2017, С. 55–64 (особ. 56–59)

его развитием, приводит к тому, что он вплетается и в раннехристианские воззрения и сочинения (*ibid.* S. 1614 и. Anm. 3). «Световая» семантика Фанета (от «золотого века», Эроса и Диониса до Митры и Ахура-Мазды) находит себе подтверждение и в материале ономастики. Ещё в 1979 году я подчеркнул, что распространённые по всей эллинской ойкумене имена Φάνης и Φανῆς (Frazer, Matthews (eds.), 1987; Osborne, Byrne, (eds.), 1994; Frazer, Matthews (eds.), 1997; Frazer, Matthews (eds.), 2000; Frazer, Matthews (eds.), 2005; Corsten (ed.), 2010; Balzat et al. (ed.), 2014) коррелируют с корнем φαν– «светлый, явленный, сущий» (Шелов, Шелов-Коведяев, 1979. С. 107). Фридрих Бехтель же возводит названные антропонимы к прилагательному φανερός «(про)явленный, явный, сияющий, сиятельный, манифестируемый» (Bechtel, 1982. S. 438).

Тут самое время вспомнить об археологии. В погребении подростка рядом с нашим сосудом была найдена миска с чистым белым кварцевым песком (Шелов, Шелов-Коведяев, 1979. С. 105), который в погребальном обряде связан с общеиранской¹ традицией поклонения священному огню (например, Дандамаев, Луконин, 1980. С. 330; Литвинский, 1991. С. 66-87; Погребальный обряд, 2011) и соотносится с условным рисунком пламени в дипинто.

Выходит, предмет и его содержимое были заупокойным, безбедного будуще-

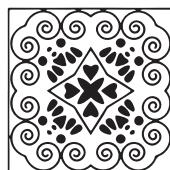
го усопшего ради, приношением Фанету, связанному в разных своих проявлениях и с божествами света, и с символом порождающих и возрождающих сил хтоническим Дионисом. Тем самым, анонимный, по сути, Φάνης – ведь ТН не собственно имя, но определение «сияющий, явленный, сущий» – оказывается сопричастным почитавшемуся на Боспоре, и особенно в Танаисе, бессознательному «богу высочайшему вне-лющему» (Θεὸς ὑψιστος ἐπήκοος – КБН 64, 1260, 1278–1280, 1287, 1289, 1316; ср. Θεὸς βροντῶν ἐπήκοος – КБН 942; Θεὸς ἐπήκοος – КБН 1288; Θεὸς ὑψιστος – КБН 1231, 1260а, 1261, 1277-1281, 1285-1286; Θεὸς παντοκράτωρ εὐλογητός – КБН 1123, 1125-1126). И если эпитет ὑψιστος, натурально, относится единственно к Зевсу и его «коллегам», возглавлявшим разнообразные пантеоны, то ἐπήκοος – и к нему, и к Гермесу, и к Аполлону, и к Гере, и к Артемиде, и к Афродите, да и к другим божествам (например, Preller, 1923. Index; Gruppe, 1982).

Значит, исследованный кувшинчик дарит ещё одно свидетельство о явлении духовной жизни Танаиса первых веков от Рождества Христова, удачно названном И.А. Левинской «полупрозелитизмом». Ибо Φάνης «явленный» семантически родствен одному из имён Б-га иудеев (שְׁנִיאָה, SHN), а «сущий» – калькирует вариант прочтения Его Тетраграмматона (יְהוָה, YHWH).

¹ О связи кургана № 9, в погребении № 2 которого был найден наш кувшинчик, с сарматским заупокойным ритуалом см. (Шелов, Шелов-Коведяев, 1979. С. 112)

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов А.В. Новое греческое заклятие из Никония // Аристей. Т. XVI. 2017. С. 55-64.
2. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Искусство и экономика Древнего Ирана. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980.
3. Литвинский Б.А. Семиреченские жертвенники (индо-иранские источники сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.: Наука, 1991.
4. Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Сборник статей. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011.
5. Шелов Д.Б., Шелов-Коведяев Ф.В. Сосуд жреца Фана с надписью // Вестник древней истории. 1979. № 1. С. 104–112.
6. Balzat J.-S., Catling R.W.V., Chiricat É., Marchand F. (eds.). Lexicon of Greek Personal Names. Vol. VB. Oxford: Oxford University Press, 2014.
7. Bechtel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Reprint. Hildesheim; Zürich; N.Y.: Georg Olms Verlag, 1982.
8. Corsten Th. (ed.). Lexicon of Greek Personal Names. Vol. VA. Oxford: Oxford University Press, 2010.
9. Frazer P.M., Matthews E. (eds.). Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1987.
10. Frazer P.M., Matthews E. (eds.). Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IIIA. Oxford: Oxford University Press, 1997
11. Frazer P.M., Matthews E. (eds.). Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IIIB. Oxford: Oxford University Press, 2000
12. Frazer P.M., Matthews E. (eds.). Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV. Oxford: Oxford University Press, 2005
13. Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd 1-2. München: O. Beck, 1906.
14. Preller L. Griechische Mythologie. 6. Aufl. B.: Heinemann, 1923.
15. Osborne M.J., Byrne S.G., (eds.). Lexicon of Greek Personal Names. Vol. II. Oxford: Oxford University Press, 1994.

ЗОЛИСТЫЕ СВЯТИЛИЩА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ПОЧИТАНИЯ ПРЕДКОВ

С.В. Ярцев^{1*}, Е.В. Шушунова^{2**}

^{1 2} Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула)

*E-mail: s-yartsev@yandex.ru

В статье исследуются золистые святыни Северного Причерноморья античного времени. По мнению авторов, в основе формирования золистых святыни, в целом, лежат ритуальные действия, продолжающие домашнюю религиозную практику, так или иначе, связанную с почитанием Гестии, обеспечением благополучия семьи и культом предков. При этом общегородские золистые святыни выполняли те же самые защитные функции, что и домашние очаги – алтари, только в масштабе покровительства не одной семьи, а всего поселения или городища. Души предков, как наиболее универсальные посредники, играли при этом, важнейшую роль, обеспечивая устойчивую связь с могущественными богами-покровителями, да и сами старались оказывать помощь в сложных ситуациях своим потомкам.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, зольники, богиня Гестия, домашний очаг, культ предков.

Золистые святыни еще с глубокой древности занимали особое место в религиозной жизни многих народов (Березанская, 1982. С. 168-174). В античное время они были представлены двумя видами: насыпными золистыми холмами и сбросовыми над расщелинами или обрывами (Масленников, 2007. С. 454). В какой степени необходимо относить к этому же типу золистых святыни, каменные ящики алтари – эсхары, заполненные золой и ямы для жертвоприношений – ботросы, пока не совсем ясно. В этой связи пока не удается соединить все эти различные формы религиозного культового отправления в единую религиозную систему (Буркерт, 2000. С. 410, 452; Носова, 2007. С. 78).

В античной традиции эсхарами обычно называли специальные ящики из камня или из сырцового кирпича, в которых совершались специальные жертвоприношения при помощи сожжения (Носова, 2007. С. 70). Несмотря на то, что

нередко античные авторы применяют этот термин к сравнительно небольшим и низким жертвенникам (Paus., II, 24, 3; IV, 17, 4; X, 27, 2; Русеева, 2005. С. 175), Л.В. Носова считает, что вполне допустимо называть этим наименованием и античные зольники культового характера (Носова, 2007. С. 78). Разумеется, в этом случае золистые святилища должны иметь не только насыпное происхождение, но и быть связанными с непосредственными жертвоприношениями. Напомним, что в Олимпии жертвенных быков в честь Зевса «приносили в самом низу, на преджертвии; бедра же они поднимают кверху, на самый верх жертвенника, и там их сжигают. С каждой стороны на преджертвие ведут мраморные ступени, а с преджертвия до верхней части жертвенника ведут ступени из пепла, как и сам алтарь» (Paus., V, 13, 9,10). Несмотря на некоторую схожесть подобных золистых холмов с мусорными свалками (Бутягин, 2005. С. 106), особенно с точки зрения современного человека, наличие в этих кучах пепла, фрагментов керамики, довольно большого количества других разнообразных предметов, многие из которых вряд ли попали сюда случайно, свидетельствует о культовом характере подобных объектов (Носова, 2007. С. 75, прим. 72).

На сакральную функцию зольника обычно указывают находки в его грунте терракот, граффити с посвящением богам, зооморфных поделок из глины, ткацких грузил, морских галек и т д. (Носова, 2005. С. 201-206). Исходя из собственного опыта раскопок зольника Белинского городища, расположенного

на участке раскопа Восточный (Зубарев, Ярцев, 2019, 245-246), к данному списку можно добавить находки лепных курильниц, игральных фишек и костей, фрагментов фибул и бусин. Иногда исследователями фиксируются ограды подобных золистых холмов (Носова, 2005. С. 201). Расположение центра зольника на раскопе Восточный непосредственно над круглым каменным фундаментом помещения 55 (Зубарев, Ярцев, 2019. С. 244-245), также может свидетельствовать в пользу интерпретации последнего в качестве ограды первоначального святилища. На религиозную функцию круглой каменной кладки указывает и фрагмент культового тарарапана из верхней части данной конструкции. Подобные вотивные предметы на Белинском городище встречаются в ямных святилищах, однозначно принадлежащих к сакральным объектам (Зубарев, Крайнева, 2006. С. 149-150). Также в зольнике на раскопе Восточный были выявлены фрагменты орудий каменного века, которые вполне могли оказаться здесь, не с сопутствующим нивелировочным слоем, а являясь приношением вотивного характера.

При этом иногда среди всего этого набора вещей в слое золы встречаются фрагменты печины, что, впрочем, не является редкостью (Носова, 2007. С. 75). С одной стороны, наличие фрагментов разрушенных очагов в золистых святилищах Северного Причерноморья объясняется тем, что, несмотря на обряды, проводимые непосредственно на месте, основная масса пепла ссыпалась сюда именно из домашних очагов (Носова, 2002. С. 63). Однако с другой стороны,

очаг в жилых домах античного времени являлся не просто местом приготовления пищи и средством обогрева жилища. Домашний очаг – это центральное звено всех обрядовых действий в доме (Burkert, 1985, р. 61). Известно, что поклонение огню и домашнему очагу у эллинов отражалось в культе Гестии (Русева, 2004. С. 300) и было распространено у многих других народов. У скифов почитание домашнего очага проявлялось в культе богини Табити (Фиалко, 2002. С. 171), у кельтов – Бригиты, оставляющей след своих шагов в пепле (Широкова, 2000. С. 248). Фактически домашний очаг в древности рассматривался как алтарь женского божества плодородия. Именно в жилище античного времени около домашнего очага молились Гестии и возможно другим богам, так или иначе связанным с благоденствием членов данной семьи (Крапивина, 2012. С. 184). Культ Гестии играл ключевую роль, в том числе, и в обряде заключения брачных союзов и рождении детей, которых на пятый день специально обносили вокруг очага. На такие семейные праздники обычно собирались все родственники и всегда первой уготтали Гестию как самую главную покровительницу и защитницу, дающую тепло, силу и обеспечивающую благополучие всех родственников. Не исключено, что домашний очаг был персонифицирован с Гестией по причине того, что богиня представлялась собственно самой землей, которая в качестве центральной небесной сферы являлась постоянным очагом Космоса (Vernant, 1985, р. 215; Русева, 2005. С. 182-183).

Культовые действия в жилых домах были не менее важными, чем отправление культов в храмах и теменосах (Русева, 2001. С. 41), ведь они были ближе к рядовому члену гражданской общины, так как непосредственно затрагивали его ближайших родственников – членов своей семьи (Зубарь, 2005. С. 36). Однако, как и в любом другом культе, чтобы добиться расположения божественных покровителей семьи, живущих где-то рядом со смертными (Нильссон, 1998. С. 89-114), был необходим качественный подбор посредников между миром живых и мертвых, которые смогли бы донести мольбы и просьбы живущих сейчас людей, конкретным богам. Учитывая, что важнейшей частью любой семьи являлись собственные предки, уже пребывающие в божественном потустороннем мире, очевидно, что именно на них была возложена важнейшая сакральная функция по умилостивлению Гестии и других божеств – покровителей семьи. В этой связи стоит напомнить, что после смерти в качестве героя мог почитаться любой человек. Поэтому, если герои, почитаемые в полисе, обеспечивали благоденствие всему городу-государству, то обычный героизированный предок – своим родственникам (Диатроптов, 2001. С. 58).

В пользу этой версии свидетельствуют изображения эллинистического времени умерших родственников на надгробных стелах в обрамлении портика храма, подобно различным божествам (Диатроптов, 2001. С. 58-60, 64). Ряд стихотворных эпитафий и надписей на стенах склепов более позднего вре-

мени (Диатроптов, 2001. С. 59), подтверждает распространение процесса героизации умерших, превращавшихся посредством приобщения к миру богов в важнейших посредников и покровителей рода (Королев, 2005. С. 222-223). Это подтверждает и распространение в первых веках нашей эры на некрополях античных городов семейных склепов с несколькими нишами лежанками, так называемых семейных героонов – храмов в честь героев, в которых со временем стали перевоплощаться, практически все умершие предки (Руслева, Зубарь, 2004. С. 381-382). Е.И.Савостина даже предложила относить боспорские двух трех ярусные погребальные стелы к общим надгробиям членов одного рода, то есть рассматривать их в контексте фамильных склепов (Савостина, 1987. С. 15-17). При этом П.Д. Диатроптов допустил, что культ предков отправлялся родственниками, в том числе, и при помощи размещения в доме галереи нарисованных портретов своих предков. Во всяком случае, не вызывает сомнений, что местная знать действительно должна была осведомлена о римском обычай иметь дома изображения предков (Диатроптов, 2001. С. 70). Скорее всего, такие портреты находились в доме в непосредственной близости от домашнего святилища или домашнего очага, то есть от того места, где было возможно обращение к предкам, как к заступникам перед великой богиней. Все это объясняет почему в Тире в помещении с жертвенником прямоугольной формы в виде глиняной площадки со скругленными углами и находками гермы с бородатым

Дионисом и плитой с изображением богинь судьбы – мойр, также был обнаружен рельеф воина «варвара» интерпретируемого в качестве героизированного предка (Крапивина, 2011. С. 223-224).

Однако многочисленные находки культовых предметов в Херсонесе в помещениях с выявленными очагами, свидетельствуют и о том, что здесь помимо Гестии чтились и другие божества – покровители семьи (Зубарь, 2005. С. 36-37). При этом анализ выявленных артефактов, не позволяет всех их связывать исключительно с изображениями богов и мифологических персонажей. Например, обнаруженная в доме II каменная матрица для отливки медальона с профилем мужской головы с наклонным вперед лбом, крупным носом и массивным подбородком (Белов, 1955. С. 262), опять же, вполне могла изображать лицо героизированного предка. При этом, очевидно, что культ предков мог отправляться в домашних условиях не обязательно с использованием изображений родственников. Часто встречающиеся в домашних святилищах, в том числе в помещениях с очагами, светильники и особенно курильницы (Сокольский, 1976. С. 93-106; Винокуров, 1998. С. 54-56; Зубарев, 2003. С. 141-142; Масленников, 2007. С. 490-494, 497, 506; Крапивина, 2012. С. 197), вполне могли являться необходимым атрибутом связи живых с душами предков. Считается, что подобные чашки на ножках, связанные с культом очага, служили алтариками, в которых воскурялся фимиам покровителям дома и семьи, плодородия и т.п. (Hom. Hymn., XXIX; Thuc. I, 136; Aristoph. Plut.,

795; Paus., V, 15,10), а также тлелись угли символизирующие огонь или сжигалась сера. О важности этих предметов культа, свидетельствует то обстоятельство, что иногда специально выполненные из известняка алтари, полностью повторяли форму таких чашек на высоких ножках (Зубарь, 2005. С. 38).

Чтобы разобраться с этим вопросом необходимо отметить, что религиозные представления о раздельном существовании тела и души, о бессмертии последней, восходящие к учениям Пифагора, Эмпедокла и Платона, с течением времени, все более утверждались в античном обществе. Неслучайно, поэтому в римскую эпоху распространяется изображение крылатой фигуры, уносящей души умерших ввысь, наподобие апофеоза императоров (Русева, Зубарь, 2004. С. 392-394). Объясняется это тем, что звезды в Римской империи считались покровителями мертвых и местопребыванием их душ (Plut. Romul., XXVIII). С такими представлениями о душе и теле, как о ее временном вместилище, население античных государств Северного Причерноморья, было хорошо знакомо (Русева, Зубарь, 2004. С. 394). Вероятно, именно эти верования и стали причиной появления в первых веках н.э. на Боспоре особой группы золотых перстней с выгравированными именами владельца и словом «душа» (Трейстер, 2010. С. 427-436). Несмотря на сложность интерпретации подобных надписей и то, что указанные изделия производились для живых людей, отметим, что все они были найдены в погребениях (Тохтасьев, 2015. С. 206) и, таким об-

разом, имели непосредственное отношение к культу предков. При этом некоторые золотые амулетницы с подобными надписями, зачем-то были заполнены серой (Емец, 2009. С. 119-120). Предполагается, что серу могли класть и в погребальные кубки с растительным орнаментом в виде листьев плюща и вечнозеленых растений – символом бессмертия души и с надписями «душа», «пей и радуйся», «да будет милостив ко мне бог» и т.п. (Мещеряков, 2007. С. 21). Учитывая, что данные сосуды явно были предназначены для возлияний в честь божества хтонического круга (Русева, Зубарь, 2004. С. 384-386), катарктические средства, и в частности сера, представляются важнейшим элементом, фиксирующим духовные изменения в области представлений, связанных с душой.

Обычно считается, что едкий запах серы в доме использовался для очищения (Зубарь, 2005. С. 38), ведь тот, кто был близок к мертвцу либо физически, либо по кровному родству, находился в оскверненном (грязном) состоянии. Душа же в это время еще не переселилась окончательно в мир предков (Гуляев, 2010. С. 8). Тем не менее, обряд сожжения серы и другие действия с огнем в домашних святилищах и возле очага вполне мог иметь непосредственное отношение к блуждающим душам предков, к которым нередко обращались за помощью, как к самим богам. Обычно родственники, прося помощи и покровительства предков, молились на могиле родственника, совершая возлияние (Aeschyl. Choeph., 129–130), или принося жертву (Aeschyl. Choeph., 1-7, 483-485;

Ленская, 2017. С. 54). Однако, по словам Плутарха, широко практиковался и обряд непосредственного вызова душ предков. При этом, судя по упоминанию бобов (Plut. *Moralia*, 95), ритуал требовал подготовки и специальных средств для его проведения. В этой связи, обращает на себя внимание, описанный Лукианом, магический обряд по поиску и возвращению человека, основой которого стала его обувь, повешенная на стену и обкуренная серой (Lukian. *Hetairik. dialog.*, IV, 4-5).

То, что обращение к душам предков являлось важнейшей частью домашнего культа хтонических божеств, и в первую очередь Гестии, занимающей место в каждом доме в виде очага (Hom. *Hymn*, IV, 21-31), косвенно подтверждают факты наличия в непосредственной близости от очага, захоронений детей. Так, на городище Козырка в помещении, в небольшой яме около очага, заполненной чистой золой, сбрасывавшейся из очага, было выявлено детское погребение в лепном горшке. Тут же в помещении находился своеобразный детский склеп с остатками фресковой живописи с шестью погребениями детей (Крапивина, 2012. С. 198-199). Заметим, что дети, в отличие от душ взрослых предков, являлись идеальными посредниками и не нуждались в дополнительных средствах, обеспечивающих им проход в потусторонний мир (Крапивина, 2012. С. 199; Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015. С. 362-363). Отметим также, что в данном случае домашний очаг и яма-ботрос представлялись единым сакральным комплексом. Можно предположить,

что в основе формирования золистых святилищ, в целом, лежат ритуальные действия, продолжающие домашнюю религиозную практику, так или иначе, связанную с почитанием Гестии, обеспечением благополучия семьи и культом предков. Видимо поэтому, зольники, как пишет А.С.Русеева, и были характерны для культур, представители которых уделяли большое значение священной силе огня и домашнего очага (Русеева, 2004. С. 300).

Действительно, сброс пепла из очага и специально возводимые здесь же на зольниках конструкции имитирующие домашние очаги, как, например, на золистых святилищах Белинского городища или у с. Кошары (Носова, 2002. С. 64), явно указывают на домашние ритуалы, как на первоисточник всех этих обрядовых действий на территории или вблизи поселений. При этом довольно распространенным явлением выглядит наличие в зольниках захоронений, черепов и отдельных человеческих костей (Масленников, 2007. С. 431, 439; Винокуров, 2010. С. 421; Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015. С. 369-377). Такая особенность явно свидетельствует о связи указанных святилищ с культом предков, останки которых, с сакральной точки зрения, значительно усиливали защитные функции данных объектов. Духовная направленность на мир мертвых подтверждается и расположением зольников и ям – ботросов, в том числе и на античных некрополях (Папанова, 2006. С. 201-202). Помимо золы в таких святилищах выявлено много бытовых вещей разбитых преднамеренно, а также

жертвоприношения животных (Хршановский, 2017. С. 159). В ямах-ботросах, которые могли быть совсем пустыми или с инвентарем, оставшимся после жертвоприношений (Папанова, 2006. С. 202), иногда встречаются посвящения хтоническим богам Деметре, Афродите, Дионису и обгоревшие морские ракушки (Хршановский, 2017. С. 160-161).

При этом золистые святилища на городищах, безусловно, являются своеобразными индикаторами пространственной структуры поселений (Носова, 2002. С. 66). Несмотря на влияние рельефа, и господствующих ветров на выбор места расположения святилищ, они всегда находятся на окраинах поселений

или вблизи городских стен (Ковальчук, 2015. С. 189-196), поэтому охранные свойства зольников очевидны (Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015. С. 371). Скорее всего, общегородские золистые святилища выполняли те же самые защитные функции, что и домашние очаги – алтари, только в масштабе покровительства не одной семьи, а всего поселения или городища. Души предков, как наиболее универсальные посредники, играли при этом, важнейшую роль, обеспечивая устойчивую связь с могущественными богами-покровителями, да и сами старались оказывать помощь в сложных ситуациях своим потомкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. 1955. №24. С. 257-281.
2. Березовская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 211 с.
3. Буркерт В. Жертвоприношение // Жертвоприношение: Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 405-480.
4. Бутягин А.М. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 101-107.
5. Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.: Ин-т археологии, 1998. 152 с.
6. Гуляев В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 5-19.
7. Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М.: Индрик, 2001. 160 с.
8. Емец И.А. Малоизученный тип погребальных надписей с территории Боспора // Боспорские чтения. Керчь. Вып. X. 2009. С. 119-121.
9. Зубарев В.Г. Некоторые особенности сакральной жизни населения сельских территорий Европейского Боспора в первых веках н.э. (по материалам городища «Белинское») // Древности Боспора. 2003. №6. С. 138-151.
10. Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское» // Боспорские чтения. Керчь. Вып. VII. 2006. С. 148-153.
11. Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Предварительные итоги и перспективы археологических раскопок в восточной части городища «Белинское» // Боспорские чтения. Симферополь; Керчь. Вып. XX. 2019. С. 241-249.

С.В. Ярцев, Е.В. Шушунова

12. Зубарь В.М. Места отправления религиозных культов в Херсонесе Таврическом и его окрестах в эллинистический период // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Изд-во Крымск. отд. Ин-та Востоковедения им. А.Е.Крымского. Вып. XI. 2005. С. 31-58.
13. Ковалчук А.В. Расположение зольников на поселениях Караларского побережья // Боспорские чтения. Керчь. Вып. XVI. 2015. С. 189-196.
14. Королев К. Языческие божества Западной Европы. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 800 с.
15. Крапивина В.В. Два домашних святилища римского времени в Ольвии и Тире // Древнее Причерноморье. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. Вып. IX. С. 220-226.
16. Крапивина В.В. Домашние святилища античных памятников Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь. Вып. XXVI. 2012. С. 182-217.
17. Ленская В.С. Частные жертвоприношения в Древней Греции // ПИФК. №4. 2017. С. 47-63.
18. Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. М.: Гриф и К, 2007. 562 с.
19. Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Валерий Федорович Мещеряков: человек, ученый, гражданин. Харьков: Изд-во Харьк.нац.универ. им. В.Н.Каразина, 2007. С. 15-31.
20. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб: Алетейя, 1998. 218 с.
21. Носова Л.В. Греческие культуры на западной окраине ольвийского полиса // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 201-206.
22. Носова Л.В. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса) // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. II. С. 62-68.
23. Носова Л.В. Об античных зольниках, или, «применяя аттическую терминологию, дошедшую к нам через Павсания», эсхарах Северного Причерноморья // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. II. С. 69-79.
24. Папанова В. Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев: Знання України, 2006. 278 с.
25. Русаяева А.С. Домашні святилища і культури в античних містах Північного Причорномор'я // Археологія. 2001. №2. С. 41-51.
26. Русаяева А.С. Давньогрецькі примітивні зольні вівтарі Північного Причорномор'я // Археологія. 2005. №4. С. 53-64.
27. Русаяева А.С. К истории изучения культовых памятников Боспора и Ольвийского полиса // Боспорские чтения. Керчь. Вып. V. 2004. С. 296-300.
28. Русаяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Миры. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Изд. Дом «Стилос», 2005. 559 с.
29. Русаяева А.С., Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э.: Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2004. С. 333-430.
30. Савостина Е.А. Опыт сравнительного анализа погребальных памятников: боспорские склепы и надгробия // КСИА. 1987. Вып. 191. С. 13-18.
31. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 128 с.
32. Тохтасьев С.Р. Надписи на перстнях, содержащие слова ХАРА и ΨΥΧΗ // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. II: Золото Фанагории. М: Институт археологии РАН, 2015. С. 201-206.
33. Трейстер М.Ю. Об одной группе боспорских золотых перстней II-III в. н.э. // Боспорские чтения. Керчь. Вып. XI. 2010. С. 427-436.

34. Фиалко Е.Е. Гюновская пластина (к интерпретации изображения) // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. II. С. 165-173.
35. Христановский В.А. Тризы на грунтовых некрополях Боспора (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато и Китейской равнины) // Таврические студии. 2017. №12. С. 158-166.
36. Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. 352 с.
37. Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. 544 с.
38. Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 493 p.
39. Vernant J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs: Etudes de psychologie historique. Nouvelle édition revue et augmentée. Paris: La découverte, 1985. 432 p.

АНТИЧНЫЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ И МЕОТСКИХ НЕКРОПОЛЯХ I-II ВВ. Н.Э. В НИЗОВЬЯХ ДОНА

С.А. Яценко

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

В статье рассмотрено распределение престижных импортов в курганах в шести некрополях низовий Дона среднесарматского времени: четырех разнотипных курганных сарматских и двух грунтовых меотских. Наиболее интересные сведения дают крупные грунтовые могильники. Выявляется ряд локальных особенностей, уточняющих общую картину погребальной обрядности среднесарматской и поздней меотской культур.

Ключевые слова: престижные импорты, планиграфия сарматских и меотских некрополей, низовья Дона, I-II вв. н.э.

В предлагаемой статье изучение античных импортов не предусматривает, как под этим обычно понимают, их классификацию, хронологические штудии и уточнение центров производства вещей. Для круга изучаемых памятников все это уже проделано рядом уважаемых коллег. Здесь используются некрополи, уже опубликованные, весьма полно раскопанные и с заключениями антропологов (за исключением Высочино, где по-

ло-возрастные определения единичны). Ниже рассматриваются детали их *планиграфии* в контексте присутствия в могилах ряда категорий импортов, престижных для конкретных общин. Ниже мы сопоставим материалы «варварских» некрополей или их участков, датируемых I – серединой II вв. н.э. (среднесарматским временем) – как кочевых *сарматских* групп в низовьях бассейна Дона (в основном – на его Левобережье), в том числе – как целиком элитных могильников (Царский), так и периферийных и бедных (Перегрузное I), а также крупнейших в Степи для данного периода (Новый, Высочино-Новоалександровка) и оседлого населения (донские *меоты* с присутствием сарматов – на примере Кобяково и Крепостного). Из категорий импорта нас не будут интересовать такие дешевые и доступные артефакты, как бусы, распространенные типы фибул, простая гончарная столовая керамика. Интересно понять распространение в том или ином некрополе таких более редких здесь изделий (*престижного импорта*), как амфоры, краснолаковая

посуда, некоторые категории зеркал (в первую очередь – крупные, а не зеркала-подвески), броши с эмалью, стеклянные, алебастровые и мраморные сосудики, шкатулки и канделябры, римская металлическая посуда из бронзы и серебра, античные ювелирные изделия из драгоценных металлов, ткани с полосками золотого и серебряного шитья, перстни из разных материалов.

Попробуем выяснить, какую историко-культурную информацию можно извлечь из распределения подобных находок в конкретных могильниках (по их участкам, полу-возрастным группам, выделенным ранее сериям социально значимых умерших и т.п.). Приходится учитывать, прежде всего, факт ограбления большинства комплексов с такими более редкими вещами и соответственно – их изъятия в каждом из рассматриваемых некрополей (многие артефакты дошли до нас лишь в виде фрагментов в грабительских лазах). В ряде некрополей доля ограбленных могил социально значимых лиц (где обычно концентрируются такие импорты) очень велика, и мы имеем, на первый взгляд, целиком случайную картину уцелевших (хотя бы фрагментарно) изделий.

1. Курганный некрополь **Новый**.

Это самый большой в Сарматии погребальный комплекс среднесарматского культурного круга: в его пределах обнаружено 228 умерших данного периода (Ильюков, Власкин, 1992. С. 30-142; Батиева, 2011. С. 99-103; Яценко, 2016а. С. 313-

317). Здесь выявлены два этапа: первый из них дает наибольшее число погребенных и отражает куда более рискованную в военном и экономическом плане среду обитания (рис. 1). В Новом представлены погребения нескольких типов – в ямах (прямоугольных, с заплечиками и квадратных), подбоях и катакомбах, что, видимо, отражает сложную мозаику семейных и фамильных традиций той кочевой общины (или, судя по гигантскому для тогдашних номадов размеру некрополя, основанного, вероятно, в «святом месте» – *нескольких* соседних общин), которые оставили этот комплекс¹.

Амфоры известны здесь только в погребениях второго, более благополучного периода. О сравнительном богатстве умерших говорит и то, что все эти четыре могилы ограблены. Амфоры в могилах поровну представлены как у взрослых мужчин, так и у женщин, в основном они найдены в квадратных ямах (в более ранний период для социально выделенных умерших не использовавшихся)². Из краснолаковой посуды неоднократно встречены кувшины (только на поздней стадии, лишь у женщин и только у особо социально значимых: к. 12/21, к. 28/1, к. 43/1). Остальные типы керамики с красным лаком все единичны (чаша у ребенка около 7 лет: к. 20/30), в ранний период они известны у мужчин (горшочек и флакон: к. 28/1, к. 43/1). Зеркала (не считая миниатюрных подвесок), по необычной классификации Л.С. Ильюкова, были «большие», «тон-

¹ Для краткости далее «курган» сокращается для курганных некрополей как «к.», а погребение именуется дополнительной цифрой, следующей после косой линии (например, курган 3, погребение 15 = к.3/15). Для грунтовых могильников используется сокращение «погребение» = «п...».

² К. 7/1, к. 43/1, к 60/2, к. 120.

кие» и «с валиком»¹. Интересно, что все три «типа» встречены либо в одинаковом числе в мужских и женских могилах, либо (как в первом случае) они обычно именно мужские («большие»)². Два последних «типа» известны только в ранний период («тонкие» – в северной части, примыкающей к пойме р. Сал, «с валиком» – в южной). *Алебастровые сосудики* в основном – из поздних могил. Это обычно женский атрибут³ (кроме мужчины до 30 лет из к. 113/3). Ранние их находки выявлены на северном краю.

Все престижные импорты других категорий (кроме бронзовых ведер) единичны и попали только в *поздние* могилы. Серебряная посуда (набор из канфаров и кубка – к. 12/3, ложечка – к. 20/21) выявлена у мужчин на южном краю могильника. Бронзовая посуда (таз, ковши, и кубок) представлена у обоих полов на том же южном краю⁴. Бронзовые ведра, напротив – ранние, были мужской принадлежностью и обнаружены у северного края (к. 80/7, к. 129/8); они закопчены и намеренно испорчены (смяты или продырявлены в нескольких местах). Ткани, расшитые золотой или серебряной нитью, документированы у лиц обоих полов в соседних курганах по южному краю (к. 12/4, к. 20/2, к 28/1). Отмечу серебряный перстень у женщины с конской упряжью (к. 71/1). Наиболее богато престижным импортом по-

гребение в прямоугольной яме мужчины до 40 лет к. 20/2.

2. Курганный некрополь Царский (Ильюков, 1993; Яценко, 2016б).

Совсем другого типа кладбище – маленькое и чисто элитное – раскопано в пределах видимости крепостных стен города Танаиса. Оно включало 12 среднесарматских курганов (священное число), в том числе – один «детский» курган на южной оконечности, обращенной к городу, с могилами в виде прямоугольных и квадратных ям (один из детей захоронен в подбоем) (рис. 2). Ближе к северному краю находилось подкурганное святилище. Наиболее значимыми здесь были находившиеся рядом, на южном краю, к. 38 и 41 мужчин в возрасте около 35 лет. Они отличались от прочих деталями погребальной обрядности: для первого был устроен самый высокий курган в группе, могила имела каменную ограду; у второго в тризне были не одна, как обычно, а целых 10 амфор, а форма насыпи была овальной. Древние грабители обобрали все комплексы, кроме не интересных им кургана с детьми и святилища. Постараемся извлечь полезную информацию из тех крох, которые они нам оставили.

Для всех взрослых, похороненных под индивидуальными насыпями, характерно помещение в могилу и насыпь кургана светлоглиняных амфор (в погребении к. 34 найдена и одна красно-

¹ К сожалению, качество иллюстраций в основной публикации низкое, и понять, что именно там изображено, можно не всегда.

² «Большие»: к. 20/2, к. 20/5, к. 26/1, к. 59/3, к. 64/3, к. 111/1, к. 114/1; «тонкие» – к. 84/2, к. 85/4, к. 106/1, к. 111/1, к. 114/1, к. 121/3; «с валиком» – к. 74/3, к. 112/1.

³ К. 9/32, к. 12/2, к. 12/4, к. 28/1, к. 75/1, к. 81/1, к. 93/1, к. 99/1.

⁴ К. 12/4, к. 20/2, к. 28/1, к. 42/1, к. 43/1.

глиняная); детей это не касалось¹. Отсутствие их у мужчины в к. 61 явно вызвано лишь более основательной работой грабителей. Только у женщин встречено по две амфоры в кургане (к. 34, 46, 67), у мужчин же (кроме самого влиятельного из них) – всегда по одной. Бронзовая и серебряная посуда была в достоверно определенных комплексах (кроме к. 34) мужской принадлежностью (к. 38, 48, 64). Алебастровые сосудики происходят из соседних могил мужчины и женщины (к. 41, 46). Остальные находки, сохранившиеся от грабителей, единичны: вышивка золотыми нитями и краснолаковая посуда найдены у мужчин (рис. 2).

3. Курганный некрополь **Высочино – Новоалександровка I**. Это крупный и важный могильник. К сожалению, для его центральной части почти нет полновозрастных определений (Беспалый, Лукьяшко, 2008). Для его западной оконечности (Новоалександровка I) имеется другая проблема: в новой публикации С.И. Лукьяшко нет общего плана этого могильника (как и групп в Красногоровке), а положение отдельных курганов часто характеризуется как «находится в центре» и т.п. (Беспалый, Лукьяшко, 2018). Поэтому приходится использовать лишь план западных групп Высочино, занимающих здесь центральное место (рис. 3) (его восточный край образует обширная группа VII), допол-

няя их ограниченной, без планиграфии, информацией по Новоалександровке (далее – сокращение «НА»)². Еще одна трудность: все социально значимые среднесарматские могилы здесь (в отличие от позднесарматских) основательно разграблены. Для некрополя характерна пестрота типов среднесарматских конструкций: преобладающие квадратные и прямоугольные ямы, в также подбои, могилы с дромосом и, наконец, т.н. «курганы-кенотафы» со следами жертвоприношений. Последние, на мой взгляд – это скорее поминальные мини-святилища, не обязательно связанные с одним конкретным умершим, которые в двух местах образуют группы (к. 9, 17, 20, 23 в Высочино V; к. 46, 49, 54 в Новоалександровке I); самое крупное из них – к. 20 в Высочино V диаметром 70 м. При этом на центральном участке (рис. 3) основным типом для социально значимых лиц были квадратные ямы. Важная особенность этого могильника – наличие здесь курганов не только аристократических, но и «царского» ранга. Среди них – вошедший в анналы мировой археологии как к. 28 Высочино VII (по классификации С.И. Лукьяшко – к. 4 Высочино II: см. Беспалый, Лукьяшко, 2008. С. 28. Карта 20)³, а также, вероятно – самый большой в междуречье Дона и Кагальника к. 53 НА (диаметр – около 70 м, внутри сарматского ровика – 36 м

¹ У них своеобразной заменой амфор были красноглиняные кувшины.

² С.И. Лукьяшко склонен воспринимать все курганы водораздела Дона и Кагальника как единый сплошной некрополь. Это вряд ли так с общепринятой точки зрения: ведь группы Высочино III, IV, VI, группы у Красногоровки отнюдь не образуют (в отличие от Высочино VII) единую линию курганов по отношении к центральной части (группы I II и V на рис. 3), а идут параллельно или под углом к ним.

³ В условно выделенных группах в Высочино у разных исследователей часто была собственная нумерация курганов и представления о границах таких групп. Это подчас создавало немалую путаницу.

на месте прежней скифской ритуальной площадки; после двух основательных ограблений и интенсивной распашки он сохранил высоту 3 м), с необычной здесь обильной тризной в кургане с 28 светлоглиняными амфорами, уникальной могилой с дромосом для пары покойных. Ограбление всех значимых умерших, в основном – еще современниками (кроме наиболее скромного из них в к. 9 Высочино II, с примитивным золотым кулоном со вставкой из халцедона) оставляет нам немного шансов.

Среди жертвенной посуды в «котлованах-кенотафах» число амфор обычно колеблется с пределах 12-17 экземпляров разных типов. В самих могилах их было от одной (Высочино V, к. 31/1; НА, к. 19/1; к. 28/1; к. 31) до нескольких (Высочино V, к. 1/1; НА, к. 28/2), обычно – в квадратных ямах; для особо значимых персон мы видим их в тризне в насыпи (к. 53 НА). Из выявляемых форм краснолаковой посуды неоднократно встречены фрагменты мисок (Высочино V, к. 14/1; НА, к. 53); впрочем, в первом случае это лишь поделка из ее днища; известен кувшин (Высочино V, к. 15/2); в остальных (НА, к. 11, 50 и 53) фрагменты неопределимы. Стеклянные сосуды разнообразны – стакан (Высочино V, к. 1/1), чаша НА, к. 19/1) и бальзамарий (НА, к. 50/1). Традиционно присутствуют алебастровые сосудики (Высочино V, к. 13/1; НА, к. 53). Серебряная посуда представлена сервизом из к. 11 НА. Из бронзовой римской посуды преобладают фрагменты патер (Высочино I, к. 8/2; II, к. 1/1; , к. 52); чаша в женской могиле 26 Высочино V была без поддо-

на и перед помещением в могилу смята; какой-то сосуд был и в к. 53 НА. Здесь найдены в трех комплексах (Высочино I, к. 8/2; НА, к. 45/2; к. 53) образцы римской вышивки золотыми нитями (впрочем, подобных драгоценных вышивок здесь столько же, сколько в «рядовом» некрополе Новый). Золотые серьга (Высочино II, к. 1/1) и кулон (НА, к. 50/1) римской работы – малая часть несохранившихся богатств, унесенных грабителями.

4. Курганный некрополь **Перегруженое I.**

Это периферийный и бедный некрополь у речек Россось и Есауловский Аксай – левобережных притоков Дона. В нем представлены все три сарматских культуры. Среднесарматская его часть включает 32 умерших в 22 курганах и 27 могилах (20 из них – основные), большинство из определимых – мужчины (Балабанова и др., 2014; Яценко, 2016а. С. 312-313) (рис. 4). Из семи могил социально значимых умерших в шести курганах обычны прямоугольные ямы (в подобие похоронена одна женщина около 20 лет в к. 26/1). Здесь не было повальных ограблений, а грабители работали не слишком тщательно. По уровню богатства заметно выделяются соседние к. 45/3, а также п. 1, 2 к. 51 вероятных супругов, с серебряными сосудами, с декорированной золотыми бляшками одеждой (первые два комплекса), где женщины около 30 лет имели особые железные скипетры, а одежда главного мужчины в общине частично расшита золотыми нитями. Эти курганы находились на том же участке в восточной части некропо-

ля, где еще в раннесарматское время хоронили социально значимых лиц.

Основным, массовым предметом импорта в Перегрузном I, как и в других разбираемых некрополях, были бусы, гончарная сероглиняная и красноглиняная посуда. Кроме этого, наиболее популярны зеркала (не подвески). Целые их экземпляры встречены только в могилах женщин 20-40 лет (к. 10/3; к. 26/1; к. 45/3); половина же или более мелкий фрагмент зеркал найдены у мужчин, в том числе – подростка (к. 3/2; к. 42/1), и отражают, видимо, какую-то связь с женщиной, а также у одной из дам с железным скипетром (к. 51/2). Сосудики здесь не альбастроевые, а мраморные (пара у одной из «скипетроносиц» в к. 45/3). Краснолаковая посуда местному сообществу, похоже, не поступала или, во всяком случае, в могилы не помещалась.

В целом в курганных некрополях сарматов те или иные категории импорта обычно не связаны с конкретными типами могил (характерными, видимо, для кланово-семейных групп).

5. Грунтовый некрополь **Кобяково**.

Ниже мы рассмотрим два опубликованных больших участка, наиболее представительных в плане престижных импортов. Это раскоп В.А. Ларенок 1999-2000 гг. с 419 погребениями и самый обильный подобными находками среди ранних полевых компаний раскоп С.И. Капошиной 1962 г.

5.1. *Раскоп 1999-2000 гг.* (Ларенок, 2013. Табл. 3) (рис. 5). Это хорошо документированный и наиболее полно изученный участок меото-сарматского

грунтового некрополя не только для Кобяково, но и для всего Нижнего Дона. Это ранний участок, датируемый в целом среднесарматским временем и расположенный на мысу, обращенном к Дону. Достоверно поздние могилы середины II – середины III вв. здесь единичны (п. 70). 12% умерших (среди них более всего – взрослых мужчин) имели деформированные черепа; детей в данной группе меньше всего. Это означает, что «деформанты» пополняли местную популяцию обычно за счет взрослых мужчин извне (из кочевой Степи). Изучаемый участок уникален и самой большой среди некрополей оседлых обитателей степной зоны римского времени серией женщин-воительниц (8) с оружием сарматских типов¹. Кроме того, здесь наблюдается самая высокая на Нижнем Дону концентрация женских зеркал-подвесок с сарматскими тамгами (8 экз.). Среди них – знак № 16, близкий гравированному на серебряном кубке из синхронного кургана в Бердии и связанный, таким образом, с нижнедонской сарматской знатью (Яценко, 2018. С. 233. Рис. 9). Характерно, что эти (и иные) сарматские элементы вполне наглядны уже на ранней стадии формирования некрополя.

На данном участке выделяется серия могил влиятельных лиц. На мой взгляд, для комплексов среднесарматского времени в числе их индикаторов можно назвать у мужчин набор двух видов клинового оружия (п. 344), копье (п. 28 и 53 1999 г., 203), конскую упряжь (п. 76, 252, 310), «чучело» коня (п. 126). У женщин это золотые украшения – височные

¹ В раскопках 2000 г.: п. 35, 65, 68, 124, 157, 187, 347, 356.

кольца (п. 70) или обшивка бляшками (п. 232) (обе эти женщины имели деформированные черепа), у девочек – множество «дополнительных» браслетов (п. 108). В таких могилах иногда встречаются анализируемые виды престижных импортов, а иногда – нет (рис. 5). Хозяева последних могли сознательно предпочитать туземные вещи импорту (условно – «консерваторы»).

Еще пара важных замечаний. Во-первых, интересующие нас погребения со статусным импортом (28 могил, из которых примерно поровну определимых мужских – 8, женских – 8, а также детских – 7) локализуются (за исключением п. 310) в *восточной*, наиболее плотной, вероятно – более старой и престижной части данного участка. Среди них резко преобладают обычные здесь прямоугольные ямы; подбои и оба типа катакомб единичны. Во-вторых, удивляют возрастные параметры умерших. Во всех случаях, когда возраст определен, это мужчины и женщины начиная от *возраста под 30 лет и до 50 лет*, то есть по тогдашним меркам – весьма пожилые¹. У более молодых взрослых умерших ничего похожего неходим. Дети же, в случае определения возраста, имеют *два интервала срока смерти: 2-3 года (п. 211, 226) и около 7 лет (п. 95, 111, 351)*. Иными словами, младенцев и подростков в данной серии нет. Чем объяснить это? Вспомним, что достижение детьми возраста, связанного со священными числами (3, 7, 12), у многих нар-

дов было связано с обрядами и праздниками, и их статус в этот период был более высоким (рубежным), чем обычно. Все подобные детские могилы отличались богатым инвентарем, а одна была даже ограблена (п. 95). Такие дети в ряде случаев явно были девочками (височное кольцо – п. 111, 226; румяна – п. 351 и т.п.).

Из краснолаковой керамики самым массовым видом были кувшины (13 экз.), которые чаще всего встречались здесь у мужчин². Напротив, блюда (кроме п. 289) чаще остальных встречаются у детей (п. 108, 111, 210). То же можно сказать о мисках, кроме п. 53 1999 г. (п. 37 и 53 1999 г.). Амфоры, напротив, сопровождают только женщин (п. 40, 182, 347), не считая единственного, захороненного на греческий манер в амфоре младенца (п. 229). Шкатулки с металлическими деталями (п. 19 1999 г., 269, 310) в двух случаях из трех связаны с мужчинами. Стеклянная посуда парадоксально являлась на этом, самом представительном участке некрополя большим дефицитом (найден лишь бальзамарий в п. 96).

5.2. *Раскоп 1961 г.* (Косяненко, 2008. С. 439-490. Рис. 97) (рис. 6).

Этот тоже ранний участок Кобяковского грунтового некрополя, но расположенный в противоположную от городища (а также остальных меотских городищ и Танаиса) сторону (не к ЮЗ, а к СВ). Не считая трех могил позднесарматского времени на южном краю рас-

¹ Для мужчин это в сезон 2000 г. п. 27, 58, 203, 244 и 279; для женщин – п. 40, 55, 96, 154, 210, 269, 347 и 354.

² Мужские комплексы: п. 29 (1999 г.), 53 (1999 г.), 27, 58, 209, 244, 279; женские – п. 55, 154, 210, 244, 354; детские – п. 95, 311.

копа (женская катакомба 40, подбои 41 и 42), в этом небольшом раскопе выявлены 38 могил интересующего нас времени. Во многих случаях конструкция могил не выяснена, но когда это происходило, всё это – только ямные конструкции. При этом в прямоугольных здесь достоверно известны женщины (п. 11, 12, 37), а в овальных – мужчины (п. 29, 38).

Семь умерших имели деформированные черепа (среди них – три ребенка и юная девушка, трое мужчин). Показательно, что женщин среди них не было, а, кроме мужчин, были недавно живущие дети. Иными словами, здесь юные «деформанты» были детьми мужчин, связанных с этой степной традицией. Имеются одна девушка-воительница (п. 12), женщина с конской упряжью (п. 15) и мужчина с отрубленной (?) правой рукой (п. 17). На двух женских зеркалах-подвесках представлены сарматские тамги (п. 6, 10). Первая из тамг (№ 20) имеет «зеркальный» аналог в знаменитом сарматском княжеском погребении еще предыдущего столетия в Ногайчине, в степном Крыму (Яценко, 2018. С. 233, рис. 9). У северного края участка есть мими-святилище (пустая яма, обложенная досками, и рядом – ямка с приношением быка – «п. 3 + 13»). Что касается размещения умерших по полу и возрасту, то в северной половине раскопа имеется скопление бедных мужских могил (с 3 на В: п. 32, 27, 28, 25, 5, 22, 24). Не исключены случаи размещения могилы ребенка между могилами его родителей (п. 1 между п. 32 и 33; п. 35 между п. 34 и 37). В пределах раскопа имелась одна зона

концентрации престижного импорта – в южной его части (мужские п. 29, 34, 42 и детское п. 39).

Амфора обнаружена лишь однажды в ногах взрослого умершего (п. 19). Краснолаковая посуда встречена только у мужчин (п. 29, 42) и детей (п. 9) в уже названной зоне концентрации на южном краю. Это разномастные изделия (соответственно, кувшин, кружка и чашка). Зеркала (не подвески) найдены здесь только у мужчин (п. 8, 21, 38). Бронзовые перстни представлены иногда у лиц в солидном возрасте (муж. – п. 34, жен. – п. 14) и, кажется, были значимыми социальными маркерами. Единственная броши с эмалью встречена у ребенка 4-5 лет (п. 39).

6. Грунтовый некрополь **Крепостное** (Горбенко, Косяненко, 2011) (рис. 7).

Этот могильник конца I в. до н.э. – конца II в. н.э. расположен к югу и востоку от Крепостного городища, под городской застройкой современного Азова, что объясняет случайный характер археологических исследований при строительстве и прокладке коммуникаций, а также сильное разрушение многих могил. Однако этот печальный факт смягчается многолетним энтузиазмом местных археологов, нанесших на карту с 1961 г. множество участков некрополя и давших его максимально возможно полную на сегодня картину. Антропологические определения тут часто делались для могил, исследованных с 1985 г. На рис. 7 отмечены зоны исследований с предметами престижного импорта. Сокращения (типа КЛ-85, где первое означает улицу, а второе – год работ)

основаны на предложениях основных исследователей некрополя. В тех случаях, когда прослежены формы могил, это, прежде всего, прямоугольные или овальные ямы, подбои и катакомбы. Не относящиеся к среднесарматскому периоду находки из единичных могил конца I в. до н.э. или самого рубежа эр, а также самые поздние комплексы 3-ей четверти II в. н.э. немногочисленны (Горбенко, Косяненко, 2011. С. 150-151).

Амфоры встречены в женских и детских могилах разных типов. Такие похоронения не известны на западном краю, у самого городища (на наиболее ранних участках?). Обычно фрагменты 1-2 амфор найдены в заполнении могил и, как правило – в неграбленых¹. Видимо, здесь была традиция помещать в могилу части битых амфор (кроме их низа). Младенцев изредка хоронили в амфоре (Д-03, п. 6) или прикрывали двумя ее крупными черепками (Д-03, п. 21). В еще одном случае в ногах младенцу поместили половину строительной черепицы (КЛ-03, п. 19). Все три таких могилы обнаружены по соседству (при раскопках на ул. Дзержинского, дом 30 и на ул. К. Либкнехта, дом 12, в 2003 г., на расстоянии не более 200 м друг от друга, на севере центральной части некрополя и, вероятно, отражают традицию небольшой группы семей).

Самой распространенной категорией краснолаковой керамики в Крепостном были кувшины. Их много и в могилах, и в случайных сборах с разрушенных комплексов. В парной могиле Г-05, п. 3

у обоих супругов (?) было по кувшину на каждого. Ненамного менее популярными были различные чашки. В ограбленной прямоугольной яме К-03, п. 16 были две разнотипных чашки. Они встречены в женских и детских могилах, в ямах (прямоугольных и овальных), три из которых потревожены древними грабителями². Единичны кружка (Л-81, п. 3) и тарелка (Д-87, п. 1) – обе, видимо, из женских комплексов. Изредка (на соседних участках в восточной части в 1988 г.: О-88, п. 3 и 5Олет О-88, п. 1) выявлены *пары* краснолаковых сосудов (кувшин с миской или кружкой).

Немногочисленные для этого некрополя скромные элитные могилы встречались изредка в пределах юга его центральной части (в прямоугольнике С-Ю – ул. Дзержинского – Ленинградская – около 500 м, З-В – ул. Маркса – пер. Красноармейский – около 600 м). Здесь обнаружены бронзовый сосудик, переделанный из римского ковша (Д-87, п. 1), кулон и брошь с эмалью римской работы (женский кенотаф (?), Л-04, п. 4), перстни из бронзы и железа (СХ-82, п. 5; М-06, п. 158).

Подведем некоторые итоги. Полнота получаемой информации в данном аспекте зависит, прежде всего, от доли ограблений в конкретном некрополе, от количества могил в нем (что обеспечивает наиболее целостную и разноплановую панораму местного общества), и, разумеется, от активного привлечения специалистов по физической антропологии. Соответственно, наиболее

¹ Л-81, п. 3, 15; КЛ-85, п. 1, 7; К-99, п. 1; Г-05, п. 3 (ограблено) и 4.

² Взрослые: КЛ-85, п. 18; К-03, п. 16; ОМ-06, п. 158; КЛ-07, п. 1; детские: Д-03, п. 18; КЛ-03, п. 19.

полную картину жизни и смерти в местных общинах мы имеем для сарматских курганных могильников в Новом, а для грунтовых – в раскопах В.А. Ларенок в Кобяково. Для них мы получаем разнообразную информацию о ряде локальных половозрастных, фамильных и общинных особенностей в контексте бытования импортов. То есть речь идет не о неких характерных чертах поздне-

сарматской культуры или культуры донских меотов в целом, а именно о многочисленных локальных особенностях (из которых, собственно, каждая «большая» культура во многом и состоит). Вместе с тем, не стоит пренебрегать и материалами сильно разоренных грабителями некрополей вроде Царского или Высочино-Новоалександровка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балобанова М.А., Перерва Е.В., Клепиков Е.М., Кривошеев М.В., Демкин Е.А., Ельцов М.В., Скрипкин А.С., Удальцов С.Н., Яворская Л.В., Дьяченко А.Н. Курганный могильник Пере-грузное I: результаты междисциплинарных исследований. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2014. 360 с.
2. Батиева Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
3. Беспалый Е.И, Лукьяненко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2008. 224 с.
4. Беспалый Е.И, Лукьяненко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 2. Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2018. 224 с.
5. Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Азов: Азовский музей-заповедник, 2011. 512 с.
6. Ильюков Л.С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник Царский) // Вестник Танаиса. Вып. 1. 1993. Ростов-на-Дону. С. 198-213.
7. Ильюков Л.С, Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 1992. 288 с.
8. Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.). Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 544 с.
9. Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 448 с.
10. Яценко С.А. К изучению планиграфии крупных сарматских некрополей // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016а. С. 311-319.
11. Яценко С.А. Сарматская элита у границ Боспора I-III вв. н.э. // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного круглого стола. СПб.: Палаццо, 2016б. С. 276-282.
12. Яценко С.А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // Stratum plus. 2018. № 6. С. 217-242

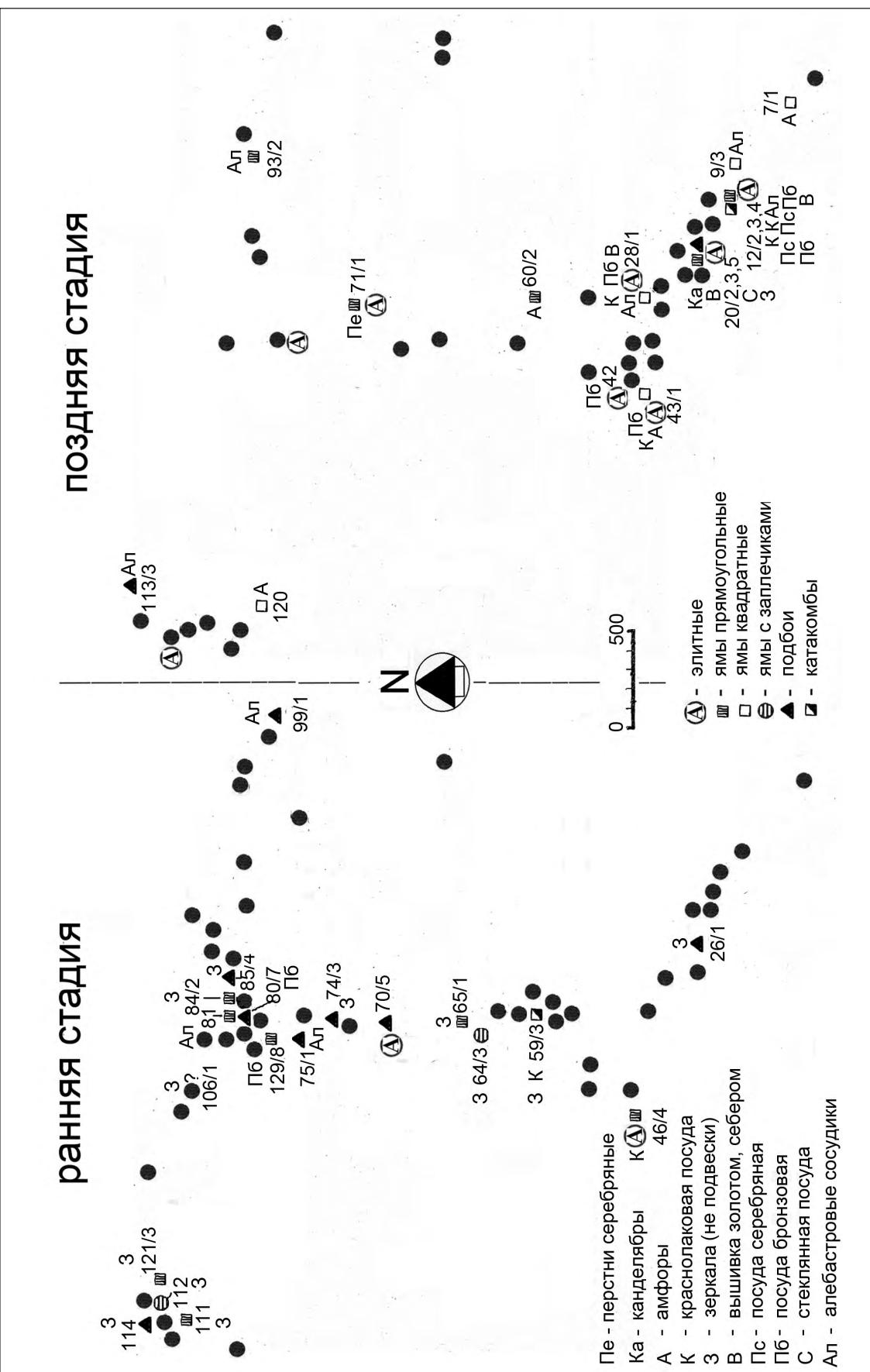

Рис. 1. Престижные импорты в сарматском могильнике Новый.

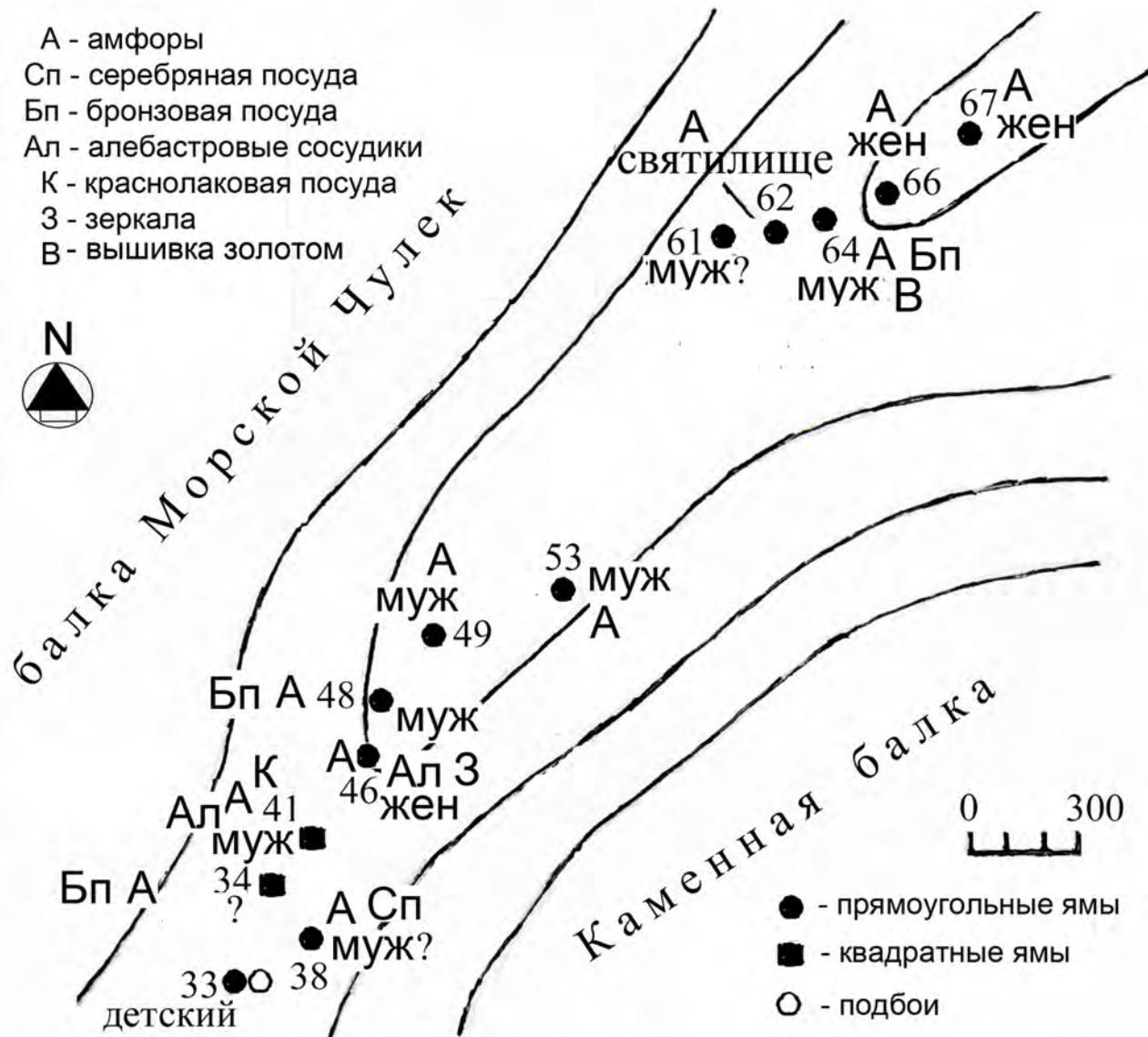

Рис. 2. Сохранившиеся престижные импорты в сарматском некрополе Царский.

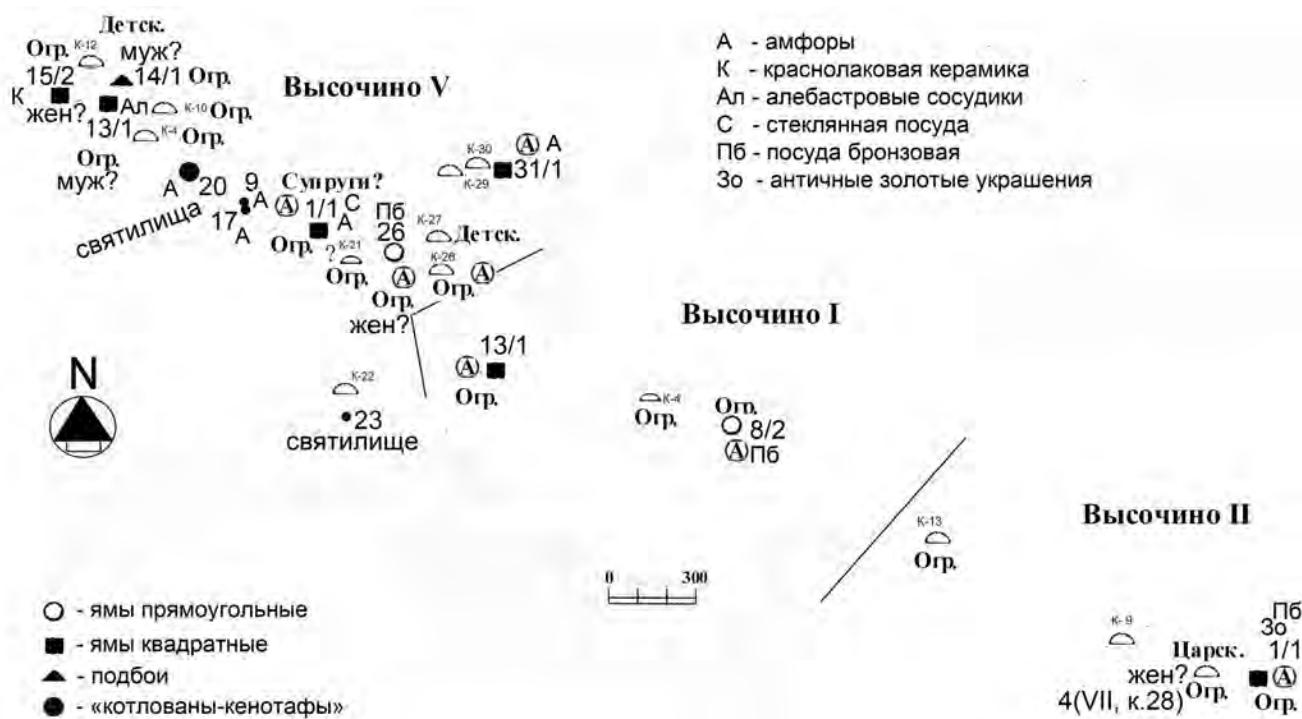

Рис. 3. Сарматский могильник Высочино.

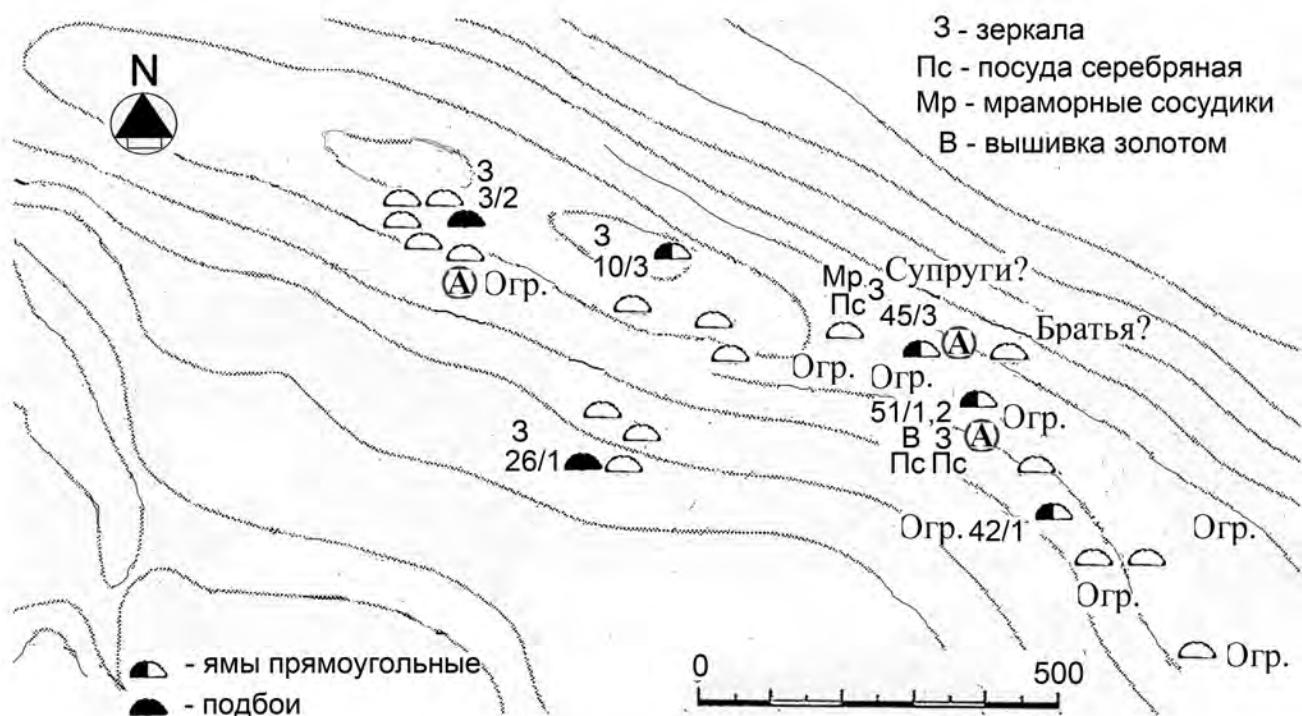
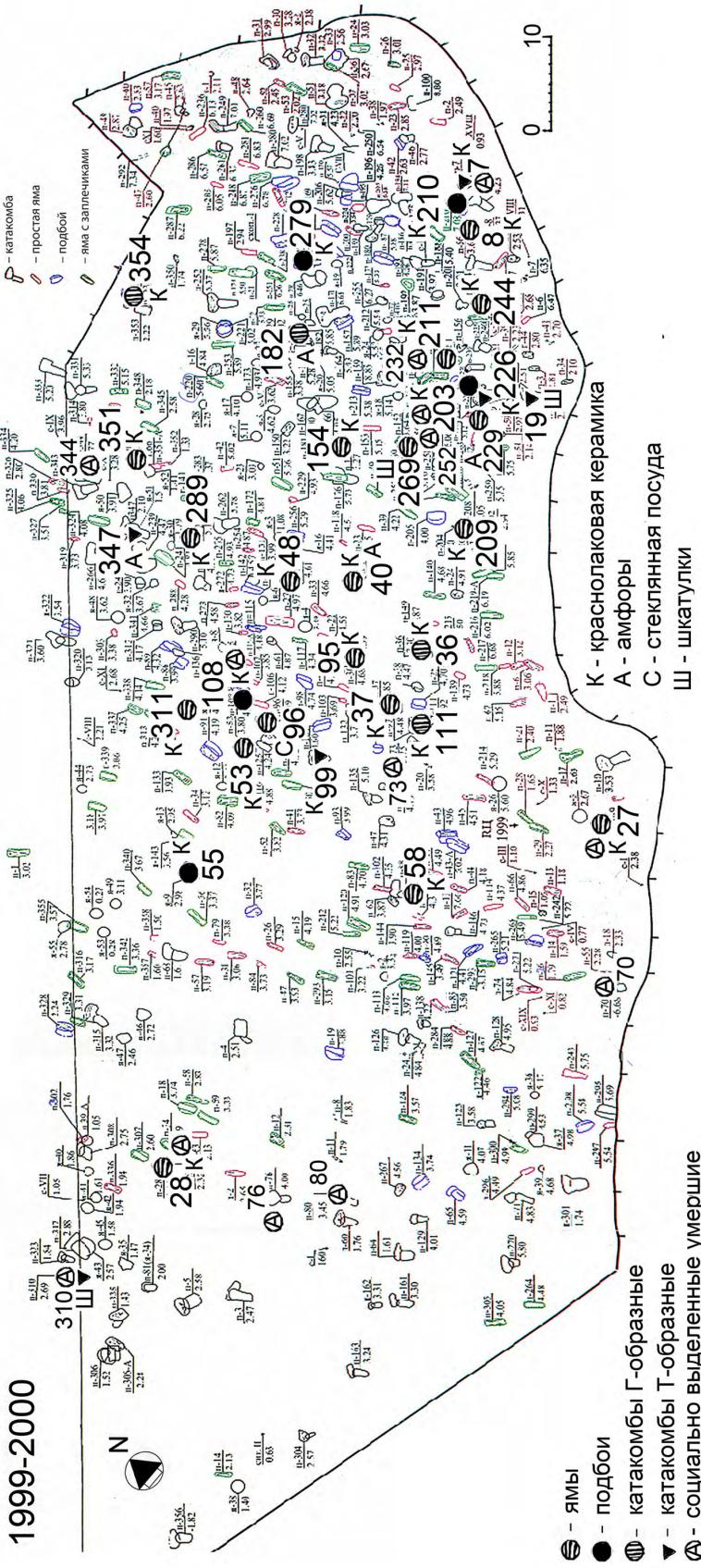

Рис. 4. Сарматский некрополь Перегрузное I.

Ис. 5. Мето-сарматский могильник Кобяково (раскоп 1999-2000 гг.).

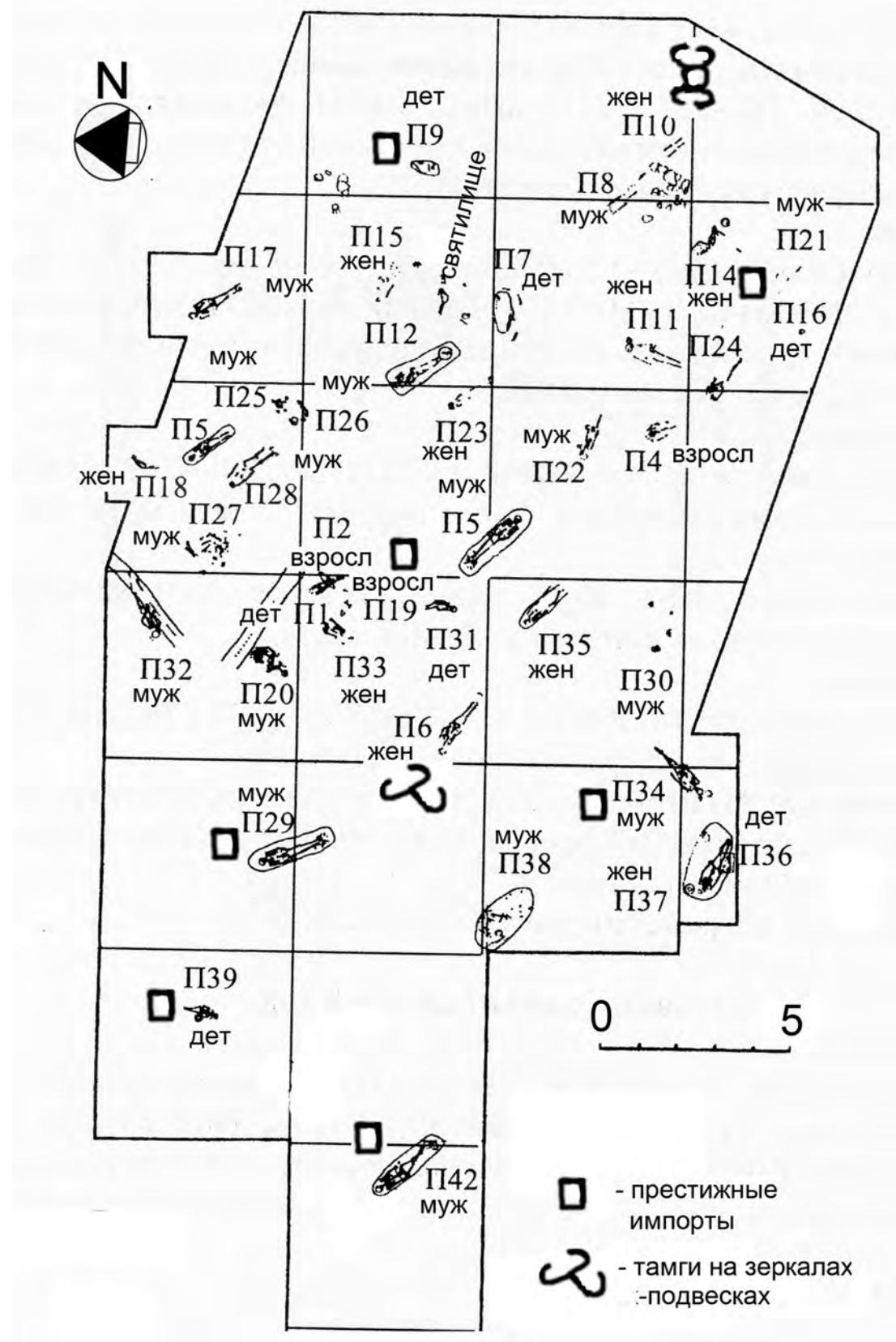

Рис. 6. Меото-сарматский некрополь Кобяково (раскоп 1961 г.)

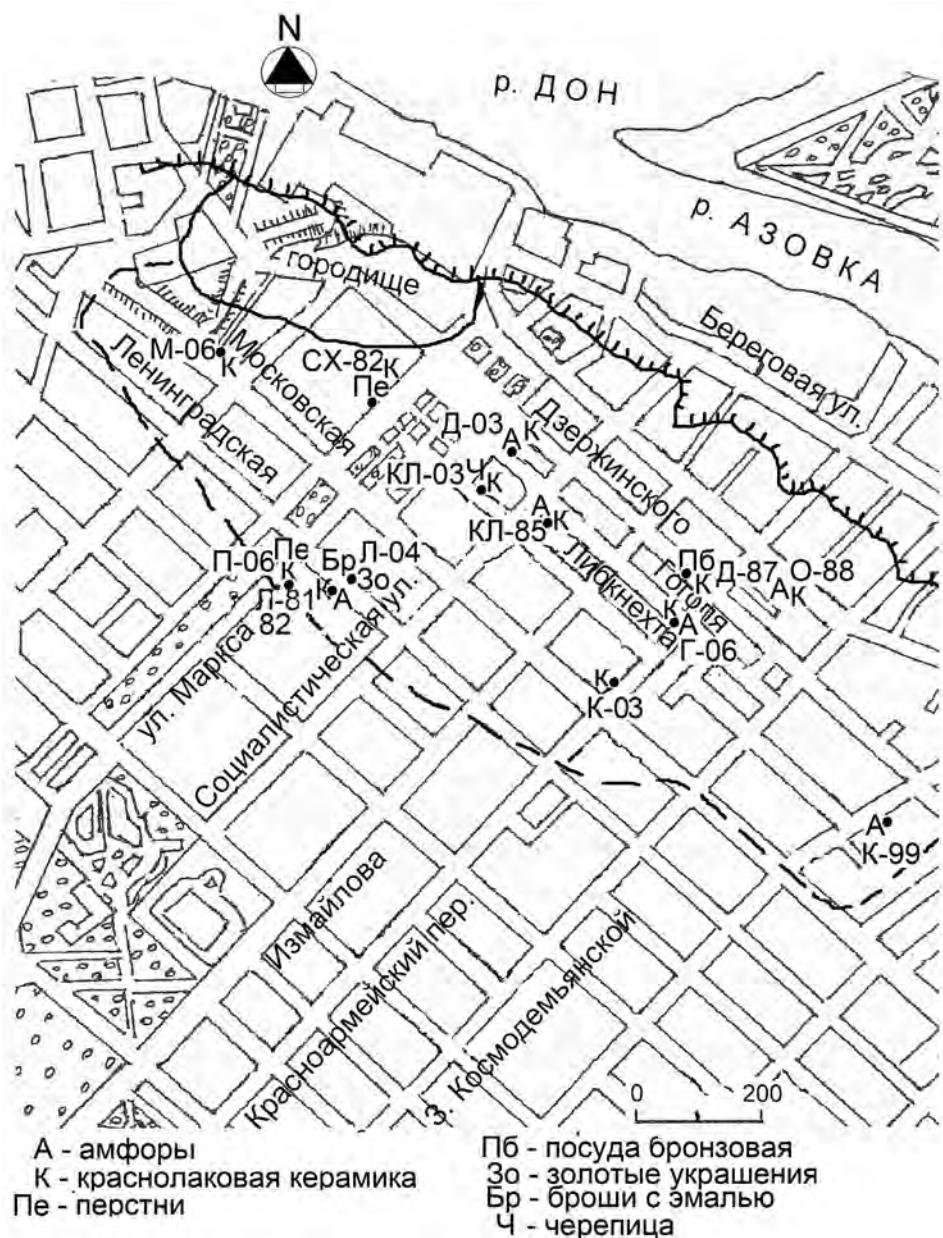

Рис. 7. Меото-сарматский могильник Крепостного городища (основные участки раскопок).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник государственного Эрмитажа, *Ленинград, Санкт-Петербург*
- АДСВ – Античная древность и средние века, Екатеринбург.
- БЧ – Боспорские чтения.
- ВАНА – Вестник Академии наук Абхазии
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ВП – Великий Питиунт
- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Наука, 1965.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- ЛИ – личное имя
- МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма, Севастополь – Тюмень – Нижневартовск.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики, Симферополь.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- НС – Нумизматический сборник.
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика.
- ПИФК – Проблемы истории филологии и культуры
- РА – Российская археология. М.
- СА – Советская археология.
- ТАИЯЛИ – Труды Абхазского института языка, литературы, истории
- ТН – теоним
- ХСб. – Херсонесский сборник, Севастополь.
- ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
- Archäologie zwischen Römern und Barbaren 2016 – Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009 / H.-U. Voß/N. Müller-Schneebel (Hrsg.). Bd. 1. Bonn: Habelt, 2016.
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique.

IK – Estremo Oriente Canalo De Rossi F. (Ed.). *Iscrizioni dello Estremo Oriente*

BCH – Bulletin de correspondance hellénique

DHA – Dialogues d'histoire ancienne.

ed. – Editor

eds. – Editors

Greco. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2004. XVI+410 Pp.

LGPN – A Lexicon of Greek Personal Names / P.M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxford.

LSJ – *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S* (ed.). A Greek-English Lexicon. 13th Edition. Oxford: Clarendon Press, 1978.

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.

Содержание

ФОРТИФИКАЦИЯ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА	
<i>А.А. Малышев</i>	3
ФОРТИФИКАЦИЯ ЗАПАДНОГО РАЙОНА ТАНАИСА	
<i>Матера М.</i>	12
«МИТРИДАТИКА» В ТРУДАХ Д.Б. ШЕЛОВА	
<i>Е.А. Молев</i>	31
АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗВЯНИЯ ТАНАИСА ИЗ РАСКОПОК Д.Б.ШЕЛОВА	
<i>Н.В. Молева</i>	42
КОМПЛЕКС АМФОР 1948–1949 ГГ. НА ХОЛМЕ «Г» В ФАНАГОРИИ: ПОЛНЫЙ КОНТЕКСТ	
<i>С.Ю. Монахов</i>	49
«ВАРВАРСКИЕ КУЛЬТУРЫ» СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ И МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ ИХ ИЗУЧЕНИИ	
<i>В.И. Мордвинцева</i>	60
К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТАНАИСА И СОСЕДНИХ ПОСЕЛЕНИЙ	
<i>Мягкова Ю.Я.....</i>	73
ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ТАНАИС И ЕГО АМФОРЫ	
<i>Науменко С.А.</i>	86
АНТИЧНАЯ КЕРАМИКА VI В. ДО Н.Э. НА ПОСЕЛЕНИИ «МАРЬЯНСКОЕ-І» (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ 2016 ГОДА)	
<i>Подорожный А.А.....</i>	102
ПЕРЕВОРОТ ГУЙШУАН-СИХОУ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛАНОВ	
<i>Т.А. Прохорова</i>	109
ПОЛИСНОЕ КЛЕЙМЕНИЕ ЧЕРЕПИЦЫ НА БОСПОРЕ	
<i>С.Ю. Сапрыкин.....</i>	117
ПАМЯТНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПОГРАНИЧЬЯ СРЕДНЕДОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ	
<i>Т.В. Сарапулкина</i>	133

БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ ИЗ ТРИЗНЫ КОБЯКОВСКОГО КУРГАНА №

10/1987.

М.Ю. Трейстер 146

Приложение

НАДПИСЬ НА РУЧКЕ БРОНЗОВОГО АСКА ИЗ КУРГАНА №

10 КОБЯКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

А.В. Белоусов 151

ПОСЕЛЕНИЕ «НЕБЕРДЖАЙ-І» И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЗАПАДНОГО ЗАКУБАНЬЯ

Трубников В.В., Иванов А.В. 160

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА (ПО

МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА)

С.В. Ушаков 170

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА НА АНТИЧНЫХ ПЕРСТНЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Черненко В.Г. 182

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ И ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТИЧНОЙ КУХОННОЙ КЕРАМИКИ МИРМЕКИЯ

Е.В. Четверкина 188

НЕ ФАН, НО ФАНЕТ

Ф.В. Шелов-Коведяев 203

ЗОЛИСТЫЕ СВЯТИЛИЩА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ПОЧИТАНИЯ ПРЕДКОВ

С.В. Ярицев, Е.В. Шушунова 208

АНТИЧНЫЕ ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ И МЕОТСКИХ НЕКРОПОЛЯХ I-II ВВ. Н.Э. В НИЗОВЬЯХ ДОНА

С.А. Яценко 217

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 233

Научное издание

ВЕСТИК ТАНАИСА

Сдано в набор 01.10.2019.
Подписано в печать 23.12.2019.
Тираж 500 экз. Заказ № 1454.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел.: 8(863) 219-84-25
www.altair-rostov.ru